

12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

12

Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-01-16087д)

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. А. Горский (отв. редактор)

д. и. н. И. Г. Коновалова (зам. отв. редактора)

член-корр. РАН С. М. Каштанов

д. и. н. В. А. Кучкин

д. и. н. А. В. Назаренко

к. и. н. С. В. Полехов (отв. секретарь)

д. и. н. Л. В. Столярова

д. и. н. А. С. Усачёв

член-корр. РАН Б. Н. Флоря

Средневековая Русь. Вып. 12 / Ответственный редактор А. А. Горский. — М.: «Индрик», 2016. — 360 с., ил.

ISBN 978-5-91674-393-7

[©] Текст, Коллектив авторов, 2016

[©] Оформление, Издательство «Индрик», 2016

Предисловие

В очередной, 12-й выпуск сборника «Средневековая Русь» вошли статьи, посвященные различным проблемам общественного строя и внешней политики Руси. Б. Н. Флоря производит сравнение социального строя Древней Руси и Норвегии. Ю. А. Михайлова (США) сопоставляет современные тенденции изучения общественного строя Руси и Западной Европы в эпоху Средневековья. А. А. Горский предлагает новое толкование оборота «смерд и холоп» в Краткой редакции Русской правды. Польский исследователь А. Юсупович анализирует известия «Повести временных лет» о судьбе Червенских градов с привлечением широкого круга источников по истории Польши, в том числе результатов недавних раскопок этих объектов. Д. Домбровский (Польша) рассматривает отражение одного из западноевропейских сюжетов в Галицко-Волынской летописи. Р. А. Беспалов изучает московско-литовскую войну 1406-1408 гг. и предшествовавшие ей взаимоотношения двух государств, С. В. Полехов - особенности утверждения двух последних завещаний Василия I, А. В. Баранов - русско-ливонские взаимоотношения в начале 70-х годов XV века. В приложении к статье А. В. Баранова впервые публикуется договор Пскова с Тевтонским орденом в Ливонии 1481 г. Кроме того, в сборнике помещена публикация древнерусского перевода первой книги «Географии» Помпония Мелы по пяти спискам, подготовленная Т. А. Матасовой, и рецензия А. Б. Мазурова на книгу Т. Д. Пановой об исторической и социальной топографии Московского Кремля.

Б. Н. Флоря

Норвегия и Древняя Русь в эпоху Раннего Средневековья

Как представляется, важным достижением современной науки является констатация значительной близости общественного строя Древней Руси и общественного строя ее западных соседей (Польши, Чехии, Венгрии) в эпоху Раннего Средневековья и выработка ясного представления о наиболее характерных особенностях такого типа организации общества.

Для этого «бессинтезного» пути формирования классового общества и государства можно считать характерным, что на раннем этапе развития выделившаяся из общества социальная элита представляла собой сообщество воинов, которое жило за счет доходов, поступавших в пользу государства, физическим воплощением которого (его административным аппаратом и главной военной силой) эта элита была. Хотя со временем у этих воинов (прежде всего у их верхушки) появилось свое имущество, доходы, поступавшие в пользу государства, еще в течение достаточно долгого времени оставались главным источником их материального содержания¹. Этим путь развития в Восточной части Европы отличался от развития «варварских» королевств в ее западной части, где с самого начала знать пришедших на земли Римской империи «варварских» народов присвоила себе значительную часть владений римской знати.

Вместе с тем наряду с восточной и западной частью Европы существовал и обширный регион Северной Европы, охватывавший страны Скандинавии. Здесь формирование классового общества и государства также происходило вне взаимодействия с позднеантичным миром. Уже это обстоятельство дает основание предполагать, что в этом регионе должна была сформироваться модель организации общества, принципиально сходная с моделью организации древнерусского общества в эпоху Раннего Средневековья. Одновременно выявление главных особенностей скандинавского типа организации общества и сопоставление их с главными чертами социальной организации общества древнерусского позволит

См. обобщающую характеристику такой социальной элиты и ее отношений с населением: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 82–87.

дать ответ на вопрос, в чем состоит специфика того пути «бессинтезного» развития, который был характерным для Древней Руси и стран Центральной Европы.

Для сопоставления с Древней Русью здесь выбрана Норвегия. Разные стороны отношений правителя, дружины и остального населения на территории этой страны получили отражение в богатом материале саг, записанных в раннем XIII в. на территории Исландии. Точность саг при описании исторических событий IX—X вв. вызывает, как известно, оправданные сомнения. Однако иначе обстоит дело с описанным в сагах типом отношений, который есть основания считать характерным для близкой авторам саг социальной действительности XII — начала XIII в.²

Как показано в исследовании А. Я. Гуревича, в распоряжение конунга поступали различные источники доходов с населения. Это были поступления от судебных дел, дань (первоначально, видимо, поголовная), а также пиры и угощения, устраивавшиеся для конунга и его дружины при объезде им страны. В «Судебниках» раннего XIII в. заготовка пива для этих пиров в определенных размерах была обязательной для сельских жителей, за уклонение от участия в пирах налагались штрафы. С увеличением размеров дружины конунга традиционные нормы могли пересматриваться в сторону увеличения³.

При этом право управлять отдельными территориями (включая и возможность устраивать пиры) могло передаваться дружинникам конунга⁴. Такое управление носило временный характер, хотя на практике могло продолжаться длительное время. Составитель свода «королевских саг» Снорри Стурлусон, перенося современные ему порядки в далекое прошлое, отмечал, что ярлы, назначенные Харальдом, объединителем Норвегии в конце IX в., могли «брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы»⁵. Две трети доходов,

² Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 154–156.

³ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 107-108, 123-125, 129-130.

См. рассказ о Хареке из Тьоты, который устроил пир в честь конунга Олафа Трюггвасона – «сделался его человеком» и получил от конунга вейцлу. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 145. См. и рассказ «Саги об Эгиле» о назначении дружинника Торольва наместником в пограничной области Халогаланда с правом сбора дани с угро-финского населения: Исландские саги / Ред., вступ. статья, прим. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 76.

⁵ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 44.

следовательно, поступали в распоряжение конунга. В «Судебниках» XIII в. зафиксирован ряд мер, направленных на сохранение таких владений в распоряжении королевской власти. Так, устанавливалось, что лендрман (так с начала XI в. именовались представители власти на местах) должен утратить такое владение, оставив королевскую службу. Ему запрещалось присваивать конфискованное имущество преступников⁶.

Служба в дружине конунга была престижной. Об объединителе Норвегии Харальде Харфагре в королевских сагах говорилось, что он «мог набирать себе в дружинники лучших людей из каждого фолька»⁷. О дружине Олафа Трюгвассона отмечено, что в нее были «набраны... самые сильные и самые храбрые»8. Свидетельства саг подчеркивают близость отношений конунга и его дружинников. Так. о дружине Олафа Святого говорится, что он «сам устанавливал для них законы и раздавал плату», и дружинники спали в большом доме на территории его усадьбы⁹. За убийство дружинника уплачивался штраф – 10 марок золота конунгу и 10 марок родственникам¹⁰. В саге о Харальде Суровом говорится о раздаче дружинникам «оружия и одежды». Конунг «дал им хорошие мечи, а иным щиты, одежды... либо золото»¹¹. Дружинникам выплачивалось и жалованье¹². Существенно, что для дружинника, получившего в управление определенную территорию (так наз. «вейцла»), доходы от нее были главным источником содержания. В «Саге об Эгиле» показано, как дружинник Торольв столкнулся с большими материальными трудностями, утратив пост наместника в Халогаланде¹³. Всем этим явлениям нетрудно указать древнерусские аналогии. В известиях древнерусской летописи дружина также выступает как содружество воинов, тесно связанное с князем. С дружиной князь советуется по разным вопросам, ходит на войну, она пирует вместе с князем в гриднице, где, по словам летописца, постоянно наблюдалось изобилие мясной пищи¹⁴. Такие летописные известия, как рассказ об Игоре и древлянах или рассказ об отмене вир Владимиром Святославичем, а также Преди-

⁶ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 107–108, 114, 126–145.

⁷ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 45-46.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Там же. С. 297.

¹¹ Там же. С. 414.

¹² Там же. С. 560.

¹³ Исландские саги... С. 88-89, 93.

¹⁴ ПСРЛ. Т. І. Стб. 126; Т. ІІ. Стб. 111.

словие к Начальному своду, говорят о том, что дружинники получали от князя одежду, оружие и коней¹⁵.

Очевидно также, что дань, собиравшаяся дружиной с подчиненного населения, использовалась для содержания дружины и выдачи дружиникам жалованья¹⁶.

Норвежскую «вейцлу» А. Я. Гуревич справедливо сопоставил с древнерусским «кормлением»¹⁷. Судя по летописному сообщению о столкновении между Владимиром Святославичем и его сыном Ярославом, наместником отца в Новгороде¹⁸, и в Древней Руси две трети полученных доходов следовало отсылать правителю.

Все эти соответствия говорят о принципиальном сходстве типа социальной организации общества в эпоху Раннего Средневековья в Древней Руси и в Норвегии. Вместе с тем сопоставление позволяет выявить и ряд важных отличий. Некоторые из них следует связывать с существованием на Руси института «большой дружины». Вопрос о ее существовании и характере был поднят в работах чешских и польских исследователей П. С. Стефанович привел целый ряд убедительных доводов в пользу существования «большой дружины» на Руси в X-XI вв. 20

Исследователи, сконструировавшие понятие «большой дружины», связывали ее образование с начальным этапом формирования первых государств на территории Центральной Европы. Такое большое войско активно участвовало в характерных для этого этапа завоевательных походах и одновременно принуждало население подчиненных, но еще сохранявших определенную самостоятельность территорий отдавать дань.

Роль и функции «большой дружины» должны были измениться, когда завершился процесс формирования государства с едиными порядками суда и управления. С этими переменами исследователи связывают упадок «большой дружины» и ее уход с исторической сцены. Заслуга П. С. Стефановича состоит в том, что он выразил сомнение в правильности этого тезиса, хотя, как он полагал, роль «большой дру-

¹⁵ НПЛ. С. 104, 109–110, 167; ПСРЛ. Т. І. Стб. 126–127. См. также Стефанович П. С. Бояре. Отроки. Дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 32 и сл.

¹⁶ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 32-34.

¹⁷ История Норвегии. М., 1980. С. 136.

¹⁸ ПСРЛ. Т. І. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114-115; НПЛ. С. 168.

¹⁹ См. общую характеристику такой «большой дружины» по данным источников, относящихся прежде всего к Польше и Венгрии: Стефанович П. С. Бояре... С. 268–279.

²⁰ Там же. С. 304-330.

жины» в жизни древнерусского общества в XI–XII вв. заметно уменьшилась²¹. Автор справедливо указал на сведения источников о существовании в Польше и Чехии, как опорных пунктов власти на тех или иных территориях, крепостей с размещенными в них гарнизонами²², в которых, очевидно, и стали проживать воины «большой дружины», на поддержку которых могли опираться присланные из центра представители власти. В этой связи исследователь указывает и на существование в венгерском обществе еще на рубеже XII–XIII вв. такого слоя, как «iobagiones castri», в которых есть основание видеть таких воинов на венгерской почве.

Соображения П. С. Стефановича можно подкрепить дополнительными доводами. Есть основания полагать, что обеспечение потребностей этих воинов – наследников «большой дружины» было одной из главных функций так называемой «служебной организации», существовавшей в эпоху Раннего Средневековья и в странах Центральной Европы, и в Древней Руси²³. Картографирование поселений «служебного» населения на территории Чехии Раннего Средневековья показало, что такие поселения существовали по всей территории страны, и группировались они, как правило, вокруг укрепленных поселений, являвшихся центрами власти в той или иной местности²⁴. Эти наблюдения, демонстрируя очевидную связь между центрами власти разного уровня и «служебной организацией», показывают, что такие центры власти с отрядами воинов и сопутствующие им поселения «служебного» населения размещались достаточно равномерно по территории страны. И это, несомненно, говорит о значительном весе данного явления в общественной жизни. К высказанным соображениям следует присоединить еще одно наблюдение. Как известно, «служебная организация» в странах Центральной Европы полностью распалась в XIII - начале XIV в. Между тем древнерусские источники фиксируют существование серьезных реликтов такой организации

²¹ Стефанович П. С. Бояре... С. 276-277.

П. С. Стефанович в этой связи справедливо обращает внимание на летописные известия о строительстве Владимиром «градов» на границе со степью, в которые он «поча нарубати муже лучьшие»: ПСРЛ. Т. І. Стб. 121; НПЛ. С. 159; Стефанович П. С. Бояре... С. 321. См. также свидетельство Жития Феодосия Печерского о переезде его отца из Василева в Курск, «князютако повелевъшю»: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 74.

²³ См. об этом Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2.

²⁴ Krzemieńska B., Třeštík D. Přemyslovska hradište a služebna organizace přemyslovského státu // Archeologícké rozhledy. Praha, 1965. R. 17.

не только в XIV–XV вв., но и в раннем XVI в. 25 Очевидно, соответствующие отношения именно на древнерусской почве отличались особой прочностью.

Особое значение имеет вопрос о статусе тех воинов, которые жили в этих крепостях и которых обслуживало «служебное» население. Определенный ответ на этот вопрос дают материалы венгерского законодательства раннего XIII в. Как отметил П. С. Стефанович, «iobagiones castri» называли себя «liberi Sancti Regis», т. е. людьми, получившими свободу в конце X в. от св. Стефана и, следовательно, находящимися под защитой королевской власти²⁶. Эти наблюдения есть смысл продолжить.

В преамбуле Золотой буллы, изданной венгерским королем Эндре II в 1222 г., говорится, что цель этого документа – восстановление «свобод», пожалованных якобы некогда св. Стефаном²⁷. Реально в документе рассматриваются вопросы, касающиеся статуса двух групп людей - «servientes regis» и «iobagiones castri». Что касается «iobagiones castri», то дело ограничивается подтверждением в статье 19 «свобод», полученных ими от св. Стефана²⁸. Гораздо больше данных содержит булла о положении «servientes regis» - «королевских слуг». Булла отразила тот исторический момент, когда «servientes» превратились в низший слой формирующегося дворянского сословия. Однако данные буллы позволяют судить о том, каков был их статус до установления буллой нововведений. В целом ряде статей идет речь о владениях «servientes», которые, занимая более привилегированное положение, чем «iobagiones castri», стали уже землевладельцами. В 3 статье документа такое владение освобождалось от уплаты налогов²⁹. Таким правом слуги пользовались и ранее³⁰. Но это право было дополнено в булле рядом других установлений. В статье 15 документа запрещался въезд во владения «serviens'а» конюхам, псарям и сокольникам. В статье 22 не разрешалось пасти королевских свиней на его земле против его желания, а в статье 3 король

²⁵ Флоря Б. Н. «Служебная организация»... С. 60-65.

²⁶ Стефанович П. С. Бояре... С. 278.

Decreta regni medievalis Hungariae. T. I. 1000-1301. Jdyllwild. California, 1999. P. 32.

²⁸ Ibid. P. 34.

²⁹ Decreta... T. I. P. 32.

В грамотах 1204 г., предоставлявших поселенцу Иоанну права, которыми пользовались «servientes regis», говорилось об освобождении от налогов переданных ему владений: Павлушкова М. А. К вопросу о классовом характере и значении Золотой буллы венгерского короля Андрея II // Из истории Средневековой Европы (X-XVII вв.). М., 1957. С. 71.

обещал не посещать владение или дом «слуги» без приглашения³¹. Однако это не означало освобождения владения «слуги» от всяких обязательств. Так, в 21 статье было зафиксировано требование «servientes», чтобы «епископы при обложении десятиной не включали наших (королевских) коней в состав облагаемого имущества»³². Очевидно, речь шла о королевских конях, которых «servientes» обязаны были содержать³³. Лишь при подтверждении Золотой буллы в 1231 г. владения «servientes» были освобождены от расчистки дорог, рытья рвов, сооружения оград и других работ³⁴. Таким образом, какимилибо привилегиями для своих владений «слуги» первоначально не пользовались. Освобождение их владений от налогов было, повидимому, связано с тем, что первоначально налоги были заменой воинской повинности, а военная служба была главной обязанностью «королевских слуг»³⁵.

В 17 статье «Золотой буллы» устанавливалось, что владения, которые приобретены «iusto servicio», не будут отбираться³⁶. Рядом постановлений «слуги» получили возможность при наличии близких родственников завещать им свои владения и передать дочерям четвертую часть имущества³⁷. Ранее, очевидно, право распоряжения владениями, полученными от короля за службу, было ограниченным.

Грамоты 1204 г. позволяют установить еще одну черту статуса «королевских слуг» — они подчинялись суду короля или его верховного судьи³⁸. Таким образом, «королевские слуги» — это воины, получавшие свои земли за службу королю и подчинявшиеся его суду.

Важно, что постановления «Золотой буллы» говорят о конфликте между знатью, занимавшей посты наместников в административных округах – комитатах, и такими группами населения, как «servientes» и «iobagiones castri». Уже в 1-й статье этого документа говорилось о созыве ежегодно в Секешфехерваре на праздник св. Стефана собрания (conventio), куда могут прибыть все «сервиенты» и изложить свои жалобы. На кого могли быть принесены жалобы, выясняется

³¹ Decreta... T. I. P. 32, 33, 34.

³² Decreta... T. I. P. 34.

³³ Павлушкова М. А. К вопросу... С. 80.

³⁴ Decreta... T. I. P. 38.

³⁵ В грамотах 1204 г., предоставляющих поселенцу положение «слуги», его главная обязанность – служба в королевском войске. – Павлушкова М. А. К вопросу... С. 71.

³⁶ Decreta... T. I. P. 33.

³⁷ Decreta... T. I. P. 32.

³⁸ Павлушкова М. А. К вопросу... С. 71.

из последующих статей. Статья 2 содержит обязательство короля, что он не будет заключать «сервиента» в тюрьму или отбирать у него имущество без суда «favore alicuius potentatis». Статьей 5 документа ишпанам — наместникам запрещалось выносить судебные решения о владениях «сервиентов», которые подчинялись суду дворцового графа или главы королевского двора — палатина (ст. 8—9). В статье 14 документа устанавливалось, что, если наместник («comes») — «destruxerit populos castri sui», он будет позорно лишен должности перед лицом всего королевства и должен будет возместить убытки³⁹.

Такая конфликтная ситуация, вероятно, сложилась в условиях, когда в Венгерском королевстве начался интенсивный рост крупного привилегированного землевладения, и магнаты-наместники старались использовать свои административные должности для ускорения этого процесса. Важно, однако, что и «servientes», и «iobagiones castri», подчиненные по службе наместникам, не считают себя «их людьми», они рассматривают себя как воинов правителя и ищут у него поддержки и защиты. И они оказываются столь серьезной силой, что добиваются удовлетворения своих требований.

Разумеется, нельзя переносить механически ситуацию, существовавшую в XII – начале XIII вв. в Венгрии, на древнерусскую почву. Однако, думается, важно, что в Венгрии вплоть до XIII в. сохранялся многочисленный слой воинов (и землевладельцев, и просто военных), размещенный по территории страны и связанный с королевской властью. С еще большим основанием это можно утверждать по отношению к Древней Руси, где процесс развития крупного привилегированного землевладения, который вел к распаду организации общества, характерной для Раннего Средневековья, развивался явно гораздо медленнее.

Таким образом, в руках правителя и Древнерусского государства в целом, и отдельного княжества находилась самая крупная и значительная в данной земле военная сила. Разумеется, у представителей знати на Руси, как и в других средневековых государствах, были свои дружины⁴⁰. Однако эти дружины, как представляется, не могли сравниться по своим размерам с «большой дружиной». Ведь в распоряжении бояр не было «служебной организации». Кроме того, управляя теми или иными территориями, представители знати должны были

³⁹ Decreta... Т. І. Р. 32–33; Семенов В. Ф. Венгерская золотая булла 1222 г. // Средние века. Вып. VI. М., 1955. С. 88–90.

⁴⁰ Оних см. Стефанович П. С. Бояре... С. 472 и сл.; Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 46–47.

опираться на находившиеся здесь отряды воинов, получавших содержание от правителя. Обеспечить этим воинам такое содержание было одной из обязанностей знатных лиц - наместников⁴¹. Разумеется, древнерусские источники XII в. сохранили ряд важных известий о выступлениях бояр как самостоятельной политической силы, не зависящей от княжеской власти. Однако бояре выступают так либо как руководители городского ополчения (как в Новгороде или в Киеве 40-х гг. XII в.), либо как сила, подчинившая своему влиянию «большую дружину», как это имело место в Ростово-Суздальской земле в 70-е гг. XII в. после смерти Андрея Боголюбского. Неслучайно владимирский летописец, современник событий, отметил, что в принятии решения о его преемнике участвовала «вся дружина» «от мала до велика», а затем отметил, что князь Мстислав Ростиславич собрал вокруг себя «гридьбу, и пасынки, и всю дружину» 42. Пожалуй, лишь в Галицкой земле, испытывавшей, как представляется, сильное влияние своих западных соседей, полки, собранные боярами («полки свои»), в конце XII в. действительно выступили как решающая политическая сила⁴³.

Как уже отмечалось выше, у норвежских конунгов также была дружина, которую подвластное население было обязано содержать. В «королевских сагах» содержатся несколько свидетельств, которые позволяют судить, что представляла собой эта дружина в XI в. Так, в «саге об Олафе Святом» говорится, что у него было 60 дружинников (hirdmenn), 30 «гостей» и 30 «хускарлов», «которые должны были делать в усадьбе (резиденции конунга. - Б. Ф.) все, что требовалось, и доставлять всё необходимое» 44. У правившего во второй половине XI в. Олафа Тихого было 120 дружинников, 60 «гостей» и 60 «хускарлов», «которые должны были доставлять ко двору всё, что нужно, или выполнять другие поручения конунга». Вместе с тем в саге говорится о том, что у конунга было «в полтора раза больше людей», чем у его отца⁴⁵. Таким образом, судя по сведениям «саги», дружина конунга на протяжении XI в. увеличилась вдвое. Эти сведения о размерах дружины правителей Норвегии следует сопоставить с сохранившимися сведениями о «большой дружине» польских правителей второй половины X - начала XI в. Мешко и Болеслава Храброго. В дружине Мешко, по свидетельству современника Ибрагима ибн Якуба, было

⁴¹ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 76-77.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371, 380.

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660; Стефанович П. С. Бояре... С. 331.

⁴⁴ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 196.

⁴⁵ Там же. С. 465-466.

3000 воинов, у Болеслава Храброго по сообщениям хрониста начала XII в. Галла Анонима на территории разных земель Польского королевства насчитывалось 3900 «loricati milites» — воинов в панцирях⁴⁶. Можно, конечно, оспаривать точность цифр, приведенных в нарративных источниках (хотя у Ибрагима-ибн-Якуба имеет место свидетельство современника), но их сопоставление со сведениями нарративных источников о дружине норвежских конунгов говорит о том, что перед нами цифры разного порядка.

Следует отметить, что содержание их сравнительно небольшого войска могло создавать для норвежских правителей проблемы. В «саге об Олафе Святом» рассказывается, что, объезжая область Упланд, он привел с собой триста человек вместо положенных 60–70 и «стало не хватать угощения, которое ему полагалось как конунгу», и в результате Олаф «нигде подолгу не гостил и не останавливался больше чем на одну ночь»⁴⁷.

Важной частью системы власти в Норвегии была, как уже отмечалось, передача дружинникам за службу управления определенными территориями. «Сага об Эгиле» сохранила подробный рассказ о дружиннике Торольве, получившем за подвиги на войне пост наместника пограничной области Халогаланда. Расставаясь с Торольвом, король дал ему «хороший боевой корабль», но набор воинов в дружину Торольв производил сам («не меньше девяти десятков человек»), сам содержал их за счет поступавших к нему доходов⁴⁸. Когда у короля появились сомнения в верности Торольва, он предложил ему быть знаменосцем в королевской дружине, а свою дружину распустить. Торольв не захотел расстаться со своей дружиной. Вместе с ним его дружинники оставили службу, а позднее Торольв и его дружинники были убиты воинами конунга⁴⁹. И это совсем не единичный факт. В «саге о Харальде Суровом» (сер. XI в.) рассказывается об Асмунде, племяннике правителя Дании. Получив от дяди в управление земли, он собрал свою дружину и «захватил много других богатств, которые принадлежали конунгу». Правитель потребовал, чтобы Асмунд вернулся в его дружину и распустил свое войско. Асмунд этого не сделал и был заключен в тюрьму, но затем ему удалось убежать. Он «собрал своих людей и боевые корабли и стал нападать на собствен-

⁴⁶ Подробный разбор этих свидетельств см.: Стефанович П. С. Бояре... С. 268-274

⁴⁷ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 186.

⁴⁸ Исландские саги... С. 76-78.

⁴⁹ Там же. С. 88-89, 97-99.

ную страну»⁵⁰. Обе эти истории показывают, что единственной силой в руках представителя власти на переданной ему территории была набранная им и связанная с ним дружина.

В этой связи заслуживает внимания рассказ о ярле Арнвиде, правителе Вермаланда, который читается в «саге об Эгиле». Здесь рассказывается, что приезжавшим за данью посланцам конунга дань отдавали, а на обратной дороге их убивали якобы разбойники. Чтобы изменить положение, потребовался поход конунга с войском⁵¹. Других способов воздействия у правителя не было.

Торольв был дружинником, получившим «вейцлу» за военные заслуги, но при раздаче конунгом «вейцл» имели воздействие и другие факторы. Как отметил А. Я. Гуревич, «вейцлы» давались конунгом не только дружинникам, но и «могущественным людям, которых он хотел привлечь на свою сторону»52. Такие люди становились представителями власти - лендрманами в тех местностях, где находились их крупные владения и где они пользовались авторитетом в среде местного населения. Достаточно яркую характеристику таких отношений дал Снорри Стурлусон в саге об Олафе Трюгвассоне: «В то время в Норвегии было много лендрманов, и многие из них были могущественными и знатными людьми. Многие из них были к тому же очень богатыми... в каждом фюльке бондами правили эти лендрманы»⁵³. Примером такого лендрмана может служить Харек из Тьоты, сумевший завладеть всеми землями на острове, а затем ставший вообще крупным землевладельцем на Халогаланде. Он устроил богатый пир для конунга Олафа Трюгвассона и получил «вейцлу» на земли в этой пограничной области, включая право торговли с финнами⁵⁴. Такие лендрманы также имели свои дружины, содержать которые им позволяла их имущественная состоятельность и административное положение. Эти люди были воинами лендрмана, которому приносили клятву верности55. При сборе войска конунг оказывался в зависимости от лендрманов, от их дружин и от их влияния на местное население⁵⁶.

⁵⁰ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 430; Стефанович П. С. Бояре... С. 281.

⁵¹ Исландские саги... С. 211, 219-224.

⁵² Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 131.

⁵³ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 190.

⁵⁴ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 59, 127, 135.

⁵⁵ Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 88.

⁵⁶ См. замечание Снорри, что «Свейн ярл был в дружбе с лендрманами, и ему поэтому было легко набрать войско». – Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 190.

Такой обладающий связями и авторитетом среди населения лендрман мог успешно противостоять конунгу в случае конфликта. Так, когда произошел конфликт между конунгом Магнусом Голоногим и лендрманом Свейном Стейнарессоном, лендрман явился на тинг в Вике в сопровождении 600 человек, и конунг был вынужден уступить 57.

Трудности власти увеличивались тем, что могущественные люди, обладавшие собственным войском, имелись и среди того населения страны, которого дружинная организация не охватывала. Сведения о целом ряде таких «могучих бондов» – людей, принадлежавших к этой части населения, – приводит в своем исследовании А. Я. Гуревич. В ряде случаев речь идет о семьях, пользующихся влиянием в тех или иных областях в течение длительного времени. Характерна в этом плане фигура Рауда Могучего из Халогаланда. Он «был очень богат, у него было много людей», не только норвежцев, но и финнов. В его усадьбе находилось «много серебра и золота... оружия и разных драгоценностей». «У Рауда был большой корабль с золоченой драконьей головой. На нем было тридцать скамей для гребцов» 58.

К одной из таких выделенных А. Я. Гуревичем семей принадлежал такой крупный политический деятель Норвегии, как Эйнар Потрясатель Тетивы. В «саге об Олафе Святом» о нем говорится, что «он никуда не выезжал из своей усадьбы и не служил конунгу. У Эйнара были огромные владения, и он жил на широкую ногу, хотя и не получал от конунга земель в лен»⁵⁹.

При такой системе отношений конунг с его дружиной оказывался в положении «первого среди равных», в определенной зависимости от взаимоотношений с лендрманами и «могучими» бондами. Это делало его положение непрочным, создавало почву для попыток переворотов, для борьбы между членами правящего рода за норвежский трон. Характерно, что при попытках правителя укрепить свое положение использовалась такая мера, как взятие заложников. Так, в «саге об Эгиле» рассказывается, что когда Хакон Добрый подчинил себе Вермаланд, он поставил там нового наместника «и взял заложников от него и от бондов» 60. Аналогичным образом согласно традиции поступил и Олаф Святой. Подчинив целый ряд земель, он «у лендрманов и бондов взял заложников» 61. Он же берет заложников

⁵⁷ Гуревич А. Я. Норвежское общество... С. 240-241.

⁵⁸ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 145–147.

⁵⁹ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 307.

⁶⁰ Исландские саги... С. 224.

⁶¹ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 214.

у бондов Халогаланда⁶². Подчинив Норвегию, английский и датский король Кнут Великий также «взял заложников у всех лендрманов и могущественных бондов»⁶³. Ту же картину наблюдаем и позднее. В конце XII в. претендент на норвежский трон Сверрир, победив войско бондов из Ямталанда, также берет у них заложников⁶⁴. Очевидно, для носителей власти это был главный способ укрепления своего положения. Характерно, что в Древней Руси, где взятие заложников практиковалось, как известно, в сфере сношений с кочевниками, неизвестно о такой мере по отношению к населению или собственной администрации.

Лишь в середине — второй половине XIII в. произошла определенная консолидация социальной элиты в Норвегии вокруг королевской власти. Вся эта элита наделялась «вейцлами» разной доходности в зависимости от их положения на лестнице социальной иерархии. Установление такого порядка сопровождалось фиксацией размеров дружин, которые должны были выставлять обладатели «вейцлы» в соответствии с ее доходностью⁶⁵.

Такой тип социальной организации вызывает определенные аналогии с организацией древнерусского общества, но общества более позднего времени, и сама такая организация сложилась за пределами эпохи Раннего Средневековья.

Сопоставительный анализ отношений центральной власти с другими носителями власти и влияния и обладателями военной силы в норвежском и древнерусском обществе должен быть дополнен характеристикой взаимоотношений власти и социальной элиты с другими частями общества: городским и сельским населением.

X-XII века были в истории Норвегии временем основания городов и формирования особого слоя городского населения. Традиция связывала с именем Олафа Святого основание «торгового посада» в его столице — Нидаросе «Таральд Суровый — современник Ярослава Мудрого — основал такой «торговый город» в Осло 7. В правление его сына Олафа Тихого «стали процветать города, а некоторые из них впервые возникли». К правлению этого конунга традиция относила создание в этих городах купеческих организаций 8. Население города

⁶² Там же. С. 272.

⁶³ Там же. С. 326.

⁶⁴ Сага о Сверрире. М., 1988. С. 30.

⁶⁵ Гуревич А.Я. Свободное крестьянство... С. 143-149, 245-246.

⁶⁶ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 201.

⁶⁷ Там же. C. 434.

⁶⁸ Там же. С. 465.

обозначается как «горожане» — «boejar menn». В событиях XII в. жители города, их ополчение выступают как серьезная политическая сила со своими особыми интересами⁶⁹. Нетрудно указать параллели этим явлениям в древнерусском материале. Вместе с тем могут быть намечены и некоторые важные отличия, Так, в характеристике норвежского города XII — раннего XIII века в работе современного исследователя В. Закса не отмечено характерных для древнерусского общества связей между знатью и городской общиной, когда знать может выступать в качестве ее верхушки⁷⁰.

Конечно, в повествовании «королевских саг» о событиях XII в. горожане в ряде случаев играют важную роль. Так, они оказывают помощь конунгу Сверриру в его борьбе с восстанием «бондов» ⁷¹. Горожане неоднократно участвуют во второй половине XII в. в собраниях, принимающих важные политические решения, состав участников таких собраний описывается в сагах формулами «бонды и горожане», «дружинники, бонды и горожане», Таким образом, решения принимались на собраниях — тингах, в которых совместно участвовало городское и сельское население области. Исследование древнерусских свидетельств о деятельности «веча», собиравшегося для принятия важных политических решений в ряде политических центров Древней Руси, показало, что такое «вече» было собранием жителей города и сельское население в нем не участвовало⁷³.

Таким образом, если в Древней Руси собрание жителей города могло выступать как политическая сила, определявшая своими решениями судьбу «земли», то норвежские горожане в такой роли не выступают.

Вместе с тем сделанное сопоставление говорит и о наличии серьезных различий в положении сельского населения в Древней Руси и в Норвегии. Сельское население Норвегии, не связанное с дружинной организацией, в документальных и нарративных источниках обозначалось понятием «бонды». Как показано в исследовании А. Я. Гуревича, совокупность людей, обозначавшихся этим

⁶⁹ Закс В. А. Образ города в «Круге земном» Снорри Стурлусона // Скандинавский сборник. Таллинн, 1990. Т. 33. С. 81–82.

⁷⁰ О таких связях см. Стефанович П. С. Бояре... С. 458, 483-487.

⁷¹ Сага о Сверрире... С. 162–163.

⁷² Закс В. А. Образ города... С. 81. См. также Снорри Стурлусон. Круг земной...

⁷³ Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.

понятием, состояла из владельцев состоятельных домохозяйств (с 4 или 6 коровами). Бондами не считались малоимущие крестьяне, работники, несостоятельные должники, бродяги, которых следует принуждать к труду⁷⁴. Бондами были и люди, резко выделявшиеся своей зажиточностью из среды обычных людей. Таков был бонд Ульв в середине XI в., владелец 14–15 усадеб⁷⁵. К этой общности принадлежали в XI–XII вв. упоминавшиеся выше «могучие» бонды, обладавшие не только обширными владениями, но и собственными военными силами.

Что касается сельской верхушки, то она в XIII в. оформилась в особую группу «хольдов», которые обладали более широкими правами, чем основная масса бондов⁷⁶. «Могучие» бонды влились в состав сформировавшейся в XIII в. единой социальной элиты⁷⁷.

Что касается основной массы сельского населения, то, как показал А. Я. Гуревич, на протяжении XI–XII вв. его положение постепенно ухудшалось. Тяжелым бременем ложились на бондов расходы на содержание конунга с его дружиной, размеры которой, о чем говорилось выше, заметно увеличились, лендрманов и их дружин. Эти поборы и конунг, и его влиятельные сановники неоднократно вымогали с помощью силы⁷⁸. К концу XII в. в стране установился регулярный ежегодный сбор налогов⁷⁹.

Большой тяжестью ложился на бондов лейданг – военная повинность (обязательность участия в военных действиях на море и на суше со своими припасами и кораблями). Практика таких мобилизаций приняла четкие формы к середине XI в. Увеличивались сроки службы и другие обязательства по лейдангу. За уклонение от службы на флоте налагались многочисленные тяжелые штрафы. У являвшихся на тинги производилась проверка имевшегося у них оружия. Вместе с тем постепенно зарождалась практика замены военной повинности налогом, носившим то же название и приобретшим со временем характер поземельной подати⁸⁰.

⁷⁴ Гуревич А. Я. Норвежское общество... С. 157–171.

⁷⁵ Там же. С. 228.

⁷⁶ Там же. С. 178–219.

⁷⁷ См. об этом: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 240–245. В «Королевском зерцале» XIII в. говорится о том, что из получивших от короля вейцлы «некоторые из них – сыновья лендрманов, а другие – столь могущественные бонды, что пользуются уважением наравне с лендрманами» (Там же. С. 243).

⁷⁸ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 195-199.

⁷⁹ Там же. С. 224.

⁸⁰ Там же. С. 166-195.

В XI–XII вв. «бонды» продолжали собираться на «тинги» – областные и судебные собрания, однако состав участников этих собраний постепенно ограничивался, от участия в тингах отстранялись мало-имущие люди, зарождалась тенденция к тому, чтобы участие в тингах ограничивалось кругом представителей местной верхушки, а сам их вызов на тинг осуществлялся государственной властью⁸¹.

Вместе с тем отмеченные тенденции получили полное развитие в середине - второй половине XIII в. Конечно, расходы на содержание правящей элиты постепенно увеличивались, но эти действия сталкивались с сопротивлением. Характерно, что в сагах, записанных в раннем XIII в., даже по отношению к Олафу Святому говорилось. что «он разъезжал по стране с гораздо большим числом вооруженных людей, чем то, которое ему было положено по закону»82. Таким образом, существовало представление о некоторых традиционных нормах отношений между властью и бондами, которые конунг должен соблюдать. Стремление изменить характер отношений встречало сопротивление бондов. В той же саге рассказывается о поборах, установленных в пользу датского правителя, подчинившего Норвегию (побор выделанным льном с каждой хозяйки, побор рыбой с каждого рыбака). Эти поборы оцениваются в королевских сагах как «кабала и рабство»83. Некоторые могущественные представители местной верхушки в своих интересах побуждали бондов на тингах выступать в защиту своих интересов. Так, о упоминавшемся выше Эйнаре Потрясателе Тетивы «сага о Харальде Суровом» (события середины XI в.) рассказывает, что он «был главным предводителем бондов со всего Трандхейма. Он заступался на тингах за тех, кого притесняли люди конунга... Все бонды поддерживали его»84. О сыне Харальда Олаве Тихом традиция также фиксирует, что «бонды спрашивали его, почему у него больше людей, чем полагается по закону» 85. На тингах осуществлялась процедура признания правителя, когда конунг обещал соблюдать законы и дать какие-то права⁸⁶.

Сами тинги вплоть до начала XIII в. сохраняли определенные черты автономии и являлись органами местного самоуправления, в частности, вершившими суд и осуществлявшими выполнение судеб-

⁸¹ Там же. С. 150-166.

⁸² Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 212.

⁸³ Снорри Стурлусон. Круг земной... С. 371, 375.

⁸⁴ Там же. С. 425-426.

⁸⁵ Там же. С. 465.

⁸⁶ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 155.

ных решений. Характерно, что в пользу участников тинга поступала часть штрафов, взимавшихся королевскими судами с преступников по решению тинга. Штраф, налагавшийся на лендрмана за его должностные проступки, также частично или полностью уплачивался участникам тинга⁸⁷. Таким образом, состоятельные слои сельского населения в XI–XII вв. играли заметную роль в организации и осуществлении власти на местах.

Вместе с тем, несмотря на первые попытки заменить военную службу поземельным налогом, который использовался бы для содержания профессионального рыцарского войска, еще в начале XIII в. ополчение бондов продолжало оставаться важной частью военных сил государства, а наличие у них собственных собраний и влиятельной местной верхушки в лице «могучих» бондов создавало возможность для осуществления крупных организованных выступлений такого войска.

Показательны в этом плане события, происходившие в Норвегии на рубеже XII–XIII вв. К этому времени относится реформа традиционной системы управления, осуществленная конунгом Сверриром. В ходе социальных конфликтов последней четверти XII в. на смену представителям власти на местах — лендрманам, часто принадлежавшим к местной знати, пришли «сюсельманы», назначавшиеся конунгом из числа своих дружинников, выдвинувшихся в ходе войны, в руках которых сосредотачивались военные, финансовые и административные функции. Стремясь к обогащению, эти незнатные, не связанные с местным обществом люди злоупотребляли своими судебно-административными функциями, налагая незаконные штрафы⁸⁸.

Реакцией на эти перемены стало восстание бондов на юге Норвегии, охватившее целую область. Вслед за убийствами сюсельманов в разных местностях последовал поход войска бондов на Осло. Под стенами города произошла их битва с воинами Сверрира и горожанами, продолжавшаяся несколько дней, и Сверриру с трудом удалось одержать победу⁸⁹. Для окончательного подчинения населения потребовалось несколько лет и помощь иностранных наемников⁹⁰.

⁸⁷ Там же. С. 151, 153. Об участии сельских жителей в деятельности суда см. Закс В. А. Проблемы феодализма в скандинавских странах. Формы социальной организации и правового представления норвежского крестьянства в XI–XIII веках. Калинин, 1986. С. 71 и сл.

³⁸ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 220-221.

⁸⁹ Там же. С. 229-231; Сага о Сверрире. С. 161 и сл.

⁹⁰ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 232.

Положение сельского населения в Древней Руси XI–XII вв. существенно отличалось от положения бондов. В Древней Руси не существовало собраний сельского населения, которые могли бы играть в общественно-политической жизни роль, аналогичную норвежским тингам. Сельское население никак не участвовало в осуществлении функций управления и суда. Древнерусский свод законов в разных редакциях не знает каких-либо участников судопроизводства кроме представителей власти — посадников и помогающих им дружинников (детские, мечники и др.)91. Соответственно, в составе социальной элиты Древней Руси нельзя обнаружить каких-либо групп, которые в своих интересах стали бы искать политической поддержки сельского населения.

Нет оснований говорить и о постоянной военной службе сельского населения, хотя в критической ситуации какие-то его части могли мобилизовываться на войну. Вероятно, после образования «большой дружины», взаимодействовавшей с городскими ополчениями, постоянная военная служба сельского населения становилась ненужной. Характерно. что в Венгрии уже в начале XII в. военная служба сельского населения была заменена денежным налогом, а во второй половине XII в. в случае необходимости мог призываться на военную службу лишь каждый восьмой или десятый крестьянин⁹². После смерти Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальской земле произошли крупные волнения, сопровождавшиеся, как и в Норвегии, убийствами представителей власти на местах⁹³. Однако древнерусская летопись не говорит в этой связи ни о крестьянском войске, ни о его сражениях с «дружиной» Ростовской земли.

Если общий характер отношений между социальной элитой, тесно связанной с государственными институтами, и сельским населением в Норвегии и в Древней Руси можно считать однотипным, то степень подчинения сельского населения социальной элите была в Древней Руси (вероятно, как и в государствах Центральной Европы) гораздо более высокой. Именно в условиях такого подчинения могла сложиться система налогов и повинностей, необходимых для содержания «большой дружины», и обслуживающая ее потребности «слу-

⁹¹ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 67–69. Ср. статью 29 Статутов Конрада-Оттона, памятника чешского права кон. XII в.: «владарь» — представитель власти вершит суд, «заседая с воинами». — Хрестоматия памятников феодального государства и права. М., 1961. С. 835.

⁹² Павлушкова М. А. Крестьянская община в Венгрии в XI-XIII вв. // Средние века. М., 1955. Вып. 5. С. 66-67.

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379; Т. 2. Стб. 592; НПЛ. С. 34.

жилая организация», с созданием которой было связано, в частности, закрытие ряда видов угодий для обычного сельского населения⁹⁴.

В этих условиях также достаточно рано в Древней Руси (как и в государствах Центральной Европы) появилась возможность передачи под власть церковных учреждений земель вместе с живущим на них населением. Можно наметить, как представляется, еще одно отличие. Контролируя и раздавая административные должности, норвежские правители никак не контролировали состояние земельного фонда. В Норвегии эпохи Раннего Средневековья существовали широкие возможности формирования частного землевладения, в том числе и лицами, не принадлежавшими к политической элите, — «могучими» бондами.

В центральноевропейской (и древнерусской) модели есть основание предполагать существование определенного контроля над земельным фондом, служившим основным источником для обеспечения политической элиты общества. Когда эта элита стала превращаться в землевладельцев, она стала бороться против таких ограничений.

Все сказанное позволяет сделать общий вывод о существовании в некаролингской части Европы, где формирование классов и государств происходило вне непосредственного контакта с позднеантичным миром, двух типологически сходных, но различных по ряду важных параметров моделей организации общества. Одну из них можно считать характерной для Центральной и Восточной Европы, другую — для Скандинавии. Вопрос о причинах формирования двух различных моделей организации общества в сходных общеисторических условиях должен стать предметом специального исследования.

Вместе с тем близость организации общества в Центральной и Восточной Европе по целому ряду важных параметров не означает

⁶⁴ Как убедительно показал П. С. Стефанович, сопоставляя данные письменных источников и археологии, в Дании в конце X – начале XI в., когда датские правители овладели Англией, были предприняты попытки создать большое войско, находящееся на содержании у правителя (Стефанович П. С. Бояре... С. 284–291). В истории страны это, однако, осталось эпизодом, не имевшим продолжения. Остается неясным, выполняло ли это войско какие-либо функции кроме военной службы и как было организовано обеспечение его потребностей.

⁹⁵ Так обстояло дело в Польше второй половины XII в. – см.: Флоря Б. Н. «Хроника» Винцента Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому средневековью // Средние века. 2007. Вып. 68 (4).

полной тождественности. Сопоставление реалий общественной жизни Руси и Норвегии позволило выделить такой признак древнерусского общества, как существование в главных центрах ряда «земель» городских собраний, которые возглавляла и организовывала местная знать и которые принимали важные политические решения, влиявшие на судьбу «земли». Таких собраний не было в Норвегии, но их нет и в свидетельствах источников о государствах Центральной Европы XI–XII вв. В их существовании, вероятно, следует видеть главную специфическую особенность социальной жизни Древней Руси на этом этапе ее развития.

А. Юсупович

«Перемышль, Червень и иные грады» и их территориальная принадлежность в конце X – начале XI в.*

Червенские грады вызывают интерес историков более 250 лет. За этот период им была посвящена богатая литература, в которой предпринимались попытки выяснить их местонахождение. Н.П. Барсов районом Червенских градов считал области Западного Буга и Днестра1, а Червень идентифицировал с деревней Чермно к югу от Грубешова². Я. Фиялек отождествлял область Червенских градов с Волынью3. А. Лонгинов считал, что Червенские грады при Владимире Великом охватывали позднейшие земли: Галицкую, Перемышльскую, Белзскую, Берестейскую, Холмскую и частично Владимирскую4. Червень он отождествлял с Чермном (Czermnem)⁵. В. Семкович считал эту область территорией позднейшей левобережной части Холмской земли, заключенной между реками Вепрь и Буг, а также Хучвой и Влодавкой. В понятии же «иные грады», записанном под 981 г. в ПВЛ, он усматривал, в частности, Белз6. Я. Натансон-Леский усматривал в этом определении Столпье, Верешин и Угровск⁷. Ю. Скшипек же склонялся к мнению, что мы имеем дело с несколькими «градами» внутренним и внешним - в самом Червене. Развивая эту гипотезу, он полагал, что в момент занятия Владимиром Червеня в 981 г.

^{*} Текст был написан в рамках реализации гранта NPRH (12H 12 0064 81): «Złote jabłko polskiej archeologii. Zespoły grodowe w Czermnie i Gródku (Grody Czerwieńskie) — chronologia i funkcja w świetle badań dawnych oraz weryfikacyjnych». Перевод с польского языка выполнен С. В. Полеховым.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 39.

² Там же. С. 102.

Fijałek J. Biskupstwa wołyńskie Polski i Litwy w swoich początkach // Sprawozdania PAU (1911), posiedzenie wydziału historyczno-filozoficznego 8 IV 1911. S. 13.

Лонгинов А. В. Червенские города. Исторический очерк, в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава, 1885. С. 13, 67–68, 96.

⁵ Там же. С. 83.

Semkowicz W. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego // KH. T. 39. 1925. S. 310-312.

Natanson-Leski J. Zarys granic i podziałów Polski najstarszej. Wrocław, 1953. S. 100.

существовал лишь один «град», а киевский князь, опасаясь его возвращения, усилил его дополнительными укреплениями-«градами». Червень, согласно этой гипотезе, становился центром Червенской земли⁸. А.Б. Головко ограничивает червенскую территорию реками Вепрь, Буг и Сан⁹. С. Церха считает, что Червенские грады составляли одно целое с Луцкой землей как территорией бужан, которая в середине X в. входила в состав общности лендзян. Позднее же эти территории начали называть Холмской землей¹⁰. Эти выводы в настоящее время получили широкое признание и развитие¹¹. С.М. Кучиньский считал, что Червень и Волынь были ядром Червенских градов¹². А. Поппе видит в Волыни центр, остававшийся вне политического и хозяйственного подчинения Червеню¹³. Т. Василевский считал, что «места проживания дулебов были расположены на Волыни и на территории Червенских градов, то есть позднейших Холмской и Белзской земель»¹⁴.

Не меньший интерес вызывало также известие ПВЛ под 981 г. о походе Владимира Святославича «на ляхов», в результате которой он отнял у них Червень с другими городами и Перемышль. Из-за невоз-

Skrzypek J. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962. S. 62.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 8-9, 39; Головко А. Б. К вопросу о роли «червенских градов» в истории восточного и западного славянства в IX – первой трети XI в. // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 107-109.

Cercha S. Gdzie znajdowały się Grody Czerwieńskie? // Litwa i Ruś. T. III. Wilno, 1912. S. 21-40, 166-185; Cercha S. Chełmszczyzna - ziemią "Grodów Czerwieńskich" // Świat Słowiański. T. I. Kraków, 1913. S. 261-271.

Cp.: Lowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich // KH. T. 60. 1953. S. 60–42; Wąsowicz T. Czerwieński gród // Słownik Starożytności Słowiańskich. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. S. 301.

Kuczyński S. M. Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku (przed rokiem 980) // Росzątki państwa polskiego. Księga tysiąclecia. Роznań, 2002 (репринт издания 1962 г. с предисловием Г. Лябуды). S. 241; Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom na podstawie wzmianki z r. 981 w Opowieści lat doczesnych. Studium krytyczne // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X-XVII w. Warszawa, 1965. S. 74.

Poppe A. Gród Wołyń. Z zagadnień osadnictwa wczesno-średniowiecznego na pograniczu polsko-ruskim // Studia Wczesnośredniowieczne. T. 4. 1958. S. 228.

Wasilewski T. Dulebowie - Ledzianie - Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // PH. T. 67, 1976. S. 182.

можности связать это известие с другими известными источниками, относящимися к этой территории, исследователи предлагали разные возможности интерпретации. Результатом этих комбинаций были самые разные гипотезы. Можно выделить четыре главные направления, сторонники которых полагают, что поход князя Владимира был направлен: 1) на чехов; 2) на ляхов/поляков; 3) на независимое племенное государство, возможно, на взбунтовавшееся русское племя; или же 4) вовсе никогда не состоялся.

Сторонники первой гипотезы предполагают, что Червенская и Перемышльская земли находились в зависимости от Кракова. В свою очередь, этот город на Висле с середины X в. принадлежал Чехии. Подтверждение этих рассуждений видят в сообщениях Ибрагима ибн Якуба и «Dagome iudex», а также в пражском документе 1086 г. 15

Гипотезу о принадлежности Кракова Чехии высказал И. Лелевель: Lelewel J. Zdobycze Bolesława Wielkiego // Tygodnik Wileński. 1816. S. 2-3, 49-51; Lelewel I. Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski. Poznań, 1953. S. 711-913. Ее позаимствовал Ф. Палацкий: Palacky F. Geschichte von Böhmen. Grösstentheils nach Urkunden und Handschriften. T. I: Die Urgeschichte und die Zeit der Herzoge in Böhmen bis zum Jahre 1197. Prag, 1844. S. 226-229; Idem. Dejiny narodu Ceskeho a w Moravach. Praha. 1848. Т. 1. Cz. 1. S. 260-261. Рассуждения Ф. Палацкого развил Я. Д. Исаевич, «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX – начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. Сборник статей / Под ред. В. Д. Королюка. М., 1972. С. 107-118: Arnold S. Budowniczowie państwowości polskiej // Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej. T. 1: Od pradziejów do roku 1572 / Red. W. Antoniewicza. Warszawa 1927. S. 57; Флоровский А. Чехи и восточные славяне. Т. 1. Praga, 1935. С. 37-38; Lowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. S. 80-84; Крыжановский Е. Собранные сочинения. Т. 2: Записки по современным церковным серковным вопросам, Киев, 1890. С. 330-332 (Крыжановский задается вопросом, почему Мешко I не отреагировал в 981 г. на потерю столь важных городов. Он приходит к выводу, что Владимир в это время не воевал с поляками из-за Червенских градов). Л. Гавлик (Havlík L. E. Tri kapitoly z nejstarších cesko-polských vztahu // Slovanské historické studie. T. 4. 1961. S. 70-73) заменил ляхов из известия 981 г. на чехов. Я. Натансон-Леский (Natanson-Leski J. Państwo Mieszka Pierwszego // Studia Wczesnośredniowieczne. T. 4. 1958. S. 67-68) считал, что без Кракова Мешко I не мог владеть Червенскими градами. Головко А. Б. К вопросу о роли «червенских градов». С. 107-108. По мнению А. Б. Головко, главным политическим центром первоначально был Перемышль (в чешский период), а потом Червень. Этим он объясняет тот факт, что в 981 г. Владимир завоевал эти города у чехов. Он

Г. Лябуда считал 965-984 гг. периодом союзнических отношений поляков и чехов (в частности, они заняли сторону баварского герцога Генриха Строптивого в его соперничестве с Оттоном II, а затем и с Оттоном III из-за германского престола). Следовательно, завоевание Кракова в этот период не было возможно, а значит, занятие Червенских градов, описанное в ПВЛ под 981 г., относилось не к ляхам как народу, но к лендзянам как к племени, которое подчинялось чешской юрисдикции¹⁶. Эти рассуждения без особых возражений принял, в частности, М. Парчевский¹⁷. Определение принадлежности этих территорий чрезвычайно проблематично. Об этом свидетельствуют хотя бы рассуждения Б. Д. Грекова, который писал: «Трудность заключается в том, что из текста летописи следует, что Перемышль и Червень были в 981 г. польскими городами, однако не Польша господствовала над всей этой частью Закарпатья, но Чехия» 18. Впрочем, в конечном счете он признал запись ПВЛ достоверной, заключив, что конфликт между поляками и русинами должен был иметь место до X в. Поляки в рамках колонизации восточных земель либо построили городакрепости, либо заняли уже существующие. Однако они представляли собой пришлый элемент¹⁹.

Исследователи, которые склоняются к первоначальной польской принадлежности Червенских градов, указывают на чересчур смелые

считает, что здесь было несомненным влияние знатных лендзян (ляхов), которые строили в этом регионе замки (см.: Головко А. Б. Древняя Русь и Польша. С. 8–9, 12). Кроме того, о русско-чешских контактах см.: Florowskij A. B. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X–XIII st.). Praha, 1954. S. 8, 18.

Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 169–171; Labuda G. Czeskie chrześcijaństwo na Śląsku i w Małopolsce w X i XI wieku // Szkice historyczne X-XI wieku. Z dziejów organizacji Kościoła w Polsce we wczesnym średniowieczu. Poznań, 2004. S. 143.

Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991. S. 30-37.

^{*}Trudność polega na tym, że z teksu latopisu wynika, iż Przemyśl i Czerwień były w r. 981 grodami polskimi, a jednak nie Polska panowała nad całą tą częścią Podkarpacia, lecz Czechy» (Grekow B. Walka Rusi o stworzenie własnego państwa. Warszawa, 1951. S. 69-70).

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 467. Б. Д. Греков считал, что Червенские грады были заселены русским населением. Этот вывод он подкрепляет тремя аргументами: 1) эта территория была заселена дулебами; 2) археологические находки говорят о единстве культуры от Карпт до Днепра; 3) современное население Украины является не пришлым, но туземным (не видно, чтобы до украинцев там жили поляки).

интерпретации и логические ошибки у сторонников чешской власти в Кракове. Я. Домбровский указывал, что чехи заняли Краков между битвой на р. Лех и временем пребывания Ибрагима ибн Якуба в Центральной Европе, то есть в 955-965 гг. Он также ставит вопрос, на который отвечает отрицательно: «Но разве возможно, что за столь короткое время чехи увеличили свою территорию вдвое?»²⁰ Кроме того, появились справедливые возражения, что и без обладания Краковом поляки могли расширить свою территорию на земли, о которых идет речь²¹. К. Бучек считал, что свидетельство Ибрагима ибн Якуба 965 или 973 г. доказывает, что Краков в это время был чешским, а это, по его мнению, подтверждает пражский документ 1086 г., который он относит к периоду основания Пражского епископства (а вероятно, и Моравского) около 973 г. 22 Далее этот исследователь доказывает, что Краков не был упомянут в документе Оды и Мешка I лишь по той причине, что он был особой землей Болеслава Храброго. Старший сын Мешка I, по его мнению, завоевал Краков в 977-981 гг. Как и И. Лелевель, он считал, что обладание этим городом автоматически распространяло владения на Червенские грады и Перемышль23. К. Потканьский полагает, что даже если Краков был завоеван, то и в этом случае Малая Польша не доходила до Буга и Стыри. Эти территории принадлежали государству Мешка I до 981 г.²⁴ Он отмечает, что «документ 1086 г. включает в себя реальное описание границ Пражского диоцеза, куда включены границы Краковского диоцеза времен Болеслава Смелого, что было бы политическим эксцессом»²⁵. А. Н. Насонов видел в известии ПВЛ под 996 г. о хороших взаимоотношениях Владимира Великого с Болеславом Храбрым доказательство того, что в предшествующий период отношения были не наилучшими, а стало

Dąbrowski J. Studia nad początkami państwa polskiego // Rocznik Krakowski. 1958. Т. 34. S. 37. Кроме того, этот исследователь, анализируя «Dagome iudex», пришел к выводу, что Краков принадлежал Польше (Dąbrowski J. Studia nad początkami. S. 50-52).

Widajewicz J. Kraków i Poważe w dókumencie biskupstwa praskiego z 1086 гоки. Роznań, 1938. S. 71 (автор считает, что Пясты заняли Червенские грады, Белз и Перемышль из Сандомирской земли); Wojciechowski Z. Polska nad Wisłą i Odrą w X w. Poznań, 1945. S. 20–21 (Пясты изначально стремились занять восточные территории: сначала Куявию и Мазовию, позднее же Сандомирскую землю и Червенские грады).

²² Buczek K. Pierwsze biskupstwa polskie // KH. 1938. T. 52. S. 195.

²³ Ibid. S. 202-204.

Potkański K. Przywilej z 1086 roku // КН. Т. 17. S. 24–25. На основе языкового анализа к схожему выводу пришел А. Малецкий: Małecki A. Lechici w świetle historycznej krytyki. Lwów, 1897. S. 21.

²⁵ Potkański K. Przywilej z 1086 roku. S. 27-28.

быть, известие 981 г. относится к Ляхам²⁶. С. М. Кучиньский считал содержание записи, помещенной в ПВЛ под 981 г., достоверным, с оговоркой, что сам поход Владимира состоялся не в 981 г. Он указывал две возможные даты, когда поход мог состояться: 992 и 1012 гг.²⁷ При этом он отмечал, что нет никаких оснований отвергать номенклатуру этого рассказа, а следовательно, в городах, упомянутых летописцем, сидели поляки, а не чехи²⁸. Х. Пашкевич, склоняясь к польской принадлежности Червенских градов, окончательно разделался с аргументом в пользу русской или чешской принадлежности этих территорий, говорящим о пущах, которые отделяли государство Пястов от указанных земель. Большие пущи никогда не препятствовали военным походам²⁹. Т. Лер-Сплавиньский, изучая названия польско-русского пограничья, пришел к выводу, что названия «Червень и Перемышль не обладают никакими внутренними чертами, которые позволяли бы решить, какого они происхождения; третье же, Белз, имеет для нас в данном случае весьма значительную ценность: его фонетический строй (budowa głosowa) неопровержимым образом указывает на польское происхождение» 30. Это наблюдение позволило ему принять точку зрения, согласно которой Червенские грады, Белзская и Перемышльская земли были местом расселения племени лендзян, в Х-XI вв. поглощенного русской экспансией. В последнее время в пользу принадлежности территории Червенских градов Польше высказались А. В. Назаренко³¹ и М. Матля-Козловска³².

В историографии было создано много построений с целью объяснить известие «Повести временных лет» под 981 г. о походе Владимира

²⁶ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование, СПб., 2006. С. 115–119.

²⁷ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 33-118.

²⁸ Kuczyński S. M. Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku (przed rokiem 980). S. 251.

²⁹ Paszkiewicz H. Początki Rusi. Kraków, 1996. S. 94.

^{30 «}Kompleks -ł-, który w położeniu przed spółgłoską zębową twardą jest specyficznie polskim kontynuantem prasłowiańskiego l' (l zgłoskotwórczego miękkiego), nie znanym w żadnym innym języku słowiańskim. Na gruncie ruskim występuje w takim wypadku kompleks -oł-» (Lehr-Spławiński T. Lędzice – Lędzanie – Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959. S. 205-206).

³¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 393–409.

³² Matla-Kozłowska M. Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo (od X do połowy XI wieku). Ekspansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania. Poznań, 2008. S. 285-299.

на ляхов. Н. М. Карамзин считал, что раз область Червенских градов населяли дулебы и хорваты, то это означает, что эта территория принадлежала Руси с 907 г. В это время Олег перед походом на Константинополь должен был подчинить себе дулебов и хорватов. Позднее же, при Ярополке, Русь лишилась этих территорий и в 981 г. вернула их себе³³. Подобным образом (с незначительными модификациями) считали С. М. Соловьев³⁴, И. А. Линниченко³⁵ и Н. П. Барсов³⁶.

А. В. Лонгинов считал сомнительным, что область Червенских градов принадлежала Польше или Чехии. По его мнению, там функционировали какие-то местные племенные структуры³⁷. Подобного мнения придерживались В. Абрахам³⁸ и Т. Василевский³⁹. В свою очередь, А. Ф. Грабский считал, что эти города не обязательно должны были принадлежать Польше. Территория, занятая Владимиром, могла быть племенной территорией хорватов и бужан⁴⁰.

М. С. Грушевский считал, что похода 981 г. никогда не было, а сам рассказ является позднейшей интерполяцией известий, помещенных в ПВЛ под 1018 и 1031 гг.⁴¹ Подтверждением этого, по его мнению, является известие 996 г., говорящее о хороших взаимоотношениях Владимира Великого с Болеславом Храбрым. Аналогичного мнения придерживались Мирон Кордуба⁴² и Эугениуш Кухарский⁴³.

В завершение этой части рассуждений стоит привести констатацию С. М. Кучиньского: «Не следует отождествлять границы политической, государственной с границей этнической, национальной,

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 1. С. 87, 138.
 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1851. Кн. 1.

С. 179–184.
 Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. С. 77–78.

³⁶ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 39.

³⁷ Лонгинов А. В. Червенские города. С. 65.

³⁸ Abraham W. Organizacja kościoła w Polsce. Do połowy wieku XII. Lwów, 1890. S. 42.

³⁹ Wasilewski T. Dulebowie – Ledzianie – Chorwaci. S. 189–193.

⁴⁰ Grabski A. F. Повесть временных лет jako źródło do dziejów Polski – w świetle nowszej literatury // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1955. № 1–2. S. 265–266.

⁴¹ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1: До початку XI віка. С. 493.

⁴² Korduba M. Stosunki polsko-ukraińskie w w. X-XIII // Sprawy Narodowościo-we. Warszawa, 1933. T. 7. № 6. S. 756.

Kucharski E. Polska w zapisce karolińskiej, zwanej właściwie "Geografem bawarskim" // IV Zjazd Historyków Polskich w Poznaniu (1925). Sekcja II. Pamiętnik. Lwów, 1925. T. I. S. 11.

поскольку принимать априори, что Киевское государство или государство Пястов могло доходить лишь до границы расселения восточных или западных славян, означало допускать логическую произвольность, которая должна была привести к ошибочным выводам». Это предположение ведет к следующему — что размещение пограничных городов следует рассматривать из перспективы государственной принадлежности данного центра, а не этнической границы: «...признание какой-либо территории за польской или русской стороной вовсе не означает, что данные территории должны были быть заселены обязательно русским населением, или обязательно польским, или, наконец, будто они не могли быть заселены и теми и другими» 44. Ведь нельзя меридионально отделить западных славян от восточных. Целью данной работы является установление государственной принадлежности Червенских градов в X-XIII вв.

Ибрахим ибн Йа'куб, «Dagome iudex» и пражский фальсификат 1086 г. как источники о польско-русском пограничье в X в.

Прежде чем мы перейдем к рассуждениям по существу проблемы политической принадлежности Червенских градов в X–XIII вв., следует ответить на вопрос о том, насколько известия Ибрахима ибн Йа'куба, «Dagome iudex» и пражского фальсификата 1086 г. пригодны для изучения польско-русского пограничья. Как следует из вышеприведенной литературы, исследователи использовали эти источники для доказательства принадлежности Червенских градов Польше или Чехии.

Известие Ибрахима ибн Йа'куба⁴⁵ известно нам из вторых рук, а именно из текста Аль-Бекри. Последний также пользовался географическим трудом ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов»⁴⁶.

⁴⁴ Kuczyński S. M. Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku (przed rokiem 980). S. 233–234.

⁴⁵ Литературу см.: Labuda G. Ibrahim ibn Jakub. Najstarsze relacje o Polsce w nowym wydaniu // RH. Poznań, 1954. R. 16; Dąbrowski J. Studia nad początkami państwa polskiego. S. 23–28.

⁴⁶ Это произведение было создано, вероятно, в 947 г. См.: Lewicki T. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. 1949/1950. Т. 2. Z. 2. S. 355. Как пишет Х. Ловмяньский (Łowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. S. 64), арабисты низко оценивают достоверность этого источника. См.: Kuczyński S. M. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X-XVII w. Warszawa, 1965. S. 12.

Из сообщений ал-Бакри и ал-Мас'уди не следует, принадлежал или не принадлежал Краков Чехии⁴⁷. Этот источник подробно проанализировал Я. Домбровский, который отметил серьезные сомнения, относящиеся к тексту ал-Бакри: «1. Использовал ли ал-Бакри текст Ибрахима непосредственно или знал его через посредство другого источника? Текст аль-Казвини, который черпает данные из Ибрахима через посредство ал-'Узри, отличается от текста ал-Бакри, но это также отнюдь не доказывает, что текст ал-Бакри стоит ближе к оригиналу; 2. Что из отрывка, посвященного славянам, действительно происходит от Ибрахима? Некоторые части этого отрывка взяты у ал-Мас'уди, у которого их позаимствовал ал-Бакри, а мы не знаем, нет ли там данных еще и из других источников. В любом случае здесь мы имеем дело с компиляцией ал-Бакри, а не с текстом Ибрахима. 3. Можно ли было бы что-либо реконструировать в качестве исходного текста Ибрахима на основании текстов ал-Бакри и аль-Казвини, и если да, то что? 4. Какой по порядку копией является известный в настоящее время текст ал-Бакри, который мы знаем не по оригиналу, а лишь по копии 1337 г. (второй является ее списком XV в.), поскольку это, разумеется, повышает вероятность неточностей и ошибок переписчиков?» 48. По сути, ал-Бакри и аль-Казвини приводят в своих произведениях выдержки, а не копии текста Ибрахима ибн Йа'куба, а значит, для Х в. эти источники недостоверны, а для наших рассуждений имеют третьестепенное значение⁴⁹. Вне зависимости от ценности этого источника, которая остается дискуссионной 50, он не имеет непосредственного отношения к рассматриваемой территории Червенских градов. Как справедливо заметил Х. Ловмяньский, он лишь в общих чертах говорит, как и «Dagome iudex», о границе государства Мешко на русском отрезке⁵¹.

⁴⁷ Stasiewski B. Untersuchungen über die Quellen zur ältesten Geschichte und Kirchengeschichte Polens. Breslau, 1893. S. 28; Dąbrowski J. Studia nad początkami państwa polskiego. S. 27–28.

Dabrowski J. Studia nad początkami państwa polskiego. S. 25.

⁴⁹ Я. Домбровский (*Dąbrowski J.* Studia nad początkami państwa polskiego. S. 26) вслед за В. Кетшиньским (*Kętrzyński W.* Granice Polski X w. Przyczynki do historii Piastowiczów i Polski piastowskiej. Kraków, 1937. S. 37) считает рассказ Ибрагима ибн Якуба третьестепенным источником для X в. Недостоверным его считает также С. М. Кучиньский: *Kuczyński S. M.* O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 75–76.

⁵⁰ Литературу см.: Lowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. S. 64-65; Persowski F. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X-XI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. S. 49.

⁵¹ Lowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. S. 65.

Документу «Dagome iudex» посвящена обширная литература, обзор которой недавно дал П. Новак⁵². Мнения исследователей, рассматривавших восточную и южную границы государства Пястов, описанную в этом документе, разделились. Часть из них считает, что Краков входил в состав Польши53. В последнее время в пользу такой интерпретации высказался П. Урбанчик⁵⁴. К. Бучек отмечает, что Краков в документе «Dagome iudex» назван среди соседей (affines), стало быть, не принадлежал государству Мешка I55. Этот вопрос подробно рассмотрел П. Новак, отметив, что Краков находился вне пределов власти Мешка 156. В свою очередь, Г. Лябуда считал, что раз в это время государство Мешка I охватывало также Мазовию. то определение «locus Ruzze», помещенное в документе «Dagome iudex», который датируется 990/991 г., свидетельствует о границе государств Пястов и Рюриковичей на русско-мазовецком отрезке57. Не углубляясь в подробности и хитросплетения проблематики документа «Dagome iudex», я хотел бы в завершение этого спора согласиться с наблюдениями Э. Ковальчик и Х. Ловмяньского (последнее приводилось выше) о том, что характеристика польско-русской границы в этом документе не позволяет осуществить ее территориальное размещение 58.

Пражский документ от 29 апреля 1086 г. выдал Генрих IV на соборе в Майнце, по просьбе епископа Яромира-Гебхарда⁵⁹ и его братьев Вратислава II, чешского короля, и Конрада, моравского князя, которые стремились объединить Моравское и Пражское епископства. Аргументом в пользу объединения епархий должна была слу-

Nowak P. Dagome iudex w zbiorze kanonów kardynała Deusdedita // Studia Źródłoznawcze. T. 51. 2013. S. 88-94.

Dąbrowski J. Studia nad początkami. S. 50–52.

⁵⁴ Urbańczyk P. Mieszko Pierwszy Tajemniczy. Toruń, 2012. S. 369-386. Критическую рецензию этой книги см.: Sikorski D. A. Mieszko Pierwszy Tajemniczy i jeszcze bardziej tajemnicza metoda historiograficzna // RH. 2013. T. 79. S. 183-203.

⁵⁵ Buczek K. Pierwsze biskupstwa polskie // KH. 1938. T. 52. S. 201–202.

Nowak P. Civitas Schinesghe w regeście dokumentu Dagome iudex (na marginesie książki Przemysława Urbańczyka, Mieszko Pierwszy Tajemniczy // РН. 2013. Т. 104. Z. 3. S. 566-568 (здесь указана литература).

Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. 2. S. 169.

⁵⁸ Kowalczyk E. Momenty geograficzne państwa Bolesława Chrobrego. Na styku historii i archeologii // KH. 2000. T. 107. № 2. S. 52.

⁵⁹ Епископ Яромир-Гебхард на майнцском синоде, состоявшемся в конце апреля – начале мая 1085 г., выступил с требованием объединения Пражского и Оломоуцкого епископств. Ср.: Labuda G. Czeskie chrześcijaństwo na Śląsku i w Małopolsce w X i XI wieku. S. 154.

жить привилегия св. Адальберта-Войцеха, подтвержденная императором Оттоном I и папой Бенедиктом; этот документ должен был определить границы Пражского епископства⁶⁰, в состав которого входило и Моравское. Новый документ, подтверждающий старый (выданный ок. 973/4 г.), был выдан, по мнению исследователей⁶¹, 29 апреля 1086 г. Подписанный Генрихом IV, он был утвержден в 1086 г. антипапой Климентом III. Исследователи чаше всего считают, что документ состоял из двух частей: в одной подробно перечислялись племена⁶², а во второй в общем виде назывались страны как границы епископства⁶³. Эта последняя часть чаще всего становится предметом критики. Интересующий нас отрывок выглядит следующим образом: «На западе границы Пражского епископства следующие: Тугаст [с областью], которая простирается до середины реки Хуб, Седлец, лучане и дечане, литомержцы, лемузы вплоть до середины леса, составляющего границу Чехии. Затем на севере эти границы таковы: пшоване, хорваты и другие хорваты, слезане, тржебовяне, бобряне, дедошане до середины леса, где проходят границы мильчан. Отсюда на восток [Пражское епископство] имеет границей реки Буг и Стырь с городом Краковом и областью, которая называется Ваг, со всеми округами, относящимися к вышеназванному городу, каковым является Краков» («Termini autem eius occidentem versus hii sunt: Tugast, que tendit ad medium fluminis Chub. Zelza et Liusena et Dasena, Lutomerici, Lemuzi

⁶⁰ Ср.: Trestik D. O dokumencie praskim z roku 1086 // Studia Źródłoznawcze. 1960. Т. 5. S. 79-88; Potkański K. Przywilej z 1086 roku // КН. Т. 17. S. 2-3; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964. С. 119-125; Он же. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в. // Краткие сообщения Института славяноведения. 1952. Т. 9. С. 43-50; Он же. К вопросу о роли «Червенских градов» в истории восточного славянства // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 108; Persowski F. Studia nad pograniczem polsko-ruskim. S. 50-55; Labuda G. Czeskie chrześcijaństwo na Śląsku i w Małopolsce w X i XI wieku. S. 140, 155-156.

⁶¹ Ср.: Королюк В. Д. Западные славяне. С. 125. Г. Лябуда отвергает мнение исследователей, которые считают, что пражский документ описывает границы 873 или 900 г. (Labuda G. Studia nad росzątkami państwa polskiego. Т. 2. S. 145–146). Он считает, что границы Пражского епископства, намеченные в этом документе, соответствуют политико-географической ситуации 973 г. Это государство должно было охватывать Краков вместе с Сандомиром и фактически доходило да Буга и Стыри, но без вислян и лендзян.

⁶² Potkański K. Przywilej. S. 3~4. Данные о силезских племенах рассмотрел 3. Войцеховский: Wojciechowski Z. Najstarszy ustrój plemienno-szczepowy i administracja [Śląska] do r. 1139 // Historia Śląska. Kraków, 1933. S. 123-154.

⁶³ Potkański K. Przywilej. S. 4.

usque ad mediam silvam, qua Boemia limitatur. Deinde ad aquilonem hii sunt termini Psouane, Chrowati et altera Chrowati, Zlasane, Trebowane, Boborane, Dedosese usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini. Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakoua civitate provinciaque, cui Wag nomen est, cum omnibus regionibus ad predictam urbem pertinentibus, que Krakova est»)64.

Часть исследователей считала, что Яромир не знал, как вначале выглядело Пражское епископство, поэтому фальсифицировал документ⁶⁵. Литературу приводит в своей работе 3. Козловска-Будкова⁶⁶. Недавно М. Матля-Козловска склонилась к мнению чешских исследователей, которые «в части якобы "племен" видят не племенные названия, но вторичную номенклатуру, произведенную от географических названий стран или крепостных округов времен правления Болеслава I»⁶⁷. Поскольку создатель фальсификата не располагал аналогичными знаниями о других территориях, ему пришлось описать их более обобщенно, при помощи указания хотя бы рек, якобы служивших границами Пражского епископства.

Герард Лябуда считал, что географическое описание документа было обоснованным. Из-за отсутствия данных о племенах писец перескочил к рекам⁶⁸. С. М. Кучиньский отмечает, что вторая часть фальсификата 1086 г. указывает на южные, но не северные связи⁶⁹. В своей последней работе, посвященной этому вопросу, он высказал

Cosmas Pragensis Chronica Boemorum // Monumenta Germaniae Historica. Berlin, 1955. Т. II. S. 137–139. Польский перевод см.: Kosmasa Kronika Czechów. Warszawa, 1968. S. 283–285. Издание документа см.: Friedrich G. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Praga, 1904–1907. Т. І. № 86. S. 94. Известна и еще одна редакция этого документа в списке конца XI или начала XII в. (из одного из мюнхенских монастырей): Stumpf-Brentano K. F. Acta imperii inde ab Heinrico I. ad Heinricum VI usque adhuc inedita // Reichskanzler vornehmlich des X., XI. und XII. Jahrhunderts: nebst einem Beitrage zu den Regesten und zur Kritik der Kaiserurkunden dieser Zeit. Innsbruck, 1880. Т. 3. № 76. Русский перевод цит. по: Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и комм. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 151.

⁶⁵ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 131–132. В. Д. Королюк отмечает, что в изготовлении фальсификата был заинтересован прежде всего пражский епископ. Г. Лябуда (Labuda G. Czeskie chrześcijaństwo. S. 157) считает, что епископ Яромир показал собравшимся на синоде какой-то документ, записанный предложениями, но не документ Войцеха.

Kozłowska-Budkowa Z. Repetytorjum polskich dokumentów doby piastowskiej. Kraków, 2006. Zesz. I: Do końca wieku XIII. S. 51, 65-67.

⁶⁷ Matla-Kozłowska M. Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo. S. 203.

⁶⁸ Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. 2. S. 136–137.

⁶⁹ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 76-77.

мнение, что пражский документ 1086 г. является фальсификатом и диоцеза с такими границами никогда не было. Документ указывает не на то, что Чешское государство простиралось до Стыри и Западного Буга, но максимум — что Великой Моравии принадлежала верховная власть над частью общности лендзян⁷⁰. Решающим доводом в споре о возможных северо-восточных границах Пражского епископства я считаю соображение Х. Пашкевича, который отметил, что Западный Буг и Стырь текут более-менее параллельно с юга на север. Значит, если границей является р. Западный Буг, то ею не могла быть р. Стырь. Стырь впадает в Припять, а Западный Буг в Нарев, а через него в Вислу. Картина выглядит иначе, если исходить из того, что речь идет о Южном Буге. В таком случае возможные границы сдвигаются к югу и не охватывают интересующей нас территории⁷¹.

Вне зависимости от этих рассуждений следует подчеркнуть, что мы имеем дело с фальсификатом, в отношении которого мы не в состоянии определить, существовал ли в действительности документ св. Войцеха-Адальберта и насколько создатель фальсификата дополнил его. Как отметил Я. Домбровский, лишь документ об основании Пражского епископства мог бы развеять сомнения в его достоверности⁷².

Резюмируя эти три источника, следует констатировать: они указывают на то, что пястовская Польша граничила с Русью⁷³. На их основании мы не способны достоверно определить, насколько длинной была граница между ними. Эти сообщения являются определенными размытыми предпосылками интерпретации политической ситуации X в., но не могут служить основанием для изучения польско-русского пограничья, поскольку, как было отмечено выше, имеют третьестепенную ценность.

Ляхи, лендзяне, чехи или русины? Форма записи 981 г.

Многие исследователи, как отмечалось во вступлении, задавались вопросом об использовании термина «Ляхи» в известии ПВЛ под 981 г. Анализируя его, они пытались определить территориальный охват племен в X в., которые можно было бы признать польскими. Часто гипотезы характеризуются мелкими расхождениями⁷⁴,

Kuczyński S. M. Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku (przed rokiem 980). S. 250.

⁷¹ Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 89.

⁷² Dąbrowski J. Studia nad początkami. S. 54.

⁷³ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza. S. 76-77.

⁷⁴ Первым полякам и их названиям посвящена магистерская работа М. Терпиловского, написанная в Историческом институте Варшавского универ-

которые влияют на интерпретацию известий о польских племенах. Большинство исследователей сходится в том, что формы «Ляхи» (ПВЛ), «Litzike» (Константин Багрянородный, «Об управлении империей) и «Licicaviki» (Видукинд) относятся к прапольской общности⁷⁵. 3. Голомб, изучая формы «Licicaviki» Видукинда и «Litzike» Константина Багрянородного, пришел к выводу, что они относятся к патронимической номенклатуре. Обе формы должны были означать Лестковичей - производное от имени Лех-Лешек 76. Я. Банашкевич, анализируя скандинавскую традицию и сравнивая ее с формами латинских источников, приходит к выводу, что «Lesir» произошло от «Lesar», «имени, которое скандинавы использовали для обозначения лехитов». Далее он отмечает, что «наименования Lesar, Lesir, Lesy интуитивно напоминают о Лестке». Таким образом, Лестек является общим эпонимом, иными словами, от него происходит название Лехиты, Lesar или Lechoi. Свои рассуждения Я. Банашкевич завершает следующим образом: «В начале XI века для обозначения общности, сосредоточенной вокруг Гнезна, использовался этноним, отличный от того, к которому мы привыкли (поляне, Poloni, поляки). Это было наименование, которое племя само для себя "выработало" и которое быстро распространилось у соседей в формах, продиктованных их собственной языковой восприимчивостью»77. М. Терпиловский, сопоставив рассказы Константина Багрянородного и Нестора⁷⁸, пришел к выводу, что «сходство этих упоминаний может свидетельствовать

ситета под руководством проф. С. Гавляса: *Terpiłowski M.* Najstarsza nazwa mieszkańców państwa Piastów. Warszawa, 2007 (Archiwum UW, mps, sygn. 207231). Несмотря на усилия научного руководителя, автор не решился опубликовать ее. Благодарю М. Терпиловского за предоставление магистерской работы.

Cp.: Lewicki T. Litzike Konstantyna Porfirogenety i Biali Serbowie w północnej Polsce // RH. 1956. T. 22. S. 9-10; Lehr-Spławiński T. Lędzice - Lędzanie - Lachowie. S. 195-209; Labuda G. Licicaviki // Słownik Starożytności Słowiańskich. Warszawa, 1973. T. 3. S. 56-57; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. 2. S. 182-183; Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 14, 45, 407; Gołąb Z. Jak sąsiedzi zachodni nazywali Polaków w połowie X w. // Slavia Orientalis. 1991/92. T. 48-49. S. 85-92; Banaszkiewicz J. Lestek (Lesir) i Lechici (Lesar) w średniowiecznej tradycji skandynawskiej // KH. 2001. T. 108. Zesz. 2 S. 19-23

⁷⁶ См.: Gołąb Z. Jak sąsiedzi zachodni nazywali Polaków. S. 85–92.

⁷⁷ Cm.: Banaszkiewicz J. Lestek (Lesir) i Lechici (Lesar). S. 19–23.

⁷⁸ Константин: «Прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личиками)» (русский перевод цит. по: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. Изд. 2-е. С. 149, 151); ПВЛ: «Словъни же ови пришедше съдоша на Вислъ и прозвашася Ляхове».

о том, что Нестор фактически пользовался в своей работе трактатом "Об управлении империей". Однако нет никаких других доказательств, подтверждающих справедливость этого тезиса»⁷⁹.

Г. Лябуда считает, что первоначально в ПВЛ под 981 г. было записано не обозначение «Ляхи», но племя лендзян-лехитов⁸⁰. Вывод о лендзянах⁸¹ на этой территории основан на двух источниках: это текст договора великого князя Игоря с Византией ок. 944 г., в котором фигурирует лендзянский князь Водислав⁸², и трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» («De administrando imperio»), в котором упоминаются лендзяне⁸³. С. М. Кучиньский отождествил ляхов с лендзянами, сочтя, что так именовался «надплеменной организм, с замечанием, что племена северо-западной Польши образовывали отдельную общность под предводительством полян»⁸⁴. Сходным образом рассуждал Х. Пашкевич. Рассматривая

⁷⁹ Terpiłowski M. Najstarsza nazwa, S. 45.

Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Т. 2. S. 182–183; Labuda G. Mieszko I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2002. S. 160. Здесь следует также отметить, что ленхи были созданы И. Лелевелем. Как отмечает М. Терпиловский (Terpiłowski M. Najstarsza nazwa. S. 46), «у Нарушевича, писавшего почти веком ранее, не фигурируют ленхи, а только лешки (Naruszewicz A. Historia narodu polskiego. Kraków, 1859. Т. 1. S. 9). Даже в «Старом предании» Крашевского, который писал примерно тогда же, когда и Лелевель, совершенно нет упоминаний о ленхах, при этом, как и у Нарушевича, фигурируют лешки, как и у остальных авторов этого периода. Отсюда следует вывод: номенклатура "ленхи" была создана Лелевелем, поскольку ее не было раньше и современникам Лелевеля не была известна какая бы то ни было традиция о ленхах».

⁸¹ Łowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1963. S. 111–114; Jażdżewski K. Stosunki polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu w świetle archeologii // Pamiętnik Słowiański. 1954. Т. 4. Zesz. 2. S. 347. Эти исследователи считают, что лендзяне должны были занимать Сандомирскую землю и Червенские грады и на рубеже IX-X вв. подчинялись Великой Моравии, а после падения этого государства должны были признать верховную власть киевского князя.

⁸² Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X-XI вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952. С. 30–35.

Be administrando imperio // Testimonia do najdawniejszych dziejów Słowian. Warszawa, 1995. T. 2. Seria grecka. Ks. 33. S. 294. Cp.: Kuczyński S. M. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII. S. 15–16.

Кисzyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 74–75. Исследователь отмечает, что термин «ляхи» (лендзяне) охватывает не только сандомирян, но и мазовшан, вислян, и племена, жившие на Буге и Стыри. Т. Лер-Сплавиньский (Lehr-Spławiński T. Lędzice – Lędzanie – Lachowie. S. 209) считает термин «ляхи» «tworem pochodzenia ruskiego, który powstał zapewne w pierwszej połowie X w. gdzieś w północnym rejonie rusko-polskiego

употребление термина «ляхи» в ПВЛ, он отмечает, что «понятие "Руси" выросло в Киевской земле как центре государственно-политического организма. "Нестор" упоминал многочисленные племена финнов и балтов, - "которые платят дань Руси", т. е. Киевскому государству. Когда в 981 г. Владимир Великий занял Перемышль, Червень и другие города, летописец добавляет: "которые доныне под Русью". В 984 г. тот же князь победил радимичей, происходящих от ляхов (как и вятичи)⁸⁵, которые "платят дань Руси, повоз возят и до сего дня" и т. д.» 86 Как отметила М. Матля-Козловска, когда в 6473 г. Святослав пошел на хазар, из ПВЛ выясняется, что он взял Белую Вежу. В 6745 г. он идет на болгар и берет 80 их городов. В случае кампаний, целью которых было подчинение племен (вятичи, радимичи, ятвяги и т. п.), источник не конкретизирует, что именно было завоевано. поскольку в результате подчинялись целые племенные организмы. Если бы события 981 г. касались лендзян, то Нестор не преминул бы записать: «Иде Володимер на лендзян», потому что Владимир в таком случае занял бы независимую племенную территорию, а не Ляшскую землю. Излишней была бы также дописка Нестора: «еже суть и до сего дне подъ Русью». Ляхов следует рассматривать по аналогии с болгарами и хазарами. Это означает, что даже если на этой территории был крупный племенной организм в лице лендзян, то летописец рассматривал его не как особый субъект, но как составную часть ляхов⁸⁷. Парадоксальным образом это подтверждает наблюдение К. Фокта, хотя его намерение было иным. По его словам, племена, проживавшие на Буге, Стыри и Сане, составляли племенную общность под названием лендзяне. Он отмечает, что автор ПВЛ знал, что в ее состав входили дулебы. Это название должно было сохраниться в памяти тогдашних людей⁸⁸. Это означает, что Нестор при описании похода Владимира (981), завершившегося подчинением Червенских градов, целенаправленно приписывает эту территорию ляхам. Вопрос о том, кто проживал на этой территории – лендзяне, бужане или древляне, - остается второстепенным. Как отметил Х. Пашкевич.

pogranicza i stamtąd na przełomie w. X–XI rozszerzył się na całe pogranicze, zastępując lub wypierając inne, starsze nazwy (Ledzianie <*lędjane, *lęděne) i ograniczając znaczeniowo nie tylko ogół plemion polskich, ale także inne blisko pokrewne Polakom plemiona, które oznaczamy dziś w nauce konwencjonalnym terminem lechickich».

Paszkiewicz H. Powstanie narodu ruskiego. Kraków, 1998. S. 371.

Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 14.

⁸⁷ Matla-Kozłowska M. Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo. S. 288-289.

Fokt K. Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru // PH. T. 95. 2004. S. 253.

«поскольку тем же термином [Ляхи. – А. Ю.] летописец оперировал при определении этнической принадлежности радимичей и вятичей, можно предполагать, что то же этническое содержание он вкладывал в понятие ляхи». Термин «Ляхи» для обозначения польских племен возник в результате долгого сосуществования славянских племен бассейнов Вислы, Одера, Днестра, Западного Буга и других. Во времена Нестора и до XI века это понятие имело надплеменное значение⁸⁹.

К приведенным рассуждениям о ясном выделении Нестором категорий «мы» и «они» следует добавить еще один момент. В ПВЛ применительно к соседям, которые не находились в зависимости от Руси, применяются понятия, которые демонстрируют их государственно-правовую самостоятельность, например «Ляхи», «Чехи». С этой точки зрения теория Г. Лябуды об ошибке летописца, которая якобы заключалась в неправильно записанном племени лендзян, остается без аргументации, поскольку слово «ляхи» в летописи под 981 г. было употреблено целенаправленно. Нестор в ПВЛ ясно выделял такие этносы, как ляхи и чехи⁹⁰. Следует подчеркнуть, что Нестор считал регион Червенских градов в X и XI в. польскими землями, и этим нужно объяснять то, как он подчеркивает успехи Владимира Святославича и смену правителя, которому подчиняется эта территория. Факт вмешательства в текст⁹¹ (при помощи добавления: «еже суть и до сего дне подъ Русью»), информации – еще раз подчеркну, – восходящей к X в., о занятии этой территории) является аргументом в пользу польского присутствия там. В Киевской летописи и Галицко-Волынской летописи мы с такими процедурами уже не встречаемся, поскольку в них уже не было необходимости. Летописцам было ясно, что это русские территории. Свидетельством же их долгой принадлежности к Руси были упоминания под 981, 1018 и 1031 годами.

Записи 981, 1018 и 1031 гг. в «Повести временных лет»

а) Источниковедческие вопросы

Невозможно правильно интерпретировать и датировать записи 981, 1018 и 1031 гг. без точного источниковедческого анализа. А. А. Шахматов, изучая следы раннесредневековых летописных

⁸⁹ Paszkiewicz H. Powstanie narodu ruskiego. S. 363, 373-375; Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 45.

⁹⁰ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 84.

⁹¹ Нестора или редактора более ранних летописных сводов.

сводов в «Повести временных лет», отметил, что им присуща хронологическая путаница⁹². Он приводит, в частности, пример Владимира Святославича: в зависимости от летописных сведений, которые мы учтем, он правил то ли с 978, то ли с 980 г. Согласно выводу Шахматова, дата 11 июня 980 г. является результатом хронологической комбинации автора «Памяти и Похвалы» 93. Хронологические неточности весьма заметны и в дальнейшей части «Повести временных лет». Под 1030 г. читаем о смерти Болеслава Храброго, который в действительности умер в 1025 г. А. А. Шахматов отмечает, что ни за X в., ни за первую половину XI в. до нас не дошла ни одна точная дата, не связанная с церковными делами. До 1061 (6569) г. хронология известий «Повести временных лет» неточна⁹⁴. Это могло быть вызвано либо тем, что с 1061 г. работал новый летописец с новыми стандартами, либо тем, что до 1061 г. события датировались на основании устных сообщений⁹⁵. Д. С. Лихачев считал, что первые хронологические известия в «Повести временных лет» начинаются в 1073 г. 96 Это означает, что создатель раннесредневекового свода пользовался церковными записями, содержавшими даты смерти правителей из династии Рюриковичей, и не располагал летописью с хронологической сеткой 97. Кроме того, следует помнить, что многочисленные редакции на протяжении XI-XII вв. привели к тому, что известный сегодня текст «Повести временных лет» поправлялся и дополнялся⁹⁸. Сведения, содержащиеся в тексте, должны были быть ясными и понятными. Эта задача стояла перед редактором, а

⁹² Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 21, 37, 270.

⁹³ Ср.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 37–39. 94 Ср.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 39, 270.

Примеры проблем датировки прихода Владимира к власти и занятия Корсуни рассмотрены: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 57–58, 62–64.

⁹⁵ Ср.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 271—273. М. Д. Приселков считал, что с 60-х гг. XI в. Никон, монах Печерского монастыря, начал собирать материалы, которые легли в основу будущей летописи (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 59–60).

⁹⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л. 1947. С. 85.

⁹⁷ М. Д. Приселков считал, что летописец до 1044 г. не имел в своем распоряжении летописи (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 58–59).

⁹⁸ Ср.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 24, 284. Ср. характеристику его метода: Творогов О. В. Археография и текстология древнерусской литературы. Курс лекций. М.; СПб., 2009. С. 110.

позднее переписчиком, который интерпретировал нечитаемый или непонятный текст. Необходимо помнить, что этот переписчик жил в определенное время и на определенной территории. Часто события, происходившие за сто или больше лет ранее, были для него туманными и неясными. Поэтому в части летописей, содержащих «Повесть временных лет», сохранился рассказ о Черниговских, а не Червенских градах. Древнейшая компиляция, содержащая «Повесть временных лет», дошла до нас в Лаврентьевской летописи (1377)99. Уже в это время Червень утратил значение и его название мало что говорило переписчику¹⁰⁰.

Прежде чем перейти к анализу источников, я хотел бы отметить. что в данной работе оставляю в стороне вопрос о числе редакций «Повести временных лет» и предполагаемом времени их возникновения. Тот факт, что древнейшая редакция возникла в 1037 г., как доказывал А. А. Шахматов¹⁰¹, или в 1044 г., как пишет М. Д. Присёлков¹⁰², или в 996 г., как заключает Л. В. Черепнин, не влияет на оценку достоверности источника, которая, с мелкими исключениями и замечаниями, о которых будет сказано ниже, не вызывает вопросов. При этом он не решает вопросов хронологии, относительно которых, как я старался показать выше, можно высказать много замечаний. Здесь можно привести пример Галицко-Волынской летописи, которая первоначально не имела погодной формы, и несмотря на это, поскольку ее источником были сообщения очевидцев, признается одним из самых ценных (если говорить о достоверности) источников XIII в. Тот факт, что события расположены не в хронологическом порядке и практически каждый абзац этого памятника средневековой литературы требует углубленного анализа и интерпретации, не умаляет его значения 103.

Но вернемся к нашим рассуждениям о хронологии «червенских» событий, описанных в «Повести временных лет». М. Д. Приселков справедливо отметил, что информация «Повести временных лет» под 1031 (6539) г. могла склонить летописца к попытке датировать это

⁹⁹ СККДР. XI— первая половина XIV в. Т. 1 / Ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. C. 241–245.

¹⁰⁰ Cp.: Poppe A. Gród Wołyń. S. 283–284.

¹⁰¹ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 21.

¹⁰² Приселков М. Д. История русского летописания. С. 50, 58. А. А. Шахматов, как отметил А. Е. Пресняков, позднейшие записи 1038–1043 гг. считал приписками к раннесредневековому своду 1037 г.

¹⁰³ Галицко-Волынская летопись рассмотрена с указанием литературы в работе: Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1264). Studium prozopograficzne. Kraków, 2013. S. 23–36.

событие таким образом, чтобы показать, что Червенские грады задолго до этого принадлежали Руси. Это означало бы, что дата была вычислена искусственно, путем вычитания из 1031 г. 50 лет¹⁰⁴. М. Кордуба утверждает, что известие 981 г. является лишь комбинацией редактора летописи с позиций его времени (конца XI в.), поскольку в 981 г. ни Перемышль, ни Червень не принадлежали и не могли принадлежать Польше¹⁰⁵. С. М. Кучиньский считает, что Польша и Русь до конца XII в. оставались в дружественных взаимоотношениях. Он доказывает, что считая от похода, якобы состоявшегося в 981 г., до 1194 г. «на несколько десятков польских или русских вооруженных выступлений удается насчитать всего лишь три похода, относительно которых можно иметь убеждение в том, что они не были интервенциями родственников-союзников. А именно: а) поход Владимира I "к Ляхам". якобы 981 г., а, вероятно, состоявшийся в 1012 г.; b) поход на польское пограничье Ярослава Мудрого 1017 г. и с) отмеченный в летописи в 1030 г., но в действительности состоявшийся в 1037-1038 гг. поход Ярослава Мудрого на Белз»¹⁰⁶. Владимир Королюк обратил внимание на слова «еже суть и до сего дне подъ Русью», записанные под 981 г. в «Повести временных лет». На этом основании он доказывает, что дата 981 г. является результатом позднейшей редакции, вызванной известиями 1018 и 1031 гг. Вероятнее всего, эта вставка была сделана позднее, а приведенной аргументации недостаточно, чтобы поставить под сомнение всю запись «Повести временных лет» под 981 г.¹⁰⁷ Следует отметить, что известия 1018 и 1031 г. никоим образом не указывают на то, что в предшествующие годы Червенские грады находились под властью Польши, а следовательно, известие 981 г. следует признать независимым, не связанным с известиями 1018 и 1031 гг. Кроме того, как отметил X. Пашкевич, словами «еже суть и до сего дне подъ Русью» Нестор недвусмысленно дает понять, что эти земли были подчинены Киевской Руси в результате завоевания 981 г.¹⁰⁸

Это означает, что запись о походе князя Владимира на Ляхов следует признать достоверной. Также нет оснований утверждать, будто это амплификация, производная от записи под 1031 г. Вслед за А. Поппе я склонен признать, что сама запись, впоследствии включенная в «Повесть временных лет» или в раннесредневековый свод, возникла раньше, независимо от записи 1031 г. Если бы мы призна-

¹⁰⁴ Приселков М. Д. История русского летописания. С. 63.

¹⁰⁵ Korduba M. Stosunki polsko-ukraińskie. S. 756.

¹⁰⁶ Kuczyński S. M. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII. S. 20.

¹⁰⁷ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 86.

¹⁰⁸ Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 77.

ли запись под 981 г. позднейшей, то почему в 1018 и 1031 гг. фигурируют «грады Червенские», а не «градъ Червень и ины»? 109 Вероятно, именно под 981 г. сохранилось верное чтение, а под 1018 и 1031 гг. ошибочное¹¹⁰. В Лаврентьевской летописи читаем соответственно: под 1018 г. - «Болеславъ же побъже ис Кыева, възма имънье и бояры Ярославлъ и сестръ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имънью, бъ бо ся ему ввърилъ лестью, и людии множьство веде с собою, и городы **Червеньскыя** зая собъ, и приде в свою землю»¹¹¹ и под 1031 г. - «Ярославъ и Мьстиславъ собраста вои многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы Ляхы приведоста, и раздъливша я; Ярославъ посади [своя] по Ръси, и суть до сего дне»112. А. Поппе113 пишет, что в Погодинском списке читается версия «грады Черниговския». Факсимиле памятника этого не подтверждает. Там читается версия: «и грады Червеньскыа»¹¹⁴. Чтение «грады Черниговскыя» (исправленное издателями текста на «грады Червеньскыя») находится под 1031 г. в Синодальном списке Софийской I летописи¹¹⁵ и под 1018 и 1031 гг. в Академическом списке Новгородской V летописи¹¹⁶. Данная ситуация возникла, вероятно, в результате неправильного чтения писцов XIV-XVIII вв. По мнению А. Поппе, это предположение подтверждает легенда о св. Борисе и Глебе из Чудова монастыря по рукописи XV в. 117 В энциклопедическом изложении проблемы он отмечает, что «сам термин "грады Червенские" не имеет соответствия в политико-географической номенклатуре ни восточных, ни западных славян. Это позволяет думать, что первоначально упоминания под 1018 и 1031 гг. в летописных сводах, предшествующих "Повести временных лет", звучали аналогично чтению под 981 г.: "Червень и другие грады"»¹¹⁸.

¹⁰⁹ Poppe A. Gród Wołyń. S. 277.

П. П. Толочко считает, что записи 980–996 гг. были составлены в X в. (Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 21–22).

¹¹¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 144. Сходная запись: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 131.

¹¹² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 150.

Poppe A. Gród Wołyń. S. 284.

Cp.: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) // The old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices, 1990 (= Harward library of early ukrainian literature. Texts. T. 8). P. 440, 443.

¹¹⁵ Софийская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 126.

¹¹⁶ Новгородская пятая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. Пг., 1917. С. 111, 116.

¹¹⁷ Poppe A. Gród Wołyń. S. 283-284.

Poppe A. Grody czerwieńskie // Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław; Warszawa: Kraków, 1961. T. 1. S. 168.

С учетом приведенных соображений об отсутствии точных нецерковных дат до 1061 г. также сохраняются сомнения относительно фактической даты отвоевания Червенских градов Ярославом Мудрым. На мой взгляд, для этого периода более точной была бы формулировка типа «последние 20 или 10 лет X в.». Но, стремясь реконструировать хронологию событий, я буду пользоваться записью, датируемой около 981 или около 992 г. Аналогичная ситуация с 30-ми годами XI в. Единственной точной датой, зафиксированной другими источниками, является 1018 г. Когда же в таком случае на самом деле состоялось завоевание Червенских градов, о котором говорит летописец под 981, 1018 и 1031 гг.?

b) Таинственная запись 981 г.

Не намереваясь вновь подробно анализировать все гипотезы, касающиеся этих событий, отсылаю читателя к введению, в котором была рассмотрена литература. Исследователи, которые занимались этими вопросами, указывали даты: 979 г. 119, последнее десятилетие Х в. 120, 993 г. 121, 992 или 1012 г. 122 Противники 981 г. указывают, что 981 г. является не точной датой похода Владимира на Червень, а гипотетической 123. С. М. Кучиньский отметил, что Владимир Великий лишь в 980 г. занял киевский престол и должен был утвердиться на нем, поэтому малоправдоподобно, что через год после занятия престола он начал войну с ляхами. Кроме того, варяжские силы, которые помогли ему занять Киев, он отпустил в Царьград. Он бы этого не сделал, если бы планировал поход на ляхов. Сам летописец подчеркивает, что киевский князь поступил так потому, что не доверял своим союзникам.

Хорваты, по мнению большинства историков, населяли окрестности Перемышля 124 . Поэтому В. Д. Королюк 125 обратил внимание на

Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев, 1884. Ч. 1. С. 77; Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii // Rocznik Wołyński. Równe, 1934. Т. III. S. 82; Wasilewski T. Dulebowie – Ledzianie – Chorwaci. S. 189; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 408.

¹²⁰ Приселков М. Д. История русского летописания. С. 28; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 96.

Widajewicz J. Południowo-wschodnie kresy Polski w X i XI w. Poznań, 1937. S. 3; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 33; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964. С. 89.

¹²² Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 39, 105.

¹²³ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 89.

¹²⁴ Литературу см.: Королюк В. Д. Западные славяне. С. 89.

¹²⁵ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 81.

запись в «Повести временных лет» под 992 г., которая звучит следующим образом: "Иде [Володимиръ] на хорваты" 126. По его мнению, первоначально запись 981 г. звучала так: "Иде [Володимиръ] на хорваты и дулебы". По мнению этого исследователя, под дулебами подразумевается область Червенских градов. В результате дальнейшего анализа он признал всю запись 981 г. позднейшей интерполяцией, введенной редактором свода 1039 г. 127, а в качестве собственно даты занятия территории Червенских градов принял 992 г. Последние исследования М. Парчевского и К. Фокта отодвигают племя хорватов к югу от Перемышля 128.

Защитники даты 981 г. приводят аргумент, что сведения о походе Владимира летописец почерпнул из пасхальных таблиц. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что, как я уже отмечал, нам неизвестен автограф ПВЛ, а древнейший памятник русского летописания, содержащий ее, возник в 1377 г. Источники, которыми пользовался автор ПВЛ в XII в., нам неизвестны и могут быть определены лишь гипотетически. Учитывая приведенные рассуждения о точности хронологической организации рассматриваемого памятника русской письменности до третьей четверти XI в., следует усомниться в достоверности даты 981 г. Р. Гродецкий пессимистично заметил, что «утрата Червенских градов является фактом, которого нельзя связать какой-либо генетической связью с прочими известными фактами этого времени»¹²⁹. Ведь источники являются неверифицируемой основой выводов, а реконструкция событий часто носит гипотетический характер. Задача историка - при помощи аргументации сделать более вероятными собственные интерпретации. На мой взгляд, нельзя полностью исключить, что поход состоялся именно в 981 г. Ключевым моментом является 992 г. Согласно «Хильдесхаймским анналам», в этом году польско-русские взаимоотношения обострились: «Bolizlao vero Misachonis filius, pes se ipsum ad dominum nequaquam valens, imminebat quippe illi grande contra Rusianos bellum»130. Болеслав Храбрый не мог лично явиться по приглашению императора Оттона III под Банненбург из-за

¹²⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 122.

¹²⁷ Королюк В. Д. Западные славяне. С. 88-89.

Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. S. 36-37; Fokt K. Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru. S. 441-456.

¹²⁹ Grodecki R. Dzieje Polski do r. 1194 // Dzieje Polski średniowiecznej. Kraków, 1926. T. I. S. 53.

Annales Hildesheimenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum. T. 8 / Hrsg. von G. Waitz. (MGH. SS. T. 3.) Hannoverae, 1878. P. 25.

готовящейся «большой войны» против руси. Как справедливо заметил С. М. Кучиньский, «эта информация не является решающей. Мы не знаем, дошло ли дело до похода» 131. Скорее всего, нет. В неиспользованной исследователями Никоновской летописи читаем: «Того же лета посла Володимеръ на печенеги, и одолеша имъ, и възвратишася съ победою и радостію къ Володимеру. Того же лета прідоша послы къ Володимеру отъ Болеслава Лятцкаго»¹³². Из этого рассказа ясно следует, что около 992 г. (вероятно, после 992 г.) именно Болеслав Храбрый начал переговоры с Владимиром Великим, которые, вероятно, завершились заключением мира и стали причиной добрых взаимоотношений правителей, которые подтверждаются записью ПВЛ под 996 г.: «И бъ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомь Лядьскымь, и съ Стефаномь Оугрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы»133. Как справедливо отметил А. Н. Насонов, данная запись вместе с тем доказывает не только то, что около 996 г. взаимоотношения этих правителей были дружественными, но и то, что ранее доходило до столкновений между ними, что подтверждается рассказом, помещенным под 981 г.134

Информацию «Хильдесхаймских анналов» можно интерпретировать либо как подтверждение польско-русского конфликта, который продолжался некоторое время и завершился около 992 г., либо как предвестие такого конфликта в будущем. В первом случае дату 981 г. следует признать правильной, во втором же 992 г. – датой роst quem похода Владимира. Я хотел бы подчеркнуть, что обе интерпретации одинаково правдоподобны. Одним из аргументов в пользу неточности даты 981 г., помимо приведенного хронологического аргумента, является факт, что Владимир, только что занявший киевский престол, отправляясь в поход на ляхов, вряд ли отважился бы вести войну на несколько фронтов. Разве что ситуация у соседей способствовала принятию такого, а не иного решения, что нельзя исключить, но этого не верифицируют никакие доступные источники. Другая возможность заставляет нас констатировать, что польскорусский конфликт начался до прихода Владимира к власти.

¹³¹ Kuczyński S. M. Stosunki polsko-ruskie. S. 20-21.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 64.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 126. Польский перевод см.: Powieść minionych lat. Najstarsza kronika kijowska / Tłum. i opr. F. Sielicki. Wrocław, 2005. S. 112–113.

¹³⁴ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. С. 115.

С. М. Кучиньский указал на две возможных датировки занятия указанной территории киевским князем Владимиром. Один из вариантов относится к 1012 г. В это время, когда Болеслав Храбрый воевал в Саксонии, император Генрих II мог договориться с Владимиром Великим о проведении диверсии¹³⁵. Второй вариант относится к 992 г. Оба варианта С. М. Кучиньский считает возможными, склоняясь к 1012 г. С учетом приведенных соображений о времени возникновения записи 981 г. я считаю более правдоподобным период после 992 г. В это время имело место стечение многих обстоятельств. Умер Мешко I, а Болеслав Храбрый вскоре изгнал мачеху Оду и ее сыновей из страны. Титмар так описывает эти события: «Однако 25 мая в лето от Воплощения Господня 992-е, а [с начала правления] третьего из Оттонов 10-е названный герцог, тогда уже старый и больной. вернулся из сего [земного] изгнания в отечество [небесное]. Оставленное им королевство, которое должно было разделить между несколькими [наследниками], впоследствии с лисьим коварством собрал воедино его сын Болеслав. Изгнав мачеху и братьев, ослепив своих приближенных Одилиена и Прибывоя, он ради единоличной власти преступил все законы Божеские и человеческие» («Sed anno dominicae incarnationis DCCCCXCII, regni autem terci Ottonis (X et VIII Kal. Iunii) prefatus dux iam senex et febricitans ab exilio hoc ad patriam transit, relinquens regnum suimet plurimis dividendum, quod postea filius eiusdem Bolizlavus, noverca et fratribus expulsa excecatisque familiaribus suis Odilieno atque Pribuvoio, vulpina calliditate contraxit in unum»)136. Мы не знаем точной даты изгнания Оды и принципов раздела наследства Мешко I. Можно догадываться, что вдова после смерти мужа правила от имени малолетних сыновей - Мешко, Святополка и Ламберта – землями, объем которых не уточняется. Как справедливо отметил А. Плещиньский, «Хильдесхаймские анналы» своим описанием помощи, которую оказал Болеслав Храбрый, выслав императору Оттону III войска для борьбы с велетами, подтверждают, что именно первородный сын Мешко I естественным образом был наследником покойного отца¹³⁷. Однако глава династии Пястов должна была считаться со сложившейся политической ситуацией. Она много лет

¹³⁵ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 106–113.

¹³⁶ Kronika Thietmara / Tłum i opr. A. Z. Jedlicki. Роznań, 1953. Ks. IV, 58. S. 224—225. Русский перевод цит. по: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 138–139.

Pleszczyński A. Początek rządów Bolesława Chrobrego // Viae historicae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi A. Tyszkiewiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Wrocław, 2001. S. 225.

сотрудничала с немцами. Среди немецких элит - а из них Ода происходила – она, вероятно, располагала широкими контактами¹³⁸. Однако представляется, что не они были причиной того, что Болеслав не сразу изгнал мачеху из Польши. Мешко I позаботился о том, чтобы гарантировать интересы своей жены. Стало быть, у нее была какая-то группа политических, а значит и военных, сторонников. Титмар упоминает двух вельмож, которые ее поддерживали, - Одилена и Пшибывоя. Поддержка со стороны элит является решающим элементом сохранения правителем престола за собой. Они всегда действовали в собственных интересах. Победа не поддерживавшегося ими правителя могла означать для них конец карьеры и попросту изгнание. Поэтому они были полны решимости зашишать жизненные интересы Оды и ее детей. Необходимо помнить, что конфликт Болеслава Кривоустого со Збигневом длился несколько лет после смерти их отца Владислава Германа. Позднейшему польскому королю в этой борьбе помогали русские и венгерские отряды. Вероятно, самостоятельно он не мог победить брата. Аналогичную ситуацию следует усматривать в конфликте Оды с Болеславом Храбрым. Он усилился после смерти Мешка I, а изгнание мачехи могло произойти именно после 992 г. Не исключено, что посольство около 992 г. к Владимиру Великому увенчалось сотрудничеством правителей Польши и Руси.

Возможно, результатом польско-русского сотрудничества ок. 992 г. была взаимопомощь в борьбе с внешними и внутренними врагами. Это предположение может подтверждать хроника Винцентия Кадлубека, который писал, что Болеслав Храбрый выступил в поход на юго-восток: «Подчинил своей власти гуннов или венгров, хорватов и сильный народ мардов» («Hunos seu Vngaros, Crauacios et Mardos gentem ualidam suo mancipauit imperio»)¹³⁹. Галл Аноним пишет: «Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил под свою власть?» («Numquid non ipse Ungaros frequencius in certamine, totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit»)¹⁴⁰. Последние интерпретации

¹³⁸ Pleszczyński A. Początek rządów Bolesława Chrobrego, S. 229.

¹³⁹ Magistri Vincentii Dicti Kadłubek. Chronica Polonorum // Monumenta Poloniae Historica. S. N. T. 11 / Opr. M. Plezia. Kraków, 1994. S. 41. Польский перевод см.: Mistrz Wincenty Kadłubek. Kronika polska / Tłum. i opr. B. Kürbis. Wrocław, 2003. S. 55-56. Русский перевод цит. по: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 97-98.

¹⁴⁰ Gesta Principum Polonorum // Central European Medieval Texts. T. 3 / Tłum. Paul W. Knoll, F. Schaber. New York, 2003. S. 30–32. Польский перевод см.: Gall Anonim. Kronika polska / Tłum. R. Grodecki, wstęp i opr. M. Plezia.

археологических находок показывают, что в первой половине X в. район Перемышля был занят венграми¹⁴¹. Необходимо помнить, что и Нестор, и Галл Аноним, и магистр Винцентий Кадлубек стремились создать панегирики своим династиям, в которых важную роль играла форма рассказа, а не исторические подробности. Они показывали правителей как доблестных защитников христианства. Попрежнему актуально замечание Б. Кюрбис об авторе «Хроники поляков»: «Свое писание истории он также понимал как досуг (otium), то есть интеллектуальное развлечение, представляемое адресатукнязю и людям из его окружения, обладающим соответствующей интеллектуальной подготовкой»¹⁴². Именно так нужно понимать рассказ ПВЛ о подчинении все новых и новых племен киевским князем, равно как и о походе 981 г.

Если мы признаем 992 г. датой post quem похода Владимира на Червенские грады, то следует скорректировать интерпретацию самого известия 981 г. С. М. Кучиньский¹⁴³ обратил внимание на то, что в ПВЛ употребляется формулировка «к Ляхам», а не «на Ляхов» («Иде [Володимеръ] к Ляхомъ и зая грады их, Перемышль, **Червенъ и ины грады**, еже суть и до сего дне подъ Русью»¹⁴⁴). Первая характеристика указывает скорее на мирный поход¹⁴⁵, связанный с какой-то польско-русской договоренностью. С. М. Кучиньский предполагал, что Болеслав Храбрый вместе с Владимиром могли образовать коалицию против печенегов¹⁴⁶. К приведенным рассуждениям следует добавить еще одно обстоятельство. Исследование остатков вала, окружающего

Wrocław, 2003. S. 18. Русский перевод цит. по: *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 33.

Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. S. 37-40; Koperski A. Cmentarzysko staromadziarskie z X w. w Przemyślu // Przemyśl wczesnośredniowieczny / Pod red. E. Sosnowskiej. Warszawa. 2010. S. 386.

Kürbis B. Wstęp // Mistrz Wincenty Kadłubek. Kronika Polska / Przełożyła i opr. B. Kürbis. Wrocław, 2003. S. 80; Eadem. Jak Mistrz Wincenty pojmował historię Polski // Studia Źródłoznawcze. 1976. T. 20. S. 65–66, 70 (том посвящен творчеству Кадлубека). Ср.: Sielicki F. Najdawniejsze polsko-ukraińskie stosunki kulturalne w świetle Latopisu Kijowskiego i Kroniki Kadłubka // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich / Pod red. S. Kozaka i M. Jakóbca. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 59–60.

¹⁴³ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 58-61, 68.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 81.

¹⁴⁵ Ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 1386–1387; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 343–346.

¹⁴⁶ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 68.

Червень, проведенное в 2014 г. коллективом под руководством М. Волошина и Т. Дзеньковского, показало, что на рубеже X и XI вв. он не был уничтожен. Поэтому следует заключить, что град был занят мирно. Это могло произойти в двух случаях: либо гарнизон сдался без сопротивления, либо сдача была условием заключения мира и дальнейшего сотрудничества правителей. В Средневековье это была обычная форма возмещения за поддержку другого монарха. В 1145 г. Владислав II заплатил князю Всеволоду Ольговичу округом Визны на р. Нареве, от которого заставил отказаться Болеслава Кудрявого: «Наидоша брата два Владиславля – Болеслава и Мъжекоу, стояча за болотомъ, и перевхавша на сю стороноу, и поклонистася Игореви, и съ братьею его, и цъловавъше крестъ межи собою, и тако рекоша: аще кто перестоупить крестьное цълование, на того быти всимъ. И даста брата своемоу Владиславоу 4 городы, а Игореви съ братьею Визноу, и тако оузвратишася въ свояси, многъ полонъ вземъше»¹⁴⁷. Тот факт, что в 1018 г. Болеслав Храбрый в качестве платы за помощь Святополку Владимировичу получил ту же самую территорию, свидетельствует о том, что польский правитель прекрасно помнил, что эти земли принадлежали Польше, а их потеря произошла при жизни старшего сына Мешка I.

Можно осторожно высказать гипотезу — которая не имеет непосредственных подтверждений в источниках, — что отказ Пяста от Перемышля, Червеня и других градов был условием предоставления помощи Владимиром для изгнания Оды. В таком случае, развивая это предположение, момент изгнания вдовы следует относить к периоду после 992 г. Не исключено, что Болеслав Храбрый, получив помощь от Владимира, воспользовался хаосом, который воцарился в 994 г. в связи с велетским восстанием и занятием Бранденбурга, а также отвоеванием Либиц Пржемысловичами у Славниковичей (28 сентября 995 г.)¹⁴⁸. Возможно, прав А. Плещиньский, который указывает 995 г.

IICPJI. T. 2. CT6. 318. Cp.: Włodarski B. Problem jaćwieski w stosunkach polskoruskich // Zapiski Historyczne. 1958–1959. T. 24. Zesz. 2–3. S. 24; Kuczyński S. M. Stosunki polskoruskie do schyłku wieku XII. S. 25; Kamiński A. Wizna na tle pogranicza polskorusko-jaćwieskiego // Rocznik Białostocki. 1961. T. 1. S. 32; Powierski J. Stosunki polskorpruskie do 1230 r. Ze szczególnym uwzględnieniem roli Pomorza Gdańskiego. Toruń, 1968 (Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 1969. T. 74. Zesz. 1). S. 111–112; Biskup M. Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gospodarka – Społeczeństwo – Państwo – Ideologia. Gdańsk, 1984. S. 84; Latopis Kijowski 1118–1158 / Przeł. E. Goranin. Wrocław, 1995. S. 42, przyp. 284; Brodzicki Cz. Początki osadnictwa Wizny i ziemi wiskiej na tle wydarzeń historycznych w tym regionie Polski (do 1529 roku). Warszawa, 1994. S. 42.
 Pleszczyński A. Początek rzadów Bolesława Chrobrego. S. 230.

как собственно момент изгнания Оды (иной вопрос, не была ли ее свобода действий ограничена раньше). Оттон III 6 декабря 995 г. 149 во Франкфурте-на-Майне выдал мейсенскому епископу Эгидию диплом, которым передавал в церковную юрисдикцию «значительные территории польской Силезии, притом не только Нижней (территория Дзядошан), на которые Мейсен уже некогда претендовал, но и части Верхней, расположенной на левом берегу Одера [...] Содержание документа, таким образом, следует понимать не как реально предпринятую попытку расширить владения Мейсенского епископства, но скорее как декларацию политической враждебности империи по отношению к государству Пястов и Чехии» 150.

Приведенные гипотезы об отказе Болеслава Храброго от Червенских градов и Перемышля в пользу Владимира не входят в противоречие с существующими источниками. Я лишь хотел бы еще раз подчеркнуть, что обе гипотезы - о справедливости датировки как временем около 981 г., так и периодом 992-995 гг. - являются правдоподобными. Однако следует вернуться к подчеркнутым выше хронологическим замечаниям, что правильнее датировать эти события последним двадцатилетием Х в. Это приводит нас к развитию гипотезы о том, что «Хильдесхаймские анналы» сообщают о польско-русском конфликте, который длился продолжительное время. Своеобразной манерой летописцев, встречавшейся также в XIII в., было включение в краткое предложение или фрагмент событий, которые происходили в течение 3, 4, а иногда и 20 лет. Таким образом создавались краткие истории в самом источнике. С такой ситуацией мы сталкиваемся в Ипатьевской летописи, где чуть более чем в 10 строках заключена двадцатилетняя история Холма¹⁵¹. Другой же рассказ звучит следующим образом: «Бѣ бо преже того пискоупъ Асафъ Воугровьскый, иже скочи на столъ митрофоличь, и за то свърженъ бъисть стола своего, и переведена бысть пискоупья во Холмъ»152, но фактически он описывает период продолжительностью в несколько лет¹⁵³. Кажется, что летописец вставлял сведения такого рода в текст, намереваясь в дальнейшем развить этот сюжет (что подтверждает хотя бы запись: «Богу

¹⁴⁹ Kodeks Dyplomatyczny Śląska / Wyd. K. Maleczyński. Wrocław, 1958. T. I/1. № 3. S. 9-12.

¹⁵⁰ Pleszczyński A. Początek rządów Bolesława Chrobrego. S. 226.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 842-843.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

¹⁵³ Ср.: Jusupović A. «Богу же изволившю Данилъ созда градъ Холмъ». Geneza Chełma i jego biskupstwa // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. T. 12. Zesz. 6. S. 11–26.

же изволившю, Данилъ созда градъ именемь Холмъ. Создание же его иногда скажемь»¹⁵⁴. К сожалению, по причинам, о которых мы можем только догадываться, он никогда не возвращался к заявленным сюжетам (заявленным хотя бы в форме загадочных упоминаний). Не иначе поступал и автор ПВЛ, который под 1097 г. описывает ход событий, происходивших в 1097-1099 гг. В этом случае он под последующими годами наполняет описание подробностями. Похоже, что подобным образом следует смотреть на похвалу Владимиру, включающую упоминание 981 г. Несмотря на то что она была хронологически упорядочена, она могла по сути резюмировать события за более длительный период. Опосредованным подтверждением такой интерпретации является дописка позднейшего редактора ПВЛ - предложение «еже суть и до сего дне подъ Русью». В таком случае запись, помещенную под 981 г., следует интерпретировать следующим образом: в правление Владимира Великого имел место польско-русский конфликт, завершившийся около 992 г. В результате этого конфликта, или до, или около 992 г., Пясты лишились Червенских градов и Перемышля. В любом случае вместе с его окончанием старший сын Мешко I сознательно отказался от претензий на рассматриваемую территорию. Эта процедура позволила Нестору более ясно представить неясный, но очень важный (с учетом свидетельства о подчинении Владимиром областей, принадлежавших Польше) рассказ о событиях конца Х в. Стало быть, в рассказе 981 г. следует видеть отражение исторического процесса.

Необходимо еще выяснить вопрос о Перемышле в известии 981 г. С. М. Кучиньский в своих исследованиях пришел к выводу, что летописец ошибся и вместо «Перемиль» написал «Перемышль». Он аргументировал это тем, что Перемиль находится на дороге из Киева в Червень. Кроме того, время функционирования обоих центров делает правдоподобной ошибку позднейшего переписчика¹⁵⁵. В свою очередь, Х. Пашкевич, рассматривая упоминания 981, 1018 и 1031 гг., пришел к выводу, что исследователи могут видеть здесь и Перемиль, и Перемышль. Как он отмечает, ни расстояние, ни естественные препятствия не были проблемой в осуществлении власти над отдаленной территорией¹⁵⁶. Т. Василевский¹⁵⁷ и К. Фокт, рассматривая загадку племен бассейна Буга, Сана, Днестра и Стыри, приходят к выводу,

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

¹⁵⁵ Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza ku Lachom. S. 82-84, 103.

¹⁵⁶ Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 91, 94.

¹⁵⁷ Wasilewski T. Dulebowie – Ledzianie – Chorwaci. S. 193.

что они образовывали племенной союз лендзян. Когда название Ляхов «начало на Руси означать поляков, его перестали употреблять как собирательное обозначение племен бассейна Буга, Сана и Стыри». Однако оно сохранилось в литовском lenkas, венгерском lengyel¹⁵⁸. Учитывая приведенные рассуждения, я склоняюсь к мнению, что летописец упоминает Перемышль.

с) Упоминания 1018 и 1031 гг. в ПВЛ

Отвоевание Червенских градов Болеславом Храбрым датируется без особых проблем. Большинство исследователей согласно в том, что это произошло или в 1017, или в 1018 г. Н. П. Барсов в своей работе на двух разных страницах приводит обе даты¹⁵⁹. События хорошо известны. Их описывают и Галл Аноним, и Титмар, и Нестор.

Титмар, который жил и писал в рассматриваемый период и был отрицательно настроен по отношению к Болеславу Храброму, так описывает события, которые датирует 1018 г.: «Не следует умолчать и о достойном сожаления бедствии, постигшем Русь, ибо с нашей помощью Болеслав напал на нее с великим войском, нанеся ей большой урон. [...] Тем временем Ярослав силой захватил какой-то город, принадлежавший тогда его брату, а жителей увел [в плен]. На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславову часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара. Хотя жители и защищали его, однако он быстро был сдан иноземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, [Киев] 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сениора Святополка, благорасположение к которому, а также страх перед нашими обратили [к покорности] весь тот край. [...] Там ему были показаны немыслимые сокровища, большую часть которых он раздал своим иноземным сторонникам, а кое-что отправил на родину. Среди вспомогательных сил у названного герцога с нашей стороны были триста человек, а также пятьсот венгров и тысяча печенегов. Все они были отпущены по домам, когда вышеупомянутый сениор с радостью [стал принимать] местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности» («Nec tacendum est, quod in Ruscia contigit lugubre damnum. Bolizlavus namque eam grandi exercitu peciit multumque ei nostro famine nocuit. [...] Interea quedam civitas fratrii suo tunc obediens a Iarizlavo vi capitur, et habitator eiusdem

¹⁵⁸ Fokt K. Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru. S. 453.

¹⁵⁹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. C. 86, 105.

abducitur. Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi crebra inpugnacione concutitur et incendio gravi minoratu. Defensa est autem ab suis habitatoribus, sed celeliter patuit extraneis viribus; namque a regno suo in fugam verso relicta XVIIII Kal. Sept. Bolizlavum et, quem diu amiserat, Zentepulcum seniorem suus, cuius gratia et nostrorun timore omnis hec regio conversa est, suscepit. [...] Ineffabilis ibi pecunia ei ostenditur, cuius magna pars hospitibus suis ac fautoribus distribuitur, quedam vero ad patriam mittitur. Fuerant in auxilio predicti ducis ex parte nostra trecendi et ex Ungariis quingenti, ex Petineis autem mille viri. Omnes hii tunc domum remittebantur, cum indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur»)160. В более похвальном тоне, но со значительно меньшим числом подробностей этот поход описал Галл Аноним¹⁶¹. Я хотел бы отметить, что этот хронист не самым лучшим образом ориентировался в событиях, происходивших в Польше в начале XI в. По сути, правление Болеслава Храброго описано у него очень лаконично. Исследователи часто указывают на недостоверность известия 981 г. по причине отсутствия аналогичных сведений в «Польской хронике». Между тем ее автор не располагал подробными сведениями об эпохе первых Пястов. Стоит подчеркнуть, что он ничего не знает о занятии Болеславом Храбрым «Червенских градов» в 1018 г. Мы читаем лишь, что он оказал помощь Святополку в возвращении власти, за что получил щедрое вознаграждение. Не исключено, что в его состав входили также Червенские грады. Проведя десять месяцев на Руси, сын Мешка I возвращается в Польшу. На обратном пути он якобы сразился с отрядами Ярослава Мудрого.

Последний источник, описывающий события 1018 г., — это ПВЛ, написанная с целью восхваления династии Рюриковичей. Болеслав Храбрый здесь показан как сребролюбивый монарх, который приводит страну в упадок. Появляется новый мотив, а именно: Болеслава изгнал Святополк. Этот источник подтверждает сообщение Галла Анонима о сборе воинов Ярославом, уточняя, что ими были варяги, и о его выступлении против Болеслава. Резюмируя последствия похода Болеслава Храброго, летописец пишет: «Болеславъ же побъже ис Кыева, възма имънье и бояры Ярославлъ и сестръ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имънью, бъ бо ся ему ввърилъ лестью, и

¹⁶⁰ Kronika Thietmara / Tłum. i opr. A. Z. Jedlicki. Poznań, 1953. Ks. VIII, 31, 32. S. 620–623. Русский перевод цит. по: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники. С. 142–143.

¹⁶¹ Gesta Principum Polonorum. The Deeds of the Princes of the Poles. P. 40–46.

людии множьство веде с собою, и городы Червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевѣ»¹⁶².

Большинство историков дословно понимает приведенный рассказ и признает, что польский князь, убегая из Киева, на обратном пути в Польшу занял Червенские грады¹⁶³. Если отвергнуть неприязненное отношение Титмара и Нестора к Болеславу Храброму и подчеркнуть панегирический характер «Хроники поляков», то нам остаются сообщения трех независимых друг от друга источников, которые друг друга взаимно дополняют. Немецкий и польский хронисты в общих словах описывают выгоды для польского князя от помощи в посажении Святополка на киевский стол, упоминая значительные имущественные приобретения. Эти наблюдения подтверждает в своем рассказе русский летописец, с той разницей, что перечисляет приобретения ляшского князя, а среди них - Червенские грады. В связи с приведенными результатами исследований, которые показывают, что в XI в. вал в Червене не был уничтожен, следует признать, что если в первые годы своего правления Болеслав Храбрый в результате мирных переговоров отказался от претензий на Червенские грады, то в 1018 г. их уступка Пясту была условием его помощи Святополку. Тот факт, что старший сын потребовал именно эти территории в 1018 г., подтверждает достоверность известия 981 г., а главное, корреляцию обоих рассказов. Аналогичным образом складывалась ситуация до 1031 г.

Вскоре после этого Святополк был изгнан Ярославом Владимировичем из Киева и спустя недолгое время умер. Началась борьба между сыновьями Владимира, Ярославом и Мстиславом, которая привела к нормализации польско-русских отношений. В 1026 г. братья заключили мир и разделили сферы влияния. В 1036 г. Мстислав умер. Со смертью Болеслава Храброго русские князья активизировали действия на пограничье. Под 6538 (1030) г. читаем в ПВЛ о занятии Ярославом Белза, который, вероятно, входил в сферу влияния так наз. Червенских градов. Вероятно, Ярослав заключил соглашение с императором Конрадом II, который в это время вел борьбу с Мешком II¹⁶⁴. Под следующим годом читаем о занятии Червенских градов: «Ярославъ и Мьстиславъ собраста вои многъ, идоста на Ляхы,

¹⁶² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 144. Польский перевод см.: Powieść minionych lat. Najstarsza kronika kijowska / Tłum. i opr. F. Sielicki. Wrocław, 2005. S. 127.

 ¹⁶³ Лонгинов А. В. Червенские города. С. 58; Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. С. 35–37; Головко А. Б. Древняя Русь и Польша. С. 27–30.
 164 Головко А. Б. Древняя Русь и Польша. С. 36.

и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы Ляхы приведоста, и раздъливша я»165. Часть исследователей, признавая правильность даты, считает, что Ярослав Мудрый заключил союз с Мстиславом и в 1031 г. напал на остальную часть этой территории 166. Известие 1031 г., как и 981 г., описывает определенный исторический процесс, длившийся более десяти лет. Нестор, вероятно, не мог точно датировать отдельных событий и ограничился констатацией окончательного и долговременного присоединения так наз. Червенских градов и Перемышля к Руси. Как я уже отметил выше, соглашаюсь с теми исследователями, которые проводят параллель между этим описанием и бескоролевьем после смерти Мешка II. В. Т. Пашуто связывал указанные события с попытками Казимира Восстановителя вернуть себе отцовский престол. По его мнению, Ярослав Мудрый в обмен на набеги на Мазовию и помощь в установлении власти над Польшей сыну Мешка II получил на основании договора 1042 г. Червенские грады, Белз и Берестье. Соглашение было закреплено свадьбой Казимира с Доброгневой и Изяслава Ярославича с Гертрудой¹⁶⁷. Подобные мысли высказывал Григорий Демиденко168. С. М. Кучиньский переносит заключение договора на 1039 г. Он отмечает, что польско-русское соглашение 1039 г. охватывало:

- «1) Вопрос о женитьбе Казимира Восстановителя на сестре (или дочери) Ярослава Мудрого, Марии-Доброгневе, которая состоялась в первые месяцы 1039 г.;
- 2) Вопрос об освобождении русских пленников, захваченных в 1018 г. [Болеславом] Храбрым;
 - 3) Вопрос о военном союзе против Маслава и литовских племен;
- 4) Вопрос урегулирования польско-русской границы. Русь получила, вероятно, бужанские грады с Владимиром-Волынским. Польша сохранила за собой Левобережье: Белз и Перемышль остались в руках польской стороны» 169.

Следует согласиться с наблюдениями С. М. Кучиньского, что договор был заключен до того, как Ярослав оказал военную помощь

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 150. Польский перевод см.: Powieść minionych lat. Najstarsza kronika kijowska / Tłum. i opr. F. Sielicki. Wrocław, 2005. S. 133.

¹⁶⁶ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша. С. 36 (здесь указана литература).

¹⁶⁷ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 39.

¹⁶⁸ Демиденко Г. Г. Ярослав Мудрий. Великий князь Русі. Науково-популярний нарис. Харків, 2013. С. 238–244.

Kuczyński S. M. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X-XVII w. Warszawa, 1965. S. 130.

Казимиру. Вероятно, в 1031 г., когда положение в Польше было не лучшим, Рюриковичи заняли Перемышль, Червень и другие грады. Отказ Казимира Восстановителя от претензий на эти территории около 1039 г. стал условием оказания военной помощи правителями Руси и завершил историю борьбы за польско-русское пограничье.

Резюмируя эту часть работы, следует констатировать, что Нестор описал определенный исторический процесс в трех датах, из которых достоверна только одна — 1018 г. Другие две, вероятно, были вычислены самим Нестором, который знал из своих источников о борьбе правителей Польши и Руси за пограничные области, длившейся около 50 лет или чуть более того и завершившейся победой Ярослава Мудрого. Таким образом, оба известия, помещенные в ПВЛ под 981 и 1031 гг., кроме того, что сами включают краткие истории — этапы борьбы за так наз. Червенские грады и Перемышль, представляют собой — подчеркну еще раз — искусственные цезуры исторического процесса, который является важным свидетельством о территориальном росте Руси.

* * *

Исследователи, занимающиеся историей Польши, иногда обращаются к русским источникам как к дополнительным. Они нередко поправляют их, усматривая в том или ином месте явную ошибку переписчика или след неведения редактора. При этом они исходят из преимуществ современного человека, образованного человека, перед создателем источника. Таким образом они стараются реконструировать средневековую действительность в соответствии со своими гипотезами и представлениями. Между тем задача историка - оценить достоверность источника и отметить непоследовательность его автора. ПВЛ является основным источником для изучения польскорусского пограничья. Нам она известна лишь по позднейшим компиляциям. Из Хлебниковского летописца XVI в. мы узнаем, что ее первым редактором был Нестор. Ее следует признать достоверным источником с неточной хронологией примерно до 1061 г., что особенно заметно в описаниях событий 30-х гг. XI в. Саму осведомленность Нестора о делах пограничья, в том числе в населяющих его племенах, следует оценивать высоко. Поэтому я считаю, что в слове «ляхи», употребленном в ПВЛ, зафиксировано обозначение надплеменного организма, в состав которого также входят лендзяне. Это означает, что в известии 981 г. мы читаем о Владимире, который атаковал земли, находящиеся под властью Пястов. Значительно труднее определить момент этого события. Скорее всего, данное известие возникло

еще в X в. и касается определенного исторического процесса, который продолжался в правление Владимира Великого и завершился около 992 г. По моему мнению, в это время дело дошло до тесного сотрудничества Пястов и Рюриковичей, которое продолжалось вплоть до конца XI в. Но пока дело до него не дошло, Болеслав Храбрый должен был отказаться от претензий на Перемышль, Червень и другие города. Вопрос о том, подчинил ли себе Рюрикович эти территории ранее или они перешли в руки правителя Руси в результате мирных переговоров, остается второстепенным. По сути дела, походы 1018 и 1031 (1039) гг. следует рассматривать в категории поддержки соседнего правителя в борьбе за возвращение к власти.

Ю. А. Михайлова

О некоторых направлениях в современной медиевистике и их значимости для изучения Древней Руси

В известной работе А. В. Назаренко о международных связях Руси, опубликованной в 2001 году, содержится призыв преодолеть «досадный отрыв науки о русском средневековье от европейской медиевистики [...] от современной постановки проблем, методических принципов. инструментария»¹. Этот призыв представляется актуальным и сейчас, полтора десятилетия спустя. В каком-то смысле отрыв, возможно, даже несколько увеличился, несмотря на то, что за время, прошедшее с 2001 года, наука о русском Средневековье развивалась очень динамично и обогатилась немалым числом важных и интересных исследований. Таким образом, растущий отрыв вызван не каким-либо застоем или регрессом русистики, а радикальными изменениями в научном инструментарии и бурным развитием новых направлений в изучении европейского Средневековья. Коренная перестройка медиевистики, происходящая в настоящее время, началась в 90-е годы прошлого столетия, хотя первые работы, предвещающие новые подходы, были опубликованы еще в семидесятых годах. В настоящей статье предлагается краткий обзор некоторых направлений в науке о европейском Средневековье, возникших в течение последних двух-трех десятилетий, и ставится вопрос о том, какое значение эти направления могут иметь для русистики, и в первую очередь для сравнительного анализа Руси и других средневековых образований.

«Феодализм» как «общественно-экономическая формация»

Пожалуй, наиболее ярко разрыв между исследованиями Руси и средневекового Запада проявляется в том, как ученые используют термин «феодализм» и связанный с ним круг понятий и представлений («вассал», «сюзерен», «бенефиций» и т. п.). Следует отметить,

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М., 2001. С. 10.

что в целом разрыв между русистикой и европейской медиевистикой проходит не по государственным, а по дисциплинарным границам американские и западноевропейские исследователи Руси, за редкими исключениями, о которых речь впереди, используют понятийный аппарат современной медиевистики так же редко и непоследовательно, как и их российские или украинские коллеги. Большинство историков Руси, независимо от того, где они живут и работают, остались безучастны к жарким дискуссиям о феодализме и «феодальной революции», которые ведутся среди специалистов по раннему и высокому Средневековью. В среде этих специалистов писать «феодализм» и производные от него без кавычек равносильно громкому, даже вызывающему, заявлению о своей принадлежности к определенному научному лагерю, в то время как исследователи Руси употребляют эти слова так, как они употреблялись в первой половине XX века, то есть как термины, общепринятые в научной литературе, значения которых всем известны и не вызывают разногласий2. Однако, несмотря на одинаково «беспроблемное» отношение к «феодальной» лексике, резко отделяющее русистов от других медиевистов, понимание этих терминов в работах о Руси, выходящих на Западе и в постсоветском пространстве, чаще всего оказывается различным.

Так, например, если бы западный историк прочитал одно из многочисленных российских описаний раскопанных «феодальных усадеб», он был бы немало поражен способностью археологов определить по материалам раскопок, в какого рода договорные отношения вступал хозяин усадьбы, каковы были его обязательства по отношению, во-первых, к другим представителям знати, а во-вторых, к тем, кто жил под его властью и обрабатывал его землю, а также их обязательства по отношению к нему. С точки зрения западного ученого, только зная все эти обстоятельства, можно определить, являлась ли усадьба «феодальной»³.

² Например, см.: Hosking Geoffrey. Russia and the Russians: A History. Cambridge, MA, 2011. P. 34; Magocsi Paul Robert. History of Ukraine: The Land and Its Peoples. Toronto, 2010. P. 91–92; Riasanovsky Nicholas, Steinberg Mark. A History of Russia. Cambridge, MA, 2010. Vol. I. P. 110.

Заметим, что ситуация, при которой западный медиевист прочитает исследовательскую работу о Руси, является чисто гипотетической и шансы, что это произойдет в реальности, ничтожны, даже если работа будет написана на английском языке. К сожалению, исследователи европейского Средневековья страдают замкнутостью в своей узкой области не меньше, чем русисты, и разрыв между изучением Руси и современной ей Западной Европы должен преодолеваться с обеих сторон. (См.: Mikhailova Yulia. Reimagining Medieval History: Against the Last Bastion of the West-Centric Master Narrative // Russian History. 2015. № 42. Р. 189–190.)

В то же время многие российские и другие постсоветские исследователи склонны называть «феодалом» любого знатного землевладельца, да и просто любого богатого и/или знатного человека, жившего в допетровскую эпоху. Такое словоупотребление, не принятое больше нигде в мире, имеет интересную историю. Оно пришло из советских учебников, основанных на представлении о пяти «общественно-экономических формациях», последовательно сменяющих друг друга. Теория «пяти формаций» утверждала, что общественный строй, предшествующий «капитализму», является «феодализмом», который, в свою очередь, приходит на смену «рабовладельческому строю». Таким образом, любое доиндустриальное общество было либо рабовладельческим, либо феодальным. Там, где, с одной стороны, не было крупной промышленности, а с другой стороны, большинство трудящегося населения составляли не рабы, а «зависимые крестьяне», существовал «феодализм».

При таком подходе термин «феодализм» теряет всякий смысл, что происходит с любым термином, когда его интерпретируют безгранично широко. Что может дать, например, определение общественного устройства как такого, при котором общество «состоит из мужчин, женщин и детей»? Или при котором люди «общаются при помощи языка и имеют какие-либо традиции и обряды»? Разумеется, эти гипотетические «определения» построены по принципу доведения до абсурда, но если присмотреться к пониманию «феодализма» в советской историографии, мы увидим, что оно почти столь же бессодержательно. До возникновения плантационного рабства в Америке в полном смысле рабовладельческое общество было такой редкостью, что его можно рассматривать как своего рода историческую аномалию. Какое-то количество рабов присутствовало во всех древних и средневековых обществах, но практически никогда, за исключением нескольких веков римской истории, они не были основными производителями⁴. Там, где основу экономики составляло сельское хозяйство, большая часть земли обрабатывалась крестьянами, которые редко были «свободными» в том понимании, какое придается этому слову в римском праве. За исключением некоторого количества древнегреческих и римских граждан - мелких землевладельцев, люди, работающие на земле, как правило, были в той или

⁴ Историки рабства различают «рабовладельческое общество (a slave society)» и «общество, в котором были рабы (a society with slaves)», литературу вопроса см.: *Moore R. I.* The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe 950–1250. Malden, 2007. P. 147.

иной степени неполноправны и находились в различных формах зависимости. Большая часть древних и средневековых земледельцев подпадает под определение «зависимых крестьян», главного признака «феодализма» в советском понимании.

Даже если исходить из устаревших представлений, опровергнутых современной наукой, о том, что в Египте и других обществах Древнего Востока преобладал рабский труд, древние и средневековые образования, которые никак нельзя отнести к «рабовладельческим», будут столь многочисленны и столь различны по своей природе, что никак невозможно отнести их всех к одной и той же «общественно-экономической формации»⁵.

Встает вопрос, как вообще могло укорениться в современной науке такое употребление слова «феодализм», восходящее к Адаму Смиту и другим теоретикам XVIII века, чьи представления о средневековой истории никакой современный ученый не будет принимать всерьез? Дело в том, что теория «пяти формаций» была впервые сформулирована в 1938 году, в статье И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где она приписывалась Марксу и Энгельсу. Никакими ссылками на работы Маркса и Энгельса описание «пяти формаций» не сопровождалось, хотя по другим поводам такие ссылки в статье приводятся. Причина в том, что по вопросу о «формациях» ссылаться, собственно, не на что - у Маркса и Энгельса действительно встречается выражение «общественно-экономическая формация» и по их работам рассыпаны упоминания разных «формаций», разных «способов производства» и вообще разных типов общественного устройства, включая феодализм. Однако никакой теории пяти формаций и никакого научного определения феодализма ни Маркс, ни Энгельс не предлагали и предложить, не будучи историками, не могли. Так что вопрос о том, как и почему в советской науке укоренилось нигде более не встречающееся представление о «феодализме», решается просто. Разумеется, никто не вправе упрекать советских ученых тридцатых и сороковых годов за то, что они не шли на самоубийство, отказываясь следовать теории «пяти формаций». Однако и следовать ей, оставаясь в ладу с элементарными историческими фактами, было невозможно.

⁵ До середины прошлого века бытовало представление, что египетские пирамиды построены рабами, которые, как считалось, составляли большинство трудящихся. По современным оценкам, крестьяне, не являвшиеся рабами, составляли около 80% населения Древнего Египта. Они же и были основными строителями пирамид, выполняя эту работу в качестве государственной повинности. (См.: David Ann Rosalie. Handbook to Life in Ancient Egypt. Oxford, 1998. P. 91.)

В статье Сталина утверждается: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический. [...] При феодальном основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства – крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить» 6. По всей видимости, автор представлял себе средневековую Европу чем-то вроде крепостной России. Советские историки, вынужденные укладывать изучаемый ими материал в прокрустово ложе «формаций», нашли выход в максимально широкой интерпретации «феодального типа производственных отношений».

Детальное изложение истории взглядов на «феодализм» в советской исторической науке можно найти в работах А. А. Горского⁷. В контексте данной статьи заметим только, что «крепостные», о которых писал Сталин, постепенно заменились на «зависимых крестьян» – неопределенное понятие, под которое при желании можно подвести большинство трудящегося населения самых разных земледельческих обществ, а сталинский «феодал» приобрел столько модификаций — «светский», «церковный» и даже «коллективный», — что стал обозначать просто-напросто любого человека высокого социального статуса и любой общественный институт, состоящий из таких людей. В конце концов «феодализм» в советском словоупотреблении стал просто синонимом «Средневековья», а «феодалы» сделались привилегированной верхушкой любого средневекового общества. По инерции такое словоупотребление продолжается и до сих пор, мешая взаимопониманию между российскими учеными и их зарубежными коллегами.

Разные «феодализмы»

Что же понимают под «феодализмом» историки, работающие за пределами бывшего Советского Союза? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Ученые, занимающиеся историей представлений о «феодализме» в западной науке, пишут о «широком» и «узком», о «марксистском», «веберианском» и разных других пониманиях это-

⁶ *Сталин И. В.* О диалектическом и историческом материализме // Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 271.

⁷ Горский А. А. О «феодализме»: «русском» и не только. С. 10–15; Он же. Средневековая Русь. М., 2010. С. 58–65.

го термина⁸. Обсуждение всех этих теоретических подходов завело бы нас слишком далеко. Заметим только, что интерпретации, называемые с долей условности «марксистскими» или «веберианскими», принадлежат не собственно Марксу или Веберу, а профессиональным историкам, испытавшим влияние этих философов. Так, западные медиевисты марксистского толка уделяют главное внимание социально-экономическим процессам и предлагают определения «феодализма», в основе которых лежат различные интерпретации взаимоотношений между крестьянами и сеньорами. В отличие от марксистского подхода, придающего главное значение экономике, «веберианские» определения не выделяют какую-либо одну область, а указывают ключевые черты, характерные для разных сфер общественной жизни. Примером такого «веберианского» подхода является известное описание «феодального общества», принадлежащее Марку Блоку и включающее следующие признаки: «Подчиненное положение крестьянства, [...] широкая распространенность фьефа, то есть держания земли, обусловленного службой, господствующее положение класса специализированных воинов, узы служения и покровительства, которые в среде этого воинского класса приняли форму, получившую название вассалитета, фрагментация власти [...] и среди всего этого — пережитки иных форм общественных связей, таких как родство и государство»9.

Иногда это и подобные ему определения, описывающие общество в целом, называют «широкими», в отличие от «узкого» понимания «феодализма» как системы отношений внутри социальной верхушки. Классическое определение «феодализма» в «узком» смысле принадлежит бельгийскому ученому Ф.-Л. Гансхофу: это «система общественных институтов, формирующая и регулирующая обязательства послушания и службы, преимущественно военной, которые один свободный человек (вассал) принимает на себя по отношению к другому свободному человеку (сеньору), а также обязательства обеспечения и покровительства, которые сеньор принимает на себя по отношению к вассалу. Одной из форм обеспечения обычно является пожалование земли в условное держание, известное как фьеф»10.

⁸ Cm.: Reynolds Susan. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. New York, 1994. P. 3, 10-12, 15; Cheyette Fredric. «Feudalism»: A Memoir and an Assessment // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White. Burlington, 2010. P. 120-124, 125-128; West Charles. Reframing the Feudal Revolution: Political and Social Transformation Between Marne and Moselle, c. 800-1100. Cambridge, 2013. P. 261.

⁹ Bloch Mark. La société féodale. Paris, 1939–1940. P. 418.

¹⁰ Ganshof François-Louis. Qu'est-ce que la féodalité? Paris, 1982. P. 12-13.

Именно это «узкое» понимание феодализма как системы взаимных обязательств между членами господствующего класса является наиболее общепринятым в западной медиевистике. С. Рейнольдс отметила, что оно стало своего рода константой, чаще всего присутствующей во всех остальных интерпретациях этого термина¹¹. Упрощенно можно выразиться так: «феодализм» есть там, где верхний слой общества состоит из сеньоров и вассалов, отношения которых строятся на основе условного земельного держания (фьефа, бенефиция), которое сеньор жалует вассалу за верную службу. Название известного полемического сочинения Рейнольдс «Фьефы и вассалы» содержит отсылку к этому, наиболее распространенному, пониманию «феодализма», против которого преимущественно и направлена критика британской исследовательницы.

«Тирания одного теоретического построения» и вопрос о средневековом государстве

На протяжении XIX и большей части XX века подавляющее большинство историков принимали как аксиому, что «система общественных институтов», описанная Гансхофом, определяла взаимоотношения между членами верхних слоев общества в средневековой Западной Европе. Или, если выражаться с полной точностью, система эта, как считалось, существовала не во всей Западной Европе, а на территории так называемой «феодальной зоны» 12. Ученые думали, что жившие в пределах этой «зоны» «благородные» землевладельцы — то есть те, кто не обрабатывал землю собственным трудом, — вступали в отношения вассалитета и образовывали так называемую «феодальную лестницу» или «пирамиду», что отношения эти оформлялись особым ритуалом — оммажем — и что вассал приносил сеньору клятву верности. Считалось, что такая практика зародилась на основе раннесредневековых и позднеантичных тра-

¹¹ Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 11-12.

Эта зона включала в себя Англию после Нормандского завоевания, северную и центральную Францию (до альбигойских крестовых походов, которые, как думали ученые, впервые принесли феодальные отношения на юг, в Лангедок), а также некоторые другие регионы. О том, какими в точности были границы «феодальной зоны», единого мнения не было, разные исследователи определяли их по-разному. Для нас сейчас важно не то, где именно существовала предполагаемая феодальная система, а то, в чем она, по мнению медиевистов, заключалась.

диций и первоначально регулировалась обычным правом. Начиная с 1960-х годов эта привычная схема стала вызывать у некоторых ученых сомнения¹³.

В 1974 году американская медиевистка Е. Браун выдвинула положение, что «феодализм» - это теоретическое построение, возникшее в науке Нового времени и не подкрепленное свидетельством средневековых памятников. Она предложила отказаться от слова «феодализм» и от всех его производных, потому что укоренившиеся представления, вызываемые в умах исследователей этим термином, мещают непредвзятому анализу источников. Средневековые документы рисуют сложную и противоречивую картину общества, не укладывающуюся в понятие «феодализма», как бы его ни интерпретировать. Данные источников, согласно Браун, не могут быть удовлетворительно объяснены в рамках ни одной из существующих концепций феодализма. Однако глубоко укоренившаяся привычка заставляет историков игнорировать свидетельства, противоречащие их представлениям о «феодальном обществе». Таким образом, «феодализм» - абстрактное теоретическое построение, не основанное ни на каких эмпирических данных, - осуществляет «тиранию» над умами историков, препятствуя свободному и непредвзятому изучению прошлого¹⁴.

Название статьи Браун – «тирания одного теоретического построения» – сделалось крылатым выражением в среде англоязычных медиевистов. Однако это произошло не сразу. Многие историки продолжали следовать привычным схемам вплоть до появления в 1994 году книги британской медиевистки Рейнольдс, которая развила и углубила идеи Браун. Рейнольдс показала, что представления о феодализме, дожившие до конца XX века, основаны на работах юристов раннего Нового времени. Исследовательница призвала отказаться от понятий «вассал» и «фьеф», которые вынуждают историков «подгонять то, что они находят в источниках, под теоретическую парадигму, впервые созданную в XVI веке и детально разработанную в XVII и XVIII веках. Сколь бы замечательными ни были ученые того времени и сколь бы многим мы ни были им обязаны, они знали о Средних веках меньше, чем мы [...] Нельзя понять средневековое общество и присущие ему отношения собственности, если смотреть

О ранних работах, подвергавших сомнению эвристическую ценность термина «феодализм» и послуживших предшественниками критики Рейнольдс, см.: Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 1; Cheyette Fredric. «Feudalism»... P. 125.

Brown Elizabeth A. R. The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe // American Historical Review. 1974. Nº 79. P. 1063-1088.

на него сквозь очки XVII или XVIII века — а это происходит каждый раз, когда наша мысль обращается к фьефам и вассалам 15 .

Рейнольдс приводит многочисленные примеры, показывающие, что латинские слова, обычно переводимые как «вассал» и «фьеф», употреблялись в самых разных смыслах и что их применение в источниках чаще всего не соответствует тем значениям, которые закрепились за ними в научной литературе. Да, некоторая часть земельных владений представляла собой пожалования в обмен на службу, и бывало иногда, что подобные пожалования сопровождались договорами, обрядами и клятвами, похожими на те, которые описываются в литературе о вассалитете. Однако такие пожалования и такие договоры были относительно редким явлением, и нет никаких причин придавать им большее значение, чем другим видам земельной собственности и другим типам отношений. Что касается обрядов и клятв, сопровождавших эти договоры, то в подавляющем большинстве случаев о них ничего неизвестно или известно ничтожно мало. Например, источник просто упоминает «руки» участников договора, без описания того, совершали ли они какие-либо символические жесты, и если да, то какие именно. Однако для историков зачастую достаточно простого присутствия в тексте слова «рука», чтобы сделать вывод, что речь идет об обряде оммажа в том виде, как он описан в классических трудах о феодализме. Или же, если источник называет кого-либо «человеком (homo) такого-то», исследователи тут же заключают, что этот homo непременно совершал оммаж и приносил клятву верности, хотя ни о том, ни о другом в источнике нет ни слова¹⁶.

¹⁵ Используя термины «Baccaлитет» и «фьеф», «historians [...] tend to fit their findings into a framework of interpretation that was devised in the sixteenth century and elaborated in the seventeenth and eighteenth. Learned as they were the scholars of those times and much as we owe them, they knew less than we know about the middle ages [...] We cannot understand medieval society and its property relations if we see it through seventeenth- or eighteenth-century spectacles. Yet every time we think of fiefs and vassals we do just that» (Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 2-3).

Там же. С. 12–14, 22–24, 28–33. Широко известное замечание, что историки необоснованно связывают с оммажем любое упоминание в источнике слова «рука», используемое в переносном смысле, см. на с. 29: «Даже когда про кого-то говорится, что он отдал себя (commended), или был отдан "в руки" такого-то, не может быть уверенности, что речь идет о церемонии (оммажа. — Ю. М.), описанной Блоком. Люди постоянно используют руки для самых разных целей. А так как они владеют не только руками, но и речью, они также используют иногда и метафоры со словом "руки"». (Even when someone is said to have commended himself or being commended «into the hands of» another, we cannot be sure that this implied the ceremony that Bloch

По Рейнольдс, не только «оммаж» является в большой степени историографическим мифом, но и явление, которое историки называют «вассалитетом», было практически неизвестно до конца XII века и получило некоторое распространение лишь начиная с XIII¹⁷. Вопреки господствовавшим в науке представлениям о том, что отношения сеньоров и вассалов возникли на основе раннесредневековых традиций и регулировались обычным правом, Рейнольдс утверждала, что в той мере, в какой эти отношения вообще существовали, они были продуктом развития централизованного государства.

Здесь следует отметить, что в вопросе о государстве Рейнольдс заняла особую позицию. Если большинство современных историков возводят зарождение государств в Европе к периоду позднего Средневековья, то Рейнольдс вернулась к традиции XIX века считать «государством» практически любое королевство. Она и ее последователи видят признаки «государственности» в большинстве средневековых обществ, включая ранние¹⁸. Однако вассалитет, по Рейнольдс, возник не в ранних, а в более развитых государствах, на переходе от высокого к позднему Средневековью. В этот период централизация управления, усиление королевской власти сопровождались ростом бюрократии, кадры которой составляли люди, получившие образование в университетах и знакомые с римским правом. Именно эти средневековые ученые впервые разработали систему отношений, которые позднейшие историки стали называть «вассальными». Таким образом, вассалитет возник в рамках академического, а не обычного права¹⁹.

Книга Рейнольдс вызвала бурную дискуссию, которая продолжается до сих пор. Более того, эта дискуссия, первоначально шедшая в основном среди англоязычных историков, переплелась со спорами французских ученых о «феодальной революции» и с направлением в немецкой медиевистике, связанным с именем Г. Альтхоффа. Результатом стало широкое обсуждение вопросов, ассоциирующихся с проблематикой «феодализма». Этот термин многие участники обсужде-

described. Human beings use their hands a lot and use them in different ways. Sometimes, having language as well as hands, they refer to them in metaphors).

¹⁷ Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 482.

Reynolds Susan. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900-1300. Oxford, 1984; Eadem. The Historiography of Medieval State // A Companion to Historiography. London, 1997. C. 117-138; Eadem. Fiefs and Vassals... P. 25-27, 34-35, 111, 138-140, 291, 311, 402-404; Eadem. There were States in Medieval Europe: A Response to Rees Davies // Journal of Historical Sociology. 2003. № 16. P. 550-555. См. также: Lyon Jonathan. The Medieval German State in Recent Historiography // German History. 2010. № 28. P. 85-94.

Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 59, 73-74, 479.

ния заключают в кавычки, чтобы подчеркнуть его условность. Для них речь идет о понятии, которое существовало и существует только в историографии, но которое не соответствует ничему, что когда-либо имело место в реальной жизни.

«Феодальная революция»

Рассмотрим теперь еще одну составляющую споров о «феодализме». Это дискуссия о так называемой «феодальной революции», известной также как «феодальная мутация» или «трансформация». В отличие от Рейнольдс, которая обсуждает «феодализм» как систему отношений внутри социальной верхушки, теоретики «феодальной революции» обращают больше внимания на отношения между сеньорами и крестьянами. Большинство из них не являются марксистами в строгом смысле слова, однако в их понимании «феодализма» заметно влияние марксизма.

Понятие «феодальная революция» имеет сложную историю, которая начинается с известной работы Ж. Дюби, основанной на анализе хорошо сохранившего архива средневековых документов из района Маконнэ (Бургундия)²⁰. В этой работе Дюби выдвинул предположение, что в конце X — начале XI века произошли существенные изменения в порядке суда и управления. Другие историки подхватили эту идею и нашли, что аналогичные изменения имели место примерно в это же время и в других регионах Западной Европы. Следует заметить, что исследование Маконнэ, принадлежащее Дюби, не содержит термина «феодальная революция (мутация, трансформация)» и что в целом оно имеет дело с более широким кругом вопросов, чем признаки предполагаемого перелома в общественных отношениях на границе первого и второго тысячелетий, которые можно увидеть, если интерпретировать под определенным углом судебные документы.

Сторонники теории «феодальной революции» утверждают, что источники, проанализированные Дюби, а также материалы других местных архивов, которые были изучены позже, указывают на то, что в конце X — начале XI в. система общественного порядка, существовавшая при Каролингах и их непосредственных преемниках, была разрушена и заменилась властью сеньоров. Согласно британскому историку Т. Биссону, Дюби «выдвинул идею, что в период между 980

Duby Georges. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. Paris. 1953.

и 1030 годами в районе Маконнэ произошел распад общественного порядка и закона. Новый — и тяжелый — сеньориальный режим возник вокруг замков, где базировались рыцари, которые заставили крестьян нести множество не существовавших ранее повинностей»²¹. На смену общей для всех системе правосудия пришли частные сеньориальные суды. Сеньор, никому не подотчетный, недоступный в своем замке ни для какой высшей власти, окруженный собственным войском, стал верховным правителем и судьей населения, жившего вокруг его замка и не имевшего никакой защиты от его произвола. Конфликты между сеньорами стали решаться с позиции силы, в отличие от более раннего периода, когда такие конфликты разбирал королевский, графский или герцогский суд. В этой узурпации власти сеньорами и состояла «феодальная революция». Нетрудно заметить, что отношения между сеньорами, как они представлены в работах о «революции», напоминают изображения «феодальной анархии» под пером ученых XIX века или картины «раздробленности», рисуемые историками Руси.

На какое-то время теория «феодальной революции», лучшим систематическим изложением которой считается книга Ж.-П. Поли и Э. Бурназеля, опубликованная в 1980 году, стала общепринятой среди французских историков²². Однако в начале 1990-х с ее критикой выступил Д. Бартелеми. Изучив средневековый архив из Вендома в центральной Франции, где, как считалось, «феодальная революция» была особенно ярко выраженной, Бартелеми не увидел усиления власти сеньоров, роста междоусобиц, ухудшения положения крестьян и других

Дюби «postulated a breakdown in public law and order in the Mâconnaise during the years 980 to 1030. A new and harsh regime of lordship arose in castles sheltering knights who imposed an array of novel obligations on peasants». — Bisson Thomas. The «Feudal Revolution» // Past and Present. 1994. № 142. Р. 6. Не все историки согласны с такой интерпретацией идей Дюби. Несколько иное истолкование его труда о Маконнэ см.: Barthélemy Dominique. The Serf, the Knight, and the Historian. Ithaca, 2009. Р. іх, 2–3, 8–9. См. также: Cheyette Fredric. Georges Duby's Mâconnais after Fifty Years: Reading It Then and Now // Journal of Medieval History. 2002. № 29. Р. 291–317; White Stephen. Tenth-Century Courts at Mâcon and the Perils of Structuralist History: Re-reading Burgundian Judicial Institutions // Conflict in medieval Europe. Aldershot, 2003. Р. 37–68.

Poly Jean-Pierre, Bournazel Eric. La mutation féodale, Xe-XIIe siècles. Paris 1980. Обзор историографии «феодальной революции» см.: Barthélemy Dominique. The Serf, the Knight, and the Historian. P. 3–11; Roach Levi. Submission and Homage: Feudo-Vassalic Relations and the Settlement of Disputes in Ottonian Germany // History. 2012. № 97. P. 355–357. Последнюю по времени обобщающую работу о «феодальной революции» см.: Bisson Thomas. The Crisis in the Twelfth Century: Power, Lordship, and the Origins of European Government. Princeton, 2009. В особенности см. с. 22–68, 574.

признаков «революции»²³. Дальнейшие исследования привели его к выводу, что представления о «феодальной революции» основаны на некритическом подходе к источникам. Бартелеми признает, что корпус актовых источников X и раннего XI века отличается по характеру от корпуса документов второй половины XI в. Многие поздние судебные грамоты не следуют строгому формуляру, который практиковался во временя Каролингов, они содержат больше информации о междоусобных конфликтах и не упоминают формальные судебные разбирательства. Грамоты второй половины XI века зачастую больше похожи не на судебные документы, а на летописные рассказы о том, кто на кого и почему напал и на чем они в конце концов помирились. Это различие между каролингскими и более поздними документами служит главным аргументом в пользу «феодальной революции».

Бартелеми, однако, выдвинул другое объяснение: различие между грамотами разных периодов отражает изменения не в общественных отношениях, а в письменной культуре. На письме стали фиксировать то, что раньше не попадало в документы; повышение уровня владения латынью позволило составителям грамот отойти от единообразного формуляра, который неизменно копировали писцы более раннего периода. Повествовательная форма поздних грамот вызвана не упадком судебной системы, а более высокими литературными навыками составителей, которые теперь подробно записывали ход конфликтов и приводили аргументы их участников. Эти подробные повествования, доносящие до нас детали, неизвестные из более ранних источников, и создают ложное впечатление, что число междоусобиц возросло, а судебная система деградировала. На самом деле ничего подобного не произошло, формальные документы каролингского образца по-прежнему продолжали составляться, но теперь они тонули в массе грамот нового типа²⁴. Таким образом, «судебные документы просто стали более разнообразными по характеру, а не претерпели катастрофические изменения своих форм», которые отражали бы изменения в порядке суда и управления²⁵.

Кроме аргументов, выдвинутых Бартелеми, существует еще один подход к критике «феодальной революции», впервые предложенный С. Уайтом и другими американскими медиевистами, которые

Barthélemy Dominique. La société dans le comté de Vendôme: de l'an mil au XIVe siècle. Paris. 1993.

Barthélemy Dominique. Une crise de l'écrit? Observations sur des actes de Saint-Aubin d'Angers (XIe siècle) // Bibliothèque de l'École des chartes. 1997. Nº 155. P. 95-117.

[«]Ce sont lá des diversifications documentaires, et non de simple et catastrophiques «mutations» substituant une forme une á autre». – Ibid. P. 102–103.

используют материалы культурной антропологии. Это направление в американской науке (к слову сказать, горячо поддержанное Бартелеми и некоторыми другими французскими историками) смыкается с работами немецкого ученого Г. Альтхоффа и его последователей. К рассмотрению взглядов и методов Уайта, Альтхоффа и их единомышленников мы сейчас и перейдем.

«Правила игры» и «культурные модели»

Исходным пунктом для Альтхоффа послужили трудности, которые порождает для историка отсутствие нормативных документов, регулирующих политические процедуры и общественные отношения. Примером таких трудностей для русистов является вопрос о титуле «великого князя» или о порядке наследования княжеских столов. Хорошо известно, что источники называют некоторых князей «великими», но не существует ни одного древнерусского текста, который объяснял бы, что, собственно, делает князя «великим». Также летописцы нередко заявляют, что князь получил такую-то волость «неправо», или приводят аргументы, почему данная территория должна достаться именно этому князю, а не другому. Подобные утверждения показывают, что существовали какие-то правила распределения волостей, но свода этих правил нигде не сохранилось. В этом смысле Русь отнюдь не является исключением. Так, Альтхофф отмечает, что для периода с X по XIII в. нет практически никаких нормативных документов, которые объясняли бы порядки, существовавшие в Германской империи²⁶. Можно привести и другие примеры.

Историки, изучающие такие периоды, как правило выбирали один из двух путей. Один путь восходит к представлениям ученых XIX века о «феодальной анархии»: отсутствие четко прописанных правовых норм отождествляется с отсутствием всяких норм вообще, с господством «права сильного». Этому пути во многом следуют работы о «феодальной революции», подчеркивающие насилие и хаос, которые приносили обществу конфликты между сеньорами после того, как их перестало сдерживать каролингское правосудие. Другая традиция, также восходящая к XIX веку, исходит из посылки, что система законодательства и обеспечивающие его выполнение институ-

Althoff Gerd. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997. S. 7. Книга представляет собой сборник ранее опубликованных работ Альтхоффа.

ты существовали во все периоды средневековой истории, просто в некоторых случаях соответствующие документы либо не сохранились, либо не были написаны и бытовали в устной традиции, как часть обычного права. Задача историка состоит в том, чтобы на основании сохранившихся источников реконструировать средневековые законы и правовые институты. Примером такого подхода может служить российская «правовая школа» или немецкая «конституционная история» (Verfassungsgeschichte). Альтхофф выступил против этих историографических традиций, основанных на перенесении в прошлое современных представлений о государстве и праве²⁷.

Вместо поиска несохранившихся «законодательных систем» или утверждений, что в течение целых веков общество жило в состоянии анархии, Альтхофф предложил концепцию «правил игры» (Spielregeln), не столь определенных, как правовые нормы, но, тем не менее, задававших известные рамки поведения. Систематического свода этих правил никогда не существовало ни в письменном, ни в устном виде, и вообще их невозможно полностью перевести в слова: они выражались через ритуализированное поведение, включавшее в себя как вербальные, так и невербальные способы коммуникации. Эти формы ритуализированного поведения, или поведенческие стереотипы (Verhaltensweisen, Verhaltensmuster), создавали систему имплицитных, подразумеваемых норм, которые и регулировали общественные отношения²⁸. Альтхофф восстанавливает эти подразумеваемые нормы, выделяя повторяющиеся формы поведения, которые постоянно встречаются в разных нарративных источниках при описании сходных ситуаций. Особенно информативны в этом смысле рассказы историков и летописцев о различного рода конфликтах.

Сходным образом, Уайт говорит о «подразумеваемых парадигмах» (implicit normative framework) или «культурных моделях», которые реконструируются на основе нарративных источников. Во французских судебных грамотах XI века «тяжущиеся стороны не ссылаются прямо на какие бы то ни было правила или обычаи, а лишь косвенно указывают на них, приводя случаи из жизни, которые могут быть объяснены только в рамках той или иной подразумеваемой парадигмы»²⁹.

²⁷ Ibid. S. 2, 5.

²⁸ Ibid. S. 12. См. также: Althoff Gerd. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 2013.

^{29 «}Although litigants did not cite rules or customs explicitly, they invoked them by telling stories; they alleged facts that would have been meaningless unless they were interpreted in the context of an implicit normative framework». – White Stephen. Debate: The «Feudal Revolution». Past and Present. 1996. № 152. P. 214.

Исследователь объясняет разницу между четко зафиксированными правовыми нормами и «культурными моделями», которыми регулировалось поведение людей в обществах, отличных от современного (pre-modern societies). «Культурными моделями», по словам Уайта, антропологи называют «модели мира, которые разделяются большинством членов данного общества и принимаются ими как данность, как нечто само собой разумеющееся — что, однако, не ведет к полному отказу от других, альтернативных моделей». Такие модели не образуют законченной системы. Скорее они похожи на «инструменты, которые используются, когда в них есть нужда, а потом откладываются в сторону» — чем и объясняется сосуществование противоречащих друг другу моделей³⁰.

Для Уайта проблема с концепцией «феодальной революции» состоит в интерпретации источников X и XI веков при помощи категорий Нового времени, таких как «частное» и «публичное» право или «государство», противопоставленное «частным лицам». Исследователь считает, что эти категории равно неприменимы и к эпохе Каролингов, и к последующим векам - вообще ко времени, предшествующему широкому распространению римского права. Несмотря на риторику каролингских книжников, заимствованную из сочинений античных авторов и создающую впечатление «государственности» и «публичной системы правосудия», отношения людей в реальной жизни регулировались неформальными «моделями» и «правилами игры» как при Каролингах, так и позже. «Феодальная революция» не могла разрушить гаролингскую систему публичного правосудия, потому что эта система существовала только на пергаменте. С другой стороны, картины анархии и произвола сеньоров после «революции» также не соответствуют действительности, потому что основаны на представлении, что в отсутствие государственной власти и публичного права общество автоматически погружается в хаос. Однако это представление справедливо не для любого, а только для современного общества. В Средние века действовали другие механизмы, которые хотя и не полностью устраняли насилие сеньоров, но все-таки существенно ограничивали их произвол и помогали им достигать компромиссов как между собой, так и с подвластным населением³¹.

^{30 «}Presupposed or taken for granted models of the world that are widely shared (although not to the exclusion of other, alternative models) by the members of a society». – Ibid. P. 214.

White Stephen. Debate: The 'Feudal Revolution' // Past and Present. 1996. № 152.
 P. 205–223; Idem. Tenth-Century Courts at Mâcon...

Состояние вопроса о «феодализме» и о средневековом государстве в настоящее время

Рассмотрев истоки споров о «феодализме», восходящие к последним десятилетиям прошлого века, охарактеризуем теперь точки зрения, существующие по этому вопросу в настоящий момент. Большинство западных историков Средневековья отказались от термина «феодализм» как имеющего слишком широкое и неопределенное значение, и даже те немногие ученые, кто употребляет это слово, не мыслят феодализм как систему институтов, которая играла господствующую роль в средневековом обществе³². С представлениями о «феодальном обществе», как оно рисуется в классических трудах историков первой половины XX века, покончено, по-видимому, навсегда. В то же время в современной науке широко признается, что в некоторые периоды существовали договорные отношения, основанные на пожаловании земли в условное держание, за которое требовалось нести военную и другую «благородную» (т. е. не связанную с физическим трудом) службу. И если часть историков выступает за то, чтобы исключить из научной литературы всю «феодальную» терминологию, многие находят удобным иметь какие-то специальные слова для обозначения этого типа отношений и называют их по-английски «feudo-vassalic relations», по-немецки «Lehnswesen», по-французски «féodalité»³³. Ближайший русский аналог — это, по-видимому, «вассально-ленные» или «вассально-сюзеренные отношения».

Главное, чем отличаются теперешние представления о вассально-ленных отношениях от классической теории феодализма, — это отказ современных историков рассматривать их как преобладающий тип связей между членами правящего класса. В наши дни большинство медиевистов считают, что такой тип едва ли возможно выделить. Раньше, например, историки недооценивали важность родственных связей для политической жизни средневекового Запада. Родственные кланы — дяди, племянники, двоюродные братья, выступающие то как политические союзники, то как соперники с запутанными счетами наследственных владений, — все это переплетение

³² См., например: Althoff Gerd. Establishing Bonds: Fiefs, Homage, and Other Means to Create Trust // Feudalism: New Landscapes of Debate. Turnhout: Brepols, 2011. P. 101-114.

Во франкоязычной научной литературе «féodalité» употребляется не вполне последовательно: иногда это слово выступает как синоним «féodalism», а иногда обозначает специфические вассально-ленные отношения. См.: Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 2; Cheyette Fredric. «Feudalism»... P. 121–122.

родственных, политических и экономических отношений, столь знакомое тем, кто занимается русскими князьями, теперь открыли для себя и исследователи западноевропейской аристократии³⁴. Помимо родственных связей, важную роль играли равноправные договорные отношения - то, что источники называют «дружбой» или «любовью» (amicitia, dilectio, amor). Впрочем, политическая «дружба» не всегда была равноправным союзом - нередко один из «друзей» занимал господствующее, а другой подчиненное положение. Да и «друзей» могло быть больше двух, потому что все эти, как равноправные, так и иерархические, союзы и договоры часто были коллективными³⁵. Среди этого множества разнообразных общественных связей имели место и вассально-ленные отношения — но нет никаких причин придавать им большее значение, чем другим типам отношений, и считать, что именно они определяли характер средневекового общества. С этим положением, похоже, согласны практически все современные медиевисты. Несогласия существуют только по поводу того, употреблять ли термин «вассально-ленные отношения» или заменить его каким-то другим, — но такие расхождения вряд ли можно признать значимыми.

Гораздо более существенными являются разногласия по поводу того, когда и как такие отношения возникли. Мы уже знакомы с мнением Рейнольдс, что вассально-ленные отношения были, по сути, созданы средневековыми юристами не раньше конца XII века. На XII век, и особенно его вторую половину, указывают и другие историки. Не все из них, однако, согласны с тезисом исследовательницы, что вассально-ленные отношения были искусственным построением академических юристов, не имеющим никаких связей с раннесред-

См., например: Lyon Jonathan. Princely Brothers and Sisters: The Sibling Bond in German Politics, 1100–1250. Ithaca, 2013; Le Jan Régine. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe – Xe s.). Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995; Althoff Gerd. Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1990; Cursente Benoît. Entre parenté et fidélité: les 'amis' dans la Gascogne des XIe et XIIe siècles. Les sociétés méridionales à l'âge féodal: Espagne, Italie et sud de la France, Xe – XIIIe s.: hommage à Pierre Bonnasie. Toulouse, 1999.

Althoff Gerd. Amicitiae und Pacta. Bündnis, Einung, Politik und Gebetsgedenken im beginnenden 10. Jahrhundert (= Monumenta Germaniae historica. Band 37). Hannover, 1992; Idem. Verwandte, Freunde und Getreue...; Hélène Débax. La seigneurie collective: Pairs, pariers, paratge, les coseigneurs du XIe au XIIe siècle. Rennes, 2012; Garnier Claudia. Amicus amicis, inimicus inimicis: Politische Freundschaft und fürstliche Netzwerke im 13. Jahrhundert. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 46.) Stuttgart, 2000.

невековой практикой³⁶. С другой стороны, теория «феодальной революции», как мы видели, считает переломным моментом конец X— начало XI века. Впрочем, ее сторонники до недавнего времени уделяли больше внимания сеньории, чем собственно вассалитету. Известный британский историк-марксист К. Викхам даже писал о том, что два эти явления— сеньория и вассалитет— никак не связаны между собой³⁷. Против этого положения недавно выступил соотечественник Викхама, молодой историк Ч. Уэст, которому принадлежит последняя по времени монография о «феодальной революции»³⁸.

Уэст оспаривает не только Викхама, но также и точку зрения, представленную Бартелеми и Уайтом, которые, как мы помним, считают, что общественные отношения при Каролингах и достаточно долго после них практически не изменялись. Позиция Уэста состоит в том, что глубокие изменения имели место, однако они были медленными и постепенными. Исследователь считает, что можно говорить о «революции», происходившей приблизительно с IX по XII век, если употреблять это слово в том же смысле, как в выражении «промышленная революция», — то есть как длительный процесс возникновения нового типа общественных отношений.

По Уэсту, «феодальная революция» не обязательно была связана с ухудшением положения крестьянства. Объем крестьянских повинностей и платежей по большей части остался таким же, как и при Каролингах. Речь не идет также о наступлении «феодальной анархии». В обществе и после «революции» существовал определенный порядок, но он был основан на иных принципах, чем до «революции». При этом новом порядке право суда и управления стало особым видом собственности, отличавшимся от землевладения. Уэст приводит примеры территориальных единиц, которые имели двух владельцев. Один из них владел землей и получал ренту с тех, кто обрабатывал сельскохозяйственные угодья, находившиеся в пределах данной территории. Другой же владел правами суда и управления по отношению к населению и получал всевозможные судебные пошлины и вообще платежи того типа, которые древнерусские источники называют «вирами и продажами»³⁹.

³⁶ См., например, Roach Levi. Submission and Homage...; Althoff Gerd. Establishing Bonds: Fiefs, Homage, and Other Means to Create Trust // Feudalism: New Landscapes... P. 101–114.

Wickham Chris. Le forme del feudalismo // Settimane. 2000. № 47. Р. 15-46. Цит. по: West Charles. Op. cit. P. 261.

West Charles. Op. cit.

³⁹ West Charles. Ор. cit. Р. 184–186. Разумеется, сравнение с «вирами и продажами» принадлежит не Уэсту, а автору настоящей статьи.

Таким образом, Уэст согласен с центральным положением теории «феодальной революции», а именно с тем, что реальная власть перешла в руки сеньоров и что владелец замка сделался правителем и судьей населения, жившего вокруг его замка. Однако исследователь не считает, что это было результатом узурпации или каких-то насильственных действий со стороны сеньоров, разрушивших каролингскую «государственность».

Позиция Уэста основана на господствующих в современной науке представлениях о том, что, во-первых, само понятие «государственности» плохо применимо к раннесредневековым образованиям, а во-вторых, в Средние века не существовало разделения на частное и публичное право и, шире, на частную и общественную сферы жизни. Основной тезис его работы состоит в том, что возникновение сеньории было логическим продолжением процессов, начатых при Каролингах, которым историки ошибочно приписывали желание создать «централизованное государство». Такая цель в условиях раннесредневековой Европы была бы в любом случае неосуществимой. На самом деле, утвержает Уэст, Каролинги стремились создать порядок, который мог бы работать в обществе, где отсутствовал бюрократический аппарат и не было надежных методов связи между центром и периферией. Таким порядком в конечном итоге и стала сеньория, при которой административные функции суд и управление - превратились в собственность владельцев замков, а связь крупных сеньоров с более мелкими «благородными» землевладельцами все больше стала осуществляться через систему вассалитета, которая полностью оформилась к XII веку, но начала складываться раньше. Таким образом, по Уэсту, вассально-ленные отношения имели весьма важное значение в структуре господствующего класса, хотя их роль не была столь тотальной, исключающей другие виды отношений, как это утверждала классическая теория феодализма.

Кроме того, одновременно с развитием вассально-ленных отношений Уэст видит и учащающиеся случаи употребления в источниках слов «вассал» и «фьеф» в «феодальном» смысле, а также указания на то, что оммаж и другие ритуалы постепенно приобретали более четко зафиксированную форму и более определенное содержание, чем раньше. Значения таких слов, как «оммаж» и «фьеф», вообще широко обсуждались историками в течение последних двадцати лет. Вопрос о терминологии и ритуалах, связанных с вассально-ленными отношениями — и, шире, о средневековой терминологии в целом — заслуживает отдельного рассмотрения.

О средневековой терминологии

Есть один аспект этого вопроса, на котором сходятся практически все западные медиевисты — даже те, кто не согласны друг с другом во всем остальном. Это признаваемое всеми положение состоит в том, что следует пересмотреть традиционные переводы homagium (hominium, homage и т. п.), vassalus (vassus, vassal), fevum (feodum, fieus и т. п.), beneficium, casamentum и тому подобных терминов⁴⁰. Собственно, именно слово «термин» является здесь проблематичным, если понимать его, в соответствии со словарем, как «название определенного понятия какой-либо специальной области». Проблема даже не в том, что значение одного и того же слова было различным в разные эпохи, в разных регионах и под пером разных авторов. Если бы дело обстояло так просто. можно было бы определить, что означало, например, слово vassalus или fevum в таком-то веке и в такой-то местности или в таком-то памятнике средневековой письменности. Подобные попытки делались неоднократно и привели исследователей к выводу, что сама категория «определенного понятия», terminus technicus, не существовала в раннее Средневековье, и по большей части была чужда также и высокому Средневековью. Господствовавшие тогда «правила игры» и «культурные модели» были столь изменчивыми и неопределенными, а невербальные формы выражения играли такую большую роль, что в общественной жизни не было места для «терминов» в нашем понимании⁴¹.

Это положение хорошо иллюстрируется на примере старофранцузской эпической поэмы о Рауле Камбрайском, в тексте которой Уайт выделил несколько равноправных, и при этом противоречащих друг другу, моделей фьефа. На вопрос, какой именно вид земельной собственности автор называет «фьефом», однозначно ответить

См., например: Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 12-14; Eadem. Fiefs and Vassals after Twelve Years // Feudalism: New Landscapes... P. 17; Barthélemy Dominique. The Serf, the Knight, and the Historian. P. ix-x, 265.

Бартелеми выражает общераспространенную среди западных медиевистов точку зрения, когда пишет о «неоднозначности всех слов, относящихся к рыцарству и вассалитету» (l'ambivalence qui s'attache à tout le vocabulaire chevaleresque et vassalique). – Barthélemy Dominique. La société dans le comté de Vendôme... P. 557. См. также: Idem. Note sur le titre seigneurial, en France, au XIè siècle // Archivum Latinitatis Medii Aevi. 1996. № 54. P. 131–158; Reynolds Susan. Fiefs and Vassals... P. 12–14; Lifshitz Felice. Translating 'Feudal' Vocabulary: Dudo of Saint-Quentin // Haskins Society Journal: Studies in Medieval History. 1997. № 9. P. 39–56; Helmerichs Robert. Princeps, Comes, Dux Normannorum: Early Rollonid Designators and Their Significance // Ibid. P. 57–77; Wheatley Abigail. The Idea of the Castle in Medieval England. Woodbridge, 2004. P. 44.

невозможно. Какое бы определение фьефа ни предлагать, оно будет подтверждаться одними строфами поэмы и опровергаться другими. Автор и его слушатели не мыслили абстрактными правовыми категориями, построенными по принципу. «Фьеф — это...». Для них одно и то же земельное владение, из-за которого в поэме разгорается конфликт, воспринималось в равной мере и как наследственная собственность, доставшаяся герою от покойного отца, и как условное держание, которое король жалует за верную службу, и выступало еще в разных других ипостасях⁴². Поэма не знает «никаких универсальных правил, относящихся к фьефам» и «никакой законченной системы земельной собственности». Вместо этого ее текст свидетельствует о существовании «изменчивой и внутренне противоречивой правовой культуры или дискурса» ⁴³.

В этом смысле «Рауль Камбрайский» не является исключением. Западные медиевисты показали, что вовсе не всякое земельное владение, называемое beneficium, fevum, feodum, casamentum, honor или другим словом, традиционно переводимым на английский и французский как fief, на немецкий как Lehn, а на русский как «фьеф» или «бенефиций», было пожаловано вассалу за службу⁴⁴. Равно и нет никаких оснований предполагать, что пожалование, если оно и было, сопровождалось оммажем, инвеститурой и клятвой верности. И обратно — оммаж не обязательно оформлял вступление в вассальные отношения, это был гибкий и многофункциональный ритуал, который скреплял соглашения самого разного рода — например, мирные договоры, равноправные союзы или обещания верности вступающему на престол правителю со стороны его подданных. Кроме того, этот ритуал далеко не во всех случаях состоял из фиксированных процедур, описанных в известной работе Ле Гоффа⁴⁵.

White Stephen. The Discourse of Inheritance in Twelfth-century France: Alternative Models of the Fief in Raoul de Cambrai // Law and Government in Medieval England and Normandy. New York, 1994. P. 173-197.

⁴³ Ibid. C. 177.

⁴⁴ См., например: Kasten Brigitte. Economic and Political Aspects of Leases in the Kingdom of the Franks during the Eighth and Ninth Centuries: A Contribution to the Current Debate about Feudalism // Feudalism: New Landscapes... P. 27–55; Barthélemy Dominique. Autour d'un récit de pactes («Conventum Hugonis»): La Seigneurie châtelaine et le féodalisme, en France au Xiè siecle // Settimane di studio/Centro Italiano di studi sull' Alto Medioevo 47. Spoleto, 2000. P. 460.

⁴⁵ Le Goff Jaques. Les gestes symboliques dans la vie sociale. Le gestes de la vassalité // Simboli e simbologia nell' alto Medioevo; Hyams Paul. Homage and Feudalism: A Judicious Separation // Die Gegenwart des Feudalismus/ Présence du féodalisme et présent de la féodalité/The Presence of Feudalism,

Наконец, основное значение слова vassal(-us) — это просто-напросто «человек, мужчина, муж»⁴⁶. Соответственно, если мы видим в старофранцузском источнике слово «vassalage», оно совсем не обязательно имеет отношение к вассалитету в том смысле, как этот термин традиционно понимается в исторической науке. Например, когда в «Песни о Роланде» победа над сильнейшим вражеским воином восхваляется как «grant vasselage», это выражение означает здесь примерно то же, что и похвала древнерусского летописца князю, проявившему храбрость в бою: «мужьскы створи»⁴⁷. В обоих случаях речь идет о «мужестве», то есть о качестве, присущем мужчине, а вовсе не о «вассалитете» из учебника истории. Каково именно было социальное положение каждого упомянутого в источнике «вассала», можно понять, да и то не всегда, только путем тщательного анализа контекста.

Вопрос о терминологии, важный и сам по себе, становится еще более важным, если учесть, что язык отражает картину мира и что, соответственно, слова, обозначавшие общественные и политические отношения, отражают состояние этих отношений. В данном случае размытость терминологии отражает определенные свойства социальных и политических структур. Эти свойства можно назвать «смазанностью», «неопределенностью», а можно и «гибкостью» или «приспособляемостью». Как бы ни называть, важно то, что медиевисты все больше отказываются от попыток найти в общественно-политической жизни Средневековья законченные системы. Хорошим примером новых подходов могут служить работы о принципах наследования в различных средневековых политических образованиях. Этот вопрос активно обсуждается и в русистике, поэтому с него удобно начать заключительную часть нашей статьи, посвященную значимости новых направлений в медиевистике для изучения Древней Руси.

Недавние работы по истории Древней Руси в контексте современной медиевистики

Одним из немногих примеров того, как историки Руси применяют методологические принципы, характерные для медиевистики в целом,

Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 173. Göttingen, 2002. P. 13-49; Roach Levi. Submission and Homage... P. 364-365, 367.

Venckeleer Theo. Faut-il traduire VASSAL par vassal? // Mélanges de linguistique, de littérature et de philologie médiévales, offert à J. R. Smeets. Leiden, 1982. P. 303-316.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 325; Brault Gerard (ed.). The Song of Roland: An Analytical Edition. University Park, 1978. P. 102–104.

является книга С. Франклина и Дж. Шепарда «Начало Руси». В частности, в этой работе отсутствуют попытки реконструкции системы наследования у Рюриковичей. Два известных британских историка считают ошибочным само представление о том, что на Руси существовала определенная политическая система⁴⁸. Хотя они при этом и не ссылаются на исследователей западного Средневековья, их позиция находится в русле современной медиевистики. Немецкие ученые первыми прекратили шедшие более ста лет споры о том, какие системы наследования существовали на разных этапах развития Германской империи, а также в германских королевствах, герцогствах и прочих образованиях. Их примеру последовали и другие медиевисты, которые в настоящее время описывают практику наследования в изучаемых ими странах примерно так же, как Франклин и Шепард делают это применительно к Руси⁴⁹. Однако в этом отношении «Начало Руси» является скорее исключением. Более того, позиция Франклина и Шепарда подверглось критике одного из ведущих исследователей Руси Назаренко⁵⁰. Прежде чем перейти к рассмотрению позиции Назаренко относительно «Начала Руси», сделаем небольшое отступление.

В этой статье уже отмечался общеизвестный факт, что не только русисты, но и западные медиевисты — как, вероятно, и большинство историков вообще — редко выходят за пределы своей узкой области. Только самые крупные ученые обладают таким широким кругозором и нестандартным мышлением, которые позволяют подняться над привычным кругом тем и научных подходов⁵¹. Так, например, один из ведущих историков западного Средневековья Р. И. Мур является одновременно и одним из ведущих критиков «западоцентризма» в медиевистике. Он призывает медиевистов активнее преодолевать наследие

Franklin Simon, Shepard Jonathan. The Emergence of Rus', 750–1200. New York, 1996. P. 246–248, 275–276.

⁴⁹ Обзор историографии вопроса о наследовании в восточнофранкских и германских королевствах и в Германской имерии см.: Patzold Stefen. Königserhebungen zwischen Erbrecht und Wahlrecht? Throngfolge und Rechtsmentalität um das Jahr 1000 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2002. Bd. 58. S. 467–473; о наследовании, не регулируемом фиксированной системой правил, см. там же с. 473–474; Roach Levi. Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978. Cambridge, 2013. P. 151.

⁵⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 47–87.

⁵¹ Чтобы не создалось комического впечатления, что автор данной статьи относит себя к «крупным ученым», следует пояснить, что у автора две специальности — древнерусская история («отечественная история периода феодализма») и история средних веков («medieval history»).

тех времен, когда Западная Европа и Северная Америка представлялись венцом истории, а изучение других регионов служило в основном для того, чтобы ярче оттенить действительные и мнимые достижения Запада. Чтобы избавиться от «западоцентризма», Мур предлагает рассматривать западное Средневековье не изолированно, а в широком контексте процессов, происходивших по всей Евразии, от Испании до Японии. При этом, однако, в его построениях начисто отсутствует Русь. Вообще, если судить по работам Мура, можно подумать, что граница Китая проходила по Дунаю, потому что он не упоминает, кажется, ни одно средневековое образование между Китаем и Балканами. Таким образом, труды ученого не свободны от того самого «западоцентризма», против которого он сам же и выступает⁵².

Это наблюдение сделано не с тем, чтобы упрекнуть выдающегося британского медиевиста, а чтобы показать, как труден выход из привычной парадигмы даже для первопроходцев — или, может быть, особенно для первопроходцев, то есть для тех ученых, которые первыми увидели, что такой выход необходим. Позволим себе предположить, что нечто подобное произошло и с двумя выдающимися русистами — во-первых, с Назаренко, который во многом является первопроходцем сравнительного изучения Руси и Запада в современной науке, и, во-вторых, с А. А. Горским, единственным, насколько мне известно, исследователем Руси, предложившим развернутый отклик на книгу Рейнольдс.

Так, критикуя Франклина и Шепарда, Назаренко исходит из предпосылки, что в раннесредневековой Европе существовали определенные системы наследования, обусловленные «развитием государственности и государственного правосознания»⁵³. При этом он ссылается на медиевистов, которые работали в традиции Verfassungsgeschichte, отвергнутой большинством современных историков⁵⁴. Разумеется, любой исследователь имеет право в свою очередь отвергать взгляды,

Moore R. I. Medieval Europe in World History // A Companion to the Medieval World. Malden, 2009; Idem. The Eleventh Century in Eurasian History // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2003. № 33. Р. 3-21. См. также: Mikhailova Yulia. Reimagining Medieval History... Р. 191-193.

⁵³ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. С. 50.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. С. 48, 50, 51. О том, как в современной немецкой медиевистике оцениваются взгляды ученых, на которых ссылается Назаренко, см.: Hechberger Werner. Das Lehnswesen als Deutungselement der Verfassungsgeschichte von der Aufklärung bis zur Gegenwart // Das Lehnswesen im Hochmittelalter. Forschungskonstrukte – Quellenbefunde – Deutungsrelevanz. Ostfildern, 2010. S. 41–56; Kortüm Hans-Henning. Mitterlalterliche Verfassungsgeschichte im Bann de Rechtsgeschichte zwischen den Kriegen – Heinrich Mitteis und Otto Brunner // Ibid. S. 57–77.

господствующие в современной ему науке, и возвращаться к идеям предшественников. Однако такая позиция обычно подкрепляется какими-то объяснениями того, почему именно взгляды ученых прошлого представляются автору более обоснованными. В данном же случае такие объяснения отсутствуют. Получается, что даже Назаренко, компаративист по преимуществу, активно и плодотворно использующий западноевропейские источники и научную литературу, по сути, игнорирует медиевистику последних десятилетий.

Излишне доказывать, что сравнительный подход к изучению Древней Руси — это та область, в которой знакомство с общим состоянием науки о Средневековье приобретает особое значение. Пересмотр классической теории феодализма разрушил один из основных постулатов, на которых базировалось представления о глубоких различиях между общественным строем Руси и Западной Европы⁵⁵. Вызывает сожаление, что не только споры о феодализме в целом, но даже нашумевшая книга Рейнольдс прошли мимо внимания большинства русистов. В то время как российские исследователи западного Средневековья активно обсуждали вопрос о «феодализме» и вели продуктивный диалог с зарубежными коллегами⁵⁶, историки Руси, работающие как в России, так и в других странах, не принимали в этой дискуссии практически никакого участия. Выше уже упоминалось, что единственное развернутое обсуждение «Вассалов и фьефов» в контексте древнерусской проблематики принадлежит Горскому⁵⁷. Исследователь отметил явление, которое может иметь важные последствия для теоретического осмысления древнерусской истории: западные медиевисты «по сути дела обнаруживают черты, которые давно зафиксированы на Руси и историками-русистами всегда рассматривались как отечественные отклонения от "правильного" феодализма»⁵⁸.

⁵⁵ Договор, оформлявший вассально-ленные отношения, традиционно интерпретировался как фундаментальная черта западноевропейской культуры, отличающая средневековый Запад от других регионов, в том числе от Руси. См., например: Лотман Ю. М. Договор и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи. Т. 3. Таллин, 1993. С. 345-355. См. также: Cheyette Fredric. «Feudalism»... Р. 123.

⁵⁶ См.: Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Феодализм: понятие и реалии. М., 2008. С. 11-51; Elizabeth A. R. Brown. Review of Feudalism: New Landscapes of Debate, edited by Sverre Bagge, Michael H. Gelting, and Thomas Lindkvist, The Medieval Review 2012 (6) at https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/ handle/2022/14548/12.06.10.html?sequence=1

⁵⁷ Горский А. А. Русское средневековье. С. 57-81; Он же. О «феодализме»: русском и не только // Средние века. М., 2008. Вып. 69. № 4.

⁵⁸ Горский А. А. О «феодализме»: русском и не только. С. 15.

Статья Горского представляет собой важный шаг к преодолению разрыва между русистикой и медиевистикой в целом. В то же время многие места этой статьи являются наглядным свидетельством того, как велик этот разрыв. Например, исследователь утверждает, что «чем ближе к юго-западу Европы, тем сеньориальные формы возникали раньше, развивались быстрее, распространялись шире»⁵⁹. В таком случае «сеньориальные формы» должны были возникнуть раньше всего и получить наибольшее распространение в Испании, Италии и Южной Франции — утверждение, с которым вряд ли согласятся историки Западной Европы⁶⁰. Кроме того, Горский считает, что в Европе частная собственность на землю существовала еще до XIV века, а с этого времени она распространилась также и на Руси⁶¹. Из того, что можно найти в работах западных медиевистов, самым близким к этому утверждению российского исследователя является мнение Рейнольдс о том, что большая часть земли на протяжении всего Средневековья находилась в «полном владении» (full ownership). Это положение вызвало возражения со стороны большинства ученых, включая и тех, кто поддержал другие идеи британской исследовательницы⁶². Что же касается частной собственности (private property), то о ее существовании в Средние века не заявляла даже Рейнольдс.

Равным образом, вряд ли кто-то из исследователей западного Средневековья согласился бы с тем, как Горский описывает общество, которое, по его мнению, «вполне можно определить как феодальное»: «господствующее положение военно-служилого слоя (организованного в те или иные виды корпораций — дружина, рыцарское сословие, княжеский (государев) двор и т. д.), представители которого получали доход с рядового населения — либо путем распределения государственных доходов в их среде правителем, либо через отправление государственных должностей, либо благодаря наличию собственного

⁵⁹ Горский А. А. Русское средневековье. С. 79-81.

Вопрос о том, где именно сеньория возникла раньше всего, является слишком обширным, чтобы обсуждать его в рамках данной статьи. По Блоку, например, феодальные отношения зародились в центральном регионе бывшей Каролингской империи, то есть в Рейнской области, Швабии и северной Франции (Блок Марк. Указ. соч. С. 143, 172–182).

⁶¹ Горский А. А. О «феодализме»: русском и не только. С. 21–24; Он же. Русское средневековье. С. 78.

⁶² CM.: White Stephen. Review of Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted by Susan Reynolds // Law and History Review. 1997. № 15. P. 351, 353; Hyams Paul. The End of Feudalism? Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted by Susan Reynolds // The Journal of Interdisciplinary History. 1997. № 27. P. 661.

земельного владения, пожалованного вышестоящим представителем корпорации за службу. Рядовое население находилось в той или иной степени зависимости от знати (от уплаты государственных податей до разных форм зависимости личного характера)». В заключение исследователь делает вывод о «принципиальном типологическом единстве общественного развития стран Европы в эпоху Средневековья» 63. Вывод этот является бесспорным, если исходить из предельно обобщенного понимания типа развития, как это делает Горский, предлагая описание, которое выходит далеко за рамки любого, даже самого широкого, из существующих определений «феодализма». Оставляя в стороне вопрос о том, можно ли социальную верхушку европейских кочевников, таких как, например, половцы, считать «военно-служилым слоем», невозможно не согласиться с тем, что все земледельческие общества на территории средневековой Европы, включая Русь, относились к типу, описанному Горским. Проблема, однако, в том, что к этому же типу относилось и огромное количество самых разных общественных образований за пределами Европы. За исключением Китая, Византии и отчасти Индии, господствующее положение военно-служилого строя в Средние века было характерно не только для Европы, но также для Азии и для многих регионов Африки и Америки⁶⁴.

В целях сравнительного анализа Руси и Запада представляется более плодотворным рассматривать общественное устройство в его

⁶³ Горский А. А. О «феодализме»: русском и не только. С. 24–26.

Cm.: Raaflaub Kurt, Rosenstein Nathan. War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, the Mediterranean, Europe, and Mesoamerica. Washington, 2001. Из обширной литературы о неевропейских обществах, для которых было характерно господствующее положение военно-служилого слоя, укажем на несколько работ. О средневековой Африке см.: Oliver Roland, Atmore Anthony. Medieval Africa, 1250-1800. Cambridge, 2001; Holt P. M, Holy M. W. A History of the Sudan: From the Coming of Islam to the Present Day. London, 2011 (сб. статей); Ruffini Giovanni. Medieval Nubia: A Social and Economic History. Oxford, 2012; Crummey Donald. Land and Society in the Christian Kingdom of Ethiopia: From the Thirteenth to the Twentieth Century. Urbana-Chanpaign, 2012; Davidson Basil. Africa in History: Themes and Outlines. London, 1995. О доколумбовой Америке см.: Sharer Robert, Traxler Loa. The Ancinet Maya. Stanford, 2006; Knight Alan. Mexico: From the Beginning to the Spanish Conquest. Cambridge, 2002; Latin American Indigenous Warfare and Ritual Violence. Tuscan, 2007 (сб. статей); Anthropological history of Andean polities. Сб. статей. Cambridge, 1986. Об Азии помимо Китая и Индии см.: Tarling Nickolas. The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. 1. Cambridge, 1993; Murphey Rhoads. East Asia: A New History. New York, 1997; Haidar Mansura. Medieval Central Asia: Polity, Economy and Military Organization, Fourteenth to Sixteenth Centuries, New Delhi, 2004.

конкретных проявлениях. Обратимся к недавним исследованиям, где разбираются применительно к Руси вопросы, занимающие в настоящее время также и историков других стран средневековой Европы. Не предлагая претендующего на полноту обзора литературы, ограничимся несколькими показательными примерами, почерпнутыми из работ ведущих специалистов по истории Руси.

Так, например, мы видели, что западные медиевисты активно обсуждают проблемы, связанные со средневековой терминологией. Этой же тематике посвящены многие работы В. П. Лукина, П. С. Стефановича и, опять же, Горского, который собрал и проанализировал богатый материал по древнерусским словам и выражениям, обозначающим территориальные единицы65. Однако один из выводов, сделанных исследователем на основании этого материала, ставит Русь в совершенно исключительное положение среди других политических образований средневековой Европы. Это вывод о том, что слово «земля» начиная с XII века обозначало «независимое государство» или «суверенное государство» 66. Часть историков считает некоторые раннесредневековые образования «государствами», но о чем-либо напоминающем «суверенные государства», по единодушному мнению всех медивистов, можно говорить только начиная с эпохи позднего Средневековья 67.

Вообще «суверенитет» и другие понятия, связанные с областью государства и права, являются хорошим примером «культурных моделей», о которых говорилось выше. Не стоит думать, что эти «принимаемые как данность модели мира» существуют только на какихто «примитивных» или «архаических» стадиях развития, в то время как «мы», современные люди, да еще научные работники, мыслим исключительно рациональными категориями. Единственное отличие современных ученых состоит в том, что они стремятся, во-первых, понять, какие именно модели существуют в их собственном сознании, а во-вторых, избегать привнесения этих моделей в изучаемый материал (избегать, конечно, по мере возможности, потому что полностью эта задача едва ли выполнима). Примером такого отрефлек-

⁶⁵ Горский А. А. Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32; Он же. Социальное и политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // СР. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. С. 7–12.

⁶⁶ Горский А. А. Земли и волости. С. 32; Он же. Социальное и политическое развитие... С. 10.

⁶⁷ См.: Law and Sovereignty in the Middle Ages and the Renaissance. Сб. статей. Turnhout, 2011; *Straumann Benjamin*. Early Modern Sovereignty and Its Limits // Theoretical Inquiries in Law. 2015. № 16.2. P. 423–446.

сированного подхода к современным «культурным моделям» служит критика представлений о «феодальной анархии», принадлежащая американскому медиевисту Ф. Шейету: «Период "феодальной анархии" иногда определяют как период, когда "публичная власть оказалась в частных руках" [...] При этом просто принимается как данность (simply assumed), что имело место разделение на частную и публичную сферы жизни и что понятия "частного" и "общественного" были точно такими же, как в наше время [...] Не объясняется, где и когда такое разделение впервые возникло, и не ставится вопрос, применимо ли оно к реалиям, например, IX или XII века» 68.

Если от «культурных моделей» Нового времени, оказывающих влияние на современных ученых, мы вернемся к моделям, которые существовали у людей Средневековья, надо напомнить, что изучение последних тесно связано с исследованием регулярно повторяющихся форм поведения. Пожалуй, самыми распространенными примерами таких форм являются пиры и обмен дарами. Обширная научная литература посвящена политическим и социальным функциям, которые эти «поведенческие стереотипы» выполняли в разных, в том числе средневековых, обществах69. Изучалась эта тематика и историками Руси, в частности Лукиным, которому принадлежит наиболее исчерпывающее исследование «политических пиров»⁷⁰. К информации о пирах в древнерусских источниках, собранной и проанализированной Лукиным, трудно что-либо прибавить. Однако трудно также и удержаться от сожаления, что в его работе отсутствует диалог с современной научной мыслью. Например, исследователь описывает «политические пиры» и обмен дарами как «архаические черты общественного строя», не объясняя при этом, что он понимает под «архаикой». Если большое общественное значение пиров само по себе является признаком «арха-

⁶⁶⁸ Cheyette Fredric. «Feudalism»... P. 124. См. также: Reuter Timothy. Medieval Polities and Modern Mentalities. Cambridge, 2006.

⁶⁹ Из многочисленной литературы о политических и социальных функциях пира укажем сборники статей: Feasts: Archeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power. Washington, 2001; Food and the Status Quest: An Interdisciplinary Perspective. Oxford, 1996. Об изучении пиров в контексте европейского средневековья см. тематический номер (special issue), посвященный пирам: Feasts and Gifts of Food in Medieval Europe: Ritualised Constructions of Hierarchy, Identity and Community. Journal of Medieval History. 2011. № 37.

⁷⁰ Лукин П. В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Феодализм: понятие и реалии. М., 2008. С. 163–179; Он же. Праздник, пир и вече у восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. 2006.

ичности», как, по всей видимости, думает Лукин, то получится, что и в Англии XVI века общественный строй был «архаическим»⁷¹. Кроме того, непонятно, почему сравнительный анализ практики «пиров и даров» ограничен только Русью и западными славянами. Повсеместное распространение этой практики в Средневековье и хорошая исследованность вопроса вполне позволяют вписать древнерусский материал в широкий европейский или евразийский контекст.

Вообще, как уже упоминалось выше, Лукин, наряду со Стефановичем, разрабатывает тематику, близкую кругу проблем, которыми занимается современная западная медиевистика. Помимо социально-политической терминологии, они обсуждают такие вопросы, как представления о чести и бесчестье или ритуалы, сопровождавшие различные договоры⁷². Выводы этих исследователей во многом перекликаются с заключениями, к которым приходят историки средневековой Европы. В частности, они продемонстрировали неопределенность и многозначность древнерусских обозначений общественного положения («мужи», «дружина» и др.), которые не являлись терминами в строгом смысле слова, так же как не являлись ими латинские vassali, barones и т. п. 73 Стефанович показал, что на Руси не существовала клятва верности как «формализованный обряд со специальным значением»⁷⁴. К тому же выводу относительно клятвы верности пришли и историки Западной Европы⁷⁵. Любой современный исследователь средневековой аристократии подписался бы под словами,

Heal Felicity. Hospitality in Early Modern England. Oxford, 1990.

⁷² Стефанович П. С. Религиозно-этические аспекты отношений князя и знати в домонгольской Руси // Отечественная история. 2004. № 1; Он же. Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // ДРВМ. 2004. № 2 (16). С. 63–87; Он же. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // СР. Вып. 5. М., 2004. С. 86–113; Он же. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А. и др. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269; Лукин П. В. Вече: Социальный состав // Древняя Русь: Очерки политического и социального строя; Он же. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2. См. также выше, прим. 70.

⁷³ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X-XI вв. М., 2012. С. 124–128; Лукин П. В. Вече: Социальный состав. С. 73–77.

⁷⁴ Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда. С. 267.
75 Ryan Magnus. The Oath of Fealty and the Lawyers // Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte № 147. Göttingen, 1998 (Сб. статей). Р. 211–228.
См. также: Barthélemy Dominique. Autour d'un récit de pactes...

которыми российский историк характеризует отношения бояр и князей. Отношения эти, пишет Стефанович, «регулировались не специальным письменно зафиксированным правом, а были результатом сложного сочетания обычно-правовых норм, практических интересов и ориентации на некоторые общие понятия» Последнее выражение особенно близко к идеям Альтхоффа и Уайта о том, как регулировались отношения между членами социальной верхушки на средневековом Западе. Стефанович, однако, считает, что проанализированный им материал свидетельствует о различиях между Русью и Западом. Такой парадоксальный вывод вызван тем, что некоторые из сведений о западном Средневековье, которые приводит исследователь, взяты из работ, написанных достаточно давно и во многом опровергнутых современной наукой? Постаточно давно и во многом опровергнутых современной наукой?

Надо заметить, что в каком-то смысле отсутствие указаний на аналогичные западные исследования даже повышает ценность заключений Стефановича и Лукина относительно Руси: получается, что их анализ древнерусского материала, проведенный совершенно независимо, привел их к таким же выводам, к каким пришли историки западного Средневековья. Это показывает, что наука о Руси развивается в том же русле, что и медиевистика в целом. Можно предполагать, что развитие это будет еще более динамичным, если русисты станут более активно интересоваться положением дел в западной медиевистике.

Верно, разумеется, и обратное — западные медиевисты тоже могли бы извлечь пользу из более основательного знакомства с древнерусской историей. Однако вопрос о значимости русистики для западной медиевистики является слишком обширным, чтобы рассматривать его в той же статье, и должен являться предметом отдельной работы.

 ⁷⁶ Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда. С. 267.
 77 Там же. С. 203–204. 207.

А. А. Горский

«Смерд и холоп»? Об одной загадке Русской Правды

В Краткой редакции Русской Правды, в той ее части, которая относится к установлениям сыновей Ярослава Владимировича, т. е. датируется третьей четвертью XI в. (так наз. «Правда Ярославичей»), содержатся статьи, посвященные штрафам за убийство зависимых людей князя:

А въ сельскомъ старостъ княжи и в ра[ma]инъмъ 12 гривнъ. А в рядовници княжъ 5 гривенъ. А въ смердъ и въ хо[no]пъ 5 гривенъ. Аще роба кормилица любо кормилици 12^1 .

Сходный текст читается в Пространной редакции:

А в сельскомъ тивунъ княжъ или в ратаинъмъ, то 12 гри(венъ). А за рядовича 5 гри(венъ). Тако же и за боярескъ. О ремественицъ и о ремественицъ. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гри(венъ). А за смердии холопъ 5 гри(венъ). А за робу 6 гри(венъ). А за кормилця 12. Тако же и за корми[ли]цю, хотя си будеть холопъ, хотя си роба 2 .

Если в Пространной редакции «смердии» выглядит определением к слову «холоп», то в Краткой в одной статье (ее принято выделять как ст. 26) фигурируют два существительных – «смерд» и «холоп»³, причем жизнь и того и другого оценивается одинаково – в 5 гривен (минимальный штраф, в 8 раз меньше, чем за убийство рядового свободного человека). Приравнивание смерда к холопу в ст. 26 серьезно

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00282.

¹ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 71–72 (Академический список); ср.: Там же. С. 80 (Археографический список).

² Там же. С. 105.

Правда, в Археографическом списке Краткой редакции читается «авъсмердьивхолопѣ» (см.: Правда Русская. М., 1963. Т. 3. С. 27), что дает возможность истолковать «смердьи» как одно слово – определение к слову «холоп»; но большая точность чтения Академического списка может считаться доказанной после выхода работы В. П. Любимова (Любимов В. П. Смерд и холоп // Исторические записки. Т. 10. М.; Л., 1940).

повлияло на изучение проблемы смердов, поскольку оно противоречит прочим данным о них, в том числе содержащимся в других статьях Русской Правды, по которым смерды холопам явно не равны.

Согласно ст. 45-46 Пространной редакции, посвященным краже домашних животных, смерды, в отличие от холопов, платят князю «продажу» - судебный штраф, т. е. являются правоспособными: «то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю. Аже буд(у)ть холопи татье, судъ княжь. Аже буд(у)ть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду» 4. Собственно говоря, этого достаточно: жизнь человека, платящего за свои правонарушения продажу, не могла охраняться штрафом в 5 гривен, хотя бы потому, что продажа по некоторым преступлениям (побоям и посягательствам на некоторые виды чужой собственности) бывала равна 12 гривнам⁵. Ст. 33 Краткой редакции устанавливала штраф за «муку» смерда «без княжа слова» в 3 гривны. Высшие должностные лица княжеской администрации - огнищане и тиуны - охранялись в аналогичной ситуации 12-гривенным штрафом6. Вира за убийство огнищанина и тиуна – 80 гривен⁷, следовательно, штраф за «муку» составлял для них 15% платы за убийство, а у смерда, если исходить из того, что его жизнь оценивается в 5 гривен, - 60%. Эти данные вкупе со сведениями летописными, из которых видно, что смерды имели свое земледельческое хозяйство⁸ (которое, согласно ст. 90 Пространной редакции Русской Правды, переходило к их сыновьям в случае наличия таковых9), вызвали к жизни точку зрения, что были две категории смердов: лично свободные и зависимые от крупных землевладельцев; соответственно предполагалось, что 5-гривенный, как у холопа, штраф за убийство относится именно и только ко вторым¹⁰. Но в этом случае

⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 109.

⁵ См.: Там же. С. 106–108, 111–113 (ст. 23, 25, 38, 67, 68, 69, 71, 73, 84 Пространной редакции). Коль скоро смерд платил продажу такого размера, если совершал наказуемые ею преступления, следовательно, в случае, когда он оказывался по ним потерпевшим, должен был назначаться такой же штраф. Но если считать, что плата за убийство смерда – 5 гривен, то получится, что штраф за нанесение ему побоев в два с лишним раза превышал ее.

⁶ Там же. С. 72, 80.

⁷ Там же. С. 71, 80.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 252-253, 264-265.

Правда Русская. Т. 1. С. 114.

¹⁰ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 225–239; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 96–104; Сверд-

придется признать: в Русской Правде никак не оговорено, что в ст. 26, с одной стороны, и других статьях, упоминающих смердов (о «муке», о «продаже», о наследовании имущества), речь идет о разных с правовой точки зрения категориях.

Между тем это не единственное противоречие, порождаемое традиционным прочтением статьи 26. Упоминание в ней холопов как единой категории оказывается неточным: ведь холопы фигурируют и в соседних статьях. Оставим пока за скобками «рядовича», но старосты, охраняемые 12-гривенным штрафом, несомненно по статусу были холопами. Несвободными людьми являлись и кормилица с ее сыном – «кормиличичем» (об этом сказано прямо – «аще роба кормилица любо кормиличиць»). Между тем статья 26 утверждает, что за холопа платится 5 гривен, без всяких, получается, оговорок, т. е., по прямому смыслу, за любого холопа.

Противоречие имеется и в другом. Платы за смерда и за холопа упоминаются вместе. В других случаях в Краткой редакции штрафы за убийство каждой категории населения называются отдельно. Так, огнищанин, тиун, подъездной – управители, чьи функции были схожи и размер штрафа одинаков (80 гривен), но для каждого сумма виры названа отдельно¹¹. Непосредственно перед смердом и холопом упоминается рядович, с тем же штрафом в 5 гривен, но для него этот штраф упомянут отдельно, а для смерда и холопа почему-то вместе. В одной статье даются только штрафы за старост и кормилиц с «кормиличичами», но это особые случаи: в первом перед нами одно существительное (староста) с двумя определениями, во втором - однокоренные слова, обозначающие к тому же мать и сына. При этом в статье о кормилице и кормиличиче эти две категории соединены не союзом u (как смерд и холоп в ст. 26), а союзом любо (или). Аналогично в ст. 1 Краткой редакции, где идет перечисление категорий населения, охраняемых 40-гривенной вирой, между их названиями стоит союз любо, а не u: «аще боудеть poyсинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь»12. Союз u, таким образом, наличествует только в статье о старосте, где он соединяет не существительные (как в ст. 26), а прилагательные.

Суммируя изложенные наблюдения, можно сказать, что, исходя из особенностей построения статей Краткой редакции, в ст. 26 должно

лов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 135-149.

¹¹ Правда Русская. Т. 1. С. 71, 80.

¹² Там же. С. 70, 79.

быть упомянуто не две разных категории населения, а одна. Но как же быть с союзом u, традиционно воспринимаемым как соединительный, да к тому же еще и с наличием после него предлога e?

Противоречие здесь исчезает при признании, что в данном случае u — не соединительный союз, а уточняющая частица. Это значение u, не зафиксированное в словарях, в древнерусских текстах присутствует довольно часто, на что было обращено внимание в конце прошлого столетия¹³. Среди примеров, приведенных по этому поводу А. А. Зализняком, имеется случай, когда после u стоит предлог s: «и сьтояше вь прабошняхъ въ черевьихъ и вь протоптаныхъ» ¹⁴. Можно привести и пример, где присутствуют два существительных, а после u помещен предлог: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие съ тотары и съ Мамаемъ» ¹⁵. Смысл в том, что «татары» в 1370-е гг. не все подчинялись Мамаю, и необходимо было уточнить, с какими из них произошло «розмирие»: с теми, над которыми главенствовал Мамай. То есть вполне возможна конструкция, в которой второе существительное, стоящее после союза u и предлога, поясняет, уточняет первое.

Обращает на себя внимание в этой связи формулировка ст. 24 Краткой редакции Русской Правды — о старостах: «А въ сельскомъ старостъ княжи и в ра[та]инъмъ 12 гривнъ». Она аналогична построению ст. 26 («А въ смердъ и въ хо[ло]пъ 5 гривенъ»). Обычно предполагается, что речь идет о двух категориях должностных лиц, но некоторые комментаторы исходили из того, что имеется в виду одно лицо с двумя определениями (тем самым фактически признавая, что и здесь имеет уточняющее значение). Так, А. А. Зимин давал перевод: «А за убийство (княжеского) старосты, ведавшего селами или пашнями, (платить) 12 гривен» Возможно, и здесь после и стоит не указание на другую категорию, а уточнение (в данном случае в виде прилагательного): «А в сельском старосте княжеском, который ратайный, 12 гривен». В этом случае перед нами пример употребления «уточняющего и» в непосредственном соседстве со ст. 26.

¹³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 30; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 166, примеч. 78.

¹⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 13 (Ипатьевская летопись под 1074 г.).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 106 (Рогожский летописец под 1374 г.).

¹⁶ См.: Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 164–165.

¹⁷ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 83.

Можно, таким образом, полагать, что в ст. 26 речь идет не о всех смердах и всех холопах, а только о смердах, но не всяких, а таких, которые по статусу своему являлись холопами: «А в смерде, который холоп, 5 гривен». Увязывается ли такая трактовка с содержанием соседних статей Краткой редакции Русской Правды?

После статей, посвященных охране жизни высших чинов княжеской администрации – огнищан и тиунов, следует группа статей, упоминаемые в которых лица имеют, судя по невысоким (в сравнении с вирой за рядового свободного человека – 40 гривен) штрафам за их убийство, низкий статус. Сначала упоминается «староста сельский и ратайный» с 12-гривенным штрафом, затем рядович (точнее – «рядовник», форма «рядович» читается в Пространной редакции) с 5-гривенным, далее идет интересующая нас ст. 26. Очевидно, что понять ее место в окружающем контексте невозможно без определения, кто такой рядович/рядовник.

Сложность в том, что кроме ст. 25 Краткой редакции этот термин встречается в домонгольский период¹⁸ только в аналогичной статье Пространной редакции (ст. 15, см. ее текст в начале настоящей работы) и в «Слове Даниила Заточника» (памятнике конца XII в.), где сказано: «Не имъи собъ двора близъ царева двора и не държи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устречися и сождениа портъ»¹⁹.

Большинство исследователей выводило термин «рядович» от слова «ряд» в значении «договор» и полагало, что так именовался человек, работающий на господина по договору²⁰. Однако, согласно ст. 110 Пространной редакции Русской Правды, заключивший договор при поступлении на ту или иную службу холопом не становился²¹. Следовательно, за такого человека должна была платиться обычная вира в 40 гривен; снижение стоимости его жизни в 8 раз представляется абсолютно невозможным. К тому же при такой трактовке странно выглядит известие «Слова Даниила Заточника». В нем упоминается тиун-управитель и служители при нем. Если рядовичи − работающие по договору, то почему именно и только их надо бояться? Ведь в подчинении тиуна наверняка были и слуги-холопы; они что, отличались кротостью?

¹⁸ Позднее, в XV–XVI вв., «рядовичами» именуются члены купеческих организаций – «рядов»; единственное число при этом было не рядович, а рядовиши (см.: СлРЯ XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 288).

⁹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 392, 394.

См.: Правда Русская. Т. 2. С. 166–170; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 175–179.
 Правда Русская. Т. 1. С. 116.

Когда-то В. И. Сергеевич высказал предположение, что рядович Русской Правды – это рядовой холоп (правда, тут же в соответствии с господствующим мнением написал, что «рядович - всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий»)²². Эта догадка не получила поддержки, все последующие авторы почему-то были уверены, что «рядович» происходит от «ряд» именно в значении «договор». Между тем слово $p n \partial v$ в древнерусском языке имело много значений 23 . Одно из них – группа лиц, занимающих одинаковое положение²⁴. От рядъ в этом значении происходит очень близкое к рядовникъ/рядовичь слово рядьникъ, обозначавшее человека рядового в том или ином сообществе²⁵. И в интересующем нас контексте речь идет о рядовом, обычном холопе. Сначала указывается штраф за нерядовых холопов – занимающих пост старосты, затем за обычного холопа – «рядовника», потом за смерда, являющегося по статусу холопом, наконец, за кормилицу и ее сына - тоже не простых холопов. В «Слове» же Даниила Заточника «рядовичами» названы рядовые (в отличие от тиуна) княжеские служители, независимо от их статуса (холопы или свободные).

Ст. 27 — о кормилице и кормиличиче — в иной грамматической форме оговаривает то же, что и ст. 26, — статус тех представителей указываемой категории, которые являлись несвободными: «Аще роба кормилица любо кормиличиць 12». Подразумевается, что кормилица и соответственно ее сын могут быть и свободными людьми, но статья имеет в виду тех из них, кто является холопами. Аналогично в ст. 26 речь идет не обо всех смердах, а о тех, которые по правовому статусу холопы.

По поводу того, кто такие смерды, в историографии высказано много точек зрения²⁶. Но и те авторы, кто полагал, что так именовалась основная масса земледельцев, и те, кто видел в смердах особую категорию населения, не сомневались, что главным занятием смердов было земледелие. Действительно, имеющиеся данные в летописях и актах XII и последующих веков говорят о

²² Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. 1. С. 105.

 [«]Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» выделяет 18 значений, а
 «Словарь русского языка XI–XVII вв.» – 20 (l): Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2013. Т. 10. С. 540–544; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. С. 281–284.

²⁴ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 10. С. 541.

²⁵ См.: Там же. С. 544-545.

²⁶ См. обзор мнений в работах: Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 135–149.

земледельческом хозяйстве смердов²⁷. Следовательно, как бы ни трактовать, узко или широко, сущность данной группы населения, это непринципиально для анализа ст. 26. В ней имеется в виду смерд-земледелец, который записался в холопы. Он продолжал вести свое хозяйство, но по правовому статусу стал несвободным. Закон оговаривает, что за жизнь такого смерда-холопа полагается та же плата, что и за рядового, обычного (не сидящего на земле) холопа — «рядовника».

При такой трактовке исчезают противоречия с другими упоминаниями смердов в Русской Правде. Те, кого нельзя мучить «без княжа слова», кто платит продажу, чьи сыновья наследуют имущество, - это смерды, не являющиеся холопами²⁸, а в ст. 26 говорится о смердах, которые имеют статус холопов (и это прямо оговорено, спутать их со смердами из других статей современники не могли). В словах статьи 45 Пространной редакции «оже платят князю продажу» «оже» может быть в значении «если»²⁹, т. е. подразумевается, что были смерды, которые продажу не платили, так как являлись холопами. Ведь речь в этой статье идет о краже скота, за которую могли быть ответственны люди любого статуса, но оговорка делается только о смердах и далее (ст. 46) о холопах. Смысл этой оговорки, скорее всего, в том, что, в отличие от других категорий населения, к смердам эти «уроки» относятся только в случае, если они платят продажу, т. е. являются свободными людьми. Далее говорится, что за холопов, которых «князь продажею не казнить», платит господин. В это понятие включается и смерд-холоп - субъект ст. 26.

Чтение Пространной редакции «смердии холопъ», возможно, говорит о том, что ко времени ее составления смерды, являвшиеся холопами, стали восприниматься как в первую очередь холопы, а определение «смерд» превратилось в данном случае в прилагательное, призванное подчеркнуть, что это те холопы, которые имеют свое хозяйство и занимаются земледелием. В период составления Правды Ярославичей субъект ст. 26 воспринимался как смерд,

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 252–253, 264–265; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 82. С. 141; Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5.

²⁸ Следовательно, надо полагать, что плата за их убийство специально не указывается в судебнике постольку, поскольку на таких смердов распространялось действие ст. 1 – о 40-гривенной вире за свободного «мужа».

²⁹ Ср.: Правда Русская. Т. 2. С. 403 (комментарий Н. Ф. Лаврова); Памятники русского права. Вып. 1. С. 158 (комментарий А. А. Зимина).

ставший холопом, а в эпоху, когда появилась Пространная редакция (вероятнее всего, начало XII в.), – уже как холоп, сходный со смердом по своей хозяйственной деятельности³⁰.

М. Н. Тихомиров, таким образом, был, вероятно, прав, что «смердий холоп» – это холоп, исполнявший функции смерда (см.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 82, 90), только эволюция была обратной, чем он предполагал: «смердьим холопом» становился не холоп, посаженный на землю, а смерд, ставший холопом по правовому статусу.

Д. Домбровский

Галицко-Волынская летопись о смерти короля Германии Филиппа Швабского и судьбах св. Елизаветы Венгерской

Политические горизонты властной элиты Галицко-Волынской Руси в первой половине XIII в., способы получения информации и механизмы ее обработки летописцами*

Галицко-Волынская летопись содержит огромное количество информации о самых разных событиях, разыгравшихся за пределами Галицко-Волынской Руси. Безусловно, все они свидетельствуют о горизонте политической осведомленности элиты государства Романовичей, в том числе отдельных членов династии, в окружении которых составлялся интересующий нас источник. В гуще этой информации гораздо больше различного рода сообщений в Галицко-Волынской летописи посвящено Венгрии и полякам, и намного меньше — Германии и Чехии, то есть западным соседям Галицко-Волынской Руси¹.

Крайне интересным, но описанным исследователями лишь частично вопросом остается способ получения конкретной информации

Исследование выполнено в рамках гранта Национального центра науки (Narodowe Centrum Nauki) «Критическая редакция Галицко-Волынской летописи с комментариями и переводом». Исследовательский проект № 2012/07/B/HS3/01044.

Исследователи редко обращались к такого рода сюжетам. К примеру, имеется классическая, но несколько устаревшая монография, в которой анализируются немецкие сообщения Галицко-Волынской летописи (Szaraniewicz I. Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872). Отличается по своему характеру труд Антала Ходинки. Это, в принципе, подбор сообщений древнерусских летописцев, касающихся Венгрии, в том числе из Галицко-Волынской летописи. с достаточно слабым и скромным по размеру комментарием (Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai: az orosz évkönyvek teljes gyűjteménye köteteiböl. Bizottságának megbizásából fordította Hodinka A. Budapest, 1916. С. 277-287 (введение и комментарий к фрагменту Киевской летописи и Галицко-Волынской летописи), с. 288-453 (древнерусский текст с венгерским переводом). Отдельную статью посвятил венгерским сообщениям, содержащимся в Галицко-Волынской летописи, Г. Перфецкий (Perfecky G. A. Hungary and the Hungarians in the Galician-Volynian Chronicle // Hungarian Studies. 1987. Vol. 3. Num. 1-2. P. 19-29). Здесь, разумеется, не упомянуты часто появляющиеся различного рода тексты, в которых обсуждаются взаимоотношения Галицко-Волынской Руси с заграницей.

о таких событиях редакторами Галицко-Волынской летописи. Аналогично обстоит дело с механизмами ее записи. Речь идет о процедуре отбора для записи, а также о характере и причинах возникновения возможных искажений. Указанные явления можно отследить по меньшей мере для нескольких случаев. Более того, можно восстановить одну из страниц культурной жизни Галицко-Волынской Руси, а именно — явление увековечения (в том числе его пропагандистский контекст).

В качестве примера мы выбрали лишь один, однако непростой и крайне любопытный эпизод. Речь идет о первом по хронологии «немецком»² упоминании Галицко-Волынской летописи. Напомним, что этот абзац касается убийства короля Германии Филиппа Швабского и последствий данного события для венгерской королевской фамилии. Приведем его вместе с окружающим контекстом, что будет важно для представления конструкции анализируемого фрагмента источника и датировки описанных в нем фактов:

[6714 г.] [...] седе же Володимеръ в Галичъ . а Романъ во Звенигородъ . а Стославъ в Перемъщли . а сноу своемоу да Теребовль Изаславоу . а Всеволода сна своего посла во Оугръ ко королеви с даръ . Данилови соущю во Оугръхъ . король же Андръ . и боаръ Оугоръстъ . и вса земла . хоташе дати дщеръ свою . за кназа Данила . wбъима дътъскома бъвщима . зане сна оу него не бъ

В лѣт̂ . \sqrt{s} . $\sqrt{\psi}$. \sqrt{e} . [6715)] Оубьенъ быс̂ цсрь великыи Филипъ . Римьскъи . совътомъ брата королевое молашеса сестръ . да бы ему нашла помощника . wна же никако могоущи помощи братоу своемоу си . и да дщерь свою . за Лонокрабовича . за Лоудовика . бъ бо моужь силенъ . и помощникъ братоу ее . юже нъиъъ стоу нарѣчают̂ . именемь Алъжьбитъ . преднею бо има еи . Кинека . много бо послоужи . Бг̂ви . по моужи своемь и стоу нарѣчають . но мъ на преднее возвратимса . мкоже преже почали бъхомъ .

Въ лѣт̂ . $\star s$. . ψ . s . [6716] Съвѣтъ же створиша Игоревичи . на боѧре Галичкъи . да избьють и по прилоучаю избьени бъща . [...]³.

Разумеется, здесь это определение используется, как это будет раскрыто далее, совершенно условно. В действительности же мы имеем здесь дело с информацией, затрагивающей историю Галицкой Руси и Венгрии, в которую вплетены два немецких эпизода. Конкретно речь идет о собщениях об убийстве короля Филиппа Швабского и выдаче Елизаветы Венгерской за сына ландграфа Тюрингии.

³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 2002. Стб. 723. Цитата почерпнута из электронной версии источника, размещенной на сайте ImWerden [режим

Благодаря гораздо большей доступности, а следовательно, и популярности цитируемой Ипатьевской редакции ГВЛ, исследователи – хотя, как правило (но не все), отдавали себе отчет во вторичном характере разделения ее текста на годовые статьи 4 – обычно толковали по отдельности размещенные под указанными датами сообщения, не усматривая в них причинно-следственной связи.

Кстати, это и яркий пример того, сколь губительны могут быть навыки и своего рода познавательная леность, а также насколько важно обращение к оригиналам и, в результате, критическая публикация редакции источников⁵.

Между тем во всех остальных сводах Галицко-Волынской летописи данный абзац выглядит с точки зрения организации текста так:

[...] съде же Волидимерь в Галичи . а Роман въ Звенигородъ . а Стославь в Перемъшли . а снови своемоу да Теребовль Изаславоу . а Всеволода сна своет посла въ Оугръ къ королеви съ даръ . Данилови сжщю въ Оугрех . корол же Андреи . и боаре оугорстіи . и вса земла . хоташе дати дъщерь свою . за кназа Данила . ибъма дътскама бъвшим . зане сна оу нег не бъ . В та ж лъта оубіень бъю пръ великіи Филипъ . римскіи . съвътом брата королева .

доступа: http://imwerden.de/pdf/psrl_tom02_ipatjevskaya_letopis_1908.pdf, свободный].

⁴ О введении дат в Ипатьевский кодекс см.: Толочко А. П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2005. Т. XIII.1. С. 81–108 (см. там литературу по теме). Обратим здесь внимание на то, что сила традиции деления Галицко-Волынской летописи на годовые статьи на манер Ипатьевского списка настолько сильна, что даже издатель источника в Хлебниковской редакции, Николай Котляр, ввел в оригинальный текст, хотя и заключенные в квадратные скобки, выражения: «В лѣт̂ [...]», а также выделил «ипатьевские» годовые статьи абзацами, разбивая «хлебниковский» текст (Галицько-Волынський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / Ред. М. Ф. Котляр. Київ, 2002; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Ред. Н. Ф. Котляр. СПб., 2005).

Здесь мы не подвергаем критике издание Шахматова 1908 г. Отметим лишь, что, к сожалению, известный русский исследователь взял за основу редакции самый ранний, Ипатьевский список, что оказалось ошибкой, поскольку основная масса читателей не в состоянии была справиться с соответствующим восприятием почерпнутых из других редакций источника вариантов текста, размещенного издателем в примечаниях. Это привело, в частности, к закреплению в литературе ошибочной «ипатьевской» хронологии и ошибочному убеждению в такой, а не иной конструкции Галишко-Волынской летописи.

молашеса сестрв. да бы емоу нашла помочника. wна ж никако не могоущи помощи брат своемоу. и да дъщеръ свою. за лонокрабовича. за Лоудовика. бв бо мжж силенъ. и помощник брат еа. юже ннв стоу нарвчют. именем Альжбвта. преднее бо има еи. Кинека. мншго бо послоужи. Бви. по мжжи своем. и стоу нарвчют. но мы на преднее възвратимса. какоже преже почалв быхомъ. Съввт же створиша Игоревичи. на боаре галицкыи. избїют их. по прилоучаю избїени быша. [...]6.

Приведенный по Хлебниковской рукописи текст гораздо лучше, чем ипатьевский вариант, передает оригинальную запись, находящуюся в несохранившемся протографе?. Поэтому в дальнейшей части статьи мы будем пользоваться именно этой версией. Отметим при этом, что четко просматривается разрыв сообщения об истории Игоревичей в виде вставки, начинающейся словами «Данилови сжщю въ Оугрех . корол же Андреи», а точнее: «В та ж лъта оубїень быс пръ великій Филипъ», ведь предыдущую фразу (о старшем Романовиче) логически, повествовательно и хронологически можно связать с сообщениями об Игоревичах. Эту связь можно изложить следующим образом: «В то время, когда Игоревичи снова завоевали галицкое княжество, разделили его и отправили посольство к Андрашу II, Даниил находился еще в Венгрии, а король хотел выдать за

⁶ ОР РНБ. F.IV.230. С. 306 (= 627). Как хорошо известно, имеется фототипичное издание Хлебниковского — Острожского и Погодинского — Четвертинского списков. Увы, опубликованные, очевидно, на основании микрофильма, фотографии многих листов обоих источников (в особенности второго) низкокачественны (The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices, Harvard, 1990 (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. T. VIII)). Итак, упомянутую редакцию следует считать крайне полезной для исследователей. Добавим для порядка, что идентичной (не считая грамматических и орфографических отличий) Хлебниковской является версия анализируемого рассказа, содержащаяся в рукописях Погодинской (ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1401. С. 258 (= 363)), Ермолаевской (ОР РНБ. F.IV.231. С. 223) и Яроцкого (ОР БАН. 21.3.14. Л. 176 об. – 177).

Исследователи единодушны по вопросу того, что Хлебниковская рукопись имеет более верные прочтения протографа, чем Ипатьевская, хотя, разумеется, это общее наблюдение, не касающееся интересующего нас фрагмента. См., например: Лихачева О. П. Летопись Ипатьевская // СККДР. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 236; Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 27; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. С. 6.

него свою дочь». О самостоятельности абзаца, начинающегося информацией об убийстве Филиппа, свидетельствует не только его тематическое отличие и хронологически осложненная структура, которая будет рассмотрена далее, но и выделение киноварью («В та ж льта» и «Съвът же створиша»), а также указывающее на это использованное летописцем сразу же по окончании абзаца о судьбах Елизаветы выражение: «но мы на преднее възвратимса, какоже преже почаль быхомъ». Однако, как мы увидим ниже, несложно будет проследить строгую последовательность (в том числе и хронологическую), а также логику летописца, решившего вплести такой, казалось бы. совершенно тематически не связанный с обрамляющими его, «немецкий» сюжет. На наш взгляд, мы имеем здесь дело с единым, но конструкционно осложненным и многосюжетным рассказом, осью которого является (что, возможно, удивит читателей) конкретный эпизод из жизни Даниила. Доказательством этого парадокса является, по существу, основа нашего умозаключения. При этом крайне важно будет указать, почему и как было сконструировано летописцем сообщение.

В хронологической части наших размышлений обратимся для начала к периоду, в который разыгрались события, представлявшие собой временные рамки для вставки, обратившей на себя наше внимание. Речь идет, разумеется, о последнем правлении Игоревичей в Галиче. Невозможно доподлинно установить время его начала. Данный факт не находит подтверждения непосредственно в сообщениях других источников. Тем не менее, сопоставление сообщений Галицко-Волынской летописи с информацией о сражениях за Галич, содержащейся в других русских летописях⁸, позволяет принять, что Игоревичи смогли, наконец, договориться и заняли галицкое княжество, вероятно, не ранее, чем летом 1210 г. 9 Данное наблюдение

⁸ См.: Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 108; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 116–117.

⁹ Подробное умозаключение по данному вопросу было уже проведено нами несколько лет назад. Мы по-прежнему придерживаемся этого взгляда (*Dąbrowski D*. Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego. Karta z dziejów Rusi halicko-wołyńskiej i stosunków polsko-ruskich w początkach XIII wieku // RH. 2006. R. LXXII. S. 75-76). Однако следует отметить, что в литературе можно встретить различные решения относительно срока возвращения Игоревичей и их последнего правления в галицком княжестве. Часть исследователей относит это событие к 1209 г. (*Włodarski B*. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925 (Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dział II. T. 2). S. 41 (279); Літопис Руський за Іпатським списком / Переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 371-372; *Волощук М*. Угорські

прекрасно согласуется с тем, что нам известно об их дальнейших судьбах. Ведь по Галицко-Волынской летописи известно, что братья, стремясь укрепить свою позицию в своих владениях, развернули жестокие репрессии по отношению к оппозиционно настроенным к ним галицким боярам. Это, в свою очередь, привело к побегу в Венгрию Владислава Кормильчича, Судислава и Филиппа. Они смогли убедить Андраша II организовать поход против Игоревичей. Галицкий трон должен был достаться по венгерской милости Даниилу Романовичу. В принципе, не подлежит сомнениям тот факт, что финал этой военной акции, завершившейся поражением Игоревичей, имел место в сентябре 1211 г. 10, что увенчивает интересующий нас эпизод.

Перейдем теперь к анализу содержания и конструкции «немецкой» вставки. Уже давно было замечено, что она состоит из нескольких временных плоскостей¹¹. В первую, самую раннюю, вошли: начало пребывания Даниила в Венгрии, что, как известно, произошло через какое-то время после 1 марта 1207 г.¹², а также, по всей видимости, помолвка дочери Андраша II с русским князем и убийство короля Германии Филиппа Швабского: «совътомъ брата королевое [венгерской Гертруды фон Андехс-Мераниен]». Только последний из выше-

військові кампанії у Галичину на початку XIII ст.: Основні цілі та характер перебігу // Християнська спадщина Галицько-Волинської держави: Ціннісні орієнтири духовного поступу українського народу (присвячується 70-річчю археологічного відкриття і 850-літтю Галицького кафедрального собору): Матеріали Міжнародної ювілейної наукової конференції. Івано-Франківськ; Галич, 2006. С. 69 (сами репрессии – конец 1209 – начало 1210 г.)), иные же – к 1210 г. (*Dimnik M*. The Dynasty of Chernigov 1146–1246. Cambridge, 2007. Р. 266–267, fn. 96; *Nagirnyi W*. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011 (Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. T. XII). S. 155–156 (первая половина года)) или к 1211 г. (*Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Грушевський М. С. Твори у 50 томах. Львів, 2005. Т. 7. С. 335, 379; *Пашутю В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 197; *Perfecky G. A.* Hungary and the Hungarians. Р. 20).

Dabrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012 (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW w Bydgoszczy. T. I). S. 69–73, в частности, ссылка 161 на с. 72–73. Здесь подробно представлен ход событий и хронология похода, со ссылками на существующие мнения исследователей включительно.

¹¹ Szaraniewicz I. Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag. S. 43-45, 50-53; Грушевський М. С. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи. С. 335-336.

¹² См. прим. 21.

перечисленных фактов имеет достоверную, точную дату. Известно, что немецкий правитель был убит 21 июня $1208~{\rm r.}^{13}$

Во вторую плоскость вошли события, предположительно происходившие на протяжении непродолжительного времени, друг за другом, и касавшиеся конкретно уже очередного овладения Игоревичами Галицким княжеством, а также его раздела между отдельными представителями рода, а в результате — отправка Владимиром своего сына Всеволода в Венгрию с дарами¹⁴. Завершается же выделенный фрагмент информацией о выдаче замуж Елизаветы за Людвига Тюрингского. Здесь, очевидно, мы имеем дело с летописной реминисценцией помолвки королевны, но не с Людвигом, а с его старшим братом Германом, что имело место в 1211 г. и было связано с отправкой дочери Арпадов в Тюрингию¹⁵, либо с подтверждением факта замужества Елизаветы с Людвигом, что, в свою очередь, состоялось в 1221 г.¹⁶

Наконец, третью плоскость представляет собой фрагмент, начинающийся словами «юже нынъ стоу наръчают». В нем содержится сообщение о милосердии Елизаветы «по моужи своемь», то есть после

Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto IV. von Braunschweig. Bd. I: König Philipp von Schwaben. 1197–1208. Leipzig, 1873. S. 464; Schütz A. Das Geschlecht der Andechs-Meranier im europäischen Hochmittelalter // Herzöge und Heilige. Das Geschlecht der Andechs-Meranier im europäischen Hochmittelalter / Hrsg. J. Kirmeier i E. Brockhoff. Regensburg, 1993. S. 72–73, 76–77; Hucker B. U. Der Königsmord von 1208 – Privatrache oder Staatssreich? // Die Andechs-Meranier in Franken. Europäischer Fürstentum im Mittelalter. Ausstellung in Bamberg vom 19.6. bis 30.9.1998. Mainz, 1998. S. 111–127; Idem. Philipp von Schwaben // Neue deutsche Biographie. Bd. 20. 2001. S. 371 (http://daten.digitale-sammlungen.de/0001/bsb00016338/images/index.html?fip=193.174.98.30&id=00016338&seite=1; дата последнего обращения: 25.06.2015); van Eickels K. Otto IV. (1198–1218) und Philipp (1198–1208) // Die deutschen Herrscher des Mittelalters. Historische Portraits von Heinrich I. bis Maximilian / Hrsg. B. Schneidmüller, S. Weinfurter. München, 2003. S. 287.

Несомненно, Владимир ожидал получить таким образом добро Андраша II для новой раздачи в Галицком княжестве. В сущности, он аналогично поступил в 1207 г. (Ипатьевская летопись. Стб. 719).

Bautz F. W, Elisabeth // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. 1990. Bd. I. Sp. 1498; Schütz A. Das Geschlecht der Andechs-Meranier. S. 131; Jasiński K. Kult świętej Elżbiety w dynastii piastowskiej // Europa środkowa i wschodnia w polityce Piastów. Materiały z sympozjum, Toruń, 14-15 grudnia 1995 / Pod red. K. Zielińskiej-Melkowskiej. Toruń, 1997. S. 199; Reber O. Elisabeth von Thüringen: Landgräfin und Heilige: eine Biographie. Regensburg, 2006. S. 52-58).

Bautz F. W. Elisabeth. Sp. 1498; Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 61.

смерти Людвига (после 11 сентября 1227 г.) 17 . Однако дважды отмеченная святость дочери Андраша II, в том числе один раз — с явным соотнесением с современностью, определенно указывает на то, что Елизавета на тот момент уже должна была быть канонизирована (это состоялось 27 мая 1235 г. 18).

Последняя из перечисленных плоскостей определяет terminus post quem последнего редактирования анализируемого фрагмента. Это произошло не ранее чем во второй половине 1235 г.

Перейдем теперь к оценке качества находящихся в абзаце сведений. Четко просматривается, что одни из них далеко не точны, тогда как другие кажутся удивительно точными. Начнем с сообщения о выраженном Андрашем II намерении женить на своей дочери Даниила. Не отбрасывая окончательно замечаний Грушевского о возможности соотнести реальное появление такого предложения с моментом, когда монарх еще действительно не имел мужского потомства (до середины 1206 г.)¹⁹, а также (с небольшими оговорками) Котляра, переместившего это предложение на последние годы жизни Романа Мстиславича (1204-1205) и связавшего его с заключением трехстороннего венгерско-русско-польского союза²⁰, тем не менее хотелось бы отметить, что, вероятно, речь идет о реальной помолвке Даниила со старшей дочерью Андраша, которая могло состояться уже по прибытии изгнанного из государства русского князя в Венгрию, а именно – не ранее чем в первые месяцы 1207 г., а точнее – в начале 6715 мартовского года, то есть вскоре после 1 марта 1207 г.21

¹⁷ Heinemeyer W. Ludwig IV. der Heilige // Neue Deutsche Biographie. 1987. Bd. 15. S. 422–423 (http://www.deutsche-biographie.de/pnd118780751.html (дата последнего обращения: 25.06.2015); Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 116.

Bautz F. W. Elisabeth. Sp. 1498; Jasiński K. Kult świętej Elżbiety. S. 200; Reber O. Elisabeth von Thüringen, S. 168.

¹⁹ Грушевский М. С. История України-Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 26-27.

Комляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. СПб., 2008. С. 102.

Известно, что вдова Романа бежала с детьми и немногочисленной свитой из Владимира-Волынского зимой 1206/1207 г., до 28 февраля 1207 г. Сначала они оказались при дворе Лешека Белого, который спустя не указанное в источнике время, но еще в «том же году» отправил Даниила со своим посольством в Венгрию (ОР РНБ. F.IV.230. Л. 304 об. (= 624). Ср.: The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. Р. 309. Соl. 624; Ипатьевская летопись. Стб. 719). Сроки выезда княжны Романовой из Владимира-Волынского были нами установлены точно в другом месте, на основе сопоставления с событиями, происходившими примерно одновременно в других регионах Руси (см.: *Dąbrowski D*. Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego. S. 74−75; *Idem*. Daniel Romanowicz król Rusi. S. 47).

В целом обсуждаемое сообщение носит характер набора хорошо укоренившихся в чьем-то сознании, но видоизменившихся под влиянием различных факторов воспоминаний. Подчеркнем здесь, поскольку это крайне важно, что в анализируемом рассказе речь идет отнюдь не о прямой констатации факта, что невестой Даниила была Елизавета. Это не более чем ловко выстроенный, весьма убедительный намек. Результативность данной конструкции, по нашему мнению, следует из того, что ее автор приводит рядом друг с другом два зеркальных сообщения о матримониальных связях дочерей Андраша II, не указывая в хронологически первом из них имя королевны. Это подводит читателя к довольно естественному выводу, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице. Неразрешимым остается лишь вопрос: получил ли летописец сконструированное таким образом сообщение от информатора или же оно было делом рук самого летописца, а конструкция использовалась им в целях пропаганды?

Следует отметить также, что признание Елизаветы невестой Даниила могло, с одной стороны, проистекать из того, что она была намного более известной, чем ее старшая сестра, а наличие личной связи с ней могло казаться гораздо более престижным; с другой же стороны, по нашему мнению, оно могло быть неслучайным хронологическим совпадением - ведь Елизавета родилась вскоре после прибытия Даниила в Венгрию. Здесь же нам хотелось бы обратить внимание и на появляющуюся далее в анализируемом фрагменте информацию о том, что «преднее бо има» венгерской принцессы звучало «Кинека». Если это было действительно так, а по сути нет оснований оспаривать это²², то мы имеем дело с проявлением осведомленности, которую мог иметь только человек, хорошо знавший взаимоотношения, царившие в семье Андраша II и Гертруды в период детства принцессы, до ее отправки в Тюрингию в 1211 г., где она была известна исключительно под именем Елизавета. Только через такого информатора упомянутое сообщение могло попасть к автору Галицко-Волынской летописи.

Добавим здесь еще одно наблюдение, демонстрирующее просто неожиданное совпадение одного важного сюжета из жизни Елизаветы с хронологией окаймивших анализируемый абзац сообщений о дальнейших судьбах Игоревичей. Как уже констатировалось выше,

²² Кроме одного – что хорошо была известна Кинга, дочь Белы IV, хотя можно ли было ее перепутать с тетей? Скорее всего, нет. Собственно, мало известно об обычаях имянаречения при дворе Андраша II и Гертруды.

несомненно, трагический, окончательный финал их галицкого правления имел место в сентябре 1211 г. Он был предварен описанным в Галицко-Волынской летописи венгерским походом на Русь, в котором принял участие Даниил Романович, находившийся до того момента в монархии Арпадов, по всей ведимости, в окружении Андраша II. В том же году была отправлена в Тюрингию Елизавета. Собственно, не исключено, что это произошло еще на глазах юного русского князя. На наш взгляд, такое совпадение неслучайно. Мало того, оно демонстрирует хронологическую ось и причинно-следственную связь всего рассказа. Таким образом автор хотел (хотя и достаточно сбивчиво, но об этом — далее) разъяснить, почему же была разорвана устроенная Андрашем II связь дочери с Даниилом. Эти события произошли – и это (хоть и не напрямую, но все же четко) прослеживается в летописном повествовании – по вине королевы, искавшей сильного «помощника» для своего брата. Это было необходимо: ведь он отвечал за страшное преступление — убийство короля Германии. На наш взгляд, произошедшее за 3 года до отправки Елизаветы в Тюрингию убийство Филиппа Швабского, таким образом, было признано причиной распада помолвки старшего Романовича с венгерской королевной. По сути, это наблюдение важно из перспективы тех вопросов, которые будут затронуты ниже. Разумеется, это была в корне неверная картина, однако она позволила рационально и выгодно для Даниила, не показывая его как безвольную марионетку в руках Андраша II, объяснить обстоятельства расторжения престижной помолвки князя. При случае сообщению был придан тон явной недоброжелательности по отношению к Андехсам, потерявшим свое значение в Венгрии после убийства венгерскими магнатами королевы Гертруды 28 сентября 1213 г. Таким образом можно было, не опасаясь последствий, обвинить во всем умершую правительницу и ее брата. Такое умозаключение подтвержает, на наш взгляд, и совершенно иной подход летописца к Елизавете — как бы то ни было, по мнению летописца, бывшей невесте Даниила.

Вернемся, однако, после этого важного отступления, к другим вопросам. Ведь по-прежнему обращают на себя внимание неточности в представлении дальнейшей судьбы Елизаветы: сначала она была помолвлена не с Людвигом, а с его старшим братом Германом²³. С другой же стороны, более поздний брак с Людвигом мог просто стереть из памяти факт помолвки с умершим в юном возрасте Германом. Так или иначе, но нельзя пренебрегать двумя отмеченными совпадени-

²³ См. прим. 15.

ями между качеством указываемой в анализируемом абзаце информации и познавательными возможностями / судьбой Даниила. Отметим еще, что само упоминание в данном абзаце имени мужа Елизаветы свидетельствует о том, что события описывались несколько позже. Нельзя исключить, что свою роль здесь сыграла хорошо отраженная в летописной традиции привычка русинов называть жен по имени мужа (княжна Романова и т. п.). Фиксация имени того, за кого вышла замуж Елизавета, казалась галицко-волынскому летописцу необходимой и естественной, тем более если оно запало в память, а его носитель считался «сильным человеком».

Далее. Обвинение брата Гертруды в причастности к убийству короля Филиппа кажется ничем иным, как всего лишь отражением распространившихся по Германии и, по всей видимости, также в венгерской придворной среде сплетен и своеобразной неприязни части венгров по отношению к немцам, а точнее Андехсам, возникшей и приведшей в 1213 г. к убийству королевы Гертруды и части ее окружения.

Кстати, слова о поисках союзника, который мог бы помочь Андехсам, и безвыходной ситуации королевы, в которой она была вынуждена выдать свою дочь замуж за сына ландграфа, также явно намекают на то, что это была конструкция, которая могла возникнуть только при венгерском дворе. Именно она (а точнее, сама королева) была, согласно повествованию, движущей силой событий.

Здесь нам еще хотелось бы остановиться на затронутом А. В. Майоровым вопросе о мнимой зависимости между фактом фиксации галицко-волынским летописцем информации об убийстве Филиппа и предполагаемым этим петербургским историком существовании близкородственных отношений между женами короля Германии и Романа Мстиславича. Напомню, что, согласно Майорову, это были родные сестры. Этот исследователь утверждал, что при отсутствии таких родственных связей русская летопись не имела бы оснований фиксировать такое экзотическое с ее перспективы сообщение об убийстве немецкого правителя²⁴.

Мы не согласны с этим взглядом по следующим причинам. Вопервых, четко видно, что этот мотив появляется в связи с деятельностью рода Андехс Мераниен, игравшего в Венгрии особую роль на протяжении довольно продолжительного пребывания там Даниила (1207–1213, с перерывом в 1211–1213 гг.). В источнике явно, хотя и

²⁴ Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 144–145, 315–317, 438, 717.

безосновательно, указано, что король был убит «совътомъ брата королевое». Смерть Филиппа вызвала лавину событий, результатом которых стала, по мнению русского летописца, выдача Елизаветы за Людвига. Как утверждал Майоров, о близкородственной связи между матерью Романовичей и женой убитого Штауфена свидетельствовало также указание его имени. Это явно преждевременный вывод. Во-первых, Даниилу имя немецкого правителя могло хорошо запомниться во время пребывания в Венгрии, ибо не следует сомневаться, что дело активно обсуждалось при дворе Андраша II. Во-вторых, и это становится дополнительным аргументом против упомянутой концепции Майорова, - в анализируемом фрагменте указано имя не только убитого короля Германии, но и следующего мужа Елизаветы. Добавим здесь, что достаточно хорошую осведомленность именно об Андехсах в кругу возникновения Галицко-Волынской летописи демонстрирует название в другом фрагменте источника, посвященном убийству королевы Гертруды, ее брата «патриархом аквилейским»²⁵. Действительно, по другим источникам известно, что Бертольд, о котором идет речь, с одной стороны, был в лагере, в котором произошло убийство его сестры (ему удалось сбежать оттуда), с другой же — исполнял обязанности патриарха Аквилеи, однако лишь с 1218 г. 26, что, кстати, является очередным фактором, позволяющим датировать редактирование анализируемого фрагмента.

В свою очередь, чтобы оспорить мнение петербургского историка относительно хорошей осведомленности в немецких делах автора фрагмента об убийстве Филиппа Швабского²⁷, заметим, что Андехсы были несправедливо обвинены в соучастии. В действительности это было бесславное дело рук пфальцграфа Баварии Оттона VIII Виттельсбаха²⁸, который в нашем источнике не упомянут ни разу. Таким образом, хорошо заметно, что русский летописец либо его информатор совершенно не разбирался в событиях, произошедших в Германии, лишь повторяя, как мы уже заметили, сплетни, циркулировавшие в определенных кругах, которые можно достоверно идентифицировать с венгерским двором, а точнее с теми его членами, которые недоброжелательно относились к немецкому

²⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 729.

Schütz A. Die Andechs – Meranien in Franken und ihre Rolle in der europäischen Politik des Hochmittelalters // Die Andechs – Meranier in Franken. Europäischer Fürstentum im Mittelalter. Ausstellung in Bamberg vom 19.6. bis 30.9.1998. Mainz, 1998. S. 39.

²⁷ См. прим. 24.

²⁸ См. прим. 13.

влиянию, то есть к королеве Гертруде Андехс Мераниен и ее семье. Отсутствие осведомленности в немецких делах хорошо подтверждает и неправильное титулование убитого правителя. Он был не «римским императором», как назвал его галицко-волынский летописец, а королем Германии²⁹. Кстати, не исключено, что эта ошибка была анахронизмом, связанным с ношением императорского звания Фридрихом II Штауфеном в тот период, когда, по всей вероятности, редактировалось данное сообщение.

На наш взгляд, представленный анализ продемонстрировал отсутствие следов обращения при составлении анализируемого фрагмента к каким-либо западным источникам, как были склонны считать отдельные исследователи³⁰. Это повествование основано на сообщениях, полученных из придворных венгерских кругов. Очевидно, текст был написан не ранее чем во второй половине 1235 г. по устным рассказам человека, который задолго до этого участвовал в отдельных из этих событий, о других же он узнал при том или ином случае. Таким человеком, по всей вероятности, и был сам Даниил Романович. Для того чтобы укрепить это убеждение, обратим внимание еще и на то, что русский князь отправился в Венгрию именно около середины 1235 г.³¹, то есть примерно во время канонизации Елизаветы, и находился там также 14 октября того же года, приняв участие в коронационных торжествах Белы IV32. Там он и мог без проблем лично узнать о произошедшем незадолго до этого причислении к лику святых сестры нового венгерского монарха, в котором, кстати, принимал активное участие император Фридрих II.

Подведем итоги.

Четко видно, что хронологическая ось анализируемого абзаца состоит из событий, разыгравшихся, по всей видимости, в 1211 г. Все остальные зафиксированные в абзаце факты были либо причинами, либо последствиями событий, образующих хронологическую основу исследуемого абзаца. При этом они были занесены в Галицко-Волынскую летопись явно с намерением представить в как можно лучшем

²⁹ Hucker B. U. Philipp von Schwaben. S. 371 (http://daten.digitale sammlungen. de/0001/bsb00016338/images/index.html?fip=193.174.98.30&id=00016338 &seite=1: дата последнего обращения – 25.06.2015).

³⁰ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 243.

³¹ Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi. S. 186–187. Ср.: Грушевський М. С. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи. С. 348, 382; Літопис Руський за Іпатським списком. С. 391.

³² Chronici hungarici compositio saeculi XIV, ed. A. Domanovszky // Scriptores rerum hungaricarum / Ed. E. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 467.

свете Даниила и объяснить (выгодным для князя способом) его взаимоотношения с Андрашем II. Для этого, на наш взгляд, русский летописец и подчеркнул наличие престижной для своего героя связи с дочерью короля Венгрии, создавая или лишь используя полученную им повествовательную конструкцию, в которой он сначала скрытым намеком, неправдиво приписывает старшему Романовичу в качестве невесты Елизавету, а затем переносит на Андехсов, в частности на жену Андраша II Гертруду, ответственность за расторжение помолвки русского князя³³. Упоминания о позднейших судьбах Елизаветы, в частности о ее святости, несомненно, также были направлены на повышение престижа³⁴.

Источником информации, содержавшей ошибки, указывающие на то, что она должна была возникнуть в венгерском придворном окружении, и подтверждающие это подробности, должен был быть человек, который в тот момент находился при дворе Андраша II. Наиболее вероятно, что это был сам Даниил Романович, действительно гостивший там между 1207 и 1211 гг., а затем в 1213 и 1235 годах. Не исключено также, что отдельные присутствующие в рассказе ошибки возникли в результате переиначивания информатором фактов, неправильно запомнившихся ему или стеревшихся из его памяти за время, прошедшее с момента самих событий до момента составления сообщения.

Перекладывание вины на Андехсов было обоснованно и легко, ведь у этого рода не было связей с Романовичами; мало того, на тот момент, когда сообщение получило свой окончательный вид, то есть после 1235 г., он уже не имел прежнего значения в Венгрии.

Эти упоминания, собственно, свидетельствуют о хорошей осведомленности летописца в интересующих нас делах. Она бралась, видимо, из близких, хотя и не всегда хороших взаимоотношений Даниила с Белой IV, заботившимся о распространении культа сестры, причисленной 27 мая 1235 г. к лику святых.

А. В. Дедук

К вопросу

о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV-XV вв.

В современной исторической науке не установлено или является спорным географическое расположение многих пограничных областей московско-рязанского порубежья XIV — начала XVI вв. В их числе «татарские и мордовские места» московско-рязанских докончаний XIV—XV вв.

- В. Л. Егоров считает, что «татарские места» должны были находиться в бассейне р. Мокши и Цны 1 .
- В. В. Лаптёнков увидел в «татарских местах» земли в правобережье р. Дон, между Тулой и Ельцом². Как справедливо отметил А. А. Горский, впоследствии данные земли фигурируют как «Меча» и «Елец», а «татарские места» становятся «татарскими и мордовскими», и это лишает точку зрения В. В. Лаптёнкова правдоподобности³. Отметим, что «мордовские и татарские места», «купля» Василия Темного, Меча и Елец фигурируют в московско-рязанском докончании 1483 г., что позволяет утверждать: это различные территории.
- В. А. Кучкин выдвинул гипотезу о том, что данные земли могли быть присоединены к Московскому и Рязанскому княжествам в 1381 г.4
- А. А. Горский считает, что присоединение «татарских и мещерских мест» к Москве и Рязани могло произойти в 70-е гг. XIV в., затем московская часть владений была отчуждена Ордой и вновь присоединена после ликвидации зависимости от Орды⁵.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. Изд. 2-е. М., 2009. С. 52.

² Лаптёнков В. В. Государственное разграничение Верхнего Подонья в XIV— XV вв. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и запада России: Материалы VI научной конференции. Липецк, 1998. С. 20–22; Он же. Елецкие древности. Воронеж, 1998. С. 18–23, 60 (карта).

³ Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. С. 97. Прим. 408.

⁴ *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 260–262.

Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 96–100. Также см.: Горский А. А. Московские «примыслы» XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // СР. Вып. 5. М., 2004. С. 166–169.

Отдельно стоит рассмотреть работы И. Г. Бурцева⁶. Исследователь вступает в полемику с В. А. Кучкиным и А. А. Горским: «Объединять территориально "татарские места" договора 1381 г. с "мордовскими местами" договора 1402 г. и последующих договоров не совсем корректно. Упоминание этих "мест" рядом может говорить об их исходном статусе, о способе приобретения земель, а не обязательно о территориальном соседстве. [...] они разделяются между собой, так что слово "мордовские" не может являться пояснением слова "татарские", как считает А. А. Горский. Упоминание их как "татарские и мордовские места" происходит в более поздних грамотах, когда забылись обстоятельства, актуальные для конца XIV в. Если же принять идею А. А. Горского (слово "мордовские" поясняет термин "татарские места", по А. А. Горскому - "места татарские (те, что мордовские)"), то должны существовать и какие-либо иные, так сказать, "немордовские" татарские места. Их нет»⁷. Автор не затруднил себя анализом и, соответственно, не показал, что это две различные территории, расположенные раздельно. Если следовать его логике, получается, что Москва и Рязань присоединили сначала некие «татарские места», затем «мордовские места» (между 1381 и 1402 гг.). Эти территории оказались сведены в одном пункте московско-рязанских договоров 1402, 1434, 1447 и 1483 гг. и в договорной грамоте Василия I и Василия Андреевича. Историк исключает и возможность существования «мордовских "нетатарских" мест», что является грубым логическим допущением. «Захват татарских территорий юго-восточнее мордовских земель чреват рядом проблем - необходимо было налаживать управление, осуществлять торговые и иные связи, защищать и удерживать захваченные земли. Но если Рязань еще могла предпринять

и «татарские места» великокняжеских договоров XIV-XVI вв. С. 59-60.

Расположение и политическая принадлежность «татарских мест» анализируется в следующих работах исследователя: *Бурцев И. Г.* Проблема локализации Заоцкого участка пути войск Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г.: Новые исследования // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 197; *Он же.* Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению // Историческая география: Пространство человека vs Человек в пространстве: Материалы XXIII международной научной конференции. М., 2011. С. 193–194; *Он же.* Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв.: На пути под руку Москвы // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2012. № 2 (10). С. 59–68; *Бурцев И. Г., Шеков А. В.* О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2013. Вып. II. С. 153–155. Прим. 6.

захваты в этом районе (примыкающем с юго-востока к Рязанскому княжеству), то нельзя забывать, что от Москвы территории эти ("татарские места") отделены Рязанью, Нижним Новгородом, Муромом, Мещерой и мордовскими землями»⁸. К сожалению, историк не учел, что Нижний Новгород и Муром входят в конце XIV в. в состав Московского княжества⁹. В Мещере к Москве к 1381 г. отошел земельный массив, некогда принадлежавший Александру Уковичу¹⁰. Таким образом, тезис об удаленности «татарских и мордовских мест» от московских владений легко может быть поставлен под сомнение.

Появление «мордовских мест» в московско-рязанских докончаниях И. Г. Бурцев объясняет приобретением этих географических пунктов суздальским князем Дмитрием Константиновичем, ссылаясь на текст договорной грамоты 1402–1404 гг. Василия Дмитриевича с Василием Андреевичем¹¹. В тексте грамоты описываются приобретения «как было, г(о)с(поди)не, за твоим о(т)ц(о)мъ, за великим кназем, и за твоим дъдом, за великим кназем Дмитрием Костантиновичем, и за тобою, за великим кназем»¹². Сложно сказать, почему И. Г. Бурцев из всего этого перечня выбрал именно Дмитрия Константиновича. Возможно, здесь имеет место повтор логической ошибки К. А. Аверьянова¹³.

Взамен «традиционной» локализации «татарских» мест историк располагает их около современной Тулы «в районе сакм Муравского шляха»: «"татарские места" расположены к югу от Тулы, возможно, совпадают с Куликовым полем, а в 1380 г. Дмитрий Иванович вел туда войска затем, чтобы в сражении доказать право на владение этими землями» 14. Таким образом, локализация И. Г. Бурцева совпадает с

⁸ *Бурцев И. Г., Шеков А. В.* О методе... С. 154.

⁹ Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 41–71, 114–116.

Дедук А. В. К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV – первой половине XV в. // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2014. Вып. 6. С. 165–167.

ДДГ. № 16. С. 44. Датировку акта см.: Кучкин В. А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. М., 2009. С. 390–404; Он же. Об одной лакуне во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти акад. Л. В. Милова. М., 2009. С. 87.

¹² ДДГ. № 16. С. 44.

¹³ Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. С. 29–31. Критику данного построения см.: Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 105, прим. 442.

Бурцев И. Г. Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению... С. 194; Он же. Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв. С. 60.

расположением «татарских мест» у В. В. Лаптёнкова¹⁵. Исследователь полностью отказывается от локализации татарских мест юго-восточнее мордовских земель, не объяснив, почему захват территории там мог быть чреват «рядом проблем» (речь, напомним, идет об эпохе «замятни» в Орде). Тем более автор не смог указать принцип отнесения им конкретной территории к «татарским местам» и проследить их дальнейшею судьбу¹⁶. В таком случае неясно, почему ситуация с «татарскими и мордовскими местами» оказалась не расписана в договоре 1483 г., в котором упоминается купля Василия Темного¹⁷. Предположение И. Г. Бурцева¹⁸ о том, что «татарские места» могут фигурировать в договоре 1483 г. при описании купли как «иные места», является неправдоподобным, потому что: 1) часть «мордовских мест» оставалась по договору 1483 г. за рязанским князем, а в договорной грамоте между рязанскими князьями Иваном и Федором Васильевичами 1496 г. не упоминаются земли западнее границы купли; 2) «мордовские и татарские места» идут, наряду с куплей Василия Темного, отдельным пунктом в московско-рязанском договоре 1483 г.¹⁹ Таким образом, «тульский вариант» локализации «татарских мест» не выдерживает критики.

Теперь обратимся непосредственно к источникам. Впервые «татарские места» фигурируют в договоре 1381 г.: «А что татарскам мѣста штоимал кн(а)зь великии Дмитрии Иванович за себа шт Татаръ до сег(о) до н(а)шег(о) докончан(ь)а, та мѣста кн(а)зю великому Дмитрию. А что кназ(ь) великии Шлегъ штоимал татарскам шт Татаръ дотоле же, а то кн(а) зю великому Шлгу та мѣста»²⁰. Таким образом, к 1381 г. два великих князя захватили некие «татарские места».

¹⁵ Ср.: Лаптёнков В. В. Елецкие древности. С. 60 (карта).

¹⁶ Бурцев И. Г. Проблема локализации Заоцкого участка пути войск Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. С. 197; Он же. Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв. С. 60.

По исторической географии рязанской купли Василия Темного см.: Горский А. А. Московские «примыслы» XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // СР. М., 2004. Вып. 5. С. 131; Дедук А. В. «Рязанская» купля Василия Темного: Границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в. // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 143–170; Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI в. М., 2011. С. 134–142.

Бурцев И.Г. Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV– XVI вв. С. 63.

¹⁹ ДДГ. № 76. С. 285-286; № 84. С. 332-341.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 344.

В следующий раз «места» фигурируют в договоре Василия Дмитриевича с Василием Андреевичем, датируемом 1402–1404 гг.: «А мнѣ, г(о)с(поди)не, кназ(ь) великии, брату твоему молодшему, кназю Володимеру Андръевич(ю), и моим дътем под тобою и под твоими дътми твоего оудъла, Москвы и Коломны с волостми, и всего твоег(о) великог(о) кнажен(ь)а, да Волока и Ржевы с волостми, и Новагорода Нижнего с волостми, и что к нему потагло, и Мурома с волостми, и что к нему потагло, и Мещеры с волостми, и что к неи потагло, и в та мъста в Татарьскаа и в Мордовьскаа, как было, г(о)с(поди)не, за твоим о(т)ц(о)мъ, за великим кназем, и за твоим дъдом, за великим кназем Дмитрием Костантиновичем, и за тобою, за великим кназем, того ми, г(о)с(поди)не, и моимъ дътем подътобою, великим кназем, и под твоими дътми блюсти и боронити, а не обидъти, ни въступатиса. А быти ми, г(о)с(поди)не, и моим дътем с тобою и с твоими дътми вездъ заодин»²¹.

В следующий раз топоним фигурирует в московско-рязанском докончании 1402 г.: «А что будет w(те)ць наш, кн(ѧ)зь великы Дмитреи Иванович, wттаимал Татарьскаю мѣста и Мордовска мѣста, а ци переменит б(о)гъ татаръ, и та мѣста мнѣ, кн(ѧ)зю великому Васил(ь)ю Дмитреевич(ю). А что будет wтнѧл w(те)ць твои, кн(ѧ)зь великы Wлегъ Иванович, Татарьскию мѣста и Моръдовскию, а та тобъ и есть»²². Таким образом, московский князь утратил свои «места», причем, вероятно, с санкции Орды. Рязанское княжество, наоборот, их сохранило.

Может показаться странным следующее противоречие: как Москва могла потерять «татарские и мордовские места», если они упоминаются во втором договоре Василия I с Владимиром Андреевичем? Как мы уже отмечали²³, очень похоже, что составители грамоты внесли в нее не только земли, которыми Москва владела, но и те, права на которые она могла предъявить.

В договорной грамоте великого князя Юрия Дмитриевича с великим князем Иваном Федоровичем 1434 г. анализируемый пункт меняется: «А что будеш(ь) ты, кн(а)зь велики Юрьи Дмитреевич, штшмал мъста Татарьскаа и Мордовскаа, а ци переменит б(о)гъ татары, та мъста тобъ и есть. А что будет дъд мои, кназ(ь) великии Шлег, или ш(те)ць мои, кназ(ь) велики Өедоръ, отнал мъста Татарьскаа и Мордовьскаа, та мъста мнъ и есть»²⁴. А. А. Горский предположил, что замена в данном акте Дмитрия Ивановича на Юрия Дмитриевича вызвана его

²¹ ДДГ. № 16. С. 44.

²² ДДГ. № 19. С. 54.

²³ Дедук А. В. К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры... С. 168.

²⁴ ДДГ. № 33. C. 86.

деятельностью во время похода 1414/15 гг. на Нижний Новгород²⁵. По поводу появления в грамоте Федора Ольговича историк сделал два следующих предположения: 1) он мог самостоятельно захватить «места»; 2) мог участвовать в походе вместе с отцом²⁶. На наш взгляд, первое вероятнее, так как в договорной грамоте 1402 г. (составленной в начале правления рязанского князя) приобретения Федора Ольговича не упоминаются.

В договоре 1447 г. анализируемый пункт не претерпел сильных изменений: «А что будет дъд мои, кнюз(ь) велики Дмитреи Иванович, wт(о)имал мъста Татарскіе и Мордwвскаа, а ци переменит б(о)гъ татар, и та мъста мнъ, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евичю. А что будет wтнал дъд твои, кнюз(ь) велики Олег Иванович, и w(те)ць твои, кнюз(ь) велики Федwръ Wлгович, Татарскаа мъста и Мордwвскаа, а то тебъ и есть, великому кн(а)зю Ивану Федwровичю, та мъста»²⁷.

И только в последнем договоре, 1483 г., происходят знаковые для московских князей изменения: «А что прадъд наш, кназ(ь) велики Дмитреи Иванович, поштоимал мъста Татарьскіе и Мордовскіе, и та мъста нам, великим кн(а)зем. А тебъ са в них не въступати. А что будеят штнал прадъд твои, кназ(ь) велики Шлег Иванович, Татарьскіе мъста и Мордовскіе, ино то твое и есть. А нам, великим кн(а)зем, не вступатиса»²⁸.

Таким образом, часть «татарских и мордовских мест» отходит между 1447 и 1483 гг. к Москве. Как предположил А. А. Горский, такое изменение могло быть вызвано ликвидаций зависимости от Орды в 70-е гг. XV в. 29

Следовательно, «места татарские и мордовские» оказались в составе Московского и Рязанского великих княжений. На наш взгляд, для их локализации нужно привлечь акты, «раскрывающие» состав земель великих княжений после вхождения «татарских и мордовских мест». Это договорная грамота рязанских князей Ивана и Федора 1496 г. и духовная грамота Ивана III 1503 г.

В докончании великого рязанского князя Ивана Васильевича с рязанским князем Федором Васильевичем 1496 г. неоднократно упоминается «мом (Ивана Васильевича. – А. Д.) мордва деленам с водчи-

²⁵ Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 98-99.

²⁶ Тамже.

²⁷ ДДГ. № 47. С. 144.

²⁸ Там же. № 76. С. 285-286. Также см.: Там же. С. 289.

Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 100. По поводу датировки ликвидации зависимости см: Он же. Москва и Орда. М., 2000. С. 159– 179; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 32–38, 42–43.

нами во Цнъ», и «наши села въ Мордвъ на Цнъ и на Украинъ»³⁰. Рискнем предположить, что Иван и Федор делили «Мордву» с Московским княжеством. Предположение о пограничном положении данных земель подтверждает фраза «и на Украинъ». Как известно, в бассейне р. Оки существуют две «крупные» р. Цны - левый приток р. Оки и левый приток р. Мокши (правого притока р. Оки)31. Второй вариант локализации «попадает» в регион обитания Мордвы в XVI-XVII вв. 32 В. Л. Егоров характеризует данный регион следующим образом: «Освоение подобных территорий (р. Мокша и р. Цна. - А. Д.) монголов не интересовало, но проживающее здесь мордовское население на протяжении всей истории Золотой Орды, несомненно, находилось под полным политическим влиянием и контролем монголов»³³. Вероятно, именно здесь находились и московские «места татарские и мордовские». Возможно, данная локализация подтверждается и археологически – по мнению Ю. А. Зеленеева, в XIII-XV вв. русские поселения появляются на правобережье р. Цны³⁴.

В духовной грамоте Ивана III 1503 г. дважды упоминается мордва и один раз – князья мордовские: «да Новгород Нижнеи с волостьми, и с путми, и з селы, и со всъми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новугороду потагло. А которые села и д(е)р(е)вни въ Новугородъ в Нижнемъ за моими кназми, и за боары, и за детми за боарскими, за къмъ ни буди, и то все с(ы)ну же моему Васил(ь)ю. Да ему ж даю гърфид Муром с волостьми и с путми, и з селы, и со всъми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что къ Мурому потагло, да Мещера с волостьми, и з селы, и со всъмъ, что к неи потагло, и с Кошковымъ, да кн(а)зи мордовские всъ, и з своими ътчинами, сыну же моему Василью» 35.

Как показал В. А. Кучкин, в бассейне р. Суры находились нижегородские волости Сара, Запьянье и Кишь, которые граничили

³⁰ ДДГ. № 76. С. 334. 335. Также см.: Там же. С. 339.

³¹ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: (список рек и озер) М., 1976. С. 123, 244.

³² Кузнецов С. К. Русская историческая география. [Вып. 2]: Мордва: Курс лекций. М., 1912. С. 38-39.

³³ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. Изд. 2-е. С. 43–44.

³⁴ Зеленеев Ю. А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынскорязанской границе) // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 137–138; Он же. Расселение мордвы: ее этническая и политическая история в XIII–XV вв. // Генуээская Газария и Золотая Орда. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015. С. 381.

³⁵ ДДГ. № 89. С. 356.

с Мордвой³⁶. Вероятно, именно здесь находилась мордва «что к Новугороду потыгло». На наш взгляд, маловероятно, что данные земли могут соотноситься с «татарскими и мордовскими местами» московско-рязанских докончаний.

Вероятно, московские «места татарские и мещерские» «тянули» либо к Мурому, либо к Мещере, после которой они и упоминаются во всех московско-рязанских докончаниях.

Возможно, другое подтверждение нашей локализации содержат посольские книги. В грамоте, посланной в Москву в 1519 г. крымским послом Василием Коробовым, есть указание на полоняников, прибежавших к послу: ««А имали их, государь, азовские казаки резанских бортников и рыболовей сее зимы о мясном заговейне, да и мордву Темиревых ясашников Якшенина...»³⁷. Темир Якшенин — татарский князь, самое ранее упоминание о его службе московскому князю относится к 1508 г.³⁸ Стоит отметить, что «люди» Темира Якшенина в одном случае фигурируют в посольской документации как «татарове мордовские»³⁹. В ходе зимнего набега 1519 г., вероятно, пострадали земли Рязанского княжества и пограничные с ними земли Московского княжества, принадлежащие князю Темиру Якшенину.

Таким образом, в 60–70-х гг. XIV в. московский и рязанский князь «отымали» «татарские места». После 1381 г. Москва теряет свои земли в данном регионе и возвращает их только после ликвидации зависимости от Орды. «Татарские и мордовские места» Рязанского княжества располагались в бассейне р. Цны, левого притока р. Мокши. Московские «места» находились, скорее всего, там же.

Карта «Московско-рязанское порубежье в 70-90-е гг. XIV в.»

За основу карты взяты картографические работы И. А. Голубцова, В. А. Кучкина и В. Н. Темушева 40 .

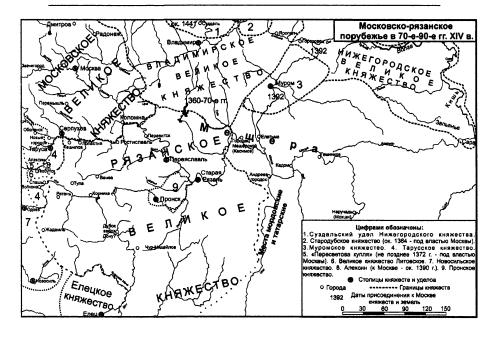
³⁶ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С. 126 (карта), 128–130.

³⁷ СИРИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 142.

³⁸ Ишеев М., Акчурин М., Абдиев А. Татарские княжеские роды на Цне // Фаизхановские чтения: Сб. материалов 6-й ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 64-66.

³⁹ СИРИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 230-231.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. Карта: «Княжества Северо-Восточной Руси к 1389 г.»; Очерки истории СССР: Период феодализма IX-XIV вв. М., 1953. Ч. II. Карта № 1. Рост Московского княжества и объединение русских

Границы Тарусского и Новосильского княжеств даны по работе А. В. Шекова⁴¹. Любутск показан на городище у с. Троицкое (Ферзиковский р-н Калужской обл.) у впадения р. Любутки (прав. пр. р. Оки) в р. Оку⁴². Локализация Алексина, Тарусы, Новосили и Одоева дана по одноименным современным городам⁴³. Оболенск локализуется в бассейне р. Протвы на городище у с. Оболенское Жуковского района Калужской области⁴⁴. Волкона локализуется

земель с конца XIII в. до 1462 г. / Сост. И.А. Голубцов; *Темушев В. Н.* Русские земли в годы правления Дмитрия Донского: 1359−1389 гг.: [карта] // Родина. 2003. № 12. С. 8.

⁴¹ Шеков А. В. Верховские княжества: Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. Карта 2.

⁴² Археологическая карта России: Калужская обл. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 232-234.

⁴³ Зацаринный С. В. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2. С. 96—112; Фролов А., Прошкин О. Таруса в X—XIV вв. (по данным археологии). Калуга, 2011; Шеков А. В. Верховские княжества: Середина XIII — середина XVI в. С. 224—225, 227—229, 244.

⁴⁴ Шеков А. В. Верховские княжества: Середина XIII— середина XVI в. С. 274–275.

на Тимофеевском городище⁴⁵. Спаш гипотетически располагался в р-не современного с. Ново-Павшино⁴⁶.

Расположение Москвы, Коломны, Серпухова, Звенигорода и Дмитрова дано по местоположениям исторических центров одноименных современных городов. Локализация Перемышля Московского дана по С. В. Шполянскому⁴⁷. Новый Городок помещен на городище Спас-Городец на правом берегу р. Протвы⁴⁸. Радонеж располагался на р. Паже, правом притоке р. Вори⁴⁹.

Великое княжество Владимирское (исключая пограничье с Рязанским и Муромским княжествами), Нижегородское и Стародубское княжества даны по В. А. Кучкину⁵⁰. Территории Муромского и Елецкого княжеств даны гипотетически. Граница Рязанского и Владимирского княжеств («Владимирский рубеж») показана гипотетически на месте границы XVII–XVIII в. Рязанского и Владимирского уездов⁵¹.

Переяславль-Рязанский показан на месте нынешней Рязани. Тешилов показан в Серпуховском районе Московской области, на правом берегу р. Оки, при в устье ручья Хохли⁵². Локализация Лопастни дана по В. Н. Темушеву⁵³. Ростиславль локализуется на правом берегу р. Оки на территории Озерского района Московской области в районе современного с. Сосновка⁵⁴. Перевитеск локализуется у совр. с. Пере-

⁴⁵ Там же. С. 245, 248-249, 251.

⁴⁶ Там же. С. 261, 263.

⁴⁷ Шполянский С. В. Перемышль Московский: к вопросу о времени возникновения и статусе города // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. М., 1999. С. 147–154.

⁴⁸ Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжество в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 35.

⁴⁹ Юшко А. А. Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М., 2002. С. 49.

Кучкин В. А Волго-окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С. 107–132; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 224–225, рис. 7; Карта: «Княжества Северо-Восточной Руси к 1389 г.».

⁵¹ Дедук А. В. К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII–XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. Четвертые чтения памяти акад. Л. В. Милова. С. 390–396.

⁵² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 120-121.

⁵³ Темушев В. Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. ст. Тула, 2004. Т. 2. С. 44-56.

⁵⁴ Коваль В. Ю. История Ростиславля Рязанского (по письменным источникам) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 12-21.

вицкий Торжок Луховицкого р-на Московской обл. 55 Венев локализуется на правом берегу р. Осетр, недалеко от устья р. Веневка, близ д. Гурьево 56. Тула до нач. XVI в. располагалась на Тороховском городище на р. Тулице 57. Корнике локализуется на правом берегу р. Шат, при впадении в нее р. Корничка 58. Расположение Ретани и Жадемля дано по Н. В. Иванову и Г. А. Шебанину 59. Дубок-вверх-Дону показан на Устьинском археологическом комплексе 60. Чур-Михайлов располагался, по обоснованному мнению О. А. Шватченко, на городище у с. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл. на р. Б. Кочур 61. Старая Рязань показана на месте одноименного археологического комплекса 62. Пронск располагался на территории современного

⁵⁵ Археологическая карта России: Московская обл. М., 2007. Ч. 4. № 2258. С. 117–119; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 239.

⁵⁶ Клянин Р. В. Венев (историко-археологический очерк) // Труды Музея истории города Москвы. М., 2000. Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. С. 117–120.

Воронцов А. М., Гриценко В. П., Фомин К. Н., Шеков А. В. Позднесредневековые слои Тороховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 23–59; Гриценко В. П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 13–15; Он же. Тороховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997. С. 20–22; Гриценко В. [П.], Наумов А. [Н.] Древняя Тула: проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1. С. 6–11; Наумов А. Н. О двух подходах к вопросу местоположения древней Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 16–20.

Клянин Р. В. Корнике – город Рязанского княжества // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. Славянский средневековый город. С. 141–146.

⁵⁹ Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV – XV в. // Верхнее Подонье: Природа. История. Археология. Тула, 2004. Т. 2. С. 68–77.

⁶⁰ Гоняный М. И. Результаты междисциплинарных исследований на Устьинском археологическом комплексе конца XII – XIV вв. на Куликовом поле // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 137; Он же. Следы ювелирной мастерской XIV в. на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань, 2011. С. 279, 294; Гоняный М. И., Дедук А. В. К вопросу о локализации Дубка // Труды ГИМ (в печати).

⁶¹ Шватичнко О. А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла // Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 73. Куликово поле: Материалы и исследования. С. 97–100.

⁶² См. напр.: Монгайт А. Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. № 49: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1955. Т. IV.

г. Пронск⁶³. Границы Пронского княжества даны гипотетически. Примерные границы Рязанского княжества по р. Дон и р. Воронеж показаны по договорной грамоте 1496 г.⁶⁴

Андреев городок показан на месте Темгеневского городища⁶⁵. Городец Мещерский – Касимов показан на месте современного одно-именного города. Кадом показан на группе памятников ок. с. Старый Кадом⁶⁶. Темников показан на месте современного с. Старый Город⁶⁷.

Кошков на карте не показан, так как его расположение является дискуссионным⁶⁸. Елатьма показана на месте современного городского центра. Город Мохши показан на месте современного села Наровчат в Пензенской области⁶⁹.

⁶³ Археологическая карта России: Рязанская обл. М., 1996. Ч. 3. № 1555. С. 61-68; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 206-216.

⁶⁴ Дедук А. В. Договорная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича и рязанского князя Федора Васильевича 1496 г.: историко-географический комментарий // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2014. Вып. 7. С. 166–185.

⁶⁵ Челяпов В. П. К вопросу об Андреевом городке каменном // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2005. Т. 8. С. 13–16. Данная локализация подтвердилась благодаря находке в одном из дел Елатомского уездного суда за 1798 г. упоминания «Андреева городища»: Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст. Казань, 2014. Вып. 6. С. 11. Прим. 7.

⁶⁶ Археологическая карта России: Рязанская обл. М., 1994. Ч. 2. С. 33–35. № 820–823.

⁶⁷ Черменский П. Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 46.

⁶⁸ Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке... С. 8; Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 268; Черменский П. Н. Некоторые спорные вопросы географии Рязанщины // История СССР. 1959. № 2. С. 174.

⁶⁹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. 2-е. М., 2009. С. 106–107.

Р. А. Беспалов

Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I

Кульминацией дружественных отношений между великим князем литовским Витовтом и его зятем великим князем московским Василием I конца XIV — начала XV вв. стал конфликт 1406—1408 гг. Их размирье не раз освещалось в историографии преимущественно в рамках двусторонних литовско-московских отношений¹. Третьи стороны в качестве инициаторов и деятельных участников конфликта почти не рассматривались. Между тем можно выделить целый ряд феодалов, которые в ходе интересующих нас событий отстаивали свои собственные интересы, идущие порой вразрез с

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 5. Стб. 107-110; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. M., 2001. Kh. 2. C. 502–504; *Барбашев А. И*. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885. С. 114-116; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 139–141; Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. Kraków, 1919. T. 1. W wiekach średnich. S. 180-186; Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Ksiecia Litwy. Wilno, 1914. S. 108-111; Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918. С. 342-346; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. T. 1: 1377-1499. S. 84-87; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. M., 1960. C. 713-714; Pletnia R. Działalność wielkiego ksiecia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404-1408 // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1998. № 125. S. 17-33; Stolarczyk T. Na karuzeli życia czyli walki Świdrygiełły o tron litewski 1392-1430 // Niebem i sercem okryta. Studia historyczne dedykowane dr Jolancie Malinowskiej. Toruń, 2002. S. 110-114; Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 212-213. В том числе в специальных работах по истории черниговских земель, и в частности Верхнего Поочья, местные князья были представлены лишь в качестве объекта политического влияния Литвы и Москвы (Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 219-223; Teмушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // Studia Historica Europae Orientalis. Минск, 2009. Вып. 2. С. 61-67; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII - середина XVI BB. M., 2012. C. 135-137).

Литовско-московские войны 1406-1407, 1408 гг.

Условные обозначения

- Центры княжеств, уделов, важнейшие административные пункты
- Прочие города и центры волостей
- Населенные пункты, наиболее пострадавшие во время войны 1406-1408 гг. и даты их разорения

Места и даты пребывания Витовта

Места и даты пребывания Василия I

уллил Границы государств

.....

Границы княжеских уделов, земель и иных административных образований

Предполагаемая граница Чернигово-Брянской епископии

Маршруты походов литовских войск

— → → Предполагаемые маршруты походов литовских войск

Маршруты походов московских войск

— — Предполагаемые маршруты походов московских войск

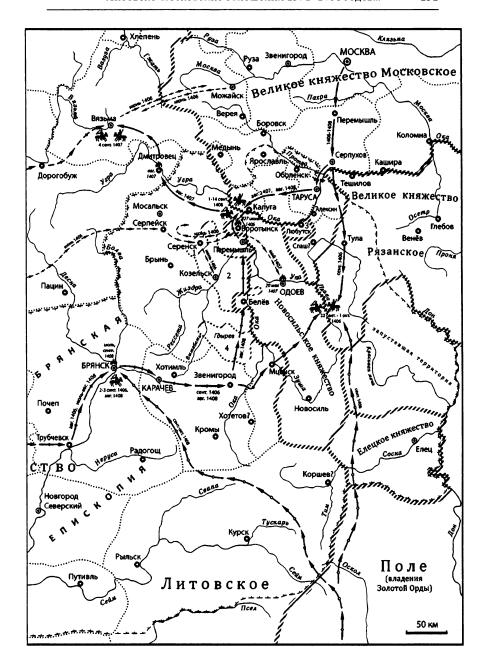
Маршруты походов татар

Цифрами на карте обозначены:

- 1. Совместное московско-литовское владение Серенск; 2. Московский «примысел» Козельск с волостями; 3. Брянский анклав Любутск;
- 4. Владение тарусских Всеволодичей Гдырев

© Р. А. Беспалов; При разработке содержимого карты использованы карты В.А. Кучкина, А.Б. Мазурова, В.Н. Темушева, собственные исследования автора

политикой центральной литовской или московской власти. При этом они нарушали стратегический баланс между Литвой и Москвой и, может быть непреднамеренно, вносили разлад между Витовтом и Василием I.

К концу XIV в. уже много десятилетий велась борьба Литвы и Москвы за влияние в Смоленской и Черниговской землях². С некоторого времени великие смоленские и великие черниговские князья настолько покорились литовским господарям, что стали их ставленниками в своих же собственных землях. Олнако сами они все еще стремились к прежней самостоятельности. Еще одной значительной фигурой в региональной геополитике был великий князь рязанский. В его архиве хранились «грамоты докончальные великих князей резанских и великих князей черниговских, и великих князей смоленских». Сведения о них сохранились лишь в описях XVI в.3 Однако можно заметить, что рязанско-смоленские и рязанско-черниговские договоры могли заключаться только до начала XV в. Их контрагенты могут быть охарактеризованы как субъекты межгосударственных отношений. История донесла до нас примеры проявления такой субъектности названных великих князей, которая создавала для их сильнейших соседей массу проблем и требовала ответной реакции.

- І. Политическая ситуация
- в Черниговской и Смоленской землях
- в конце XIV начале XV в. и связанные с ней конфликты

Политический центр Черниговской земли – город Брянск – с конца XIII до середины XIV вв. находился под властью смоленской династии. В конце 1350-х гг. он перешел под верховную власть Литвы. В историографии было высказано мнение, что в этой связи в Брянске было восстановлено правление великих князей из династии черниговских Ольговичей⁴. Однако установившийся сюзеренитет над Брянском

² См.: Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 58–78.

З Данные документы рязанского великокняжеского архива хранились в Царском архиве еще во второй половине XVI в. (Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 32).

Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // СР. М., 1996. Вып. 1. С. 76–90.

не давал великим литовским князьям надежных гарантий его подчинения и в будущем. Так, к началу 1370-х гг. великий князь Роман Михайлович Брянский склонился на сторону Москвы. В результате великий князь литовский Ольгерд сместил его с Брянска, а его место занял князь Дмитрий Ольгердович. Дальнейшая история Брянска до начала XV в. очень скудно отражена в источниках. Не исключено, что уже к 1379 г. брянский стол вновь отошел к князю Роману Михайловичу, который впоследствии сумел примириться с великими литовскими князьями⁵.

В XIV в. в некогда единой Черниговской земле шел процесс образования обособленных княжений, которые сами претендовали на то, чтобы стать «землями» б, хотя в церковном устройстве над ними все еще сохранялась власть единого чернигово-брянского епископа. Князья обособившихся черниговских земель не обладали такой степенью самостоятельности, как великие князья, и гораздо сильнее были податливы политической конъюнктуре. На разных этапах истории часть из них могла быть солидарна с великим князем черниговским или даже с великими князьями рязанским и смоленским. Однако при обострении литовско-московских отношений их выбор лежал между двумя сильнейшими центрами притяжения — Москвой и Литвой.

Из князей Северо-Восточной Черниговщины князья тарусского дома одними из первых сблизились с Москвой. В 1392 г. Василий I получил в Орде ярлык на Тарусу⁷. В дальнейшем измельчавшие Тарусские, Оболенские и большинство других их родичей превратились во внутренних служилых князей при дворах великих и удельных князей московского дома. Князья новосильского дома (белёвские, одоевские и воротынские), как и тарусские, к началу XV в. находились в союзе с

Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых печатях XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 137–141.

Как показал А. А. Горский, термин «земля» в территориально-политическом смысле сложился в ходе формирования Русского государства в XI – начале XII в. и обозначал государство в целом (Русскую землю). В XII–XIII вв. он стал употребляться по отношению к территориям, которые управлялись обособившимися княжескими династиями и приобретали статус независимых государств (Горский А. А. Земли и волости // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 29–32).

⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 219; Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. С. 117. 122–123.

Василием I^8 . Однако «Новосильская земля» ⁹ не вошла в состав Московского государства и в будущем до конца XV в. сохраняла значительную часть суверенитета ¹⁰. Гораздо более пеструю картину представляли собой князья козельского дома ¹¹. Некоторые из них (Шонуровы) уже к

В одной из статей московско-рязанского договора 1402 г., вероятно, восходящей к договору 1385 г., указано, что новосильский князь и тарусские князья с Василием I «один человек», то есть «с ним за один», его союзники (ДДГ. № 19. С. 53).

⁹ Термин «Новосильская земля» зафиксирован в Тверской летописи под 1407 г. (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 477).

С 1427 г. до 1480-х гг. князья новосильского дома служили великим литовским князьям на основании договоров, которые при случае могли быть расторгнуты. При этом новосильские князья сохраняли свою исконную вотчину за собой (см.: Беспалов Р. А. Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 3-48).

В поздних родословцах «князь Мстислав Карачевский» назван основателем рода козельских, елецких, мосальских, карачевских, звенигородских князей и других их ответвлений. Однако из более ранних источников известно, что княжеский стол в Козельском уделе Черниговской земли возник к первой четверти XIII в., когда карачевского княжения еще не существовало (ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 741). Сыновья князя Мстислава Тит и Андрей Мстиславичи, упомянуты в летописях под 1339 и 1365 гг. с титулами «козельских князей» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 52: ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 92, 104; Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 58). Потомки князя Андрея Мстиславича получили Звенигород и Карачев и являлись младшей ветвью рода. Родословная потомков князя Мстислава была составлена в первой трети XVI в. Дионисием Звенигородским. К тому времени старшая ветвь князя Тита Мстиславича захудала и была отодвинута на второй план. Мстислав и его сын Андрей Мстиславич были названы «карачевскими князьями». Князь Тит Мстиславич назывался без титула, но потом ему тоже был записан титул «карачевского князя» (Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 74-75). Затем эти титулы закрепились в более поздних родословцах XVI-XVII вв. (Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / Подг. 3. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова. М., 1977. С. 41, 112; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1. С. 180). В этой связи можно предположить, что превращение козельских князей Мстиславичей в карачевских и, соответственно, перемещение старшего стола князей этого рода из Козельска в Карачев – это плод деятельности составителей родословцев XVI-XVII вв. (Подробнее см.: Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 80-83, 86-97).

1371 г. прочно осели на московской службе, но затем и в первой трети XV в. претендовали на наместничество в Козельске под властью Москвы¹². Потомки князя Тита Мстиславича Козельского (старшая ветвь козельских князей), вероятно, были политически разделены. Князь Иван Титович Козельский был женат на дочери великого князя Олега Рязанского¹³. Его потомком был князь Юрий Иванович Елецкий, который в самом начале XV в. также претендовал на старшее княжение в Козельске¹⁴. Под 1414 г. в летописях фигурирует «Елецкая земля», вероятно, в качестве обособленного княжения¹⁵. Князь Святослав Титович не ранее второй половины 1360-х гг. женился на дочери Ольгерда¹⁶. Его потомки владели Мосальском и рядом других городков в Поугорье¹⁷. Потомки Андрея Мстиславича (младшая ветвь козельских князей) владели Карачевом, Хотимлем, Звенигородом и рядом других городков¹⁸. На карачевской княжне был женат великий князь Роман Михайлович Брянский¹⁹. О других их родственниках того же времени: перемышльских. хотетовских, кромских князьях – известно крайне мало.

¹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 98; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 433–437; Беспалов Р. А. Козельск в XV веке: очерк политической истории // Калужский край – доблестный щит земли русской. Калуга, 2014. С. 29.

¹³ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 26.

После перехода на московскую службу, в 1408 г., князь Юрий Козельский был назначен воеводой в Ржеве (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237). По родословцам он происходил из елецкой ветви козельских князей (Родословная книга по трем спискам с предисловием и азбучным указателем // Временник Императорского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 68, 69). Затем еще и в XVI в. в Ржевском уезде существовало «Елецкое приселье» (АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 157. С. 133–134).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 535.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 26.

¹⁷ См.: Беспалов Р. А. К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 47–48.

¹⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74-75.

Согласно Любецкому синодику, великий князь Роман Михайлович Брянский был женат на княгине «Марии Корчевской» (Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26–27). А. В. Кузьмин обратил внимание на то, что в Любецком синодике в ее титуле опущена одна буква. Во Введенском Печерском синодике она поминается как «Мария Корачевская», следовательно, происходила из Карачева (Кузьмин А. В. Верховские княжества // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 198–199; Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Киево-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврьский альманах. Київ, 2007. Вип. 18. С. 18).

По мнению О. Халецкого, прежняя система удельных княжеств сохранялась не только в верховьях Оки, но и на Северщине²⁰. Со стороны центральной литовской власти еще не была проведена работа по их консолидации, столь эффективная в других областях Великого княжества Литовского²¹. «Terra Severiensis» со столом в Новгороде Северском к концу XIV в. уже явно называлась «землей»²². В ней правил князь Дмитрий-Корибут Ольгердович²³. Ему подчинялось множество князей и бояр, в том числе трубчевский воевода²⁴. До своего отъезда в Москву в 1379 г. Трубчевском владел князь Дмитрий Ольгердович. Позже на город претендовали и его потомки²⁵. Князь Александр Патрикеевич правил в Стародубе²⁶. В разное время на Северщине также княжили и другие литовские князья. Однако при возникновении внутренних разногласий в Великом княжестве Литовском они могли проявлять несогласие с центральной литовской властью и становиться самостоятельными центрами силы.

Во второй половине XIV в. ростки литовской власти на Черниговщине были еще недостаточно надежны. Они переплетались с интере-

В данном случае под Северщиной (Чернигово-Северщиной) понимается Юго-Западная и Центральная Черниговщина – область преимущественного проживания северян (севрюков). Северо-восточная часть Черниговской земли была областью преимущественного проживания вятичей и в состав Северщины не входила (о территории Северщины см.: Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 41–52).

²¹ Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. S. 181–182.

Дополнения к актам историческим, относящиеся к истории России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. № 212. С. 509.

²³ Wolff J. Ród Gedimina. S. 152-153.

²⁴ Розов В. Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. № 20. С. 38

Wolff J. Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł Hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgierd i Kiejstut» i «Bracia Władysława Jagiełły». Kraków, 1886. S. 90–94.

Происхождение интересующих нас стародубских князей не ясно. В историографии высказывалось мнение, что князь Александр Патрикеевич Стародубский был сыном князя Патрикея Наримунтовича (Stadnicki K. Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy. Monwid – Narymunt – Jewnuta – Koriat. Lwow, 1881. S. 37–42; Wolff J. Ród Gedimina. S. 16–18; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / Biblioteka Genealogiczna. Poznań; Wrocław, 1999. T. 2. S. 21–27, 28–30, 31–32). Однако Наримунта в крещении звали Глебом, а дед князя Александра Патрикеевича, вероятно, носил имя Давида. Во Введенском Печерском синодике поминают князей: Патрикея Давидовича Стародубского, Александра Патрикеевича и Федора Александровича Стародубского (Поменник Введенської церкви. С. 18–19).

сами Москвы, местных князей, бояр, а также духовенства. Например, даже при подчинении Брянска Литве кафедра брянского владыки, в особенности при митрополите Алексии (1354–1378 гг.), находилась под сильным московским влиянием.

О политической ситуации в Смоленской земле конца XIV – начала XV в. источники повествуют более подробно. Великий князь Святослав Смоленский являлся важнейшим субъектом межгосударственных отношений. Долгое время он был союзником великих литовских князей. Однако в 1386 г. решил отнять у Литвы Мстиславль, который прежде был смоленским городом. В походе он был убит, а его сыновья Глеб и Юрий попали в плен. Первый из них был уведен в Литву, а второй – приведен к присяге на верность польскому королю Ягайлу и великому князю литовскому Скиргайлу и посажен на великом смоленском княжении²⁷. Ольгердовичи рассчитывали на лояльность великого князя Юрия Святославича, поскольку он был женат на «дочери старшей сестры Скиргайла», то есть на их племяннице (внучке Ольгерда)²⁸.

В Московском летописном своде конца XV в. под 1395 г. великий князь Олег Рязанский назван «тестем» князя Юрия Святославича²⁹. На этом основании в историографии распространено мнение, что князь Олег был женат на дочери Ольгерда³⁰. Однако к 1393 г. князь Олег также приходился тестем князю Дмитрию-Корибуту Ольгердовичу³¹. Последний не мог жениться на своей племяннице. Возможно, эта дочь князя Олега была от другого (первого) брака³². Тогда после его предполагаемой повторной женитьбы она становилась бы падчерицей его второй жены (дочери Ольгерда). Также можно предположить, что великий князь Олег Рязанский вовсе не был женат на дочери Ольгерда. В таком случае между 1386 и 1395 гг., возможно, уже до 1392 г., в семье великого князя Юрия Смоленского должны были произойти перемены: его первая жена (внучка Ольгерда) могла умереть, и он мог жениться второй раз - на дочери великого князя Олега Рязанского. Так или иначе, великий князь Юрий Смоленский и князь Дмитрий-Корибут через родство с великим князем Олегом Рязанским стали свояками.

В 1392 г. в противостоянии с Ягайлом и Скиргайлом князь Витовт Кейстутьевич с помощью немцев и части литовской знати вернул себе

²⁷ Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963. С. 72-74.

²⁸ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 64, 70; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 213–214.

²⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 225.

³⁰ Wolff J. Ród Gedimina. S. 153.

³¹ CESXV. T. 1. Pars 1. № 22. S. 19; AUPL. № 32. S. 29-30.

³² *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 97–98, 106.

часть своей вотчины. Затем постепенно устранил с политической сцены своих политических оппонентов и фактически стал великим князем литовским. Он был женат на дочери уже покойного князя Святослава Смоленского³³ и, таким образом, по-родственному имел отношение к Смоленску. Его шурин великий князь Юрий Святославич бил ему челом и обязался служить34. Однако вскоре Витовт изменил свою политику в отношении Смоленска и Рязани. Зять великого князя Олега Рязанского - новгород-северский князь Дмитрий-Корибут пошел войной на Витовта, но потерпел поражение и был взят в плен³⁵. Видимо, тогда же великий князь Юрий Святославич был смещен со Смоленска и получил Рославль³⁶, а на великое смоленское княжение был посажен его брат Глеб Святославич³⁷. Тогда великий князь Олег Рязанский напал на брянский город Любутск³⁸. Это был единственный город Великого княжества Литовского, который находился в непосредственной близости от владений рязанского князя. В ответ литовские войска «воевали Рязаньскую землю»³⁹. В мае 1393 г. король Ягайло передал Новгород Северский князю Федору Любартовичу (до 1397 г.) 40. В ноябре 1393 г.

³³ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 150; Wolff J. Ród Gedimina. S. 56-57.

³⁴ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 101.

³⁵ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 71, 101, 159, 185.

Рославльский удел князя Юрия Святославича находился в Смоленской земле и граничил с Брянской землей (Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 212–213). В некоторых западнорусских летописях вместо Рославля ошибочно указан Жаславль или Zeslaw (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 159, 186). На этом основании М. Стрыйковский полагал, что князь Юрий Святославич получил «Zasław» на Волыни (Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1846. Т. 2. S. 110).

³⁷ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65, 72. Еще в 1390 г., будучи в Немецком ордене, Витовт сетовал на то, что Ягайло и Скиргайло отняли вотчину у брата его жены (SRP. Bd. 2. S. 714). Должно быть, имелся в виду князь Глеб Святославич. Сместив князя Юрия Святославича с великого смоленского княжения, Витовт поступил с ним более благодушно, сохранив за ним его удел.

³⁸ Согласно летописям, в 1402 г. рязанские войска «иде ратью на Брянескъ», но были разбиты под Любутском (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231). Кажущееся противоречие разрешается, если учесть, что брянские бояре Ослябя и Пересвет были родом любутчанами (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 39, 285). Следовательно, Любутск был брянским городом (см.: Кузьмин А. В. Верховские княжества // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 198–199).

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 510.

⁴⁰ Дополнения к актам историческим, относящиеся к истории России. № 212. С. 509; Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 98–99.

великий князь Олег Рязанский поручился за князя Дмитрия-Корибута перед Ягайлом⁴¹. Вскоре Корибут примирился с Витовтом⁴², однако Новгород Северский был для него потерян.

В сложившейся ситуации рязанско-смоленская коалиция не могла опереться на помощь Москвы. Лишь недавно, в начале 1391 г., Василий I женился на дочери Витовта Софье⁴³. В июне 1392 г. родная сестра Василия I княгиня Мария Дмитриевна была выдана за князя Семена-Лугвеня⁴⁴, который к тому времени, вероятно, уже получил Мстиславль, а позже стал играть значительную роль в восточнорусской политике Витовта.

В годы мирных московско-литовских отношений стало возможным объединение митрополии Киевской и всея Руси под властью единого митрополита. Киприан прибыл в Москву в 1390 г. Должно быть, именно он венчал Василия I с Софьей Витовтовной⁴⁵. В самом начале своего правления Киприан поставил ряд епископов, в том числе на Рязань – владыку Еремия, а на Чернигов и Брянск – владыку Исакия⁴⁶.

В 1393 г. Василий I со своей княгиней ездил в Смоленск, где встречался с Витовтом⁴⁷. В московско-литовском договоре 1449 г. имеется ссылка на не дошедший до наших дней договор, в котором оговаривались московско-смоленские отношения. Он был заключен, когда «великии княз(ь) Витовтъ кн(я)зя Глеба на Смоленъску посадил»⁴⁸. Одно из условий некого договора между Витовтом и Василием I сохранилось в сведениях Тверской летописи. По нему Василий I обещал «не въступати ся въ Смоленескъ за Юріа никакымъ деломъ»⁴⁹. Может быть, это соглашение имело место в 1401–1404 гг., но не исключено, что подобные же условия оговаривались еще в 1393 г.

Возможно, в тот момент Витовт рассматривал свои отношения со Смоленском уже наравне с внутренними делами Великого княжества Литовского. Однако вскоре великий князь Глеб Святославич стал «в

⁴¹ CESXV. T. 1. Pars 1. № 22. S. 19; AUPL. № 32. S. 29–30.

⁴² В 1394 г. Витовт с Корибутом совместно воевали против крестоносцев (SRP. Bd. 3. S. 195; Wolff J. Ród Gedimina. S. 153).

⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 158–159; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 219; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65, 71.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 164; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 156.

⁴⁵ Сведения об этом сохранились только в уникальных известиях Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 124).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 157–158; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 218.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 509-510.

⁴⁸ ДДГ. № 53. С. 161.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471.

непослушании быти» великому князю литовскому⁵⁰. Так стало очевидным, что собственноручное поставление на смоленское княжение князей смоленской же династии не приносит великим литовским князьям желаемого результата. В этой связи Витовт решил упразднить институт великого смоленского княжения. В 1395 г. он собрал войска и сделал вид, что идет на Темир-Аксака. В то время Василий I выдвинулся к Оке и тоже готовился к обороне своих земель от чагатайского эмира⁵¹. Однако к концу сентября, дойдя до Смоленска, Витовт хитростью пленил находившихся там смоленских князей, отнял город у великого князя Глеба Святославича, а в Смоленске посадил клецкого князя Ямонта⁵².

К тому времени князь Юрий Святославич находился у своего тестя в Рязани⁵³. Согласно уникальным сведениям Никоновской летописи, в ответ на действия Витовта в декабре 1395 г. «князь велики Олегъ Ивановичь Рязанский съ зятемъ своимъ, съ великимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ, и з братьею своею, съ пронскими князи и съ козельскимъ, и съ муромскимъ, поиде ратью на Литву и много зла сътвориша имъ»⁵⁴. Несмотря на то, что в более ранних летописях этого сообщения нет, достоверность осуществления такого похода исключать нельзя, поскольку «тое же зимы»⁵⁵ Витовт посылал князя Семена-Лугвеня со смоленскими силами на великого князя Олега Рязанского. По Никоновской летописи, Витовт сам ходил в поход (что представляется сомнительным) и потерпел неудачу. Согласно московскому и западнорусскому (смоленскому) летописанию, победа осталась за литовскими войсками⁵⁶.

В середине марта 1396 г. (за две недели до Пасхи) Василий I вновь встречался с Витовтом в Смоленске. Туда же прибыл митрополит Киприан для поставления нового смоленского владыки⁵⁷. В том же году великий князь Олег Рязанский снова напал на Любутск, однако Васи-

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65, 72.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 222-225.

⁵² ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 222, 225; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65, 72-73.

⁵³ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 225.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 163.

⁵⁵ Календарная зима продолжалась с 25 декабря 1395 г. по 24 марта 1396 г. (Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси // ДРВМ. М., 2009. № 2 (36). С. 11). Если брать во внимание только зиму 6903 г. (мартовский стиль), то она продолжалась до конца февраля 1396 г.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 513; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 226; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65, 72, 102.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 226; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 65–66, 72, 102; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 166.

лий I направил к нему послов и отвел от города. В начале октября (на Покров) Витовт совершил поход на Рязанское княжество и снова встречался с Василием I, на этот раз в Коломне⁵⁸. Все эти годы Василий I поддерживал тесные отношения с тестем.

В 1398 г. Витовт заключил мирный договор с Немецким орденом, по которому уступил ему Жемайтию. Кроме того, в договоре были обозначены политические притязания Ордена на Псков и Литвы на Великий Новгород⁵⁹. Новгородцы сами обещали принять Витовта в качестве великого князя, но обещания не выполнили и остались под покровительством Москвы⁶⁰. При этом литовско-московские отношения оставались дружественными. В начале 1399 г. великая княгиня Софья Витовтовна с детьми ездила в Смоленск, где встречалась с отцом и матерью⁶¹. Борьба князя Юрия Святославича за Смоленск была почти безнадежной, однако вскоре ситуация изменилась.

В августе 1399 г. Витовт выступил на помощь потерявшему ханство Тохтамышу. На реке Ворскле их войска потерпели сокрушительное поражение от хана Тимур-Кутлуга и князя Едыгея. В битве погибло много русских и литовских князей, в том числе – князь Глеб Святославич и смоленский наместник князь Ямонт⁶². Также погиб князь Дмитрий Ольгердович, который в летописной традиции в большинстве случаев назван князем «брянским»⁶³. Однако в Синодальном списке Летописного свода 1518 г. он назван князем «трубецким»⁶⁴. В Любецком и Введенском Печерском синодиках посмертно «князь Дмитрий Ольгердович» назван без титула⁶⁵. Поэтому нет ясности, занимал ли он перед смертью брянский (черниговский) стол или назван так по принадлежности ему Брянска в прошлом⁶⁶.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 227.

⁵⁹ LECUB. Bd. 4. № 1478, 1479. S. 218–227; *Барбашев А. И*. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 84–86.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 393.

⁶¹ Согласно летописям, эта поездка была совершена «зимой» (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 228; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 171–172), то есть в период с 25 декабря 1398 г. по 24 марта или до конца февраля 1399 г. (см.: Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси. С. 11).

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 165; ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 145.

⁶³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 517; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 229; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 52, 73.

⁶⁴ ПРСЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 254.

⁶⁵ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 28; Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Киево-Печерської Лаври. С. 19.

⁶⁶ Как заметил А. А. Горский, имеются аналогичные примеры: в 1375 г. Роман Михайлович не правил Брянском, но при этом носил титул «брянско-

После гибели многих князей от Тимур-Кутлуга Витовт посадил на смоленское наместничество великого князя Романа Михайловича Брянского и Черниговского. По сведениям Тверской летописи, тот назывался «братом» Витовту и Василию І⁶⁷, что, должно быть, свидетельствует о заключении между ними мирного договора.

В то же время князь Юрий Святославич предпринял попытку сблизиться с московским княжеским домом. В 1400 г. в Москве он выдал свою дочь Анастасию за князя Юрия Дмитриевича (брата Василия I)68. Весной же 1401 г. князь Федор Ольгович Рязанский отдал свою дочь Василису за старшего сына князя Владимира Серпуховского – князя Ивана69.

Изменившаяся расстановка сил дала возможность рязанско-смоленской коалиции действовать решительно. В августе 1401 г. войска великого князя Олега Рязанского и князя Юрия Святославича подступили к Смоленску. По уникальным сведениям Никоновской летописи, с ними же были князья: пронские, муромский и козельский⁷⁰. А. Г. Кузьмин отмечал тенденциозность рязанских известий этого источника и ставил под сомнение сообщения об участии князей муромского и козельского в походах на Смоленск 1395 и 1401 гг.71 Тем не менее, родство старшей ветви козельских князей с великим князем Олегом Рязанским и их давний военно-политический союз известны из более ранних летописей и родословцев XVI-XVII вв. 72 В Смоленске был мятеж и заговор - одни желали сохранить власть Витовта, а другие хотели вернуть своего отчича князя Юрия. Видимо, последние открыли ворота города. В результате наместник Витовта великий князь Роман Михайлович Брянский, а также брянские и смоленские бояре, которые не хотели допускать до власти князя

го князя» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 111; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 190). Под 1380 г. сам князь Дмитрий Ольгердович назван «брянским», а его брат князь Андрей Ольгердович назван «полоцким», хотя ни Брянском, ни Полоцком на тот момент они не владели (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 458; Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С. 89–90).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 229. В родословных книгах редакции начала XVII в., видимо, ошибочно указано, что князь Юрий Дмитриевич был женат на дочери князя Ивана Святославича (Родословная книга по трем спискам с предисловием и азбучным указателем. С. 53–54).

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 185–186.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 239–240, 242, 245.

⁷² См.: ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 104; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 26.

Юрия, были убиты, а великое смоленское княжение было возвращено Юрию Святославичу 73 .

«Осенью» (в период с 23 сентября по 24 декабря)⁷⁴ Витовт пытался вернуть город, но сделать этого не сумел, взял перемирие с великим князем Юрием Смоленским и отступил. Тогда же в городе была «крамола», однако великому князю Юрию удалось расправиться с заговорщиками⁷⁵. Так планы рязанско-смоленской коалиции завершились победой, но торжество длилось недолго. В 1402 г. великий князь Олег Рязанский послал свои войска «на Брянескъ». Под Любутском они были разбиты князьями Семеном-Лугвенем Мстиславским и князем Александром Стародубским. По Никоновской летописи, с ними также был некий князь Бойнос Иванович. Сын великого князя Олега князь Родослав попал в плен, где затем провел три года⁷⁶. Еще более сокрушительный удар по рязанско-смоленской коалиции нанесла смерть великого князя Олега Рязанского, наступившая 5 июля 1402 г.77 Новый великий князь Федор Ольгович Рязанский был женат на родной сестре Василия I78. В конце ноября 1402 г. он заключил с московским князем союз и в отношениях с Литвой, видимо, полностью подчинился его воле⁷⁹. В результате великий князь Юрий Смоленский был лишен поддержки со стороны Рязани. Едва ли не единственной надеждой для него остался мирный договор с новгородцами, заключенный в том же году⁸⁰.

В 1403 г. князь Семен-Лугвень ходил войной на Смоленскую землю. Ему удалось взять Вязьму и захватить в плен князя Ивана Святославича⁸¹. Затем в 1404 г. Витовт «со всею силою» пришел к Смоленску. Вместе с ним были князья Семен-Лугвень, Свидригайло и свояк великого князя Юрия — Дмитрий-Корибут. Город выдержал семь недель

⁷³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 521–522; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 176.

⁷⁴ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси. С. 11.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 522; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 187–188.

⁷⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 190. Стб. 71; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. 2-е издание. С. 455; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 188; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231–232.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 213.

⁷⁹ По условиям московско-рязанского договора 1402 г., великий князь Федор Ольгович мог заключить союз с Витовтом только «по думе» с Василием I (ДДГ. № 19. С. 52–55).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 147.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 522.

осады, но не сдался, и Витовт был вынужден отступить⁸². Датировка данных событий проблематична. Согласно Софийской I летописи старшего извода, Витовт осаждал Смоленск семь недель: «и быв 7 недель, и по Велице дни отступи прочь». Пасха (Велик день) в этом году приходилась на 30 марта. Если осада длилась с 11 февраля по 30 марта 1404 г., то не ясно, как понимать слова летописца о том, что Витовт стоял под Смоленском «всю весну», ведь весна начиналась с Благовещения (25 марта). К тому же 14 февраля Витовт находился в Вильно⁸³, откуда путь до Смоленска занимал немало времени. Остается предположить, что запись о датировке Софийской I летописи испорчена. Возможно, следует читать: «и быв 7 недель по Велице дни, и отступи прочь». Тогда осада длилась с 30 марта по 17 мая. Видимо, именно в этой связи Витовт не присутствовал на переговорах о возобновлении мирного договора с Немецким орденом в Рацёнжке 18-23 мая 1404 г. Его главным представителем там был Ягайло⁸⁴. Следующая осада Смоленска началась уже в июне и действительно продолжалась до конца весны, которая заканчивалась накануне Рождества Иоанна Предтечи, то есть 23 июня⁸⁵.

Вскоре после снятия первой осады великий князь Юрий Святославич оставил свою княгиню с боярами в Смоленске и поехал в Москву просить помощи у великого князя московского. По летописным сведениям, он был готов отдаться Василию I со всем своим княжением 6. Однако Василий I не принял его, «не хотя изменити Витовту». Князь Юрий Святославич, видимо, не терял надежды и трижды переносил срок своего возвращения. Тем временем великий князь

⁸² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 523; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232.

⁸³ Purc J. Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku – 27 października 1430 roku) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia, zesz. 11. Poznań, 1971. S. 86.

⁸⁴ Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009. S. 369.

⁸⁵ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси. С. 11.

По мнению Р. Плетни, великий князь Юрий Святославич хотел воспользоваться «правом свободного отъезда» (Pletnia R. Działalność wielkiego
księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w
latach 1404–1408. S. 21). Однако такая формулировка проблематична,
поскольку, силой вернув себе Смоленск в 1401 г., великий князь Юрий
Святославич приобрел суверенитет. В том же году после неудачной осады Витовтом Смоленска было заключено перемирие, однако его детали
неизвестны. При живом великом князе Олеге Рязанском и после явного
поражения литовских войск вряд ли смоленский князь признал в литовском господаре своего сюзерена. В таком случае в 1404 г. ему не от кого
было «отъезжать».

литовский повторно осадил Смоленск. Горожане «не могуще терпети въ граде въ гладе пребывающе, и от многа изнеможенья и истомы предаша град Витовту месяца июня 26»87. По мнению Р. Плетни, для жителей Смоленска Витовт олицетворял надежду на стабильность, и они выиграли от того, что сдали город литовскому господарю88. Однако, как было показано выше, князь Юрий Святославич истребил своих противников при взятии Смоленска в 1401 г., а затем расправился и со скрывавшимися заговорщиками. Следует полагать, что к 1404 г. в городе в основном оставались сторонники князя Юрия, которым он даже доверил охранять свою жену. Сдаться их могло заставить только действительно бедственное положение. Еще Л. В. Черепнин указал на то, что после взятия Смоленска Витовт развел по разным местам всех смоленских бояр, которые хотели добра князю Юрию, а иных замучил89.

В свою очередь, получив отказ от Василия I, князь Юрий Святославич вынужден был поехать в Великий Новгород, куда прибыл 20 июля 1404 г., «и новгородци прияша его с миром» 90. По Новгородской IV летописи, он получил в кормление 13 городов, в том числе те, которые находились в совместном управлении Новгорода с Москвой (Русу, Ладогу, Орешек, Тиверск, Корелу, Копорье, Торжок, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городец) 1. Таким образом, он со своим смоленским окружением остался довольно состоятельным феодалом и, должно быть, потенциально опасным для своих врагов.

Так в результате событий последних лет Смоленск достался Витовту. Другая же часть развалившейся рязанско-смоленской коалиции попала под влияние Василия І. В нее кроме великого князя Федора Ольговича Рязанского, по всей видимости, входил князь Юрий Козельский и Елецкий. Последний был племянником великого князя Федора Ольговича и приходился двоюродным братом его дочери Василисе Федоровне, которая в 1401 г. была выдана замуж за князя Ивана Владимировича (за сына князя Владимира Серпуховского) 92.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 523-524; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232.

⁸⁸ Pletnia R. Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408. S. 20.

⁸⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 713; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 524; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 28.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 144-145.

⁹² ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231.

Князь Юрий Козельский отъехал на московскую службу⁹³, а Козельск в результате какого-то соглашения сторон, видимо по-родственному, был передан князьям московского дома. Василий I отдал его князю Владимиру Серпуховскому, а тот — своему старшему сыну Ивану Владимировичу⁹⁴. Василий I передал князю Владимиру Андреевичу двух сыновей князя Ивана Шонура Козельского: Константина и Романа. Не исключено, что Роман Иванович Шонуров наместничал в Козельске при князе Иване Владимировиче. Позже Матвей Романо-

Видимо, именно этот «княз(ь) Юрьи Иванович» назван в числе бояр в первой духовной грамоте Василия I (ДДГ. № 20. С. 57). Датировка этой грамоты требует уточнения. Л. В. Черепнин обращал внимание на то, что она составлена в отсутствие митрополита Киприана, поэтому в ней нет упоминания о его благословении. Вместе с тем в грамоте в живых упоминается мать Василия I. В этой связи грамоту предлагалось датировать периодом после смерти митрополита (16 сентября 1406 г.) и до смерти матери Василия I (7 июня 1407 г.) (ДДГ. № 20. С. 55-57). А. А. Зимин не исключал, что завещание могло быть составлено во время болезни Киприана, когда Василий I готовился к походу против Витовта, накануне 7 сентября 1406 г. (Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 201-202). А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров обратили внимание на отсутствие в списке гарантов исполнения грамоты князя Константина Дмитриевича и объяснили это его отъездом во Псков в феврале 1407 г. (Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV - первой половине XV вв. М., 2008. С. 113-114). Упомянутый в завещании сын Василия I Иван родился 15 января 1397 г., когда Киприана не было в Москве. Однако тогда еще был жив не упомянутый в завещании первый сын Василия I Юрий, умерший 1 ноября 1400 г. (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 227, 230). Киприан также отсутствовал в Москве в период с 20 июля 1404 г. по 1 января 1406 г. (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 233). Первой духовной грамотой Василий I благословлял своего младшего брата и крестного сына Константина уделом, определенным ему духовной грамотой Дмитрия Донского. Вероятно, Василий I управлял этим уделом как опекун (регент) князя Константина, который достиг 16-летия лишь 16 мая 1405 г. Задуматься о смерти и о составлении завещания Василия I могла заставить смерть его сына Семена, который родился 13 января 1405 г. и умер через 12 недель (около 7 апреля) (Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 458). Таким образом, первая духовная грамота Василия І могла быть составлена накануне того момента, когда князь Константин, вероятно, обретал право самостоятельно (без помощи регентов) управлять своим уделом. В таком случае грамоту следует датировать примерно с середины апреля по 15 мая 1405 г. В этот момент Константин не мог быть упомянут в завещании Василия І в качестве гаранта его исполнения.

⁹⁴ См.: Беспалов Р. А. Козельск в XV веке: очерк политической истории. С. 27–29, 36. Сноска 8.

вич Шонуров держал Козельск «не в отъимку» при другом сыне князя Владимира Серпуховского – при князе Василии Владимировиче⁹⁵. При этом Василий I забрал у князя Владимира Серпуховского Ржеву, а несколько позже воеводой там поставил князя Юрия Козельского%. Вместо Волока Ламского князь Владимир Серпуховский получил Городец «с волостьми», за исключением тех, которые были пожалованы князю Ивану Борисовичу Нижегородскому. В результате обмена земель последний также получил Людимльск (Людимеск), который, видимо, был козельской волостью⁹⁷. Не исключено, что эта сделка была совершена без участия Витовта. Во всяком случае, Василий I допускал, что Козельск может быть потерян. В таком случае он обещал князю Владимиру Серпуховскому компенсацию⁹⁸. Кроме того, через семейство князя Владимира Серпуховского Москва продолжала укреплять свои связи с Новосильским княжеством - в начале 1405 г. князь Семен Владимирович Боровский женился на дочери одного из новосильских князей⁹⁹. Тем самым были явно очерчены притязания Василия I на политическое влияние в северо-восточной части Черниговщины.

После падения Смоленска Василий I, думается, вполне мог рассчитывать на продолжение союза со своим тестем Витовтом и другими литовскими князьями. В смоленских и черниговских делах все предыдущие годы он вел дружественную и даже лояльную по отношению к ним политику. У князя Семена-Лугвеня Мстиславского после смерти княгини Марии Дмитриевны († 1399 г.) остался сын¹⁰⁰, который, таким

⁹⁵ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 433–437.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237.

⁹⁷ ДДГ. № 16. С. 43; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 112. О локализации Людимльска (Гришово тож) см.: Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902. Ч. 2. С. 23–24.

⁹⁸ ДДГ. № 16. С. 44. Датировка грамоты остается дискуссионной. В последнее время В. А. Кучкин обосновал датировку временем между 6 мая 1402 г. и 20 июля 1404 г. (см.: Кучкин В. А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 390–404).

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232. В Троицкой летописи это событие было записано между событиями, произошедшими 13 января и 13 февраля 1405 г. (Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 254. Стб. 103; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 458).

¹⁰⁰ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 121–123.

образом, приходился племянником Василию I. Сама княгиня Мария хотя и умерла в Мстиславле, но была похоронена в Москве 101 . В начале января 1397 г. князь Александр Стародубский по каким-то делам был в Москве 102 , а в октябре 1403 г. выдал свою дочь за князя Андрея Можайского (брата Василия I) 103 .

До сих пор Витовт не ссорился со своим зятем, но вместе с тем планомерно добивался своих целей в данном регионе. При нем с конца XIV до начала XV вв. был упразднен институт великого княжения в Смоленской и Черниговской землях. На смену уже окончательно должен был прийти институт литовского наместничества, что вело к преобразованиям в отношениях местных феодалов между собой и на первом этапе порождало немалые волнения в их среде. Одновременно Великое княжество Рязанское в межгосударственных делах теряло свой вес. В 1405 г. Витовт за крупный выкуп выпустил из плена князя Родослава Рязанского 104. Не исключено, что в то же время рязанские князья также обязались не выступать против Литвы заодно с князем Юрием Святославичем. В результате остававшиеся на своих местах черниговские и смоленские феодалы впервые в своей истории оказались исключительно между Москвой и Литвой.

В сложившейся ситуации князь Юрий Святославич оказался изгоем. Однако вскоре именно от этой смоленской искры разгорелась новая еще более крупная война и заполыхала ярким пламенем.

II. Начало войны 1406-1407 гг. (кампания 1406 г.)

В феврале 1405 г. князь Юрий Святославич обратился за помощью к великому магистру Немецкого ордена Конраду фон Юнгингену и ливонскому магистру Конраду фон Фитингхофу. Через своего посла он передавал немецкому магистру, что между их предками были мирные отношения, но, несмотря на это, Конрад фон Юнгинген помирился с Витовтом, из-за которого князь Юрий утратил свою отчину. Просил великого магистра хотя бы быть посредником и упросить Витовта отпустить из литовского плена его жену, захваченную при взятии Смоленска. Писал, что сам хочет приехать в Мариенбург и

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 228-229.

¹⁰² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 254. Стб. 100; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 447.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 187–188.

искать у великого магистра совета и поддержки. Однако Конрад фон Юнгинген не желал нарушать мир с Витовтом. Он отвечал, что договор Ордена с Витовтом не нарушал договора с князем Юрием, отказал ему в поездке в Мариенбург и, хотя допускал свое посредничество по поводу его жены, но и в это дело глубоко вдаваться не желал. Князь Юрий Святославич спрашивал, будет ли Конрад фон Юнгинген помогать Витовту против него. Великий магистр отвечал, что «неприятели» Витовта не являются «приятелями» Ордену¹⁰⁵.

Некоторые отечественные и польские исследователи признают князя Юрия Святославича если не причиной, то хотя бы одним из поводов для начала литовско-московской войны. Однако обычно сосредотачивают свое внимание на оценке военного и политического потенциала Витовта и Василия I, а также на их собственных стратегических задачах¹⁰⁶. В результате роль князя Юрия Святославича в конфликте отодвигается на второй план и остается недооцененной. Между тем его персона красной нитью проходит через всю войну 1406—1407 гг. и является ее краеугольным камнем. В частности, об этом говорит повесть в составе Тверской летописи под заголовком «Розмерье съ Литвою». Она рассказывает о событиях 1404—1406 гг. начиная с бегства князя Юрия Святославича в Москву и оканчивается описанием первых столкновений на московско-литовском порубежье¹⁰⁷. Данная повесть может быть дополнена и другими источниками.

Витовт обратился к Василию I и просил, чтобы его люди поймали князя Юрия Святославича «понеже то новгородци твои суть», а когда поймают, то просил держать его в Московской земле. Литовский господарь называл Юрия своим врагом, причинившим ему много зла. Однако Василий I отвечал: «азъ Юріа не имею у себе, пріаша его новгородци безъ моего повеленіа» 108. Устранившись от решения этой проблемы, Василий I развязал тестю руки в новгородских и псковских делах. Витовт добился того, чтобы ливонский магистр уведомил новгородцев о содержании договора Литвы с

¹⁰⁵ LECUB. Bd. 4. № 1654. S. 472-473; SD. T. 1. № 824. S. 348-349.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 342–346; Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. S. 108–109; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Т. 1: 1377–1499. S. 84–85; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 712–714; Pletnia R. Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408. S. 17–33.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471-472.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471.

Немецким орденом в части притязаний Витовта на Великий Новгород и о его поддержке в этом вопросе со стороны Ордена. В историографии высказывалось мнение, что тем самым он хотел припугнуть новгородцев 109. В сентябре 1405 г. Витовт обратился к новгородцам и просил отказаться от князя Юрия или совершить по этому делу судебное разбирательство, но те не послушали 110. Наконец Витовт послал своих послов во Псков с вопросом: «едино ли есте за Юріа съ Новымгородомъ?» Они же отвечали: «едино есмы» 111. Тогда Витовт отослал крестную грамоту псковичей в Новгород, в начале февраля 1406 г. напал на Псковскую землю, и его мир с Василием І был нарушен 112. Если мыслить не категориями государственных образований, а с точки зрения династических связей княжеской элиты, то перед нами отчетливо проявляется семейный конфликт, переросший в горячую фазу противостояния.

Псковичи обратились к новгородским воеводам и призвали их вместе идти воевать на Литву. Однако те ответили, что на это их не благословил владыка¹¹³. Должно быть, новгородский архиепископ Иоанн опасался гнева митрополита Киприана, которым ранее уже был наказан и сидел у него «в поиманье» три с половиной года с 1401 по 1404 гг.¹¹⁴ В этой связи можно думать, что и возможности князя Юрия Святославича в противостоянии с Витовтом оказались сильно ограниченными. Его договор с Великим Новгородом в основном сводился к совместной защите от внешних врагов торговой республики¹¹⁵. Тем не менее «псковская обида», вспыхнувшая из-за князя Юрия Святославича, все же обернулась войной¹¹⁶.

Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.).
С. 115; Pletnia R. Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408. S. 23.

¹¹⁰ LECUB. Bd. 4. № 1665. S. 490; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471-472.

¹¹² К 1406 г. следует отнести письмо Витовта маршалу Немецкого ордена от 21 января (без года). В нем Витовт сообщал, что собирается выступить в поход на Русь в следующий вторник, то есть 26 января. А. Прохаска со ссылкой на некий русский хронограф соотнес это письмо с походом Витовта на Псков, ошибочно полагая, что он состоялся в 1407 г. (СЕУ. № 358. S. 140). Однако упомянутое нападение Витовта на Псковскую землю началось с города Коложе 5 февраля 1406 г. (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 28–29; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234).

¹¹³ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 28.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 396, 398; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 233.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 145.

¹¹⁶ В начале XVI в. составитель Хроники Быховца попытался объяснить начало полномасштабной войны другими, едва ли не бытовыми причи-

После нападения Витовта на Псковскую землю новгородцы и псковичи ездили в Москву жаловаться на литовского господаря. Василий I послал к ним своего брата князя Петра Дмитриевича. Тот пребывал в Новгороде полторы недели (приблизительно в марте — начале апреля), однако конкретные итоги его поездки неизвестны¹¹⁷. Затем, вероятно, в конце мая 1406 г., московский государь «посла князя своа воеводы на гради литовскыя, ови ихъ идоша подъ Вязьму, а друзии къ Серпейску»¹¹⁸. Под Вязьмой был убит московский воевода князь Иван Липятыч¹¹⁹, и московским войскам

нами. По его мнению, она началась из-за обычного разбоя: московские мужики под Путивлем ограбили севрюков (жителей Северщины), взяли с них двух бобров и три кади меду. Витовт требовал от своего зятя Василия I удовлетворения, а не получив его – объявил войну (ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 149–150). Учитывая позднее происхождение этого известия в духе донесений о порубежных конфликтах конца XV – начала XVI в., его достоверность представляется сомнительной. Тем не менее эти сведения были всерьез восприняты польским историком второй половины XVI в. М. Стрыйковским, который сочинил по этому поводу стихи исторического содержания (Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Т. 2. S. 122). В XVIII в. в переводе стихов М. Стрыйковского они попали в хронику Литовскую и Жмоитскую (ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 4–5, 77–78). Еще С. М. Кучиньский отверг подобные предпосылки к началу войны (Кисгуйскі S. М. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 219).

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234; ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 399.

¹¹⁸ Дата этого события «маія 25» имеется лишь в выписке Н. М. Карамзина из Троицкой летописи под 6914 (1406) г. (Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 198. Стб. 73; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 461). В аналогичном фрагменте Забелинского списка Тверской летописи под 6914 (1406) г. такой даты нет (благодарю Е. Л. Конявскую за предоставление Забелинского списка Тверской летописи еще до его публикации). В списках Тверской летописи сообщение об этом походе в составе рассказа «Розмерье съ Литвою» следует за сообщением о нападении Витовта на Псковскую землю в 1406 г. и датировано словами: «настоящу же лету» (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 472). В рукописи над словом «настоящу» поставлен знак замены, а на полях тем же почерком написано «авшу». Однако данная датировка не согласуется с датировкой Троицкой летописи, поскольку лето наступало только 23 июня (см.: Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси. С. 11).

Липятины были коломенскими землевладельцами. Два представителя рода, князь Иван Константинович Липятин и его сын Семен, были убиты от Литвы. А. В. Кузьмин допускает их родственную связь с фоминскими и березуйскими князьями (Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 742–752).

пришлось отступить. Другие войска тоже не добились успеха и, «не дошедше Серпейска, възвратишася въспять» 120. Наиболее подробно перемещения войск обеих сторон изучал В. Н. Темушев. По его мнению, московское войско разделилось на две части в районе реки Угры 121. Однако, возможно, в летописном сообщении говорится о походах двух разных московских войск: один мог быть совершен со стороны Можайска на Вязьму 122; другой — со стороны Калуги и Воротынска, далее, возможно, через Серенск на Серпейск 123. Вероятно, во втором походе принимали участие не только собственно московские (или серпуховские) полки, но и войска новосильских князей, которых Витовт признавал своими врагами.

Литва, по всей видимости, тоже ответила двумя ударами: «въступль же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынескь взяша, и въ Козелсте посадиша посадникы своа, и близъ Мужайску

В Тверской летописи данное сообщение содержится в составе рассказа «Розмерье съ Литвою» (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471-472). В самом начале он имеет датировку: «В лето 6912» (1404 г.), но на самом деле повествует о событиях 1404-1406 гг. Согласно этому рассказу, после нападения Витовта на Псковскую землю (начало 1406 г.) состоялся поход московских войск на Вязьму и Серпейск. В ответном походе литовскими войсками был занят Козельск. Однако составитель протографа Забелинского списка Тверской летописи и Троицкой летописи не учел, что эти события произошли в 1406 г. Под 6914 (1406) г. он поместил дублирующую запись о походе московских войск: «и посла князь великии Василии рать къ Вязьме, къ Серпеиску, и къ Козелску, и ничтоже не успеша» (Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 83, 85; Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 198. Стб. 73; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 461). Вероятно, он исходил из того, что сообщение о взятии Козельска литовскими войсками записано под 6912 (1404) г., поэтому в 1406 г. направил московские войска не только на Вязьму и Серпейск, но заодно и на Козельск - тем самым допустив ошибку, поскольку на тот момент Козельск был за Москвой, а не за Литвой.

¹²¹ Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 61–62.

¹²² Через Смоленск – Дорогобуж – Вязьму – Можайск шла известная дорога на Москву (Описание путешествия в Москву посла римского императора, Николая Варкоча, с 22 июля 1593 года // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 4. IV. Материалы иностранные. С. 12–15).

¹²³ В этом месте дорога из Московской в Литовскую землю проходила через Калугу, Воротынск, а затем шла на Серенск (СИРИО. Т. 41. С. 441–442), который со времен Ольгерда находился в совместном московско-литовском владении (ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120). От Серенска открывался путь через Мезецк на Серпейск.

воеваша»¹²⁴. О можайском походе больше ничего не известно. Поход же на новосильский город Воротынск осуществил князь Семен-Лугвень Мстиславский. В воскресенье 4 июля 1406 г. Витовт писал маршалу Немецкого ордена Ульриху фон Юнгингену из Орши: «Мы даем Вам знать, что в день отправления этого письма к нам пришло известие, что герцог Лугвень и другие наши воеводы с войсками напали на крепость нашего врага, называемую Воротынск. И после этого в следующее воскресенье взяли ее и сожгли, итак наши [люди] при помощи Всевышнего благополучно оттуда удалились»¹²⁵. Таким образом, Воротынск продержался меньше недели и пал в одно из предшествующих 4-му июля воскресений, может быть 27 или 20 июня¹²⁶. Что же касается Козельска, вероятно, горожане предались литовским войскам без боя.

Витовт находился всего в нескольких днях пути от арены боевых действий. Однако тут оказалось, что он больше не может рассчитывать на поддержку некоторых литовских князей. В Московском летописном своде (равно как и в Симеоновской летописи) вслед за известием о нападении Василия I на литовские земли сообщается о выезде на московскую службу князя Александра Ивановича Гольшанского по прозвищу Нелюб¹²⁷. По выписке Н. М. Карамзина из

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 472. Этим сообщением в Тверской летописи оканчивается рассказ «Розмерье с Литвою», после которого идут отдельные летописные записи за 6914 г. Составитель Никоновской летописи, видимо, использовал тверской источник, при этом соединил окончание рассказа «Розмерье съ Литвою» со следующим за ним отдельным сообщением о солнечном затмении, произошедшем 16 июня 1406 г. Под этим годом он поместил сообщение: «избиша и изсекоша литва въ своей земле москвичь» и датировал его 16 июня (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 193).

¹²⁵ CEV. № 369. S. 150. Перевод уточнен С. В. Полеховым. Письмо датировано: «ат suntage noch Petri et Pauli» — «в воскресенье после [дня апостолов] Петра и Павла». Не имеет года. День памяти апостолов Петра и Павла — 29 июня. А. Прохаска в своем издании отнес письмо к 3 июля 1407 г. Однако не учел, что с июня 1407 г. князь Семен-Лугвень был в Великом Новгороде (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 30). Также им не были учтены сведения Тверской летописи о взятии Литвой Воротынска в 1406 г. Данное письмо Витовта следует датировать 4 июля 1406 г. О его датировке также см.: Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 61. Сноска 72.

¹²⁶ Путь войска от Воротынска до Мстиславля и потом путь гонца до Орши составил бы не менее двух недель, но гонец от Воротынска до Орши, вероятно, мог бы доскакать за неделю (с 27 июня по 4 июля).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234.

Троицкой летописи, это произошло «весной»128, то есть, видимо, в период с конца мая по 23 июня¹²⁹. Отец князя Александра Нелюба – князь Иван Ольгимонтович - долгие годы был верным соратником Витовта и приходился ему свояком по браку с дочерью великого князя Святослава Смоленского. Братья князя Александра не изменяли Витовту, да и владения Гольшанских находились в западной части Великого княжества Литовского¹³⁰. Однако сам князь Александр Нелюб явно оказался где-то между Витовтом и Василием I. Поэтому стоит заметить, что это семейство было связано и с Черниговщиной. Сестра князя Александра Нелюба княгиня Ульяна была замужем за князем Иваном Карачевским¹³¹. Как известно, заключение династических браков княжескими семьями из соседних регионов было распространено. Поэтому уместно задаться вопросом: не был ли князь Александр Нелюб наместником Витовта в одном из черниговских городов? Может быть, после смерти великого князя Романа Михайловича он наместничал в Брянске? Витовт вполне мог доверить сыну князя Ивана Ольгимонтовича такой ответственный пост132. Войско князя Александра Нелюба состояло из литовцев и поляков¹³³. В Москве он получил достойную компенсацию - город Переяславль, что характеризует его как довольно значимую фигуру. Вместе с тем не лишним будет заметить, что он был племянником князя Юрия Святославича.

Кроме того, от войны уклонился стародубский князь¹³⁴. 4 июля 1406 г. из Орши Витовт сообщал маршалу Немецкого ордена, что «герцог Александр Стародубский, божьей милостью, здоров»¹³⁵. Не ясно, с чем связан такой пассаж. Может быть, верховный маршал сам интересовался его здоровьем, поскольку знал его в числе лиц,

¹²⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 199. Стб. 74; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 461.

¹²⁹ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в древней Руси. С. 11.

Wolffj. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 95-96.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Kraków, 1869. T. 4. S. 202.

¹³² Князь Иван Ольгимонтович был соратником Витовта, а его дети занимали высокие посты. К началу 1420-х гг. князь Михаил Иванович был киевским наместником, а князь Семен Иванович был наместником Витовта в Великом Новгороде. Их сестра Ульяна по смерти первого мужа, в 1418 г., вышла замуж за Витовта (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 95–97).

¹³³ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231.

¹³⁵ CEV. № 369. S. 150.

заключавших с Немецким орденом мирный договор 1398 г.? Или накануне князь Александр болел, может быть, притворялся больным? Во всяком случае он, видимо, не желал идти войной против своего зятя князя Андрея Можайского, а вскоре и вовсе выяснилось, что он хотел изменить Витовту¹³⁷. С. М. Кучиньский вслед за рядом других исследователей с опорой на сведения М. Стрыйковского полагал, что именно князь Александр Стародубский в 1401–1406 гг. одновременно был и брянским наместником¹³⁸. Е. В. Русина справедливо указала, что опора на сочинение М. Стрыйковского сомнительна, поскольку в его Хронике много сведений, которые нельзя проверить по другим, более надежным источникам¹³⁹. Так или иначе, из всех князей, составлявших костяк воинских сил на востоке Великого княжества Литовского, у Витовта остался один только князь Семен-Лугвень.

Потери Витовта были очень существенными. С началом вооруженного конфликта от него отпала огромная территория. Теперь войска нужно было вести вовсе не на Москву, а на Стародуб и на Брянск. Более того, в Орше и в соседних областях у Витовта не имелось таких сил, которые позволили бы ему восстановить свою власть на Северщине и продолжить борьбу с Василием І. Литовскому господарю пришлось спешно выехать в литовские замки для срочной мобилизации собственно литовских войск. Еще в июне он также посылал в Немецкий орден и в Польшу с просьбой о помощи.

На сбор войск ушло довольно много времени. Согласно продолжению так называемой прусской хроники Иоганна фон Посильге (1405–1419 гг.)¹⁴⁰, лишь 25 июля 1406 г. (в день святого Якова) Витовт выступил в поход против «короля Москвы»¹⁴¹. По хронике Я. Длугоша, его войско состояло из поляков, литовцев и русских¹⁴². Немецкие источники тоже называют поляков, но еще и волохов (молдаван). Причем поляками командовал князь Свидригайло Ольгердович¹⁴³. Во Львове

¹³⁶ LECUB. Bd. 4. № 1479. S. 226.

¹³⁷ CEV. № 352. S. 136-137.

¹³⁸ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 176.

¹³⁹ Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 107.

¹⁴⁰ Данный источник опубликован под названием хроники Иоганна фон Посильге, но в настоящее время его авторство оспаривается. Далее он упоминается нами под названием «прусской хроники».

¹⁴¹ SRP. Bd. 3. S. 282-283.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Kraków. 1868. T. 3. S. 532.

¹⁴³ CEV. № 352. S. 136.

выплаты для «похода на Москву» осуществлялись еще 1 августа¹⁴⁴. Немцы столкнулись с существенными организационными проблемами. В частности, жмудь не хотела идти на войну, ссылаясь на то, что никогда не участвовала в таких далеких походах. Об этом жмудский фогт Михаэль Кюхмайстер фон Штернберг сообщал великому магистру Немецкого ордена еще 29 и 30 июня¹⁴⁵. В итоге комтур Рагнита Фридрих фон Цоллерн и жмудский фогт Михаэль Кюхмайстер отправились в поход только 7 августа — на 12 дней поэже Витовта¹⁴⁶. С ними также были герольды герцога Голландии и герцога Бургундии¹⁴⁷.

Известная дорога из Вильно на Северщину проходила через Минск – Могилев – Кричев и доходила до Стародуба¹⁴⁸. В результате

Pominki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. Lwów, 1896. T. 2. Księga przychodów i roschodów miasta 1404–1414. S. 24. № 105.

¹⁴⁵ CEV. Nº 343, 344. S. 129.

¹⁴⁶ Дата выступления немцев в поход рассчитана исходя из того, что, по словам комтура Рагнита, к 2 сентября они находились в пути 27 дней (CEV. № 347. S. 131). По сообщению Т. Нарбута, в записках Лидского прихода имелась запись о том, что 5 августа 1406 г. князь Юрий Святославич с бандой разбойников совершил безуспешное нападение на Лиду, где якобы содержалась в неволе его жена, а затем - на виленский францисканский монастырь Девы Марии. Вместе с тем историк сделал оговорку, что А. Грыбовский относит нападение на францисканский монастырь к 7 августа 1403 г. и в датировке имеется проблема (Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1839. T. 5. Dodatek 1. S. 2-3). A. Прохаска со ссылкой на Т. Нарбута писал, что данное нападение было совершено на Ошмяны (Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. S. 110). Сведения о нападении на Лиду или Ошмяны князя Юрия Святославича 5 августа 1406 г. представляются сомнительными. Во-первых, хотя удар и состоялся бы в отсутствие войск Витовта, которые к тому времени уже могли миновать Минск, но был бы нанесен накануне прохождения через эти места поляков и немцев, что было рискованно. Во-вторых, данные Т. Нарбута не согласуются с тем, что о местонахождении князя Юрия Святославича месяц спустя писал сам Витовт (см. далее).

В книге казначея Немецкого ордена содержатся записи о выплатах. В том числе: «двум герольдам: герцога Голландии и герцога Бургундии, когда они вместе с Витовтом прибыли из Русского похода (us der Russchen reise)»; «добровольцам, которые ездили в Русский поход»; «двум возничим, каждый с тремя лошадьми 15 недель пребывали в Русском походе»; «комтуру Рагнита, которого господин направил в Русский поход с фогтом Жемайтии»; «двум возничим с двумя каретами и шестью лошадьми и двумя слугами, которые 15 недель пребывали в Русском походе» (СЕV. S. 970; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. Königsberg i. Pr., 1896. S. 407, 409).

¹⁴⁸ Дорога от Минска через Могилев и Кричев до Стародуба реконструирована В. Н. Темушевым по источнику первой трети XVI в. (Кром М. М. Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 29; Памятники истории Восточной Европы. Источники

похода литовских войск князь Александр Стародубский был схвачен и заключен в тюрьму 149 . Из Стародуба дорога шла через Трубчевск на Брянск 150 . По всей видимости, до Брянска Витовт добрался к концу августа и ожидал там подкрепления.

Немцы и жмудь спустя 27 дней пути 2 сентября 1406 г. прибыли в Брянск¹⁵¹. З сентября в своем письме великий князь литовский благодарил верховного маршала Немецкого ордена за войска крестоносцев и жмуди, более тысячи человек, посланных ему на помощь¹⁵². В «Суммариуме Ягайла и Витовта» (немецкий источник, восходящий к сочинению 1412–1413 гг.) говорится о 14 сотнях всадников, прибывших к литовскому господарю из Немецкого ордена¹⁵³.

В благодарность за подаренного жеребца Витовт направил маршалу Немецкого ордена двух соколов. Через месяц тот получил письма от Фридриха фон Цолерна и Витовта, написанные в Брянске 2 и 3 сентября. 13 октября 1406 г. маршал писал великому магистру, что от великого князя литовского к нему приехали двое сокольничих, которые поведали о походе своего господина. По их словам, Витовт требовал от Василия I выдать ему князей Александра Нелюба и Юрия Смоленского. Сокольничие выражали надежду, что на этих условиях мир между Витовтом и «Москвитином» скоро наступит¹⁵⁴.

XV–XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. Москва-Варшава, 2002. № 18. С. 71).

¹⁴⁹ CEV. № 352. S. 136-137.

¹⁵⁰ Дорога из Стародуба через Трубчевск на Брянск известна по источникам конца XV – первой трети XVI вв. (СИРИО. Т. 41. С. 442; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 6. № 18. С. 71), но она действовала еще и в конце XIV в. (см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 138). Комтур Рагнита Фридрих фон Цолерн писал, что его дорога от Днепра (Типеррег) до Брянска составила 56 миль (около 420 км) (СЕV. № 347. S. 131). А. Прохаска ошибочно интерпретировал слово «Типеррег» как Таненберг и указал, что Брянск находится в 56 милях от Таненберга. Слова комтура Рагнита соответствуют описанной нами дороге Могилев (на Днепре) – Кричев – Стародуб – Трубчевск – Брянск.

¹⁵¹ СЕV. № 347. S. 131. Письмо датировано: «am dunnerstage noch Egidii» – «в четверг после [дня] Эгидия». Года нет. День Эдигия Исповедника – 1 сентября.

¹⁵² CEV. № 348. S. 132; SD. Т. 1. № 843. S. 352. Письмо датировано: «am freitag noch sint Egidii confessoris» – «в пятницу после [дня] Эгидия Исповедника». Год не указан.

¹⁵³ SRP. Bd. 5. Ś. 226; Ліцкевіч А. «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта» // Беларуская думка. Лістапад 2009. С. 101.

¹⁵⁴ CEV. № 352. S. 136–137; SD. Т. 1. № 850. S. 354. Письмо датировано: «an der mitwochen noch Dyonisii» – «в среду после [дня святого] Дионисия» (9 октября). Не имеет года. В известных публикациях датировано 13 октября 1406 г. (среда).

Князь Александр Нелюб действительно находился в Великом княжестве Московском. Что же касается князя Юрия Святославича, то, судя по Новгородской I летописи, он все еще пребывал в Великом Новгороде¹⁵⁵. Видимо, Витовт по-прежнему настаивал на том, что новгородцы подчиняются Василию I¹⁵⁶, поэтому требование о выдаче князя Юрия Святославича было адресовано именно московскому князю.

Сообщение сокольничих явно указывает на то, что задолго до встречи с войсками Василия I Витовт не желал вступать в сражение со своим зятем, а выдвигал перед ним конкретные политические требования. Следовательно, одной из основных целей похода Витовта было восстановление порядка в Стародубской и Брянской землях, тогда как об урегулировании порубежных конфликтов и о политических разногласиях с Москвой можно было бы договориться.

Не ранее 3 сентября войска Витовта выступили из Брянска. Они двигались по направлению Карачев – Звенигород – Мценск – Чернь, дошли до реки Плавы (в ее среднем или нижнем течении) и расположились на Пашковой гати, то есть перед переправой через реку¹⁵⁷. Московские войска выдвинулись из Москвы 7 сентября и переправились через Оку в районе Серпухова¹⁵⁸. Они шли на Плаву через верховья Упы, возможно, их путь пролегал через Тулу. На помощь к Василию I пришли полки великого князя Ивана Тверского и татары хана Шадибека. Согласно прусской хронике, войска Витовта «пребывали в земле московского короля 14 дней; и тот не решался напасть на них, хотя он созвал на помощь много татар и всех русских герцогов»¹⁵⁹. Московские войска затратили на свой путь от Москвы до Плавы 15 дней (с 7 до 22 сентября)¹⁶⁰. Приблизительно столько же или чуть больше времени было у войск Витовта на путь от Брянска до Плавы.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 399.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000, Стб. 471.

¹⁵⁷ По этой дороге Витовт совершал поездку еще и в 1427 г. (см.: Беспалов Р. А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула, 2013. С. 88-90; CEV. № 1329. S. 798-779).

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 475; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234.

¹⁵⁹ SRP. Bd. 3. S. 283. Здесь и далее переводы цитат из прусской хроники приведены с учетом уточнений В. Шульзингера, которого я благодарю за оказанную помощь.

¹⁶⁰ Дата 22 сентября рассчитана от 1 октября, когда было заключено перемирие, за вычетом 9 дней, которые стороны простояли на Плаве.

Заметим, что кратчайшее расстояние от Брянска до Плавы приблизительно равно кратчайшему расстоянию от Москвы до Плавы. Поэтому можно думать, что противоборствующие стороны остановились там, где встретились, разумеется, с учетом предварительной рекогносцировки местности¹⁶¹. Согласно Тверской летописи, простояв на Плаве 9 дней, стороны взяли перемирие с 1 октября «до Съшествиа Святаго Духа» (15 мая 1407 г.)¹⁶².

Спустя много десятилетий Я. Длугош писал, что после заключения перемирия Витовт раздал многим полякам в награду рыцарские гербы. Причем произошло это почему-то на реке Угре¹⁶³. Этот сюжет был использован В. Н. Темушевым в качестве аргумента для предположения, что на Плаву войска Витовта могли идти со стороны Угры¹⁶⁴. К сожалению, ученый не использовал документы Немецкого ордена, описывающие путь немецких войск и Витовта. Известия

Е. Л. Конявская полагает, что 7 сентября московские войска подошли к Плаве, а 16 сентября (через 9 дней) уже заключили перемирие с Литвой (Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. С. 89). Однако такая трактовка летописи приводит к хронологическому несоответствию. Во-первых, 3 сентября Витовт был еще в Брянске. До Плавы ему предстояло преодолеть не менее 230 км, что невозможно было бы сделать за 4 дня, поскольку расчетная скорость 57,5 км в день превышает возможности конного войска с обозом. До этого около 1000 км немецкие рыцари передвигались со средней скоростью 37 км в день. К тому же перед встречей с войсками противника значительное время должно отводиться на разведку. В это время основные войска находятся в ожидании, и средняя скорость их передвижения существенно падает. Во-вторых, сложно предположить, что стороны заключили перемирие 16 сентября с тем условием, что оно наступит только через две недели, начиная с 1 октября.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 474-475. В Погодинском списке Тверской летописи имеется еще одна запись о стоянии на Плаве. Она начинается словами «О Плаве повесть» и датой «В лето 6914. На страстной недели, въ пятокъ великій» (9 апреля 1406 г.). Далее следует краткое упоминание о перемирии на Пашковой гати (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 472). Е. Л. Конявская показала, что данная компиляция находится не на своем месте. В Забелинском списке Тверской летописи дата «на страстной неделе, въ пятокъ великий» относится к 6913 г. (17 апреля 1405 г.) и предваряет совсем другое событие, что согласуется с другими летописями (Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. С. 85).

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 532.

¹⁶⁴ Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 63–64.

Я. Длугоша следует поставить под сомнение. Во-первых, как уже было показано выше, Витовт шел на Плаву со стороны Брянска. Вовторых, в отличие от русских летописей и прусской хроники, рассказ Я. Длугоша очень несодержательный. Хронисту вообще были плохо известны детали похода на Плаву. В частности, он не упоминает об участии в нем немцев и жмуди. В-третьих, в 1406 г. поляки Свидригайла не могли принести в Польшу таких вестей, поскольку остались вместе с ним в Брянске. На Угру ходили другие польские отряды под командованием маршала Польского королевства Збигнева, однако это было в 1408 г. 165 Возможно, два схожих по своему содержанию похода Витовта против Василия I и привели к вероятной ошибке Я. Длугоша.

Согласно прусской хронике и книге выплат казначея Немецкого ордена, немецкие крестоносцы находились вдали от родины 15 недель 166 . По всей видимости, они вернулись из «русского похода» вместе с остальными войсками Витовта и прибыли домой около 19 ноября $1406 \, \mathrm{r.}^{167}$

Для Витовта восточная кампания в целом оказалась успешной. Еще в июне 1406 г. все нападения московских войск были отбиты, взят Козельск, нанесен урон порубежным московским местам, а также новосильским союзникам Василия I. В ходе второго похода в августе - сентябре удалось избавиться от северских изменников, а Брянск и Стародуб были переданы в наместничество князю Свидригайлу. Василию I же пришлось идти на уступки. В перемирную грамоту без ведома тверских князей и воевод было вписано имя великого князя Ивана Тверского. Во-первых, Василий I не оказал ему чести и вписал его после своей «братии», что было ниже достоинства тверского князя. Во-вторых, видимо, значительную роль сыграло то обстоятельство, что великий князь Иван был женат на сестре Витовта, умершей совсем недавно, в 1404 г. 168 В итоге великий князь тверской был записан «во вся страны» или «вь многыя земля». Должно быть, это означает, что Витовт добился его нейтралитета, за что позже тверичи попрекали московскую сторону: «Сами

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536-538.

¹⁶⁶ SRP. Bd. 3. S. 283; CEV. S. 970; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399– 1409. S. 409.

¹⁶⁷ Дата рассчитана исходя из того, что, по словам комтура Рагнита, к 2 сентября немцы находились в пути 27 дней (CEV. № 347. S. 131), следовательно, выступили в поход 7 августа (см. выше).

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 435; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 233.

не восхотесте, брате, помощи нашеа». По этой причине тверская сторона впредь отказалась помогать Москве¹⁶⁹.

Сторонам, видимо, удалось достичь компромисса по поводу князя Юрия Святославича. Несмотря на то, что в начале сентября Витовт надеялся на его выдачу, ранее он все же допускал, что Василий I сведет его с Великого Новгорода и будет держать в своей земле¹⁷⁰. 14 ноября 1406 г. (в Филиппово заговение) князь Юрий Святославич приехал к Василию I и получил от него Торжок¹⁷¹, который находился в совместном московско-новгородском управлении и который князь Юрий имел в кормлении, будучи еще в Великом Новгороде¹⁷². Так были учтены интересы брата Василия I – князя Юрия Дмитриевича, который был зятем князя Юрия Святославича.

Несмотря на успех Витовта на Плаве, опыт показал, что, оголяя свои тылы, литовский господарь давал волю псковичам. 30 июля, когда Витовт уже шесть дней находился в походе на Стародуб, псковские войска напали на Полоцк и три дня стояли под его стенами ¹⁷³. Может быть, в ответ на их действия в конце августа — начале сентября немцы напали на псковские волости и разоряли их две недели. Однако в октябре, когда еще значительные силы немцев были заняты в «русском походе», псковичи напали на ливонские города Новый городок и Кирпигу, где нанесли немцам существенное поражение¹⁷⁴.

Кроме непосредственных отношений Витовта с Василием I, стоит отметить, что значительную утрату они понесли со смертью митрополита Киприана, который ранее играл связующую роль между Москвой и Литвой. В конце августа он уже был болен, а 16 сентября 1406 г. скончался¹⁷⁵. С его смертью на пространстве митрополии Киевской и всея Руси был утрачен влиятельный дипломатический и миротворческий ресурс.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000, Стб. 476-477.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 471.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 198; ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 399.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 4. М., 1848. С. 144.

¹⁷³ В написании месяца в летописях имеется разночтение: «30 июня» или «30 июля», но указан день недели: «пяток». 30 июня 1406 г. приходилось на среду, а 30 июля того же года – на пятницу (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 29).

¹⁷⁴ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 29.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 234; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 194.

III. Окончание войны 1406-1407 гг. (кампания 1407 г.)

В 1407 г. обстановка в Верхнем Поочье оставалась напряженной. По всей видимости, продолжались порубежные стычки, что и привело к продолжению конфликта. По Тверской летописи, «пришедше Литва повоеваша землю Новосилскую и градъ Одоевь огнемъ попалиша» 176. В Московском летописном своде взятие Одоева датируется 20 мая 1407 г. 177 В. Н. Темушев заметил, что Одоев был сожжен спустя пять дней после истечения срока перемирия 178. Однако очевидно, что поход литовских войск на Одоев был спланирован заранее. Было затрачено время на передвижение по Новосильской земле и на штурм города. Поэтому нет оснований не доверять тверскому летописцу, который подчеркивал, что «в перемирие миру не сътворишася».

По сведениям тверского летописания, в том же 1407 г. московские места тоже подверглись нападению: литовцы «глубле въступиша воюючи въ земли Москве, и волости пріимаша, и села пограбиша, и полона много разведоша». Однако «москви(чи) же укрепльшеся помощію божією и шедше на нихъ, овехъ избиша, а иныхъ прогнаша, воеводу же ихъ Миромобочгу руками изнимаша»¹⁷⁹. 2 сентября 1407 г. великий магистр Немецкого ордена вспоминал о двух последних посланиях Витовта. В одном из них рассказывалось, «как недавно в Московии была захвачена одна крепость, и в ней было взято в плен 700 человек челяди»¹⁸⁰. С учетом пути от места боевых действий до Витовта, а затем до немецкого магистра следует полагать, что упомянутое событие произошло до начала августа 1407 г.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 477.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 236. В Тверской летописи имеется датировка этих событий: «лету же наставшу». Однако по Московскому летописному своду была весна, а не лето. Поэтому не исключено, что в Тверской летописи мы имеем дело с переделкой выражения «настоящу же лету» (в тот же год), возможно, имевшегося в протографе. В сложно-сочлененном рассказе Тверской летописи о событиях 1406—1408 гг. (Повести о Плаве) сложно понять, какой же год имеется в виду. Этот вопрос решается с опорой на Московский летописный свол конца XV в.

¹⁷⁸ Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 64.

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 477-478.

¹⁸⁰ В оригинале: «wie die euwern dem von Moscow ein hus angewunnen und doruffe VII^c gesinde gefangen haben». В комментарии А. Прохаски указано другое число: «...pojmawszy na nim 600 ludzi w newolę» (CEV. № 370. S. 151–152).

В июне — июле 1407 г. князя Семена-Лугвеня уже не было в Мстиславле. По всей видимости, в порубежных столкновениях с литовской стороны были задействованы смоленские войска, в частности, располагавшиеся в крепости Дмитровца, что в среднем течении Угры. В ответ 6 августа (на Спасов день)¹⁸¹ Василий I пошел «кь Смолиньску» и взял Дмитровец¹⁸². Затем московские полки направились к Вязьме, где встретились с войсками Витовта. Там стороны «постоавше мало, и взяша премирие». Согласно Тверской летописи — от августа, а по Московско-Академической летописи — от Рождества пресвятой Богородицы (8 сентября 1407 г.) до Петрова дня (29 июня 1408 г.)¹⁸³.

А. Л. Хорошкевич опубликовала обнаруженный ею договор, который был заключен между Витовтом и Василием I под Вязьмой 4 сентября. Год в рукописи не указан. Исследовательница предложила датировать его 1407 годом. Весьма существенным препятствием для этого как будто бы является расхождение летописной формулировки с текстом договора. В летописях речь идет о перемирии, а в грамоте – о мире. Василий I взял «любовь» со своим тестем и обещал: «А быти намъ (Василию I. – Р. Б.) заодинъ при его (Витовта. – Р. Б.) стороне и пособляти ми ему на всякого». Договор сохранился в очень поздней копии. В тексте имеется ряд утрат. Они, видимо, имелись и в ветхом от времени оригинале, которым пользовался переписчик.

¹⁸¹ Спасов день – здесь праздник Преображения Господня (Яблочный Спас) – 6 августа. В. Н. Темушев предполагал, что может иметься в виду Хлебный Спас, то есть праздник Перенесения нерукотворного образа Господня в Константинополь – 16 августа (Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 64). Однако на дорогу от Москвы до Дмитровца требовалось более двух недель (больше, чем на дорогу до Плавы). Предстояло взять Дмитровец, а потом к началу сентября дойти до Вязьмы. Это вполне достижимо, если московские войска вышли из Москвы 6 августа.

В Тверской летописи в описании данных событий содержится ошибка: «тогда же москвичи и дмитровцы взяша град литовскій» (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 478). В московском летописании речь идет о взятии москвичами города Дмитровца (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237). В более поздних литовских источниках город называется Дмитровом (СИРИО. Т. 35. С. 37, 118, 120 и др.). Вопрос о принадлежности Дмитровца к Смоленской земле решается формулировкой Московско-Академической летописи: московские войска пошли «къ Смолиньску» и взяли [смоленский город] Дмитровец (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 538) – по аналогии с тем, как в 1402 г. рязанские войска пошли «на Брянескъ» и были разбиты под [брянским городом] Любутском (ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 231).

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 478; ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 538.

Тем не менее хорошо видно, что по форме договор близок к литовско-тверскому договору 1427 г.¹⁸⁴, что выдает в нем черты архаичности¹⁸⁵. Мирный договор между тестем и зятем был заключен в 1393 г. (см. выше). Однако А. Л. Хорошкевич справедливо заметила, что в то время Витовт еще не носил титул «великого князя литовского и многих русских земель господаря» (курсив мой. – Р. Б.), который читается у него в договоре от 4 сентября. С 1393 г. до 1406 г. мир ни разу не нарушался, поэтому не было повода для заключения нового мирного договора. Для заключения же договора о мире в сентябре 1407 г. необходимо было устранить причину начала войны или твердо договориться об ее устранении. В этой связи примечательна судьба князя Юрия Святославича.

После переезда из Великого Новгорода в Торжок князь Юрий позарился на жену служившего ему князя Семена Вяземского. Она воспротивилась и ранила его ножом. От ярости князь Юрий убил князя Семена и его жену, после чего бежал в Орду «от своего несчастья и бесчестия». В летописях данное событие помещено под 6914 г. и случилось, видимо, со второй половины ноября 1406 г. до конца февраля 1407 г. 186 Под 6915 г. в Тверской летописи (мартовский стиль) говорится, что он умер «в земле Татарской» 187. Однако в других летописях сообщается, что он умер в Рязанской земле в монастыре некого игумена Петра 188. В Степенной книге добавлено, что это случилось в Венёве в монастыре чудотворца Николы 189. Особого внимания заслуживает сообщение о том, что князь Юрий несколько дней проболел и преставился 14 сентября (на Воздвижение честного креста) 1407 г. Его смертельная болезнь (может быть, от отравления?) последовала сразу же за переговорами Витовта и Василия I под Вязьмой.

¹⁸⁴ Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 40–47, 51–52.

¹⁸⁵ Д. И. Иванов предположил, что данный московско-литовский договор мог быть составлен и в первой половине 1420-х гг. Вместе с тем он указал на отличие в иерархических отношениях между Витовтом и Василием I по данному договору и по духовным грамотам Василия I, умершего в 1425 г. Также Д. И. Иванов не исключает справедливость датировки А. Л. Хорошкевич (Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // СР. М., 1999. Вып. 2. С. 106-107).

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 530; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 236.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 473.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 531; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 445; обзор летописных записей о смерти князя Юрия Святославича см.: Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. С. 86.

В целом театр военных действий в 1407 г. был гораздо уже, чем в предыдущий год. Сторонами конфликта задействовалось меньше сил и средств, хотя отдельные эпизоды войны были не менее ожесточенными. В 1407 и в начале 1408 гг. уже предпринимались попытки устранить причины начала войны. Новгородско-литовские отношения стали налаживаться. Видимо, еще весной 1407 г. новгородцы просили Витовта дать им князя Семена-Лугвеня. К 20 июня 1407 г. он получил в кормление ряд новгородских городов, которые имел ранее в 1389-1392 гг. и на которых в 1404-1406 гг. сидел князь Юрий Святославич (Ладогу, Орещек, Корелу и половину Копорья) 190. Мир новгородцев с Литвой и немцами не устраивал псковичей, которые при помощи брата Василия I князя Константина Дмитриевича весь 1407 г. и начало 1408 г. вели с немцами войну¹⁹¹. Согласно прусской хронике, в конце 1407 г. Витовт готовился к походу на Русь¹⁹². Так, в данном источнике под тем же годом называлась Псковская земля (Pleskow)¹⁹³. В начале 1408 г. у Витовта были московские послы и хлопотали о том, чтобы тот заключил мир со Псковом¹⁹⁴. Может быть, в результате именно этих переговоров в марте 1408 г. князь Константин отъехал из Пскова на новгородское наместничество¹⁹⁵. Как заметил А. Е. Пресняков, с этого времени Константин и Семен-Лугвень были в Великом Новгороде одновременно¹⁹⁶. В конце марта псковичи послали к Витовту своих послов, и тот хотел дать им своего наместника¹⁹⁷. Однако эта инициатива была осложнена войной Пскова с Немецким орденом, на стороне которого была Литва, поэтому мир между Литвой и Псковом был заключен только в 1409 г. 198 Дальнейшая судьба князя Александра Ивановича Нелюба, к сожалению, неизвестна, однако к лету 1408 г. его уже не было Переяславле, и затем город был передан другому владельцу¹⁹⁹. Таким образом,

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. З. М.; Л., 1950. С. 400; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 30; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 351; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 263–264.

¹⁹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 30-32.

¹⁹² SRP. Bd. 3. S. 288.

¹⁹³ SRP. Bd. 3. S. 286. Московия (Moskow) в данном источнике под 1406 и 1408 гг. не называлась Русью (SRP. Bd. 3. S. 282–283, 291).

¹⁹⁴ CEV. № 374. P. 154.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 400.

¹⁹⁶ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 345-346.

Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 116; CEV. № 377, 378. S. 156-158.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 239.

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca

имеется ряд признаков того, что после вяземской встречи Витовт и Василий I все же стремились к наступлению полноценного мира.

IV. Война 1408 г.

В историографии московско-литовские конфликты 1406—1407 и 1408 гг. обычно рассматриваются как единое целое. Безусловно, события 1408 г. напрямую вытекали из событий предыдущих лет и имели схожую с ними основу. Вместе с тем у нового обострения ситуации была совсем иная причина.

Катализатором войны 1406—1407 гг. был князь Юрий Святославич, уже давно стоявший на пути реформы Витовта по насаждению в Смоленске управляемой власти (института наместничества). У отдельно взятой северской кампании Витовта 1406 г. катализатором были литовские князья-изменники, сидевшие в черниговских землях и не желавшие воевать с Москвой. Их тоже предстояло заменить. Однако и после удаления князя Александра из Стародуба подальше от его московских родственников в черниговских землях все еще оставалось много местных князей, бояр, а также духовенства, которые издавна имели свои собственные отношения с соседями. Как ни старался Витовт перестроить местную власть на восточной окраине своего государства, при возникновении новой опасности в 1408 г. вновь оказалось, что здесь много тех, кто не воюет с Москвой.

Сложившимся положением дел воспользовался новый брянский и стародубский наместник Свидригайло. В предыдущие годы он не раз конфликтовал с Витовтом. В 1393 г. самовольно занял город своей покойной матери Витебск, но вынужден был сдаться войскам Витовта и потом содержался в неволе у Ягайла в Кракове. В 1397–1398 гг. тайно пытался добиться расположения великого магистра Немецкого ордена, просил у него помощи против Витовта, но получил отказ. Тогда Свидригайлу пришлось примириться с Витовтом. В 1399 г. он участвовал в походе против Тимур-Кутлуга, а по возвращении получил от Ягайла Западное Подолье. В 1402 г. во время размирья Литвы с Немецким орденом Свидригайло бежал к немцам и заключил с великим магистром мирный договор, на тот случай, если ему подчинится Великое княжество Литовское. Однако в 1403 г. Конрад фон Юнгинген возобновил мирные отношения с Витовтом и перестал поддержи-

czternastego wieku. S. 96.

вать Свидригайла. Тот снова вернулся в Польшу и даже сумел заслужить доверие Ягайла и Витовта. В 1404 г. участвовал в походе на Смоленск, а в 1406 г. вместе со своими польскими войсками участвовал в северской кампании и затем дошел до Плавы. В результате Витовт поручил ему наместничество в Брянске и Стародубе²⁰⁰.

Тем не менее Свидригайло по-прежнему тайно искал поддержку для борьбы с Витовтом. Он установил отношения с местными князьями и духовенством, а также с Москвой. Вероятно, особую надежду он возлагал на недавно возвратившегося из сибирского похода князя Едыгея и нового хана Пулада. В этой связи в 1408 г. Витовту вновь пришлось вступить в войну.

Польский хронист Я. Длугош, а за ним и его последователи, польские историки XVI в., полагали, что поход Витовта 1408 г. изначально был направлен против Москвы и лишь затем был прерван изменой Свидригайла²⁰¹. Вероятно, в конце своей жизни Я. Длугош находился под впечатлением от обострения московско-литовских отношений 1470-х гг., поэтому антагонизм между Польшей и Москвой он стремился увидеть и в событиях прошлого. Однако зародившийся под его пером и укоренившийся в дальнейшем стереотип следует пересмотреть. В целом повествование Я. Длугоша схоже со сценарием рассказа из продолжения прусской хроники Иоганна фон Посильге, но существенно дополнено польскими источниками и собственными оценками хрониста. Рассказ прусской хроники действительно начинается сообщением: «Этим летом литовский князь Витовт отправился на короля Москвы с множеством людей, а с ним конница из Пруссии и из Польши». Однако за этой преамбулой следует новый вступительный оборот: «И случилось так», и лишь затем раскрывается суть произошедшего.

По словам прусского хрониста, «князь Свидригайло имел небольшую землю и замки на границе со страной короля Москвы. Князь Витовт стал опасаться, что Свидригайло переметнется от него к королю Москвы, послал за Свидригайлом и хотел заковать его в

Полехов С. В. «Русины опять провозгласили его своим господином». Князь Свидригайло – оппозиционер номер один в Великом княжестве Литовском // Родина. 2011. № 10. С. 82–83; Stadnicki K. Bracia Władisława-Jagełły Olgierdowicza, króla polski, wielkiego xięcia Litwy. Lwów, 1867. S. 306–316.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536-537; Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 1. S. 507; Dzieje korony Polskéj i wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego. Wilno, 1847. T. 1. S. 173-176; Kronika polska Marcina Kromera biskupa warmińskiego ksiąg XXX. Sanok, 1857. S. 766-767.

оковы. Тогда Свидригайло ответил, что если он не доверяет ему, то пусть отдает замки и землю кому захочет и сам остается с ним. В ответ на эти слова Витовт послал к нему нескольких своих бояр, чтобы они забрали замки и земли. Когда они приехали к нему домой, он уже был предупрежден, и их самих заковал в оковы, и сжег замки, и отвел захваченных им [бояр] в Москву к королю»²⁰². То есть, согласно прусской хронике, первопричиной этого похода Витовта был вовсе не Василий I, а Свидригайло.

Русские летописи согласны с прусской хроникой в том, что вместе с литовским господарем в поход отправились литва, поляки и немцы, но добавляют к ним еще и жмудь²⁰³. По сведениям Я. Длугоша, польский король Ягайло послал Витовту в подкрепление «пять хоругвей, содержащих в себе по тысяче копейшиков, рыцарей польских, испытанных в бою. Воеводой же над ними поставил Збигнева из Брезя, маршала королевства Польского. Много панов и шляхты польской пошли на ту войну по собственному желанию; многие послали свои вооруженные дружины. Прибыл от магистра прусского Ульриха фон Юнгингена крестоносец Маркварт (комтур Бранденбурга. - Р. Б.) с одной хоругвью в помощь»²⁰⁴. Согласно книге выплат казначея Немецкого ордена, в очередном «русском походе» также участвовали: жмудский фогт Михаэль Кюхмайстер и комтур Балги Иоганн фон Зайн. В «Суммариуме Ягайла и Витовта» названы Маркварт и жмудский фогт. Всего говорится о 18 сотнях всадников, прибывших на помощь к Витовту из Немецкого ордена²⁰⁵. Выплата жмудскому фогту накануне похода датирована 21 июня (в четверг перед днем Иоанна Крестителя) 206. Выплаты для войска польского маршала были произведены 23 июня (в субботу перед днем Иоанна Крестителя)²⁰⁷. По Я. Длугошу, из Вильно войска Витовта выш-

²⁰² SRP. Bd. 3. S. 291.

²⁰³ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 238; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 482.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536.

²⁰⁵ SRP. Bd. 5. S. 226; Ліцкевіч А. «Сумарыум Ягайлы і Вітаўта». С. 101.

²⁰⁶ CEV. S. 972; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399-1409. S. 488.

Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 4. Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400 / Wyd. F. Piekosiński i J. Szujski. Kraków, 1878. S. 280; Pominki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T. 2. S. 72. № 207. Расходы польского короля, связанные с походом на Москву, были предприняты еще и 22 сентября, однако в это время польские войска уже возвращались с Угры (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 4. Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400. S. 281).

ли в поход 25 июня (на следующий день после дня святого Иоанна Крестителя) 208 .

Ситуация оказалась схожей с той, что сложилась перед северской кампанией 1406 г. От Витовта снова отпали феодалы черниговских земель, которые склонились на сторону Москвы. У литовского господаря вновь было недостаточно собственных сил, чтобы вести войну, поэтому он привлек поляков, немцев и жмудь. Для июньской кампании 1406 г. и для кампании 1407 г. таких сил не требовалось. В свою очередь, Василий I снова привлек на свою сторону татар. Впрочем, и сам Свидригайло настолько тесно оказался связанным с новым ханом Пуладом, что несколько позже в Орде вынашивались планы выдать за Свидригайла ханскую дочь²⁰⁹.

Польский историк и поэт М. Стрыйковский поместил в своей хронике стихи исторического содержания, в которых утверждал, что Витовт наступал от Смоленска²¹⁰. Однако более ранние сведения Я. Длугоша в совокупности с другими источниками все же склоняют к мысли о том, что войска Витовта, как и в 1406 г., шли через Стародуб и Брянск.

25 июля 1408 г. комтур Бранденбурга Маркварт фон Зальцбах из некого места «Meynisken» доносил верховному маршалу Ордена, что слухи об отъезде Свидригайла из Литвы подтвердились и он забрал с собой множество людей²¹¹. Согласно выпискам Н. М. Карамзина из Троицкой летописи, Свидригайло выехал из Брянска 8 июля, а 26 июля уже прибыл в Москву²¹². По Я. Длугошу, он «бежал к князю Василию Московскому с войском благосклонных к себе поляков, литовцев и русских»²¹³. Согласно русским летописям, с ним были

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536.

²⁰⁹ Дополнения к актам историческим, относящиеся к истории России. № 112. С. 293. Письмо датировано «четвергом перед Троицей». С. В. Полехов относит его к 23 мая 1409 г. (см.: Полехов С. В. «Русины опять провозгласили его своим господином». С. 83–84. Сноска 12).

²¹⁰ Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Т. 2. S. 124; Это свидетельство М. Стрыйковского было использовано В. Н. Темушевым (*Темушев В. Н.* Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 66).

²¹¹ CEV. № 380. S. 159; SD. Т. 1. № 876. S. 359. Письмо имеет полную датировку: «Gegebin czu Meynisken am tage sente Jacob des heiligen apostels XIIII^C VIII°» – «В день святого Иакова святого апостола 1408».

²¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прим. 200. Стб. 74; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 467.

²¹³ Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536-537.

«владыка дебряньскы Исакыи, да с ним же князь Патрекеи Звенигородскы, и князь Александръ Звенигородскы ис Путимля князь Феодор Александрович, князь Семенъ Перемышльскы, князь Михаило Хотетовъскы, князь Урустаи Меньскыи, и бояря черниговъскые и дебряньскые и любутьскые, и рославъскые»²¹⁴. Впрочем, исходя из дальнейшего развития событий, можно думать, что в Москву бежали не все сразу, кто-то озаботился обороной, в частности, на переправах через реки.

Анализом состава князей-перебежчиков занимался целый ряд исследователей²¹⁵. Однако многие работы выполнялись еще до ло-кализации верхнеокского города Звенигорода — вотчины карачево-звенигородских князей²¹⁶. Владения двух звенигородских, хоте-

ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237. В первой трети XVI в. монах Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисий (в миру князь Данило Звенигородский) считал указанных князей своими предками. Вероятно, он заимствовал этот текст из Симеоновской летописи, хранившейся в монастыре (см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980. С. 25-29). Однако в его рукописи летописный текст был изменен: «князь Патрекей Карачевской и Хотимской, да брат его князь Олександр Корачевской и Звенигородцской и путимской воевода, да сын его князь Федор Олександрович Катлечеин, да князь Семен Перемышской, за князь Уруста Менский, да пан литовский Нарбут, да Михайло Ховьский...» Еще М. Е. Бычкова заметила, что к летописному тексту добавлен литовский пан Нарбут, поновлен состав бояр, изменена титулатура князей – родственников Дионисия. Исключено имя брянского владыки Исакия, действия которого способствовали церковному расколу 1415-1420 гг. и осуждались в Московской Руси. Видимо, в глазах Дионисия он сделался неудобным попутчиком. К поновленному таким образом тексту был добавлен рассказ о торжественной встрече подъехавших к Москве. Среди встречавших в великокняжеской делегации названы бояре Федор Свибло и Иван Родионович Квашня. Однако первый на рубеже XIV-XV вв. попал в опалу и, видимо, не мог находиться рядом с великим князем в 1408 г., а второй умер еще в 1390 г. (Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 41-42, 74). Заботясь о собственном престиже, Дионисий не только заимствовал сведения из летописей, но и редактировал их, не сверяясь с хронологией и историческими фактами. Во всяком случае, его сведения по отношению к летописным являются вторичными.

Puzyna J. Potomstwo Narymunta Giedyminowicza // Miesięcznik Heraldyczny. R. 11. 1931. № 5. S. 109; Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie. S. 178–180, 220–223; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 39–42; Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 100–106.

²¹⁶ К концу XVI в. от города осталось только Звенигородское городище на реке Неполоди (левый приток Оки). На нем была Никольская церковь и погост (Зайцев А. К. Черниговское княжество X-XIII вв.: избранные

товского и перемышльского князей находились к востоку и к северу от Брянска. Вотчиной князя Урустая Меньского могло быть место «Меуnisken», в котором крестоносцы пребывали 25 июля. По мнению Е. В. Русиной, имеется в виду путивльская Мленская волость²¹⁷. Впрочем, может быть, «Меуnisken» следует искать на дороге Стародуб – Трубчевск – Брянск или на небольшом удалении от нее. По летописям, в которых отсутствовала пунктуация, не ясно, кто прибыл в Москву «ис Путимля» – князь Александр Звенигородский, который, по мнению Дионисия Звенигородского был путивльским воеводой, или некий князь Феодор Александрович. Титул последнего в летописях не раскрыт. Дионисий считал его сыном князя Александра Звенигородского, плененного Витовтом в 1406 г.²¹⁹ Кроме того, выделим в этом списке рославльских бояр, происходивших из удела покойного князя Юрия Святославича.

Размеры московских пожалований, переданных Василием I прибывшим феодалам, были весьма значительными: Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржева и половина Коломны²²⁰. Это говорит о том, что и количество войск этих феодалов было внушительным, особенно по сравнению с количеством войск князя Александра Нелюба, получившего в 1406 г. один лишь Переяславль.

Нет ясности, почему два года назад местные князья и бояре столь массово не направились в Москву. Может быть, князь Александр Стародубский и не вынашивал планов схожего по глубине и масштабам

труды. М., 2009. С. 169; Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 889). Проезд через засечную черту под Болховом назывался «Звенигородскими воротами» (Соловьев Н. А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2. Росписи полоняничных денег 1675–1682 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1896. Кн. 3. І. Материалы исторические. С. 64. Сноска 248а). От Болхова к югу мимо Звенигородского городища, через Орел на Кромы проходил путь, который назывался «Звенигородской дорогой» (Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. С. 11, 27).

Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. № 2. С. 14-18.

²¹⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74.

²¹⁹ Имя князя Федора Александровича Стародубского читается во Введенском Печерском синодике (Поменник Введенської церкви. С. 18–19).

²²⁰ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237.

мятежа? Планы же Свидригайла были гораздо более амбициозными и авантюрными. Немаловажным мотивом для отъезда к Москве примкнувших к нему местных феодалов мог быть их печальный опыт 1406 г., когда им довелось испытать на себе нашествие войск Витовта и крестоносцев.

Согласно прусской хронике, Свидригайло сжег свои замки 221. Позже Я. Длугош добавил, что это были Стародуб и Брянск. Впрочем, исходя из развития дальнейших событий, сведения о сожжении Брянска можно поставить под сомнение. По Я. Длугошу, сторонники Свидригайла «и из засад днем и ночью нападали на обозы Александра Витовта, терзая его разными бедами на пользу Москвитина. Когда же войско Александра хотело переправиться за реку Оку, текущую через самый центр Московской земли, воспрепятствовали ему в таковой переправе»222. Не ясно, в каком месте Оки местные воеводы заняли оборону. Если от Брянска Витовт шел по той же дороге, что и в 1406 г., то речь должна идти о переправе недалеко от Звенигорода. Дальнейшее наступление Витовта могло развиваться по Звенигородской дороге на север через владения огдыревских князей (в Понугорье) и затем на Белёв - Перемышль - Воротынск, с выходом на устье Угры. Либо оно должно было развернуться от Звенигорода на Брянск, а оттуда идти на Брынь - Серенск - Воротынск, что менее вероятно²²³. Во всяком случае, на Угре Витовт оказался вынужденно. Это был единственный путь, который ему предоставили местные феодалы.

По рассказу Я. Длугоша, Витовт «вторгся в землю Московскую, и начал ее огнем и мечом опустошать»²²⁴. Выражение «опустошать огнем и мечом» в сочинении польского хрониста является распространенным литературным штампом. Только в 10-й книге (1370–1410 гг.) оно употребляется девять раз, не считая других похожих оборотов речи²²⁵. После Звенигорода опустошать Витовт мог только полосу земель по левобережью Оки, где располагались лишь небольшие владения некоторых князей, находившихся на московской службе (огдыревских, белёвского). Но это была не собственно Московская земля.

²²¹ SRP. Bd. 3. S. 291.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 537.

²²³ Эта дорога известна по источнику конца XV в. (СИРИО. Т. 41. С. 442).

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 536.

²²⁵ Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 321, 331, 333, 335, 343, 349, 357, 476-477, 536.

Также под его удар попадали владения князей, переметнувшихся на сторону Москвы (звенигородских, хотетовского, перемышльского). На этом отрезке пути Воротынск был разорен еще в 1407 г., а другие места могли быть обескровлены самими отступавшими князьямиперебежчиками.

Путь войск Витовта от Вильно до встречи с московскими войсками на Угре занял почти десять недель (с 25 июня до 1 сентября). Это на две недели больше, чем в 1406 г. понадобилось на такой же по протяженности путь до Плавы. Путь поляков на обратную дорогу от Угры до Польши занял чуть более восьми недель (с 14 сентября до 11 ноября)²²⁶. Следовательно, наступление Витовта на лишние две недели увязло в черниговских землях.

Василий I звал на помощь великого князя Ивана Тверского, однако тот в помощи отказал²²⁷. Татары запаздывали, и московскому князю пришлось справляться своими силами и полагаться на помощь бежавших к нему черниговских князей и бояр.

1 сентября 1408 г. войска Витовта и Василия I встретились на Угре. Согласно русским летописям, не доводя дело до сражения, 14 сентября стороны взяли «мир по давному»²²⁸. По словам прусской хроники, «стояли два войска друг против друга на одной реке, и не могли сойтись. Затем между ними был заключен мир, так что они разъехались друг от друга»²²⁹.

Мир между Витовтом и Василием I оказался прочным и больше ни разу не нарушался. Должно быть, политические цели литовского господаря, о которых мы еще скажем далее, в значительной степени были достигнуты. В военном же отношении этот поход был самым сложным и, можно сказать, оказался на грани катастрофы. После заключения мирного договора Витовт оставил польское войско и поспешил домой. На обратном пути оно испытало большие бедствия. По всей видимости, рыцари возвращались той же дорогой, которой шли на Угру. На пути попадалось не так много населенных пунктов, которые к тому же уже были разорены неприятелем (Свидригайлом и его сторонниками), а также самими рыцарями на

²²⁶ Поляки вернулись домой в день святого Мартина (11 ноября) (Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Т. 3. S. 537). Выплаты немецким крестоносцам производились в понедельник после дня апостола Андрея (3 декабря) (CEV. S. 972–973; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399 – 1409. S. 488–489).

²²⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 474-477.

²²⁸ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237-238.

²²⁹ SRP. Bd. 3. S. 291.

пути к Угре. Запасы продовольствия иссякли, и в войсках начался свирепый голод. Дороги размыло затяжным дождем. От голода и тяжелой дороги люди и лошади стали падать замертво. Кроме того, на поляков, литовцев и крестоносцев напали татары, которых позвал на помощь Василий I²³⁰. Рыцарям еле удалось от них отбиться. По словам Я. Длугоша, в этом походе поляки потеряли оружие, коней и большие дружины. По возвращении домой они потребовали от Ягайла дополнительной компенсации своих потерь²³¹. Что же касается напавших на них татар, то их нельзя отнести к безусловным союзникам Василия I и населения Северщины. Нападением на польские войска они не ограничились. Согласно тверской летописи, «татарове взяща Брянескъ, иже которые помагалы князю великому (Василию І. – P. E.), видя площество рускыхъ князеи»²³². К тому времени Брянск уже и так пострадал от Свидригайла и от голодного рыцарства. Местные феодалы находились на чужбине, поэтому Брянск оказался беззащитным. В результате этих событий многие черниговские земли были разорены. Так закончилось литовско-московское противостояние 1408 г.

V. Итоги мира на Угре

Литовско-московский договор о мире 1408 г. до наших дней не дошел, однако некоторые его положения косвенно отразились в сохранившихся источниках. Не исключено, что он не только был двусторонним, но и оговаривал отношения Москвы и Литвы к их союзникам (третьим сторонам), как это позже было сделано и в договоре 1449 г. На эту мысль наводят слова Витовта, обращенные к новгородцам через два года: «Съ Угры и со всими нашими граничникы мирны есме» 233. Под «граничниками», вероятно, Витовт имел в виду те земли, которые граничили с Великим княжеством Литовским и прямо или косвенно принимали участие в конфликтах 1406–1408 гг. на стороне Москвы. В том числе Псков, Великий Новгород, Тверь, а также некоторые области Верхнего Поочья. Возможно, по договору 1408 г. Литве следовало заключить с ними мир.

Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 537; SRP. Bd. 3. S. 291.

²³¹ Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3. S. 537-538.

²³² ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 474.

²³³ ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 403.

В историографии оценки итогов литовско-московского конфликта 1406—1408 гг. сильно разнятся²³⁴. Особенно заметны расхождения по поводу территориальных приобретений сторон в Верхнем Поочье. Так, по мнению Н. М. Карамзина, после взятия Литвой Одоева в 1407 г. тот «возвратился к России уже при великом князе Иоанне Васильевиче»²³⁵. М. К. Любавский считал, что поскольку Верхнеокский край был ареной борьбы между Витовтом и Василием І, то он был и ее объектом. По его мнению, в результате этого противостояния Литвой были заняты Карачев, Мценск, Мезецк, Мосальск, Перемышль, Белёв²³⁶. Другие же исследователи полагали, что к территориальным изменениям война 1406—1408 гг. не привела. В частности, С. М. Кучиньский аргументировал это тем, что, согласно летописям, на Угре Витовт и Василий І «взяша миръ межи себе по давному»²³⁷. К той же точке зрения склоняется А. В. Шеков²³⁸.

Дошедшие до наших дней источники в общих чертах позволяют реконструировать литовско-московскую границу по состоянию на 1408 г. Одна из статей договора 1449 г. прямо отсылает нас к временам Витовта: «А суд о земли и о воде о Смоленъскои и о всихъ обидных делехъ о Смоленскихъ от того времени, как <...> великии княз(ь) Витовтъ кн(я)зя Глеба на Смоленъску посадил»²³⁹. Поскольку московско-смоленская граница, по всей видимости, не претерпевала изменений с 1393 г. по 1449 г., то можно думать, что в таком виде она была зафиксирована и в договоре 1408 г., став границей между Москвой и Литвой.

Имеется еще один источник, рассказывающий о границе в это время. Согласно хронике Быховца (памятник начала XVI в.), Витовт и Василий I «meży soboiu mir wczynili y hranicu zemlam swoim po Uhru reku położyli»²⁴⁰. Однако эти сведения недостоверны.

²³⁴ Cm.: *Pletnia R.* Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408. S. 29–32.

²³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Прил. 199. Стб. 74.

²³⁶ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 49, 53–55; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 63.

²³⁷ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 222–223; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 238.

²³⁸ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI вв. С. 135-137.

²³⁹ ДДГ. № 53. С. 161.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 149-150.

Граница с формулировкой «по Угру» впервые возникла лишь в 1492 г. Она образовалась путем захвата московской стороной ряда волостей в Нижнем Поугорье (Опакова, Залидова и Бышковичей), располагавшихся по обе стороны Угры, и их раздела по реке между московскими слугами. По московско-литовскому договору 1494 г. южная часть этих волостей «по Угру» была возвращена Литве. После нового захвата Москвой литовской части этих волостей в 1500 г. Угра в своем нижнем течении вновь стала внутренней границей между административно-территориальными единицами Московского государства. Но еще в начале XVI в. возвращение к границе «по Угру» было актуальным для литовской стороны, что и отразилось в Хронике Быховца²⁴¹. Как заметил В. Н. Темушев, в начале XV в. некая граница по реке Угре могла проходить разве что на небольшом участке в устье реки ²⁴².

В первой четверти XV в. Опаков, Залидов и Бышковичи принадлежали родственнику мосальских князей – князю Андрею Михайловичу, который по бабушке являлся правнуком Ольгерда и к 1420-м гг. оставался в союзе с Литвой ²⁴³.

В то же время к югу от Угры сохранялись и московские владения. По докончанию с князем Владимиром Серпуховским 1402—1404 гг. Василий I должен был отстаивать перед Витовтом свои права на Козельск ²⁴⁴. Точнее, права князя Ивана Владимировича. В конце XV в. сохранялись московско-литовские грамоты, по которым Козельск с козельскими местами принадлежал Москве ²⁴⁵. Все они были составлены до 1448 г. Вероятно, именно в 1408 г. на Угре вопрос о Козельске решился в пользу Василия I. В 1409—1410 гг. было составлено завещание князя Владимира Серпуховского. По нему город оставался у его сына князя Ивана Владимировича, признававшего в Козельске владение великого князя московского ²⁴⁶.

²⁴¹ Беспалов Р. А. К вопросу о границе «ро Uhru» в XV веке // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2012. С. 81–86.

²⁴² Темушев В. Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 96–97.

²⁴³ Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 208.

²⁴⁴ ДДГ. № 16. С. 44.

²⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 51.

²⁴⁶ ДДГ. № 17. С. 47. О датировке грамоты см.: *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 226–232.

Видимо, из грамоты 1402—1404 гг. в завещание князя Владимира Серпуховского перешла статья о компенсации на случай отпадения Козельска от Москвы. Теперь в качестве такой компенсации полагался «Любутескъ с волостми» ²⁴⁷. Права великого князя московского на Любутск не ясны. Прусская хроника упоминает «небольшую землю и замки на границе со страной короля Москвы», которые накануне конфликта 1408 г. находились под властью брянского наместника Свидригайла ²⁴⁸. Возможно, имеется в виду брянский анклав Любутск, поскольку сама брянская округа не граничила с Московской землей. Во всяком случае, установление в Любутске московской власти стало возможным после перехода Свидригайла и любутских бояр на сторону Василия І. Вероятно, такое положение Любутска было возможно только до тех пор, пока любутские бояре находились на московской службе, а потому перспективы его отпадения от Москвы тоже не исключались.

Непосредственно к козельской территории примыкал Серенск, который со времен Ольгерда находился в совместном московско-литовском управлении. Такое положение дел было зафиксировано и в договоре 1449 г. ²⁴⁹ Поэтому можно думать, что оно имело силу и по договору 1408 г.

Война нанесла ощутимый урон Новосильско-Одоевскому княжеству — в 1406 и 1407 гг. были разорены города Воротынск и Одоев. Тем не менее после заключения московско-литовского мира на Угре целостность княжества не была нарушена. Вопреки мнению Н. М. Карамзина, в первой четверти XV в. все князья

²⁴⁷ В. А. Кучкин полагает, что Любутск мог быть предложен в качестве компенсации князю Владимиру еще в грамоте 1402-1404 гг. Он заметил, что в ее подлиннике имеется утрата 18 мм текста: «Рожалов[о]....... да Боже|нку», и предположил, что здесь утрачено слово «Любутескъ», но в написании «Любуцк», иначе бы оно не поместилось в лакуне (Кучкин В. А. Об одной лакуне во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 87-95). В данной гипотезе слишком много допущений. Во-первых, в духовной грамоте князя Владимира Серпуховского Любутск указан «с волостьми» (ему принадлежала внушительная округа), но выражение «Любутескъ с волостми» не помещается в указанную В. А. Кучкиным лакуну; во-вторых, помещение Любутска в грамоте между двумя угличскими волостями ничем не оправдано; в-третьих, в случае перехода Любутска к Москве еще до 1402-1404 гг. любутским боярам не нужно было бы отъезжать к Москве в 1408 г.

²⁴⁸ SRP. Bd. 3. S. 291.

²⁴⁹ ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120.

новосильского дома, в том числе и белёвские, оставались в союзе с Москвой 250 .

По мнению М. К. Любавского, именно в результате войны 1406-1408 гг. на литовской службе оказались князья тарусского дома Андрей и Дмитрий Всеволодичи, которые получили от Витовта Мезецк ²⁵¹. Однако никаких конкретных аргументов в пользу такой датировки ученый не привел. Последние исследования показывают, что вотчина этих князей, город Гдырев (Огдырев) и волость Устье, находилась в бассейне реки Нугри (левый приток Оки)²⁵². 1 июля 1493 г. на переговорах с литовскими послами московские бояре передали речи Ивана III: «Мезоцкие князи изъ старины наши слуги, одны съ торусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ (во множественном числе. - Р. Б.) предковъ нашихъ (великих московских и великих литовских князей. - Р. Б.) писаны»253. В этих словах видится указание на эпоху Витовта и Василия I. Таруса перешла под верховную власть Василия I в 1392 г.²⁵⁴ Следовательно, князья Андрей и Дмитрий Всеволодичи (а может быть, и их отец) могли быть упомянуты в качестве московских слуг после этого времени, а именно – в московско-литовских договорах 1393 и 1408 гг. К 1424 г. они уже находились на литовской службе²⁵⁵.

Авантюра Свидригайла носила хотя и масштабный, но кратковременный характер. Василий I принял было его на службу, но при этом не стал ему помощником в борьбе в Витовтом. К концу этого года князь Едыгей совершил опустошительный набег на Великое княжество Московское, нанеся ему немалый вред²⁵⁶. При этом Свидригайло склонился на сторону татар и участвовал в разграблении Серпухова. Видимо, вместе с Едыгеем он бежал в Орду, а летом

Еще и в 1424 г. князь Юрий Романович Одоевский находился в союзе с Москвой (Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года. С. 205–210).

²⁵¹ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 54-55.

²⁵² Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, (в печати).

²⁵³ СИРИО. Т. 35. С. 106.

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 219; Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. С. 117, 122–123.

²⁵⁵ Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года. С. 206–209.

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 181–185; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 482–484; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 238–239.

1409 г. вернулся ко двору Витовта²⁵⁷. Однако там его не только не ценили, но и презирали²⁵⁸. В октябре 1409 г. он получил от великого магистра Немецкого ордена Ульриха фон Юнгингена верительные грамоты и обещание помощи в борьбе против Витовта. Но к концу ноября попал в тюремное заточение, в котором провел восемь с половиной лет²⁵⁹.

Власть Витовта на Северщине окрепла. Стародуб отошел к его родному брату князю Сигизмунду. Возможно, ему же подчинился и Брянск²⁶⁰. Можно думать, что некоторые феодалы, бежавшие со Свидригайлом в Москву, последовали примеру брянского владыки Исакия и вернулись домой²⁶¹, другие же остались на службе Москве. Так, хотетовские князья были вотчинниками Хотетова еще и в конце XV в.²⁶² Возможно, и любутские бояре тоже вернулись на литовскую службу. Во всяком случае, в двух последних духовных грамотах Василия I Любутск не указан. Князь Александр Звенигородский поминается в известных помянниках черниговских князей²⁶³. Поэтому можно думать, что он не терял связь с Черниговщиной. С другой стороны, один из его потомков, князь Иван Звенигородский, к 1451 г. был воеводой Василия II и коломенским наместником²⁶⁴.

В русских летописях сообщается, что Свидригайло и его ляхи (поляки) с татарами Едыгея не сражались, а «еще нашихъ же людии грабяче и губяче», но лишь под 6918 (1409/10) г. говорится о бегстве Свидригайла из Великого княжества Московского в Литву (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 181-185; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 482-484). Согласно же сведениям эпистолярного наследия Немецкого ордена, к маю – середине июня 1409 г. Свидригайло находился в Орде и именно оттуда прибыл к Витовту (Дополнения к актам историческим, относящиеся к истории России. № 112. С. 293; СЕV. № 411. S. 184; № 414. S. 187; Полехов С. В. «Русины опять провозгласили его своим господином». С. 83).

²⁵⁸ SD. T. 1. № 903. S. 365; CEV. № 428. S. 202.

²⁵⁹ CEV. № 430, 431, 434. S. 202–204. О бегстве Свидригайла из тюремного заточения см.: ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 244; CEV. № 766, 767, 768. S. 404–407.

²⁶⁰ Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 112–113.

Исакий был брянским владыкой еще и в 1414—1415 гг., когда склонился на сторону племянника Киприана — Григория Цамблака — и сделался активным участником отделения Литовской митрополии от митрополии Киевской и всея Руси (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 223—225; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 242).

²⁶² LM. Kn. 4. № 52. Р. 105; СИРИО. Т. 35. С. 297, 299-300.

³⁰тов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику. С. 28; Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Киево-Печерської Лаври. С. 19.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 154.

Как показал А. Б. Мазуров, некоторые коломенские наместники XIV – середины XV в. назначались из числа местных землевладельцев²⁶⁵. Поэтому не исключено, что звенигородские князья служили в Коломне именно с 1408 г. Неизвестно, что стало с князем Семеном Перемышльским. Его измельчавшие потомки, видимо, осели на московской службе²⁶⁶. К середине XV в. Перемышль принадлежал Литве²⁶⁷.

Во всяком случае, в 1406–1408 гг. верховья Оки не были основным объектом и причиной конфликта между Витовтом и Василием I, как это представлялось М. К. Любавскому и некоторым другим исследователям. Использование этого региона (наряду с Вязьмой и Можайском) в качестве арены боевых действий объясняется тем, что именно здесь главным образом соприкасались и даже местами пересекались сферы политического влияния Литвы и Москвы.

Как было показано выше, причиной конфликта не могла стать какая-либо старая закоренелая вражда между Витовтом и Василием І. Напротив, войне предшествовали более 14 лет дружественных отношений между тестем и зятем. Также на тот момент не было закоренелой вражды к Москве у немцев и поляков, ходивших с Витовтом на Плаву, а потом на Угру. Некоторые поляки и вовсе переходили на сторону Москвы вместе с князем Александром Гольшанским, а затем вместе со Свидригайлом. Возникновению предпосылок к началу войны в значительной степени способствовал политический путь Витовта, с его стремлением окончательно упразднить великое смоленское княжение. Для этого он вел многолетнюю войну с князем Юрием Святославичем, сочувствующими ему смоленскими боярами и его тестем великим князем Олегом Рязанским. Заодно Витовт желал устранить из черниговских областей тех литовских князей, которые объединялись с местными феодалами и начинали вести самостоятельную политику по отношению к Москве, Смоленску, Рязани, а иногда даже и к Орде.

²⁶⁵ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 116–132.

²⁶⁶ Князья Горчаки считали себя потомками перемышльских князей. В их родословной имеется князь Семен Владимирович Перемышльский, который, однако, отстоит от князя Ивана Титовича Козельского на четыре поколения (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 193–194). Поэтому его отождествление с князем Семеном Перемышльским, жившим в 1408 г., неправдоподобно.

²⁶⁷ LM. Kn. 3. P. 39.

Именно в результате этого неравного противостояния местные князья, бояре и духовенство стали искать защиту в Москве или у ее союзников Великого Новгорода и Пскова. Даже в этих условиях Василий I до некоторых пор стремился сохранить дружественные отношения с Витовтом, но все же сложившаяся ситуация привела к полосе военных столкновений между ними в 1406—1408 гг. Борьба достигала высокого накала и требовала привлечения крупных вочиских сил, в том числе и сил союзников. Вместе с тем нежелание сторон вступать в крупномасштабные сражения вело не к эпохальным баталиям, а к дипломатическим переговорам и заключению перемирия на Плаве, перемирия или мира под Вязьмой, а затем и мира на Угре.

В итоге Витовт подчинил себе Смоленск и укрепил свою власть во многих черниговских землях. Однако и Василию І удалось сохранить свое влияние в северо-восточной Черниговщине. Он приобрел Тарусу и Козельск, по-прежнему имел союз с Новосильским княжеством. После смерти великого князя Олега Рязанского его сын князь Федор Ольгович находился в союзе с Василием I и пользовался его покровительством во время своего размирья с князем Иваном Пронским в мае – июне 1408 г. 268 11 июля 1411 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф сообщал великому магистру Немецкого ордена Генриху фон Плауэну о новостях из Литвы, которые принесли ливонские послы. По его словам, Витовт совершил поездку в Смоленск, где в очередной раз встречался со своей дочерью (женой Василия I). Туда же прибыл «герцог Рязани». Упоминалось, что рязанский князь (должно быть, имеется в виду Федор Ольгович) долгое время был врагом Витовта, но теперь сам положился на его милость²⁶⁹. Вероятно, между ними был заключен договор о мире. По московско-рязанскому договору 1402 г. великий князь Федор Ольгович имел возможность заключить союз с Витовтом только «по думе» с Василием I²⁷⁰. Поэтому заключение литовско-рязанского договора в присутствии московских представителей можно рассматривать как исполнение достигнутых ранее договоренностей между Москвой и Рязанью.

В результате перемен, произошедших в Смоленской и Черниговской землях в конце XIV – начале XV вв., расширилась линия непосредственного соприкосновения Великого княжества Литовского с

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 480–481; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 237.

²⁶⁹ LECUB. Bd. 4. № 1888. Sp. 780; CEV. № 482. S. 225.

²⁷⁰ ДДГ. № 19. С. 55.

Великим княжеством Московским. Вместе с тем в верховьях Оки еще сохранялся ряд исконных вотчин местных князей, которые по примеру своих более знатных родичей претендовали на некоторую самостоятельность. Поэтому и далее в XV в. обозначенная линия контакта двух крупнейших держав и их верхнеокских сателлитов еще долгое время была подвержена переменам.

С. В. Полехов

Последние завещания Василия I и печати Витовта

До наших дней дошли три завещания (душевных грамоты) московского великого князя Василия I Дмитриевича¹. Они давно стали объектом пристального внимания исследователей. Это внимание сосредоточено главным образом на проблеме датировки актов. Со времени описания последних завещаний Василия I, выполненного Н. Н. Бантышом-Каменским в 1767 г.², и их первых публикаций считалось, что грамота № 13 предшествовала грамоте № 15³. Эту относительную хронологию грамот принял и Л. В. Черепнин — сначала в специальном исследовании⁴, а затем в публикации «Духовных и договорных грамот». Разногласия вызывала абсолютная датировка последних завещаний Василия I. Если правильную дату грамоты № 15 — март 1423 г. — установил уже А. Е. Пресняков⁵, то наибольшие

ДДГ. № 20-22. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на подлинниках двух последних завещаний Василия І. Их подлинники: ДДГ. № 21 - РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 13 (сохранился также список: Там же. № 14); ДДГ. № 22 - РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15 (сохранился также современный список: Там же. № 16). В дальнейшем для краткости и во избежание путаницы эти грамоты будут обозначаться номерами, под которыми они хранятся в настоящее время, - № 13 и № 15. Приношу искреннюю благодарность руководству и сотрудникам Российского государственного архива древних актов, в особенности Ю. М. Эскину, Е. Е. Лыковой и В. А. Кадику - за возможность изучить подлинники душевных грамот Василия І, К. В. Сафронову - за изготовление и обработку их фотокопий, проф. Э. Римше (Вильнюс) - за подробные консультации о сфрагистике Витовта.

Об определении Н. Н. Бантышом-Каменским хронологического порядка последних завещаний Василия I см.: Кучкин В. А. Три завещания Василия I // ДРВМ. 2016. № 2 (64). С. 43, прим. 17. Этот порядок был принят уже М. М. Щербатовым (Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1784. Т. 4. Ч. 3. С. 42–49).

³ Исключение составляет разве что труд Н. М. Карамзина, который, судя по описанию печатей, в качестве окончательного варианта завещания Василия I рассматривал грамоту № 13 (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 122–123).

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 86-92.

⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 241, 426, 447.

споры вызывала датировка грамоты № 13. А. Е. Пресняков отнес ее к 1418 г. на основе ее формулировки о судьбе Нижнего Новгорода. Эту мысль, по сути, развил Л. В. Черепнин, отнеся составление грамоты ко времени после смерти Ивана, старшего сына и наследника Василия І, в июле 1417 г. А. А. Зимин оставил без изменений порядок двух последних душевных грамот Василия І, но попытался скорректировать их хронологию: грамоту № 13 он, с учетом осторожной формулировки относительно судьбы Нижнего Новгорода и упоминания князя Константина Дмитриевича в числе гарантов, датировал временем между зимой 1417/18 и зимой 1419/20 гг., а грамоту № 15 — между 1419 и январем-февралем 1423 г., поскольку «в марте 1423 г. духовная была отправлена в Литву, а не составлена»; в обоих случаях ученый считал предпочтительной датировку ближе к верхней хронологической границе предлагаемого им промежутка времени⁷.

Лишь И. Б. Греков привел аргументы в пользу более поздней датировки душевной грамоты № 13 по сравнению с датированной грамотой № 15⁸. Его аргументацию дополнили Б. М. Клосс⁹, Д. И. Иванов¹⁰, Н. Е. Веденеева¹¹, А. А. Горский¹², А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров¹³,

⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 88-90; ДДГ. № 21.

⁷ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 292–294, 323 (цитата на с. 293).

Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия І // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 141–145.

Уклосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 118–119. Многое в построениях Б. М. Клосса относительно завещаний Василия I не подтверждается, см. критические замечания в рецензии на эту книгу: Кучкин В. А. Антиклоссицизм. [Ч. 6] // ДРВМ. 2003. № 3 (13). С. 128.

¹⁰ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // CP. М., 1999. Вып. 2. С. 85-90.

Веденеева Н.Е. К вопросу о датировке духовных грамот Василия I Дмитриевича // Вестник Астраханского государственного технического университета. Гуманитарные науки. Астрахань, 2002. С. 18-21.

Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // СР. М., 2004. Вып. 4. С. 160–164; Он же. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. С. 62–67.

¹³ Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. О датировке завещаний Василия I // Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 232–239.

И. Г. Пономарева 14 . Недавно В. А. Кучкин в специальной статье привел ряд текстологических аргументов в пользу традиционной относительной датировки завещаний московского правителя 15 .

Внимание исследователей до сих пор было сосредоточено в основном на тексте указанных грамот. Между тем имеет смысл обратить самое пристальное внимание и на способ их удостоверения − печати и особенности их крепления к грамотам. При знакомстве с репродукциями княжеских завещаний и договоров на сайте РГАДА автора этих строк заинтересовала красновосковая печать в ковчежце с изображением всадника, скачущего влево¹6, которая хорошо сохранилась лишь при грамоте № 15, тогда как при грамоте № 13 до нас дошел лишь ее обломок. Хотя относительно недавно было установлено, что эта печать принадлежала не юридическому автору грамоты, московскому великому князю Василию I, как считалось ранее, а его тестю – великому князю литовскому Витовту, этот факт до сих пор не был по достоинству оценен исследователями.

Наиболее ранние, чрезвычайно краткие описания печатей рассматриваемых грамот сохранились в описях архива Посольского приказа XVII в. ¹⁷ Уже в описи 1614 г. отмечены «2 духовные великого князя Василья Дмитриевича всеа Русии, а у них у одной три печати, у другой одна печать, простые, рука у обеих Филипа (ошибочно вместо Фотия. – С. Π .) митрополита, лет не написано» ¹⁸. Стало быть, уже к началу XVII в. печати Василия I и Витовта, привешенные к грамоте

¹⁴ Пономарева И. Г. К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 103–110.

¹⁵ Кучкин В. А. Три завещания Василия І. С. 33-54.

¹⁶ Здесь и далее стороны печатей указываются в соответствии с канонами геральдики: «Все, что зрителю щита представляется на правой его стороне, для щитоносца, или геральдически, будет находиться на левой и потому называться левой, и обратно» (Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. М., 2001. С. 69). Тот же принцип принят в специальной статье, посвященной печатям Витовта: Semkowicz W. Sfragistyka Witołda. Kraków, 1931 (отдельный оттиск из изд.: Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Т. 13).

В описи Царского архива середины XVI в. «духовные грамоты старые великих князей», в том числе Василия Дмитриевича, перечислены лишь в общем виде, без уточнения их количества и внешнего вида (Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 31. Л. 293).

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. С. 59. Л. 43 об.

№ 13, разрушились до такой степени, что даже не были отмечены в архивном описании грамоты. Его составителей не смутил тот факт, что первоначально печатей было пять, о чем недвусмысленно свидетельствовали сохранившиеся шелковые шнурки первых двух печатей, а остатки этих печатей наличествовали при грамоте (они дошли и до наших дней). Это было отмечено в следующей описи того же архива, завершенной в 1627 г.: «2 духовные великого князя Василья Дмитреевича, писаны на харатьях, рука у них митрополита Фатея, у одной печать великого князя привешена на красном воску, а у другие печать великого ж князя на красном ж воску, да четыре печати на чорном воску, а году в обеих не написано»19. Составители этой описи высказались более определенно и по поводу принадлежности красновосковых печатей, привешенных к грамотам: под «великим князем», несомненно, подразумевался завещатель - Василий I. При этом носитель текста был неправильно определен как пергамен («харатья»), хотя в действительности оба завещания написаны на бумаге. Практически дословно эта характеристика была повторена в описи архива Посольского приказа 1673 г. 20, составители которой использовали опись 1627 г.²¹

Более тщательно эти грамоты были описаны в «Реэстре» княжеских грамот Московского архива Коллегии иностранных дел, составленном Н. Н. Бантышом-Каменским в 1767 г.²² Грамота, ныне имеющая № 13, была описана как «Духовная первая грамота великаго князя Василія Дмитріевича о раздѣлѣ по смерти его движимаго и недвижимаго имѣнія сыну князю Василію Василіевичу и княгинѣ своей Софьѣ Витовтовнѣ» и получила в «Реэстре» № 25. Ее печати описывались следующим образом: «К сей грамотѣ привѣшены пять восковыхъ печатей, с коихъ двѣ раскрашились, а грамота мѣстами сьедена молью»²³. Другая интересующая нас грамота, ныне имеющая № 15, а

Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печ. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. (Памятники отечественной истории. Вып. 1.) С. 38. Л. 11. О датировке описи см.: Там же. С. 7–8, 23–24; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119, прим. 3.

Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подг. к печ. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. (Памятники отечественной истории. Вып. 4.) С. 42. Л. 28 – 28 об.

²¹ Там же. С. 8.

²² Кучкин В. А. Договорные грамоты. С. 3.

²³ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 13 об. (с. 21). В черновике грамота охарактеризована теми же словами, только слово «первая» вписано над строкой: Там же. Ед. хр. 426. Л. 7 об. В тех же выра-

в «Реэстре» числившаяся под № 27, была охарактеризована как «Духовная вторая грамота великого князя Василія Дмитріевича...»; при этом отмечалось, что «К сей грамоть, которая мъстами съедена молью, привъщена болшая восковая печать съ изображеніем ъздока»²⁴ (последние три слова, описывающие изображение на печати, приписаны другим почерком; в черновике их нет²⁵, но они присутствуют и на списке того же времени, приложенном к подлиннику²⁶). Уже в чистовике «Реэстра», равно как и в выполненных одновременно с ним списках грамот, приложенных к подлинникам, было отмечено, что обе грамоты заверены подписью митрополита Фотия. По всей видимости, уже к 1767 г. от первой печати грамоты № 13 (т. е. печати Василия I), в отличие от ее второй (Витовтовой) печати, остались столь незначительные обломки, что в хронологическом перечне, помещенном в конце «Реэстра», говорилось: «4 печ[ати] восковые, Фотіи митроп[олитъ] подписалъ». О том же говорят рисунки печатей, приложенные к подлиннику грамоты и опубликованные в 1813 г. в 1-й части «Собрания государственных грамот и договоров»²⁷. Если третью, четвертую и пятую печати художник стремился воспроизводить близко к оригинальному размеру²⁸, то первую изобразил как овал размером 20×16 мм (размеры ободка – 13×9 мм), а вторую – как круг диаметром 24 мм (до ободка – 14 мм), причем сделал попытку реконструировать ее изображение, наметив контуры всадника с занесенным мечом, скачущего влево²⁹. Единственная печать грамоты № 15 в хронологическом перечне «Реэстра» была охарактеризована как же, как и в основном тексте: «Печать ѣздокъ. Подп[исалъ] Фотій»³⁰. На рисунке, приложенном к подлиннику, печать воспроизведена достаточно точно, но надпись представляет собой бессмысленный набор знаков³¹. В таком виде репродукция печати была опубликована

жениях печать описана в списке грамоты того же времени, приложенном к подлиннику (РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 13. Л. 6).

²⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 14 (с. 22).

²⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 8.

²⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15. Л. 6.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел (далее – СГГиД). М., 1813. Ч. 1. С. 82, 85.

²⁸ Этого принципа художник придерживался и при перерисовке печати, привешенной к другому завещанию Василия I (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 15. Л. 7).

²⁹ РГАДА. Ф. 135. От́д. І. Рубр. І. № 13. Л. 7.

³⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 75 об.

³¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15. Л. 7.

и в «Собрании государственных грамот и договоров»³². Не понятая первыми исследователями грамоты, надпись на ней ничего не говорила и позднейшим историкам.

В дальнейшем печать, привешенную к грамоте № 15, традиционно приписывали Василию І. Не стал исключением и Л. В. Черепнин: эта атрибуция отразилась как в его труде о документах московского великокняжеского архива, так и в издании княжеских духовных и договорных грамот³³. Первым печать грамоты № 15 атрибутировал Витовту С. В. Белецкий³⁴, чья статья не была замечена исследователями завещаний Василия I. Однако он не пошел дальше и не сопоставил печати Витовта, привешенные к последним завещаниям Василия I, с их типологией, разработанной польским ученым Владиславом Семковичем, в результате эти завешательные акты фигурируют у него под теми же датами, что и в издании Л. В. Черепнина, - 1417 и 1423 гг. Вскоре Н. А. Соболева вслед за А. Б. Лакиером отметила «тождественность» красновосковых печатей последних двух завещаний Василия I и печати Витовта, но тем не менее поместила их в каталоге печатей в числе памятников сфрагистики московского великого князя, объяснив эту «тождественность», как и А. Б. Лакнер, влиянием литовской сфрагистики на русскую³⁵. Спустя несколько лет великому князю литовскому печать грамоты № 15 уверенно атрибутировали сначала Б. М. Клосс³⁶, а затем А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров³⁷. При этом Б. М. Клосс, несмотря на ознакомление с подлинником грамоты, вслед за Л. В. Черепниным неверно определил цвет воска привешенной к ней печати как желтый, хотя в действительности данная печать Витовта оттиснута на красном воске, равно как и та его печать, что была привешена к грамоте № 13 и сохранилась фрагментарно. В ВКЛ

³² СГГиД. Ч. 1. С. 85.

³³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 90, 91, прим. 92, 93; ДДГ. С. 62, 568–569.

³⁴ Белецкий С. В. Печати «княжа Олександрова» // Советская археология. 1985. № 1. С. 237–239.

Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. С. 129, 150; Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 76. Также «о возникновении при Василии I нового типа великокняжеской печати» в результате «прямого влияния литовской геральдики» писал С. М. Каштанов. См.: Каштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 150–151 (гл. IV «О написании и удостоверении княжеских актов»; ранее текст публиковался в статье: Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 238–251).

³⁶ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 118-119.

³⁷ Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. О датировке завещаний Василия І. С. 238–239.

уже в конце XIV — начале XV в. утвердилась практика использования красного воска для великокняжеских печатей, во всяком случае конных (тогда как тронные печати могли оттискиваться на белом воске). В последующие десятилетия красный воск в качестве материала печатей утвердился и среди литовско-русских князей³8. В свою очередь, А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров сопоставили печать грамоты № 15 с печатью и монетой Витовта, воспроизведенными в книге Э. Гудавичюса «История Литвы»³9. Дальнейших разысканий в этом направлении никто из ученых пока не предпринимал, хотя еще в начале 30-х гг. XX в. среди многочисленных публикаций о Витовте и его эпохе, посвященных 500-летней годовщине его смерти, вышла специальная работа выдающегося польского ученого Владислава Семковича о его сфрагистике⁴0.

Лишь автор этих строк сопоставил печати Витовта, первоначально привешенные к обеим грамотам (из которых одна сохранилась в целом виде, другая — фрагментарно), с их типологией и хронологией, разработанной В. Семковичем и Э. Римшей. Однако вынужденная краткость этой работы не позволила изложить аргументацию в развернутом виде⁴¹. Кроме того, некоторые приведенные там утверждения в настоящее время можно и нужно скорректировать⁴². Настоящая

³⁸ См. специальное исследование: Rimša E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės antspaudų vaškas XIII–XVIII а. // Lituanistica. 1997. № 3 (31). Р. 3–18 (особенно с. 5–6). Некоторые уточнения приведены в новейшем издании документов Городельской унии 1413 г.: Rimša E. Horodlės aktai ir Lietuvos kilmingųjų heraldika // 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius; Kraków, 2013. Р. 185 (то же на польском языке: Rimša E. Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów // Ibid. Р. 225).

³⁹ Гудавичюс Э. История Литвы. М., 2005. Т. 1. С. 211, 232; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. О датировке завещаний Василия І. С. 234, прим. 73.

⁴⁰ Semkowicz W. Sfragistyka Witołda. Kraków, 1931 (отдельный оттиск из изд.: Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Т. 13). Данные о печатях Витовта, собранные в этой статье, значительно более точны, чем сведения известной работы М. Гумовского (Gumowski M. Pieczęcie książąt litewskich // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. № 3-4. S. 717-722). Хронологию печатей Витовта, установленную В. Семковичем, уточнил литовский исследователь Эдмундас Римша.

⁴¹ Полехов С. В. Последнее завещание Василия I и политическая ситуация в Восточной Европе // ДРВМ. 2015. № 3. С. 97–98.

При написании этой работы я полагал, что летописные известия об участии московского войска в походе Ягайла и Витовта на Пруссию летом и ранней осенью 1422 г. подтверждаются информацией из послания комтура Рейна великому магистру, в котором говорится о присутствии москвитян в войске Витовта (GStAPK, OBA 3794). В оригинале оно не датировано,

статья посвящена печатям Витовта, привешенным к двум последним завещаниям Василия I, и их значению для датировки указанных актов (разумеется, по мере необходимости будут затронуты и некоторые другие аспекты их утверждения). Анализ материала правомерно начать с описания печатей и способа их прикрепления⁴³.

Душевная грамота Василия I, хранящаяся в РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 13 и опубликованная в ДДГ под № 21, написана на вытянутом по вертикали листе бумаги, который склеен из двух половин; ширина грамоты по нижнему краю составляет 29,2 см. Поверх последних строк текста расположена греческая подпись митрополита Фотия. Судя по тому, что ее нижние части заходят под загиб, она сделана еще до привешивания печатей. При этом она следует после слова «Ачкасовъ» (оставлено место длиной 87 мм), лишь после этого текст продолжается от слов «А кто...»; в следующей строке писец старался обходить изгибы митрополичьей подписи: так написан фрагмент текста «...немъ моего бл(а)г(о)с(лове)нь...», и лишь последующие буквы «...я в сии...» отчасти попадают на нее. Это говорит о том, что Фотий оставил свою подпись в процессе написания грамоты, но до того, как была написана санкция.

Нижний край листа загнут на высоту 35 мм слева и 28 мм справа, а внутрь образовавшегося загиба вложена другая полоска, согнутая вдвое (ее сгиб, напротив, находится наверху) и в таком виде чуть более узкая. К этому загибу были первоначально привешены пять печатей на красных шелковых витых шнурах. И если все шнуры сохранились, то из печатей на своих первоначальных местах к настоящему времени остались лишь три последние. Все шнуры – двойные, каждый из них пропущен сквозь загиб и вложенную в него бумажную полоску в трех местах. Благодаря этому с обеих сторон грамоты каждый шнур образует фигуру, которая в русской дипломатике получила

а в описании орденского архива бумажных документов отнесено к 1422 г. Между тем приводимые в нем сведения о планах польских и литовских войск скорее соответствуют кампании 1414 г. (см.: *Biskup M.* Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim (1308–1521). Gdańsk, 1993. S. 100–113 и карта № 13 в конце книги). Участие московского войска в войне Польши и ВКЛ с Орденом 1414 г. известно и по другому источнику (GStAPK, OBA 1315; датировка К. Квятковского: *Jóźwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S.* Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411. Malbork, 2010. S. 254).

⁴³ Определенное представление о них могут дать репродукции, приложенные к настоящей статье, а также фотографии грамот и печатей на сайте РГАДА.

название «куриная лапа» 44 (на обороте «куриные лапы» шнуров 4-й и 5-й печатей закрыты подклеечной бумагой).

Что касается печатей грамоты, то сразу следует оговориться, что последние три из них, принадлежавшие братьям Василия I и сохранившиеся лучше всего, воспроизводились в СГГиД⁴⁵ и книге H. А. Соболевой⁴⁶. Для темы настоящей статьи важно остановиться на способе их прикрепления к бумажному листу, а также на обломках первой и второй печатей, хранящихся в специальном бумажном конвертике в коробке с грамотой.

	1	2	3	4	5
Расстояние от отверстий в загибе, сквозь которые пропущен шнур, до кончиков этого шнура, мм	127	137	85	89	86
Расстояние от кончиков шнура до нижнего края печати, мм	57	43	22	40	39
Размеры печати (для № 1 и 2 – длина участка шнура, содержащего следы воска), мм	[8]	[45]	30×21 (овальная)	19×22 (овальная)	23

От первой печати, принадлежавшей автору завещания, московскому великому князю Василию I, сохранился обломок, ныне хранящийся в специальном конвертике вместе с обломками второй и пятой печатей. Печать Василия I, как и печати его братьев, была тонкой и никогда не была в ковчежце, к тому же изображения на ее обломке сильно стерлись, и однозначно понять, что было изображено, невозможно. Один из краев обломка — округлый. Его высота составляет 15 мм, ширина — 10 мм, толщина — 2 мм. На нем видны двойной ободок и некие линии, но понять, что было изображено, невозможно (может быть, голова с нимбом, а слева от нее — некие две или три буквы?).

Гораздо более информативны обломки второй печати, хранящиеся в том же конвертике. От нее сохранились три обломка – два с красным воском, на котором оттиснуто изображение, с остатками основы – ковчежца из натурального воска (общая толщина – 8 мм), и один – «внутренний» обломок ковчежца, слоя красного воска на

⁴⁴ См.: *Каштанов С. М.* Актовая археография. М., 1998. С. 265–266.

⁴⁵ СГГиД. Ч. 1. C. 82.

⁴⁶ Соболева Н. А. Указ. соч. № 53, 54, 55. С. 162–163 (каталог печатей) и иллюстрации на вклейке. См. также описания печатей с объяснениями сюжетов: Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 88–89.

себе не имеющий. Остатки ковчежца светло-желтого цвета, имеют слоистую структуру. Красновосковые фрагменты довольно сильно загрязнены каким-то белым материалом, вроде известки, который расположен маленькими пятнышками и легко отходит. Эти фрагменты складываются: большой несет на себе изображение скачущего влево коня, на котором в общих чертах видно бедро всадника и затертые очертания его ног, маленький пристыковывается к нему сверху и несет на себе изображение торса всадника, его шеи и рук - правой (виден также сгиб локтя) и левой, закрытой щитом, на котором хорошо различимы очертания литовских «колюмн». Двойной ободок (внешняя линия толще, внутренняя еле различима) отделяет изображение от надписи. Ширина ободка с круговой надписью - 5 мм. Справа читаются буквы *xandr* и нижняя часть буквы *i* (причем буква x находится напротив лба коня, а буква i – на расстоянии 2 мм от его левой, поднятой выше ноги), слева - нижняя половина букв **de**, образующих лигатуру, затем i: gra и две первые ножки буквы m (причем задние ноги коня примыкают к ободку прямо напротив буквы а). При этом буквы (как, впрочем, и изображение - тонкие линии ног коня, колюми на щите всадника, сбруи коня – видны элементы на лбу и часть поводьев, приходящаяся на шею) проработаны очень тонко, буквы вытянуты, как и на печати Витовта 1420-1430 гг., в отличие от печатей 1407-1419 и 1414-1418 гг. К тому же на последних двух печатях круговая надпись расположена иначе относительно изображения, а само это изображение на рассматриваемых обломках печати, в свою очередь, лишено некоторых элементов, характерных для двух предшествующих печатей (например, скал под ногами коня), и имеет совершенно другую композицию (расположение поводьев). Сохранившийся фрагмент позволяет измерить диаметр печати - 32 мм, который совпадает с тем, который указывает В. Семкович для последней печати Витовта⁴⁷. Все это свидетельствует о том, что перед нами последняя из малых печатей Витовта, известная по экземплярам 1420-1430 гг.48

Semkowicz W. Op. cit. S. 23. № 9. Впрочем, этот аргумент можно рассматривать разве что как дополнительный: хорошо известно, что восковые оттиски одного и того же штемпеля имеют расхождения в диаметре, не говоря уже о трудностях измерения оттиска печати, помещенного в ковчежец. Для печатей Витовта предшествующих типов В. Семкович указывает диаметры соответственно 33 и 30 мм.

⁴⁸ В свете приведенных данных попытки С. В. Богданова подыскать какогото другого владельца печати, атрибутируемой Витовту, теряют всякие основания (см.: Богданов С. В. О формировании состава поручителей в духовных грамотах великого князя Василия I // Вестник Тверского госу-

О третьей, четвертой и пятой печатях здесь имеет смысл заметить, что их изображения и надписи сильно стерлись, но всё же различимы. В конвертике хранится обломок пятой печати высотой 12 мм, шириной 9 мм и толщиной 3 мм. На нем видна стершаяся круговая надпись и фрагмент некоего изображения.

Остается отметить особенности шнуров, на которых привешены печати. Они хорошо видны на фотографии грамоты (см. иллюстрацию, приложенную к настоящей статье). Обращает на себя внимание, что кончики каждой пары «косичек», из которых составлены первый, третий, четвертый и пятый шнуры, скреплены между собой каплей черного воска. На втором шнуре такие скрепляющие капли отсутствуют. Второй шнур, хотя и прикреплен так же, как и остальные, явно толще их: толщина исходных шнуров, из которых свиты «косички», составляет 2 мм против 1 мм у остальных, что предопределяет значительно большую толщину получившегося шнура. Расстояние от левого края листа до 1-й «куриной лапы» (здесь и далее имеются в виду края отверстий, через которые пропущены шнуры) 32 мм, между первой до второй «лапами» – 11 мм, между второй и третьей – 9 мм, между третьей и четвертой – 19 мм, между четвертой и пятой – 15 мм, от пятой до правого края листа - 58 мм. Расстояние между шнурами, образующими первую «лапу», - соответственно 13 мм и 9 мм, вторую - 14 мм и 14 мм, третью - 11 мм и 11 мм, четвертую - 13 мм и 12 мм, пятую – 10 мм и 12 мм. При этом сами «лапы» первая, третья, четвертая и пятая отстоят от верхнего края загиба на расстояние от 4 до 7 мм, а вторая - на 2-3 мм.

Грамота, хранящаяся в **РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15** и опубликованная в ДДГ под № 22, склеена из двух листов бумаги, как и грамота № 13. Ширина грамоты, к которому привешена печать, когдато простирался на всю ширину грамоты (об этом свидетельствуют еле заметные следы сгиба, уменьшившиеся с реставрацией документа — подклейкой его бумагой с оборотной стороны, и отогнутая ныне и подклеенная с оборота бумагой часть загиба у левого края грамоты), но впоследствии основная часть была разогнута, а осталась лишь небольшая часть, к которой привешена единственная печать грамоты. Левый край этой части отстоит от левого края грамоты на 175 мм, от правого края сохранившегося фрагмента загиба до правого края грамоты — 76 мм, а высота этой части загиба составляет 23 мм. На последние 7 строк грамоты и нижнее поле (на нем размещены буквы

дарственного университета. Серия «История». 2013. Вып. 3. С. 19).

подписи) приходится греческая подпись митрополита Фотия, от которой сохранилось лишь начало (далее часть утрачена и подклеена бумагой), а на ее окончание приходится загиб. Дополнительной полоски бумаги под загибом, в отличие от грамоты № 13, нет, а сам загиб был частично (справа) подклеен при реставрации.

Печать привешена на шнуре, витом из золотистых шелковых нитей (толщина одного шнура «косички» – 5 мм). На загибе шнур продет в двух местах (на высоте соответственно 15 и 19 мм от сгиба), сразу под сгибом эти две половины сплетаются в одну «косичку» (длина от загиба до печати – 46 мм), к которой крепится печать в темно-коричневом восковом ковчежце (диаметр ковчежца – 55 мм, высота – 20 мм), из него выходят три прямых (не витых) шнура (слева, справа и снизу), которые сплетаются в одну «косичку», продолжающуюся примерно на 125 мм от ее низа.

Сама печать диаметром 32 мм с изображением всадника, скачущего влево, оттиснута на потемневшем красном воске и сохранилась исключительно хорошо: видны все тонко проработанные детали изображения — шлем всадника, его доспехи, меч с желобком, «колюмны» на щите, глаз и рот коня, его уши, упирающиеся в ободок, поводья, седло и хвост, копыта, двойной ободок, отделяющий надпись (высота ободка с ней − 4 мм). Читается и вся надпись: + s: allexandri * als * wytowdy * dei: gra * magni ducis * lituan (причем буквы de образуют лигатуру). Ее идентичность печати Витовта 1420−1430 гг., описанной и воспроизведенной у В. Семковича под № 9, не вызывает сомнений. Никаких следов прикрепления других печатей на нижнем поле и загибе нет.

Поскольку печать Витовта привешена ближе к правому краю грамоты, то ясно, что первоначально симметрично ей, ближе к левому краю, планировалось привесить и печать Василия. Однако этого сделано не было.

Итак, печати Витовта, привешенные к обеим душевным грамотам Василия I, оттиснуты одним и тем же штемпелем. Печатью этого типа снабжены более 50 документов Витовта 1420−1430 гг. Наиболее ранний из них — проезжая грамота (нем. Geleitsbrief) для великого и ливонского магистров Тевтонского ордена от 9 июня 1420 г.⁴⁹ Но, возможно, Витовт мог пользоваться этой печатью и ранее, просто документы с ней до 1420 г. не сохранились? Малой (конной) печати,

⁴⁹ Semkowicz W. Op. cit. S. 23; Szelińska W., Tomaszewicz J. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Kraków, 1975. Cz. I: Dokumenty z lat 1148-1506. № 365.

известной по экземплярам 1420-1430 гг., непосредственно предшествовали печати двух типов. Печатью первого из них снабжены 8 документов 1407-1419 гг., второго - 16 документов 1414-1418 гг., причем обе печати использовались параллельно и выявить какой-либо закономерности в их бытовании (например, для актов и для посланий; для самостоятельного использования и в качестве contrasigillum тронной, или «маестатной», печати) не удается. Все три печати в общих чертах очень похожи: на них изображен всадник, скачущий влево, в доспехах и шлеме, с занесенным мечом в правой руке и щитом с «колюмнами» в левой, причем изображение, в отличие от более ранних печатей Витовта, не заходит на ободок, по которому идет круговая надпись, выполненная готическим минускулом. Отличие заключается в содержании надписи. Если на печати первого типа Витовт титулуется князем Литвы и проч., то на печати второго типа - Божьей милостью князем Литвы, а на печати третьего, интересующего нас типа - Божьей милостью великим князем Литвы. Точно так же на первой печати он назван Александром, а на второй и третьей – Александром, иначе Витовтом⁵⁰. Налицо развитие в определенном направлении: стремление показать, что Витовт - не просто князь, а великий князь, и своей властью он обязан Богу, а не польскому королю (вспомним, что польские правящие круги считали Витовта не суверенным монархом, а наместником, «старостой», «губернатором» польского короля на землях Великого княжества Литовского⁵¹). Крайне трудно себе представить, чтобы Витовт одновременно пользовался несколькими конными печатями с разными титулами (правда, титул «Божьей милостью князь Литвы, Руси и проч.» сохранялся на тронной печати, но там идейная программа Витовта выражалась иными средствами - самим типом печати). Все это свидетельствует о том, что конная печать Витовта вошла в употребление после 26 июля 1419 г.: к этому дню относится последний известный случай использования им конной печати первого из указанных типов⁵². Это заставляет отнести ко времени не ранее

⁵⁰ Подробнее см.: Semkowicz W. Op. cit.

⁵¹ Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 148.

⁵² GStAPK, Perg.-Urk., Schiebl. 65, № 23. Описание документа: Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum. P. 2 / Bearb. von E. Joachim,
W. Hubatsch. Göttingen, 1948. № 1970. S. 227–228 (сведения любезно указаны Э. Римшей). К сожалению, ничего нового к хронологии начального
этапа использования печати Витовта 9-го типа не добавляет дошедший
до наших дней подлинник послания Витовта от 7 февраля 1420 г.: на его
обороте сохранились лишь затертые остатки печати диаметром 35 мм
(GStAPK, OBA 3102; публикация: CEV. № 857. P. 462).

1420 г. и грамоту № 13, которую Л. В. Черепнин датировал 1417 г.: в этом году Витовт еще использовал печати других типов. К тому же обе грамоты не могли быть написаны до смерти западнорусского митрополита Григория Цамблака и примирения Витовта с митрополитом Фотием.

Важную информацию сообщает способ прикрепления печати Витовта к обеим грамотам. В первой трети XV в. способы прикрепления печатей в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве, с одной стороны, и в Северо-Восточной Руси, с другой стороны, довольно сильно различались 53. В Северо-Восточной Руси широкое распространение приобрела «куриная лапа». В Западной же и Юго-Западной Руси примерно до конца XIV в. печати привешивались на тонком шнурке из шелковых или льняных нитей, пропущенном сквозь одно или несколько отверстий⁵⁴, впоследствии же печать крепилась либо на пергаменной полоске, продеваемой сквозь горизонтальную прорезь шириной примерно 1 см в загибе документа, либо на витом шнурке из шелковых нитей, который пропускался сквозь два отверстия в том же загибе. Мне удалось выявить лишь три случая использования «куриной лапы» в западнорусских и литовских грамотах: 1) договор литовских князей с польским королем Казимиром III Великим 1366 г.55; 2) договор великого князя литов-

55 Подлинник: Biblioteka XX. Czartoryskich. Dok. perg. 254. Репродукция: Соболевский А. И., Пташицкий С. Л. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV ст. СПб., 1903. Табл. 8.

⁵³ Следует отметить, что изучение способов прикрепления печатей в Северо-Восточной Руси пока еще лишь начинается. См., например: *Новикова О. Л.* Особенности креплений вислых печатей иерархов Северо-Восточной Руси в конце XIV — XVI вв. // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2014. № 5. С. 3–19. О способах прикрепления печатей к документам в ВКЛ см.: *Rimša E.* Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego / Tłum. I. Sienkiewicz. Warszawa, 2007. S. 173–179.

⁵⁴ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Подг. А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. (далее – ПГ). М., 2015. Т. 2. Илл. 3, 4, 7, 12 (послание полоцкого епископа Якова в Ригу, конец XIII – начало XIV в.; договор полоцкого князя Глеба-Наримонта и епископа Григория с властями г. Риги о торговле весовыми товарами, 1338–1341 гг.; послание великой княгини полоцкой, супруги вел. кн. Андрея Ольгердовича, и ее сыновей властям г. Риги, 1386 г.); Груша А. И. Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015. Илл. 1 (дарчая грамота Чурилы Бродовского князю Федору Данильевичу и его детям, 1385 г.); Груша А. І. Мяноўная грамота князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV – першай трэці XV ст. Мінск, 2010. С. 91, 93. Фота 1, 3 (жалованная меновная грамота кн. Василия Наримонтовича, 1390 г.).

ского Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем 1372 г. ⁵⁶; 3) вкладная грамота полоцкого архиепископа Симеона II (Старого, Новгородца) в полоцкий же монастырь Св. Николая на Лучне середины XV в. (около 1452–1458 гг.) Первые две грамоты написаны на бумаге, последняя – на пергамене. И если договор Ольгерда с Дмитрием Московским написан при активном участии писцов московской великокняжеской канцелярии, вероятно, с использованием какого-то заранее заготовленного проекта 78, то договор литовских князей с Казимиром, несомненно, был написан там, где велись боевые действия, – на Волыни (менее вероятно его написание в резиденции одного из договаривающихся правителей – в Вильне, Троках или Кракове). Использование «куриной лапы», очевидно, объяснялось тем, что она позволяла относительно равномерно распределить нагрузку по бумажному листу, более хрупкому, чем пергаменный.

С учетом этого особенности прикрепления печатей к завещаниям Василия I объясняются следующим образом. К грамоте N° 15 печать Витовта привешивали работники его канцелярии по известному им образцу, и к этому моменту на ней уже стояла подпись митрополита Фотия. Когда же его печать крепилась к грамоте N° 13, то перед ними, помимо митрополичьей подписи, уже были образцы — печати завещателя и его братьев. Работники канцелярии Витовта попытались

⁵⁶ ДДГ. № 6; Кучкин В. А. Договорные грамоты. С. 119-168 (исследование), 338-339 (публикация текста). О печатях этого договора см.: Rimša E. Pieczęcie Olgierda, wielkiego księcia litewskiego — dane historiograficzne a rzeczywistość // Heraldyka i okolice. Warszawa, 2002. S. 201-215; Idem. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Algirdo antspaudai: istoriografijos klystkeliai ir tikrovė // Konstantinas Jablonskis ir istorija. Vilnius, 2005. P. 123-142 (в этих работах опровергается мнение, будто одна из печатей договора принадлежала Ольгерду).

⁵⁷ Подлинник грамоты хранится в Центральном архиве Нижегородской области (Ф. 2013. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1). Печати не сохранились, но способ их прикрепления легко устанавливается по белесым следам нитей на лицевой и оборотной сторонах. Публикация текста и репродукция: ПГ. М., 2015. Т. 1. № 135; Т. 2. Илл. 63, 64 (обоснование датировки см. в комментарии в том же томе, с. 117–123).

⁵⁸ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 144. Об этом говорит использование форм первого лица по отношению к московской стороне, тогда как договор составлен от имени Ольгерда и его союзников. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что немногочисленные документы великих князей литовских вплоть до конца XIV в., когда Литва была крещена и возникла литовская великокняжеская канцелярия, подготавливались по инициативе и силами стороны-получателя (Груша А. И. Документальная письменность. С. 25–28).

последовать этим образцам, взяв шнур того же цвета и прикрепив его к загибу бумажного листа таким же образом, но не очень удачно: шнур его печати толще и занимает больше места, поэтому его не удалось аккуратно уместить на загибе бумажного листа, а его кончики не скреплены каплями черного воска.

Подражательный характер способа прикрепления печати Витовта к грамоте № 13 сказался не только на расположении и толщине шнура из шелковых нитей, но и на цвете нитей. Изучение сохранившихся в подлинниках документов Витовта показывает, что в конце XIV – первой трети XV в. в литовской великокняжеской канцелярии, которая сформировалась сравнительно недавно и испытывала влияния разных дипломатических и сфрагистических традиций (на которых здесь нет возможности останавливаться), устоявшейся практики в этом отношении еще не было. Тем не менее шелк золотистого цвета был в это время далеко не самым популярным материалом, из которого изготавливались шнуры для крепления печатей литовского монарха. К важнейшим пергаменным документам, таким как договоры с Польшей, Тевтонским орденом, некоторые жалованные грамоты подданным и иностранцам, печать Витовта привешивалась на шнуре, сплетенном из нитей нескольких цветов. Обычай привешивать красновосковую печать правителя на шнуре красного же цвета лишь постепенно утверждался⁵⁹. И в данном случае шелковые нити красного цвета были выбраны потому, что на шнурах из нитей примерно такого же цвета были привешены печати Василия I и его братьев.

Грамота № 15 скреплена лишь греческой подписью митрополита Фотия и печатью Витовта; следов прикрепления других печатей на ней нет. Это отметили А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров, изучавшие под-

⁵⁹ См.: AUPL. № 29 (1392 г.), 51 (1413 г.); ПГ. Т. 1. № 39; Т. 2. Илл. 25 (1399 г.); Szelińska W., Tomaszewicz J. Op. cit. № 296 (1403 г.), 361 (1419 г.); Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Wyd. J. Оchmański. Warszawa; Poznań, 1986. № 94 (1418 г.), 112 (1429 г.). Нити разных оттенков красного цвета нередко использовались для изготовления шнура и в сочетании с нитями других цветов – например, голубого (AUPL. № 38, 1401 г.; Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398–1437). 2. Aufl. / Hrsg. von E. Weise. Marburg, 1970. № 32, 34, 1404 г.; Vitoldiana. № 187, 1425 г.), зеленого (Szweda A. Uwagi o dokumentach rozejmowych i pokojowych z okresu wojny 1409–1411 // Zapiski Historyczne. 2010. Т. 75. Zesz. 2. S. 78) или коричнерого (Vitoldiana. № 90, 1416 г.). Иногда использовались нити и вовсе других цветов, например синего и зеленого (Vitoldiana. № 70, 1407 г.). См. также: Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 176–177. За консультацию по этому вопросу благодарю Э. Римшу.

линник, и на этом основании заключили: эту грамоту «рассматривали как своего рода согласованный проект, но по каким-то причинам не утвердили с московской стороны окончательно», поскольку грамоту подтвердили Фотий и Витовт, но не утвердил сам завещатель — Василий І⁶⁰. Следует заметить, что «согласованным проектом» она стала в силу сложившихся обстоятельств, а изначально готовилась как полноценный завещательный акт, который, будучи утвержденным, должен будет вступить в силу. Грамота № 13, напротив, содержит все признаки окончательного утверждения — подпись Фотия, печати завещателя — Василия⁶¹ и его родственников — гарантов исполнения последней воли: тестя Витовта, братьев Андрея, Петра и Константина.

Необходимо задаться вопросом: какие причины вызвали столь пристальное внимание великого князя литовского к последней воле московского правителя? Для правильного ответа на него необходимо учитывать ситуацию не только на международной сцене, но и внутри Литовского государства. Витовт был заинтересован в утверждении завещания своего тестя не только потому, что роль гаранта при малолетнем внуке позволяла ему усилить свое влияние на Руси, но и потому, что приход к власти другого кандидата, Юрия Дмитриевича, создавал угрозу положению Витовта в Великом княжестве Литовском: «побратимом» Юрия был Свидригайло Ольгердович⁶² – двоюродный брат Витовта, который давно и неоднократно боролся с ним за власть. В 1420 г. состоялось их примирение, Свидригайло получил владения в Чернигово-Северской земле и Покутье (в Польском королевстве), но никто не мог предвидеть, как долго продлится период мирного сосуществования двоюродных братьев, тем более что соседи ВКЛ, на чью поддержку Свидригайло мог рассчитывать, в начале 20-х годов такой поддержки оказать ему не могли⁶³.

⁰ *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю*. О датировке завещаний Василия І. С. 239.

⁶¹ Изображение на ней не читалось уже во второй половине XVIII в., однако ее принадлежность Василию несомненна. Все душевные грамоты московских великих и удельных князей, об удостоверении которых что-либо известно, скреплялись печатью завещателя. Поэтому колебания указанных исследователей (Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. О датировке завещаний Василия І. С. 239) не имеют оснований.

⁶² Вероятно, оба они были женаты на дочерях последнего смоленского князя Юрия Святославича. Подробное обоснование этой гипотезы см.: Полехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, въ правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014. С. 235–268.

⁶³ Подробнее см.: Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 129–148.

Приведенные данные о печатях последних душевных грамот Василия I показывают, что обе они – не только грамота № 15, надежно датируемая благодаря помете писца на списке, но и № 13 – были составлены в краткий промежуток времени между 1420 г. и 27 февраля 1425 г. В целом же изучение печатей Витовта, привешенных к обоим завещаниям, сообщает важные сведения о политической ситуации в Восточной Европе на исходе первой четверти XV в.

А. В. Баранов

Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия¹

Русско-ливонские мирные договоры 1474 года и обстоятельства их заключения неоднократно рассматривались в историографии, как правило, на основании свидетельств русских летописей и без привлечения ливонских материалов. В самых важных изданиях источников по истории средневековой Ливонии - «Сборнике актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch) и «Актах и рецессах ливонских сословных собраний» (Akten und Rezesse der livländischen Ständetage) - в силу различных причин не были опубликованы документы 1472-1494 гг., что также сыграло роль в их весьма ограниченном использовании в научной литературе. Наконец уже в объединенной Германии был возобновлен проект по систематической обработке сохранившихся архивных материалов Ливонии конца XV века для последующей публикации, проводящийся под эгидой Балтийской исторической комиссии под руководством Клауса Нейтмана (Потсдам), Матиаса Тумзера (Берлин) и Мадлены Малинг (Берлин)2. Речь идет о фондах архивов Берлина, Вильнюса, Гданьска, Копенгагена, Любека, Риги, Рима, Стокгольма, Таллина и других городов, хранящих обширную документацию, освещающую историю русско-ливонских отношений в широком контексте политических, дипломатических и торговых отношений Балтийского региона и Северо-Восточной Европы. Распространенное в историографии описание событий 1472-1474 гг. опирается на данные русских летописей, откуда был позаимствован сюжет об обращении псковичей к великому князю московскому Ивану III (1462-1505) за помощью

Автор выражает благодарность и признательность проф. д-ру Матиасу Тумзеру (Берлин) за любезное разрешение использовать готовящееся к печати собрание архивных документов для написания данной статьи, д-ру Мадлене Малинг (Берлин) за поддержку моих исследований и постоянное предоставление нужных материалов, к. и. н. С. В. Полехову (Москва) за постоянную помощь и отзывчивость и д. ф. н. Е. Л. Конявской (Москва) за филологические консультации.

¹³⁻й том первого отделения «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (1472–1479) находится в подготовке к печати. Работу над четырнадцатым томом сборника (1480–1483) планируется завершить к 2018 году.

против угрожавших им войной ливонских немцев³. Согласно летописной традиции, после прибытия великокняжеских полков в Псков и получения информации об этом представители Ливонии заключили с воеводой Даниилом Холмским мир на условиях, выдвинутых псковичами⁴. Однако обращение к корпусу ливонских источников

Базилевич не уделил практически никакого внимания миру 1474 года и лишь отметил, без привлечения каких-либо аргументов, что он «стал нарушаться немцами еще в конце 70-х гг.»: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 127. Прим. 4; см. краткие обзоры событий: Соловьев С. М. Псков и Ливония // Московский сборник. 1852. Т. 1. С. 309-311; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 854-855; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. С. 147-148; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI века. М., 1980. С. 132; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 17; Он же. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 93-94; Он же. Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // От Древней Руси к России нового времени: сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 109–110; *Он же*. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. 2-е изд. С. 181-183; Он же. Господин Псков в геостратегической системе во второй половине XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV-XVII вв.: к 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2010. С. 7-8; Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века: истоки конфликта. М., 2015. С. 135-137.

Летописные свидетельства о русско-ливонских мирных договорах 1474 года см.: ПСРЛ. Т. 4. М., 2000. С. 449; Т. 5. Ч. 2. М., 2000. С. 55-56, 188-189, 192-198; Т. б. Ч. 2. М., 2001. Стб. 217; Т. 8. М., 2001. С. 178; Т. 12. М., 2000. С. 154; Т. 20. М., 2004. С. 300; Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 565; Т. 25. М., 2004. С. 301; Т. 26. М., 2004. С. 254; Т. 27. М., 2004. С. 279; Т. 28. М.; Л., 1962. С. 136, 307; Иоасафовская летопись / Ред. А. А. Зимин. М., 1957. С. 86; также см. Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши // Studia Źródłoznawcze. 1969. Т. 14. С. 153-167, в особенности с. 166; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1 / Ред. В. И. Буганов. М., 1977. С. 19; публикации списков текста договорной грамоты Великого Новгорода и Пскова с епископом Дерптским: АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 69. С. 84-86; Сборник Муханова. СПб., 1866. 2-е изд. № 19. С. 19-22; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова / Ред. Г. Е. Кочин. М.; Л., 1935. № 78. C. 161-164; ГВНП. № 78. C. 133-136; LM. Kn. 5 / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993. № 119.2. P. 215-217; LM. Kn. 5 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. Vilnius, 2012. № 520. C. 328-331; также см.: Skarbiec diplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, książęcych. T. 2 / Ed. I. Daniłowicz, J. Sidorowicz. Wilno, 1862. Nº 1982. S. 215; Index actorum saeculi XV / Ed. A. Lewicki. Cracoviae, 1888. № 4250. S. 482; LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 191; Abt. 2. Bd. 2. № 510/2. S. 406; Goetz K. L. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 215-216; Казакова Н. А. Русско-ливонские и

конца XV века позволяет не только существенно дополнить в основном весьма лаконичные данные русских летописей и расширить понимание ситуации, сложившейся в Ливонии и на русско-ливонской границе в этот период, но и уточнить или скорректировать некоторые тезисы, принятые в историографии. События 1472—1474 годов имеют особую важность в контексте дипломатических контактов между Ливонией, Псковом, Новгородом и Москвой и потому требуют отдельного подробного рассмотрения.

Говоря о характере привлекаемых источников, стоит подчеркнуть, что даже данные уже хорошо известных русских летописей не были в достаточной мере проанализированы в историографии. Мы имеем в виду не краткие сообщения московских и одного новгородского летописных сводов об обстоятельствах заключения русско-ливонских мирных договоров 1474 года, а более пространные изложения псковских летописей. В первую очередь речь идет о Строевском списке 1567 года, выделенном А. Н. Насоновым в качестве основы для Псковской III летописи⁵, где подробно и с множеством деталей сообщается о ходе мирных переговоров, посольствах псковичей к Ивану III и т. д. Помимо этого в работе привлекаются данные практически не задействованного исследователями Варшавского списка 1548 года Псковской I летописи из варшавской Национальной библиотеки6. Что касается использованных ливонских источников, то речь идет о многочисленных и современных событиям документах, включающих в себя внутреннюю и внешнюю корреспонденцию Тевтонского ордена, переписку городских властей Риги, Ревеля, Любека и Данцига, ливонские акты процессуального характера, записи казначейских книг Риги и Ревеля и т. д. Отдельно стоит отметить так называемый «Вейсенштейнский рецесс» от 10 апреля 1478 года, составленный в Вейсенштейне руководством ордена в Ливонии с описанием истории конфликта с архиепископом Риги⁷. В документе

русско-ганзейские отношения. С. 148-154; Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. М., 1991. № 58. С. 120-121.

⁵ Андреев Н. Е. О характере Третьей Псковской летописи // The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy. The Hague; Paris, 1975. Vol. 2: Essays in Honor of Georges Florovsky / Ed. A. Blane. P. 117-158.

⁶ Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши.

⁷ Изложение текста памятника: Umständlicher Bericht, den der Herr Meister und ganze Orden mit dem Adel und Städten wegen der schlechten Aufführung des Erzbischofs Silvesters an den Pabst zu Rom und an das Collegium Cardinalium gelangen lassen. Fünfte Fortsetzung der vermischten Sammlungen zur liefländischen Geschichte // Gelehrte Beyträge zu den Rigischen Anzeigen vom Jahre 1765. St. XVI–XX. S. 125–159; Napiersky C. E. v. Index corporis historico-dip-

значительное внимание уделено русско-ливонским отношениям, представляемым через призму внутриливонского соперничества между орденом и архиепископом. Особенный интерес также представляют обоюдные списки обвинений ордена и епископа Дерпта от июля 1475 года, в тексте которых важное место занимает вопрос обстоятельств заключения мирных договоров 1474 года⁸. Во время работы над статьей был также обнаружен текст псковско-ливонского мирного договора 1481 года, основой для которого являлся «Данильев мир» 1474 года. В связи с этим средненижненемецкий текст мирного соглашения 1481 года публикуется в приложении к статье вместе с переводом на современный русский язык и необходимыми комментариями.

Данное исследование продолжает и в некоторых моментах уточняет наши опубликованные ранее первичные наработки по этой тематике⁹. Переводы средневерхненемецких и средненижненемецких текстов выполнены нами. При цитировании документов находящегося в подготовке к печати 13-го тома (1472–1479) «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» указываются номера документов в издании вместе с архивными сигнатурами в скобках. При цитировании материалов из 14-го тома (1480–1483), для которого все еще не имеется окончательной нумерации, отмечаются только архивные шифры.

lomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Bd. 2: 1450–1631. Riga, Dorpat, 1835. № 2117. S. 61–64; *Thumser M.* Geschichte schreiben als Anklage. Der Weißensteiner Rezeß (1478) und der Konflikt um das Erzstift Riga // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. 2006. Bd. 51. S. 63–75. Научное издание текста «Вейсенштейнского рецесса» в редакции М. Тумзера на данный момент доступно только в Интернете: http://userpage.fu-berlin. de/~sekrethu/pdf/wr.pdf (проверено 2.3.2016).

⁸ LÉCUB. Abt. 1. Bd. 13. № 340 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 53) – список обвинений Тевтонского ордена в Ливонии против епископа Дерпта; № 347 (Lübeck, AHL, ASA Externa, Livonica 10, fol. 153r–155v) – список обвинений епископа Дерпта против Тевтонского ордена в Ливонии.

Баранов А. Магистр Ливонского ордена Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутриполитических отношений (1471—1474) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М., Псков, 2013. С. 133–142. Дополнительный обзор ливонских источников был осуществлен Бессудновой: Бессуднова М. Б. Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. в свете ливонских документов из иностранных архивов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.). М.; Псков; СПб., 2014. С. 116–124.

1. Предпосылки

Когда речь идет о Ливонии, то стоит подчеркнуть, что имеется в виду конгломерат владений пяти духовных «государей земли» - ландсгерров. В их число входили архиепископ Риги, епископы Дерпта, Эзель-Вика и Курляндии, а также отделение Тевтонского ордена в Ливонии. Власть архиепископа Риги не ограничивалась Ливонией и местными епископами - в Рижскую церковную провинцию были включены также прусские епископства Кульма. Помезании, Вармии и Самбии. В военно-экономическом плане важную роль в ливонской политике играли также ганзейские города Рига, Ревель и Дерпт, вассалы прелатов и североэстонские вассалы ордена земель Гаррии и Вирляндии. В этой сложной системе каждая группа преследовала свои собственные политические и экономические интересы, но главными действующими лицами продолжительной борьбы за внутриливонскую гегемонию являлись архиепископ Риги и Тевтонский орден в Ливонии. Конфликт между этими двумя силами зародился вместе с инкорпорацией ордена меченосцев в состав Тевтонского ордена (1237) и образованием отделения ордена в Ливонии, традиционно именуемого «Ливонским» в советской и российской историографии. Тевтонский орден являлся единоличным государем в соседней Пруссии и хотел достигнуть такого же положения и в приобретенной Ливонии. В данном случае, однако, орден столкнулся с совершенно иным политическим раскладом, в котором в качестве ландсгерра выступал епископ (с 1255 г. архиепископ) Риги. Борьба ордена с Рижским архиепископством за власть в Ливонии, в ходе которой ливонские епископства, города и вассалы лавировали между противоборствующими сторонами, являлась постоянным фактором истории этого региона вплоть до гибели ливонских средневековых политических структур в 1558-1562 гг.

Тевтонский орден, в свою очередь, состоял из трех основных «ветвей» — отделений в Пруссии, Ливонии и Священной Римской империи¹⁰. Верховный магистр возглавлял центральную провинцию организации в Пруссии, в то время как отделения в Ливонии и империи были ему подотчетны. После разрушительной Тринадцатилетней войны (1454–1466) с Прусским союзом, поддержанным Польским королевством, Тевтонский орден потерял значительную

Aктуальный обзор истории Тевтонского ордена: *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 2012. 2. Aufl.; о внутреннем устройстве Тевтонского ордена в Ливонии и его взаимоотношениях с другими ландсгеррами: *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin. 2011.

часть своих прусских владений¹¹. Результат войны сказался на отношениях верховных магистров с магистрами Ливонии и магистрами орденской провинции в империи (дейчмейстерами), которые, формально все еще подчиняясь центральной власти, на деле начали проводить относительно самостоятельную политику. В Ливонии еще в 30-е годы XV века разгорелась внутриорденская «борьба языков» (Zungenstreit) — между «фракциями» рейнцев, выступавших за тесную связь с центром в Пруссии, и вестфальцев, являвшихся сторонниками более независимого положения провинции¹². Победа вестфальцев в этом конфликте была окончательно закреплена к 70-м годам XV века, что, тем не менее, не избавило орден от внутренних конфликтов уже по иным причинам¹³.

Таким образом, ни Ливония, ни орден не являлись монолитными политическими блоками. Этот факт особенно важен в контексте анализа русско-ливонских контактов вообще и в конце XV века в частности. Ландсгерры и города Ливонии, с одной стороны и русские земли Новгорода и Пскова, с другой, несмотря на периодические военные столкновения и конфессиональные различия, были тесно связаны между собой в политическом, экономическом и культурном плане¹⁴.

¹¹ Подробный обзор Тринадцатилетней войны: *Biskup M.* Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1454–1466. Warszawa, 1967; также *Idem.* Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim 1308–1521. Gdańsk, 1993. S. 200–259.

¹² Соперничество между группами рейнцев и вестфальцев носило политический характер, и потому выходцы из этих регионов могли относиться как к той, так и к другой «партии».

Подробный обзор внутриорденского конфликта рейнцев и вестфальцев: Neitmann S. Von der Grafschaft Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschen Orden. Köln u.a., 1993. S. 54–170.

Обзоры русско-ливонских отношений в различные периоды: Fleischhacker H. Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der moskauischen Außenpolitik (14.-17. Jahrhundert). Breslau, 1938. S. 86-93; Казакова Н. А. Русь и Ливония 60-х - начала 90-х годов XV века // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 306-338; Она же. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения; Wimmer E. Die Rußlandpolitik Wolters von Plettenberg // Wolter von Plettenberg. Der größte Ordensmeister Livlands / Hrsg. N. Angermann. Lüneburg, 1985. S. 71-99; Dircks B. Russisch-livländische Beziehungen in der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts // Jahrbuch des baltischen Deutschtums. 1986. Bd. 33. S. 25-34; Idem. Krieg und Frieden mit Livland (12.-15. Jahrhundert) // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.-17. Jahrhundert / Hrsg. D. Herrmann. München, 1989. S. 116-145; Angermann N. Livländisch-russische Beziehungen im Mittelalter // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hrsg. N. Angermann, I. Misāns. Lüneburg, 2001. S. 129–143; Selart A. Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln u.a., 2007; Idem. Der livländische Deutsche Orden und Russland // L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture. Der Deutsche Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begeg-

Во второй половине XV века обозначились различные тенденции в развитии отношений Ливонии с Новгородом и Псковом. Со времени последней большой войны между орденом и новгородцами в 1443-1448 гг.¹⁵ и заключения мирного договора 1448 года¹⁶ происходило постепенное сближение двух сторон, обусловленное взаимными политическими и торговыми интересами¹⁷, в то время как отношения ливонских ландсгерров с Псковом постоянно осложнялись. С одной стороны, велась интенсивная псковско-ливонская торговля, с другой – участились пограничные вооруженные столкновения¹⁸. Псковская земля граничила с владениями Рижского архиепископства, Дерптского епископства и Тевтонского ордена в Ливонии (с комтурством Мариенбург и фогтством Розиттен) на протяжении ок. 480 км, причем большая часть пограничной зоны представляла собой неосвоенный район болот, озер и лесных массивов. В этом сложном ландшафте возникли «горячие точки» - спорные территории, на которые претендовали как псковичи, так и ливонцы¹⁹.

nungen und Konfrontationen zwischen Religionen, Völker und Kulturen / Hrsg. H. Houben, K. Toomaspoeg. Galatina, 2008. S. 253–275; *Idem.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, 2015; *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века: истоки конфликта.

Murawski K. E. Zwischen Tannenberg und Thorn. Die Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad von Erlichshausen 1441–1449. Göttingen, 1953. S. 360–375; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 62–77; Dirks B. Der Krieg des Deutschen Ordens gegen Novgorod 1443–1448 // Deutschland – Livland – Russland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert / Hrsg. N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 29–52; Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443–1448 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2012. № 1. С. 79–83; Selart A. Ein westfälisch-russischer Krieg 1443–1448? Bemerkungen zum Krieg des livländischen Deutschen Ordens gegen Novgorod // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2012. Вd. 61, S. 247–262.

¹⁶ LECUB. Abt. 1. Bd. 10. № 470. S. 324–327; ΓΒΗΠ. № 73. C. 119–124.

О сближении Новгорода с Ливонией и обзоры новгородско-ливонских отношений: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 144-147; Бессуднова М. Б. История Великого Новгорода конца XV – начала XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009; Она же. Великий Новгород и Ливонский орден. Великий Новгород, 2012.

¹⁸ Обзоры псковско-ливонских отношений: Соловьев С. М. Псков и Ливония. C. 245–317; Pickhan G. Pleskaus Handel mit Livland im Mittelalter // Jahrbuch des baltischen Deutschtums. 1986. Bd. 33. S. 35–42; Eadem. Pleskau und Livland im 15. Jahrhundert // Deutschland – Livland – Russland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert / Hrsg. N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 7–28.

¹⁹ О проблематике спорных территорий на псковско-ливонской границе: Stern C. v. Livlands Ostgrenze im Mittelalter vom Peipus bis zur Düna //

Предметом конфликта между Дерптским епископством и псковичами являлся вопрос владения деревней Желачка на юго-восточном берегу острова Порка/Озолица (совр. Пийрисар) на Теплом озере и права рыбной ловли в этом районе. В имеющихся источниках этот конфликт впервые упоминается как причина войны 1367-1371 гг. между орденом и епископом Дерпта, с одной стороны, и псковичами и новгородцами, с другой²⁰. Согласно хронике Германа фон Вартберге (кон. XIV в.), в 1367 году²¹ произошел раздор между ливонскими и псковскими рыбаками на Чудском озере. По версии хрониста, рыбаки епископа Дерпта и ордена атаковали препятствовавших им в рыбной ловле русских, часть из них утопили или повесили, повредили их сети и сожгли некие хижины (сооруженные, вероятно, в районе Желачки), в ответ на что псковичи разорили деревню на территории пограничного Розиттенского фогтства ордена²². Локальный конфликт между рыбаками перерос в полномасштабную войну, длившуюся пять лет, по окончании которой был восстановлен статус-кво²³. Скупые сведения русских и ливонских источников не позволяют однозначно судить о фактической, не правопритязательной, принадлежности Желачки. Очевидно, что как епископ Дерпта, так и псковичи считали эту область своей. Тем не менее мы склоняемся к мнению, что до 1458/63 годов Желачка с прилегающими рыболовными угодьями находилась под юрисдикцией дерптских епископов, что, конечно,

Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1926. Bd. 23. S. 195–240; Idem. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert // Baltische Monatshefte. 1937. H. 2. S. 69–79; Idem. Die Pleskauer Annexion von 1476. Der einzige Grenzlandverlust unsrer mittelalterlichen Ostmark // Baltische Monatshefte. 1937. H. 3. S. 148–156; Idem. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448–1463 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1940. Bd. 5. S. 366–426; Kaзакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 130–135, 157; Pickhan G. Pleskau und Livland. S. 14–19; Назарова Е. Л. Из истории псковско-латгальского порубежья (округ Абрене в исторической перспективе) // Псков в российской и европейской истории. М., 2003. Т. 1. С. 189–197; Бессуднова М. Б. Природа псковско-ливонских пограничных конфликтов в XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического сообщества (7–9 апреля 2010 г.). М.; Псков, 2011. С. 40–47.

²⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 23; Т. 5. Ч. 2. С. 27–28. О ходе войны см. также: ПСРЛ. Т. 4. С. 293–295; Т. 5. Ч. 2. С. 104–105; Т. 43. М., 2004. С. 122–123; Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 2 / Hrsg. E. Strehlke. Leipzig, 1863. S. 89–98.

У Казаковой ошибочно указан 1365 год: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 130.

Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae. S. 89.

²³ Там же. S. 98.

не означало прекращения претензий Пскова на этот район. В качестве подтверждения этого предположения можно привести сведения псковских летописей, сообщающих о высадке на Озолице князя Александра Чарторыйского осенью 1458 года, прибывшего туда вместе с псковскими посадниками и «с мужи псковичами», т. е. с псковской ратью. Для закрепления притязаний на эту территорию в районе Желачки была заложена церковь архистратига Михаила и рыбакам (прибывшим вместе с князем?) было приказано ловить рыбу «по старине». При этом псковичи атаковали соседнюю деревню Рожкино и перебили местных жителей («и Чюхнов на Рожкинъ повъшали»)24. Эта деталь показывает, что фактически речь шла о военной операции псковского князя по захвату района деревни Желачки. Предводительство самого Александра Чарторыйского и городских посадников может указывать на достаточно серьезную военную силу, высадившуюся на острове, которая, по всей видимости, не могла встретить серьезного сопротивления. Согласно псковской летописи, только дружина князя Александра состояла из трехсот человек «кованои рати боевых людеи», чего было более чем достаточно для предприятия подобного рода²⁵. В случае принадлежности Желачки Пскову до 1458 года в данной операции не было бы надобности²⁶. Реакция дерптцев на высадку псковских сил на Озолице не заставила себя долго ждать, и уже в начале 1459 года, «на великое говение», в ходе их ответного похода была сожжена церковь архистратига Михаила и погибло девять псковичей. После обмена ударами стороны заключили пятилетнее перемирие осенью 1460 года, вернувшее статус-кво относительно положения Желачки²⁷. Судя по тому, что церковь Михаила не была восстановлена и права рыбной ловли не изменились, район Желачки остался во владении епископа Дерпта. Уже в 1461-1462 гг.

²⁴ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 55; Т. 5. Ч. 2. С. 50, 144.

²⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 58.

Казакова связывает высадку псковичей на Озолице с «действительной реализацией достигнутого в 1448 году соглашения о возвращении Дерптским епископством Пскову его "старин"», полагая, что Желачка была передана Пскову еще в рамках русско-ливонского мирного договора 1448 года: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 130–131. Стоит отметить, что в тексте мирного договора 1448 года не содержится никаких данных о дерптско-псковских отношениях. Также не упоминаются ни вопросы рыбной ловли на Чудском озере вообще, ни деревня Желачка в частности. «Старины», которые, согласно псковским летописям, были возвращены ливонцами псковичам, могут касаться вопросов различных правовых конфликтов, которые были урегулированы в 1448 году, однако вряд ли возможна какая-либо более точная идентификация. По поводу интерпретации «старин» ср. Stern C. v. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge. S. 366–367.

²⁷ Stern C. v. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge. S. 384-391.

псковичи воздвигли крепость Кобылий городок на восточном берегу Теплого озера, на расстоянии всего 10 км от спорной деревни. Укрепление было возведено «на обидном месте», то есть в районе рыболовного бассейна Желачки. Помимо этого в крепости была сооружена церковь архистратига Михаила, название которой находилось в явной связи с сожженной дерптцами церковью на Озолице. Появление Кобыльего городка «на обидном месте» было воспринято в Дерпте как нарушение перемирия и вызвало соответствующую реакцию. После стандартного для таких случаев обоюдного ареста купцов в Дерпте и Пскове в начале 1463 года, войска епископа атаковали Кобылий городок. Начавшийся таким образом пограничный вооруженный конфликт удалось уладить уже в конце лета того же года при посредничестве ливонского магистра Иоганна фон Менгеде ген. Остхофа (1450-1469). В Псков был направлена делегация, которую возглавляли его переводчик Генрих Фогелер («князец Инндрик», «толк Инърик», «толк Индрик» в псковских летописях)²⁸ и фогт Нарвы Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе («Иоанн, князец сивалдайский»), будущий магистр ордена (1470-1471)²⁹. Перемирие было заключено 15 августа 1463 года в рамках двадцатипятилетнего русско-ливонского мирного договора 1448 года и должно было, соответственно, держаться на протяжении десяти дополнительных лет вплоть до 15 августа 1473 года. Текст перемирной грамоты не сохранился, но, согласно псковским летописям, спорный район Желачка на этот раз был аннексирован Псковом: «А которое обидное мъсто на Жолчи, вода и земля, то псковичи отняша»³⁰. Заключение этого договора не привело к спаду напряженности на псковско-ливонской границе.

Вскоре после перемирия, уже в 1464 году, псковичи возвели новую крепость Красный городок на реке Синей³¹. Это укрепление расположилось в стратегически важном районе, на стыке владений архиепископа Риги и ордена в юго-западной части Псковской земли. На западе и северо-западе от Красного городка находились территории в бассейнах рек Кухвы, Утрои и Лжи, называемые в ливонских источниках землей Пурнау. Согласно договору между епископом Рижским Альбертом (1199–1229) и орденом меченосцев от 1224 года, области

²⁸ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 67; Т. 5. Ч. 2. С. 155, 196.

²⁹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 155. Cp. Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse, 1470–71. Meister des Deutschen Ordens zu Livland // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1900. Bd. 17. S. 1–88. См. S. 8. Anm. 4; Stern C. v. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge. S. 414. Anm. 75.

³⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 67. Ср. там же с. 69: «А что которое обидное мъсто на Жолачки, вода и земля, а то псковичи в Немец въ юръевец отняша»; ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 53: «И на Жолоцке воду и землю отняша псковичи, а Нъмци отступишася».

³¹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 159.

«Pornuwe, Abelen et Abrene» земли Адзеле (рус. Очела) объявлялись частью Рижской епархии³². Пограничный район орденских замков Розиттен и Лудзен в восточной Латгалии, согласно орденской исторической традиции, был дарован рыцарям полоцким князем Константином в XIII веке³³. Именно область Пурнау/Порнуве относилась

Laakmann H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit. S. 100–101; Selart A. Fürst Konstantin von Polozk und die Geschichte Livlands im dritten Viertel des 13. Jahrhunderts // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2006. Bd. 1. S. 29–44 (белорусский перевод: Сэларт А. Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. // Беларускі гістарычны агляд. 2004. Т. 11. Сш. 1–2 (20–21). С. 3–25); Idem. Livland und

LECUB. Abt. 1. Bd. 1. № 70. S. 75-76; Laakmann H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beiträge zur Kunde Estlands. 1933. Bd. 18. S. 96-97. См. карту земли Адзеле: Ibid. S. 102. Назарова, ссылаясь на работу Лаакмана, полагает, что в 1416 году область Пурнау перешла во владение Тевтонского ордена в Ливонии: Назарова Е. Л. Из истории псковсколатгальского порубежья. С. 194-195. На деле речь шла не о свершившемся обмене территориями между архиепископом Риги и ливонским магистром, а только о возможном плане обмена, который так и не состоялся. При этом в ссылке Лаакмана на источник (S. 97. Anm. 107) имеется опечатка: вместо «UB. V 2060» должно быть «UB. V 2090». Речь идет о LECUB. Abt. 1. Bd. 5. № 2090. Sp. 160-163. Лаакман также ошибочно полагает, что данное письмо было направлено ливонским магистром верховному магистру ордена, в то время как действительным получателем являлся генеральный прокуратор Тевтонского ордена при папской курии в Риме. Что касается ситуации с Рижской епархией в 1416 году, то еще в 1405 году был заключен договор между архиепископом Риги Иоганном фон Валленроде (1393-1418) и орденом в Ливонии о сдаче ордену территории всей епархии, за исключением замков Крейцбург и Ленневарден, под залог на 12 лет с годовой рентой в 4000 гульденов. Сам Иоганн фон Валленроде покинул Ливонию и в 1414-1418 гг. находился на Констанцском соборе. На время действия договора ливонские магистры управляли территорией Рижской епархии в качестве наместников архиепископа. 23 августа 1416 года, накануне истечения срока залога, магистр Зигфрид Ландер фон Шпанхейм (1415-1424) представил генеральному прокуратору Тевтонского ордена в Риме проект по обмену территориями между орденом и архиепископом. В случае желания архиепископа вернуть себе владение над Ригой магистр предложил три возможных варианта земельных комплексов епархии, один из которых должен был отойти ордену взамен за город. В одном из этих вариантов и фигурировала область Пурнау. Однако обмен не состоялся, и 19 июля 1417 года епархия была возвращена представителям архиепископа: Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Ouellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Ausbeute des Jahres 1860. Dorpat, 1861–1868. № 108. S. 11; LECUB. Abt. 1. Bd. 5. Reg. 2585. S. 25. Обзор событий этого периода см.: Jähnig B. Johann von Wallenrode O. T. Erzbischof von Riga, Königlicher Rat, Deutschordensdiplomat und Bischof von Lüttich im Zeitalter des Schismas und des Konstanzer Konzils (um 1370-1419). Bonn; Bad-Godesberg, 1970. S. 39-43, 123-127.

наряду с Желачкой к спорным территориям на псковско-ливонской границе. Четкое пограничное разделение сложного гетерогенного ландшафта было невозможно, поэтому территория Пурнау являлась как предметом совместного пользования русских и ливонских крестьян, так и причиной конфликтов, участившихся как раз во второй половине XV века вместе с усилением псковского освоения этой необжитой области.

Сооружение псковичами крепостей в пограничных или спорных районах всегда вызывало острую реакцию в Ливонии. Если возведение Кобыльего городка привело к атаке дерптцев, то в случае Пурнау и Красного городка орденское руководство и архиепископ Риги пытались с помощью иных мер остановить поэтапное продвижение псковичей на Запад³⁴. Так, в одном из писем архиепископа Михаэля Хильдебранда (1484-1509), от 13 января 1497 года, упоминается его предшественник Сильвестр Стодевешер (1448-1479), который, согласно этому посланию, в области Пурнау «с помощью своих людей совершил некоторое доброе дело и изгнал русских с земли нашей церкви»35. Сложно судить, какие конкретно действия епископа имеются в виду. Известно, что вассалам ордена предоставлялись земельные наделы – «сторожевые поместья» (wardgutern) в приграничных районах, с помощью которых осуществлялось наблюдение за границей и, в случае надобности, организовывались небольшие военные экспедиции для противодействия псковичам. Так, 8 июня 1468 года ливонский магистр Иоганн фон Менгеде наделил некоего Якоба Кока двумя «сторожевыми поместьями» в области Розиттена, одно из которых располагалось прямо на «псковском рубеже» (pleschovischen scheidinge). Эти земельные наделы

die Rus' im 13. Jahrhundert. S. 202-207.

З4 Аракчеев полагает, что «даже если и имело место некоторое продвижение поселений псковичей на Запад, этот процесс следует рассматривать не как экспансию, а как заселение неосвоенных пространств», и далее, говоря об оставшихся за псковичами спорных землях, указывает на то, что «эти территории не были захвачены в результате агрессии, но были освоены жителями приграничных волостей путем колонизации и строительства крепостей»: Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVII веках. Псков, 2004. С. 18–19. В связи с этим стоит отметить, что поход князя Чарторыйского на Желачку в 1458 г. и сооружение крепостей на спорных территориях для закрепления их за Псковом, равно как и последующее освоение этих пространств, терминологически вполне подпадают под понятие методичного расширения сферы господства, то есть экспансии.

LECUB. Abt. 2. Bd. 1. Nº 478. S. 354: «Districtum ecclesie nostre, qui dicitur Purnav, ubi jam novissime dominus quondam Silvester per suos aliquyd boni egit et depulit Ruthenos de terra ecclesie nostre»; Stern C. ν. Die Pleskauer Annexion von 1476. S. 149.

находились ранее под ответственностью местного орденского фогта и были переданы новому вассалу ордена, обязанному теперь наблюдать за происходящим на границе³⁶. Учитывая процитированное выше высказывание Михаэля Хильдебранда, можно предположить, что подобные «сторожевые поместья» существовали и в Рижской епархии. Не исключено также, что Хильдебранд значительно преувеличил степень успешности своего предшественника в пограничном конфликте.

В Строевском списке Псковской летописи сохранилось любопытное извещение об одном эпизоде «малой войны» на границе. По словам летописца, 8 марта 1469 года ливонский отряд из немцев и «чуди» ударил по псковичам на Синем озере, убил 26 человек и сжег их «хоромы»³⁷. Штерн полагает, что речь идет об одной из пограничных операций ливонцев по предотвращению постепенного проникновения псковских крестьян в необжитый лесной край³⁸. Синее озеро располагалось как раз в зоне соприкосновения Розиттенского фогтства и Псковской земли. Весьма ограниченный масштаб военной операции, целенаправленно проведенной против небольшой группы псковичей на пограничном Синем озере, может указывать на то, что в этот ливонский отряд входили обладатели «сторожевых поместий»³⁹. Интересно сообщение летописца о том, что сведения о деятельности соседей были получены ливонцами от русских же крестьян. Некие Иванко Подкурский и Иванко Торгоша жили неподалеку от Синего озера и сообщали немцам о «порубежных делах», причем, по всей видимости, они делали то же самое по отношению к ливонцам. Иванко Торгоша, как свидетельствует летописец, известил Псков о немецком нападении, за что был вознагражден несколькими рублями. Осенью 1471 года, через полтора года после описанных событий, псковичи каким-то образом узнали о действительной роли этих крестьян. Последовавшее наказание было вполне в духе времени: Иванко Подкурский был посажен на кол («на беревне замоучили»), а Иванко Торгоша подвещен за ноги на льду, вероятно, Синего озера («за лыткы

Livländische Güterurkunden. Bd. 1 / Hrsg. H. v. Bruiningk, N. Busch. Riga, 1908. № 443. S. 397; Bauer A. Die Wartgutsteuerliste der Komturei Goldingen // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1933/1937. Bd. 25. S. 126. Anm. 2; Stern C. v. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert. S. 78.

³⁷ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 167.

Stern C. v. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert. S. 77.

³⁹ Бессуднова полагает, что этот поход возглавлялся самим ливонским магистром Иоганном фон Менгеде: Бессуднова М. Б. Природа псковско-ливонских пограничных конфликтов в XV в. С. 43. Мы думаем, что участие магистра в столь незначительной операции весьма маловероятно. Отрядом мог руководить мелкий орденский служащий или вассал. Магистры лично возглавляли только самые значительные военные операции.

тогды же в осен на ледоу повешили»)⁴⁰. В связи с этим эпизодом можно прийти к заключению, что орден пытался создать в пограничном районе двойную систему контроля за спорными территориями с помощью «сторожевых поместий» и русских «переветников».

Тем не менее к 70-м годам XV века вполне обозначились успехи псковского продвижения на Запад: район Желачки находился под контролем псковичей, равно как и какая-то часть области Пурнау на рубежах Рижской епархии и Розиттенского фогтства ордена. Весной 1471 года ливонский магистр Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе направил посольство в Псков для обсуждения сложившейся ситуации. Ливонскую делегацию возглавлял комтур Мариенбурга Бернд фон дер Борх («Пантелей, князь Олыйский» в псковской летописи) 41. 5 марта 1471 года он со «своею дроужиною» прибыл в Псков и сообщил о том, что магистр перенес свою резиденцию из Риги в Феллин 1 Перенос резиденции являлся частью широких административных реформ в ордене, предпринятых Иоганном Вальдхаусом фон Хеерзе с целью усиления власти магистра и сосредоточения военных и финансовых ресурсов в его руках 43. Орденские области в Феллине,

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 167; Stern C. v. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Iahrhundert. S. 77.

В Строевском списке посланник ордена назван Пантелеем, князем Олыйским и братом магистра: ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 174. В Синодальном списке при описании обстоятельств утверждения мирного соглашения 1474 г. в качестве ливонского посла указывается ратман Пантелей, «послъди бысть в них мъстеромъ, иже и под Псков приходи ратью»: ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 56. Не совсем точные в деталях сообщения летописцев («брат магистра» обозначает не родственника магистра, а брата – рыцаря ордена; к тому же посольская миссия Борха 1471 г. ошибочно перенесена в 1474 г., когда он уже являлся магистром), тем не менее, определенно указывают на Бернда фон дер Борха, являвшегося на момент визита в Псков комтуром-«князем» Мариенбурга-Алыста и предпринявшего затем, уже в качестве главы ордена, поход 1480 г. Кроме того, немецкое имя «Бернд» традиционно соответствовало русскому «Пантелей»: Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. № 41. Стб. 79-80; Cosack H. Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag. Teil I // Hansische Geschichtsblätter. 1923. Bd. 28. S. 3. Anm. 2. В тексте псковско-ливонского мирного договора 1481 года магистр Бернд фон дер Борх прямо называется Пантелеем, что окончательно снимает все вопросы касательно идентификации «Пантелея, князя Олыйского» из псковских летописей: LECUB. Abt. 1. Bd. 14 (Rīga, LVVA, 673. f., 4. apr., Kasten 19, 42. l., fol. 2; публикацию см. в приложении): «van den erwerdigen forsten meister to Lifflande, heren Bernde van der Borch, Pantelee».

⁴² ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 174: «Нынъче князь местерь ризскои а хочеть стол оурядити в Вельяде, да сам тоу хочеть в Вельаде жити».

⁴³ О деятельности и политике магистра Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе: Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse; Cosack H. Zur auswärtigen Politik

Йервене и Оберпалене, как и позже в Везенберге, были переведены под прямой контроль магистра, и возглавлявшие эти округа комтуры и фогты были смещены на другие должности. Таким образом, в северо-восточном регионе Ливонии сформировался значительный комплекс владений, находившихся под непосредственным управлением Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе. В Феллине находился самый многочисленный конвент братьев-рыцарей⁴⁴. Замок также являлся, наряду с Ригой и Венденом, одной из наиболее мощных крепостей ордена, наилучшим образом снабженной продовольствием, артиллерией, порохом и т. д.⁴⁵

Помимо извещения о переносе резиденции магистра с псковичами обсуждались вопросы Желачки и земли «за Красным городком». Как видно из тематики, Бернд фон дер Борх являлся представителем всех ливонских ландсгерров и потому был уполномочен вести переговоры от имени магистра, архиепископа Риги и епископа Дерпта. Вопрос рыбной ловли в бассейне Желачки явно входил в сферу интересов епископа Дерпта и ордена. Что же касается земли «за Красным городком», то в этом случае не совсем ясно, какая именно область имелась в виду. Штерн и Казакова уверены, что речь может идти только о районе юго-западнее крепости⁴⁶. Между тем посланником магистра, выступавшим также от имени архиепископа Риги, могла подразумеваться как территория на рубеже Псковской земли и Розиттенского фогтства ордена, так и вся спорная область Пурнау, находившаяся западнее и северо-западнее Красного городка, вообще. В Строевском списке излагается речь Бернда фон дер Борха: «Тако же повестова и о Желатцкои водъ, тако же и о земли, что за Красным городком, чтобы нам тое до Норовского мироу кръпко издержяти на объ половинъ, тако нынъ князю местеру как за Красным городком земли не отстоупитешь, тако и во Жалачке Велневицкои не въволите ловити» 47. Казакова интерпретирует этот отрывок как требование магистра

des Ordensmeisters Wolthus von Herse // Hansische Geschichtsblätter. 1915. Bd. 21. S. 99–118; Бессуднова М. Б. Великий Новгород во внешней политике ливонского магистра Иоганна Вальдхауса фон Херзе (1470–1471) // Новгородский исторический сборник. 2011. Т. 12 (22). C. 110–125.

⁴⁴ Согласно визитации представителей верховного магистра в 1451 году: LECUB. Abt. 1. Bd. 11. № 160. S. 124–132; Neitmann S. Von der Grafschaft Mark nach Livland. S. 641–653; Visitationen im Deutschen Orden im Mittelalter. Bd. 2 (1450–1519) / Hrsg. M. Biskup, I. Janosz-Biskupowa. Marburg, 2004. № 147. S. 19–40.

⁴⁵ Согласно визитации 1488 года: Visitationen im Deutschen Orden. Bd. 2. № 202. S. 189–192.

⁴⁶ Stern C. v. Livlands Ostgrenze. S. 237–238; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 145, прим. 57.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 174.

«отказаться в пользу ордена от территории за Красным городком» 48. Представляется, что Борх в передаче летописца говорил о мирном договоре 1448 г. не потому, что существовало связанное с этим договором соглашение о Желачке, как полагает Казакова 49, а именно потому, что оба указанных района оказались под властью псковичей уже после 1448 г. Между тем обращает на себя внимание формулировка «не отстоупитешь» в обращении к псковичам. В 1463 году Дерптское епископство по условиям перемирия формально уступило Желачку в пользу псковичей, причем перемирие было заключено в рамках продления общего русско-ливонского Нарвского договора 1448 года. Таким образом, Борх обратился к псковичам со следующим сообщением: если вы не уступите магистру землю за Красным городком [занятую после перемирия 1463 года], то тогда прекращайте ловить рыбу в районе Желачки [поскольку занятием земель за Красным городком вы нарушаете утвержденное вами же перемирие]. Любопытен ответ псковичей, переданный летописцем: «Воленъ князь местеръ, где хочет тоу собъ живет, княжение дръжит, город емоу свои. А что нам князь местеръ о земли и о водъ повестоует, а то земля и вода святыа Троица пьсковская вотчина, великихъ князеи и всея Роуси оустрадание, тоуды оу нас нынъ и городи стоять»50. Таким образом, сооружение Кобыльего (1461/62) и Красного городка (1464) преследовало. помимо всего прочего, вполне определенную цель правовой легитимации обладания псковичами спорными областями. Несмотря на неудачный исход переговоров, Бернд фон дер Борх и ливонское посольство удостоились хорошего приема в Пскове, где они были приняты с большими почестями от князя, посадников и горожан и задержались на протяжении двух недель. Очевидно, в Господине Пскове на данном этапе не собирались начинать большую войну из-за спорных территорий. К тому же можно предположить, что псковичей сложившаяся ситуация вполне устраивала.

Летом 1471 года у ливонского магистра побывали два новгородских посольства, предложивших ему продлить Нарвский мирный договор на 10 лет или больше и заключить военный союз против Пскова и Великого княжества Московского. В этот период Новгород вел войну против Ивана III и отчаянно нуждался в союзниках. Призыв новгородцев не являлся чем-то необычным: так, в 1465 году представители Новгорода обратились к магистру Иоганну фон Менгеде ген. Остхофу с просьбой о военной помощи против Пскова, на что магистр ответил согласием⁵¹. До войны тогда дело не дошло, но

⁴⁸ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 145.

⁴⁹ Там же. С. 131.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 174-175.

⁵¹ LECUB. Abt. 1. Bd. 12. № 840. S. 478; ПСРЛ. Т. 5. Ч. 1. С. 71–72; Т. 5. Ч. 2.

Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе, как и его предшественник, был готов оказать военную помощь новгородцам. Как писал сам магистр 13 августа 1471 года верховному магистру в Пруссию, одним из его мотивов являлось желание вернуть земли и воды, отобранные псковичами у архиепископа Риги, епископа Дерпта и ордена. На этом этапе, однако, Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе еще не знал, что двумя днями ранее, 11 августа, неудачная для новгородцев война завершилась утверждением невыгодного для них Коростынского мира. Посольство магистра, направленное в занятый войсками Ивана III Новгород, по понятным причинам не могло там обсуждать какойлибо союзный договор и вернулось в Ливонию ни с чем. Несмотря на это, Вальдхаус продолжил подготовку к войне против Пскова и Москвы, которая закончилась вместе с его насильственным свержением в октябре 1471 года⁵². Внутренние реформы магистра и произвольное «жонглирование» должностями грубым образом ломали принятую в Тевтонском ордене систему администрации и коллегиального управления, что, в свою очередь, вызвало жесткую реакцию затронутых изменениями братьев-рыцарей. Не последнюю роль в перевороте сыграла и подготовка магистра к войне с Псковом и Москвой, против целесообразности которой выступили остальные высшие должностные лица ордена⁵³. Новым магистром был избран ландмаршал Бернд фон дер Борх, посещавший Псков в марте того же года. Именно ему выпало вести переговоры о продлении Нарвского мира 1448 года в новых обстоятельствах, связанных с усилением Великого княжества Московского.

2. Переговоры

В качестве нового магистра Тевтонского ордена в Ливонии Бернд фон дер Борх «унаследовал» проблему спорных территорий на псковско-ливонской границе, однако первоочередным предметом его забот стали внутренние дела. Все административные реформы его предшественника были отменены, Феллин снова стал отдельным

C. 160-161.

⁵² Подробнее об обстоятельствах свержения магистра Вальдхауса фон Хеерэе см.: Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd. 2 (1460–1494). Lief. 2 (1467–1472) / Hrsg. A. Bauer. Riga, 1938. № 143. S. 97–109; Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 48–61; Sterns I. Crime and Punishment among the Teutonic Knights // Speculum. 1982. Vol. 57. P. 106–111; Бессуднова М. Б. Великий Новгород во внешней политике ливонского магистра Иоганна Вальдхауса фон Херзе. С. 122–125.

Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd. 2. Lief. 2. № 143. § 17–21. S. 101–102.

комтурством, резиденция магистра была возвращена в Ригу⁵⁴. Что касается русско-ливонских отношений, то магистр, с одной стороны, явно не собирался провоцировать псковичей на войну из-за спорных территорий, с другой — он все же должен был заняться этим вопросом в контексте противостояния с архиепископом Риги Сильвестром Стодевешером и претензий ордена на верховную власть в Ливонии и, соответственно, на статус защитника ливонской земли от внешних посягательств.

Уже в качестве комтура Мариенбурга (1471), если не раньше, Бернд фон дер Борх впервые вступил в контакт со своими восточными соседями. Двухнедельное пребывание в Пскове в марте 1471 года в обстановке, судя по сообщению летописи, достаточно дружелюбного общения с псковским князем, посадниками, боярами и горожанами должно было дать ему ясное представление о городе, его устройстве и жителях. В мае – июле 1471 года Борх стал ландмаршалом ордена и мог присутствовать на встрече магистра Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе с двумя новгородскими посольствами летом того же года. В марте 1472 года, когда Бернд фон дер Борх уже сам возглавлял орден, к нему в Ригу прибыло новое посольство из Новгорода, объявившее о желании говорить о «всякых делах о земськых и о всякых же и о купечькых делах» (van allen lant zacken unde van allen sacken unde dingen der соррепschop)55. Что касается «купеческих дел», то новго-

Стоит отметить, что история с переносом резиденции ливонских магистров из Риги в Феллин, отраженная в Строевском списке Псковской летописи, возымела неожиданный эффект, связанный с закреплением этого статуса за замком в советской и российской историографии. Между тем Феллин являлся официальной резиденцией Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе всего около года – с конца 1470 до октября 1471 года. До конца XV века магистры ордена располагались, как правило, в Риге. С конца XV века в качестве их фактической резиденции начал выступать Венден. Например, см. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 268-269, где при описании русско-ливонской войны 1480-1481 гг. Феллин поочередно называется «главным центром вражеских земель», «столицей самого магистра» и «основным политическим центром вражеской страны», при этом ни одно из этих обозначений не соответствует действительному статусу замка и прилегающего города. Официальной резиденцией магистра на тот момент являлась Рига. О резиденциях ливонских магистров см. Neitmann K. Die Residenzen des livländischen Ordensmeisters in Riga und Wenden im 15. Jahrhundert // Stadt und Orden. Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preußen und im Deutschen Reich / Hrsg. U. Arnold. Marburg, 1993. S. 59-93; Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens. S. 162-163.

⁵⁵ Хорошкевич А. Л. Русские грамоты 60-70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник. 1966. № 1. С. 331-332.

родцы попросили магистра о посредничестве с ганзейскими городами, введшими торговую блокаду против Новгорода еще на съезде в Любеке в августе 1470 года⁵⁶. Обсуждение «земских дел» должно было касаться продления истекающего в 1473 году Нарвского мирного договора. Новгородцы также встречались и с епископом Дерпта⁵⁷. Магистр, по всей видимости, действительно посодействовал возобновлению новгородско-ганзейских связей, так как ливонские и ганзейские представители прибыли вскоре в Новгород и заключили там длительный торговый договор сроком на двадцать лет⁵⁸. Обсуждая «земские дела», прекрасно осведомленный о поражении Новгорода в войне против великого князя московского Бернд фон дер Борх должен был понимать, что продление мирного договора без одобрения Ивана III не имело бы ни смысла, ни какой-либо юридической силы. У нас нет дополнительных сведений касательно встречи магистра с новгородцами в марте 1472 года, но представляется вполне логичным перенесение переговоров на более поздний срок с подключением представителей Пскова и великого князя московского. Сложно сказать, являлось ли посольство в Ливонию попыткой властей Новгорода продолжить независимую внешнюю политику после поражения в войне против Москвы либо заручиться поддержкой ордена в возможном будущем конфликте. В любом случае очевидно, что магистр не хотел разрушать сложившиеся отношения с Новгородом и потому содействовал возобновлению упорядоченных новгородско-ганзейских торговых отношений. С другой стороны, он должен был понимать, что без санкции Ивана III новгородские послы не имели достаточных полномочий для продления договора 1448 года.

Вслед за визитом новгородцев Борх направил в Псков своего посланника, который договорился о съезде с псковичами на Рождество Богородицы 8 сентября 1472 года⁵⁹. Те, в свою очередь, снарядили посольство к Ивану III во главе с Трофимом Кипрешевым и Юрием Исаковым Сестниковым, прибывшее к великому князю в Коломну 1 августа 1472 года. Помимо просъбы прислать Ивана Бабича или Ярослава Стригу Оболенского в качестве нового князя, псковичи также известили Ивана Васильевича о намеченном на Рождество Богородицы съезде с ливонцами. Первого сентября Трофим Кипрешев вернулся в Псков, а спустя три дня прибыл и посланник великого князя боярин

⁵⁶ Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 6. Leipzig, 1890. № 356. § 130.2.

⁵⁷ Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 6. № 583-585. S. 537-539; LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 31 (Gdańsk, APG, 300 D, 9, n. 224); № 39; № 41 (Rīga, LVVA, 673. f., 4. apr. (Kasten 19), 12. I.).

⁵⁸ Goetz K. L. Deutsch-russische Handelsverträge. S. 214–215; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 125–127.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 188.

Андрей Тимофеевич вместе с двадцатью детьми боярскими. Участие великокняжеского посла Казакова объяснила желанием псковичей «усилить свои позиции» на предстоящих переговорах⁶⁰, но думается, что присутствие представителей Ивана III должно было быть оговорено с ливонцами заранее, еще весной 1472 года, как и ожидаемое прибытие самого магистра в Псков.

Тем временем в 1472 году в Ливонии вновь обострилась внутренняя политическая ситуация. Сторонники свергнутого магистра Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе, лидерами которых являлись его братья комтур Доблена Фридрих и североэстонский вассал ордена Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе, а также фогт Нарвы Хейденрейх фон Вальгарден, намеревались начать частную войну против Бернда фон дер Борха и ордена в Ливонии. Фогт Нарвы остался в своем замке, в то время как Фридрих покинул подответственный ему Доблен и переехал в Кёнигсберг, под защиту верховного магистра Тевтонского ордена Генриха фон Рихтенберга. Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе с самого начала конфликта занял активную позицию и в конце весны – летом 1472 года прибыл в Швецию, представ перед риксратом с просьбой о военной помощи против Бернда фон дер Борха. Затем он побывал в Кёнигсберге у верховного магистра и весной 1473 года отправился ко двору короля Дании Христиана I (1448-1481), чтобы заручиться его поддержкой в борьбе против ордена в Ливонии. Шведский риксрат согласился с доводами Эрнста, и могущественные братья Аксельссон Тотт - Эрик, правитель Выборга (1457-1481), Ивар, правитель Готланда (1464-1487), и Лауренс, правитель Расеборга (1468-1483) - решили оказать действенную помощь братьям Вальдхаус фон Хеерзе⁶¹. В конце августа – начале сентября 1472 года риксрат направил в Ливонию требование немедленно освободить содержавшегося в заключении свергнутого магистра и возместить причиненный ему ущерб. Ивар и Лауренс Аксельссоны известили

⁶⁰ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 147.

⁶¹ О конфликте Бернда фон дер Борха с братьями Аксельссонами: Rebas H. Infiltration och handel. Studier i senmedeltida nordisk balticumpolitik. Bd. 1: Tiden omkring 1440–1479. Göteborg, 1976. S. 144–162; Idem. Axelssönerna och det gamla Livland // Gotländskt arkiv. 1991. Vol. 63. S. 177–186; см. также Idem. Die Axelsöhne (Tott) und der Narvahandel 1468–1478 // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen / Hrsg. N. Angermann. Lüneburg, 2001. S. 177–199; Nyberg T. Schweden, Riga, Papst 1471–1480 // Prusy – Polska – Europa. Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej / Red. A. Radzimiński, J. Tandecki. Toruń, 1999. S. 109–121.

верховного магистра Тевтонского ордена об этом и предложили провести в Пруссии справедливый процесс по делу Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе после его освобождения. В случае неисполнения изложенных в послании риксрата требований Ивар и Лауренс объявили, что они, «господа и князья, рыцари и кнехты» Швеции, будут обязаны оказать посильную поддержку братьям свергнутого магистра для восстановления их прав⁶². Бернд фон дер Борх назывался в этом письме «администратором и наместником в Ливонии», в то время как Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе все еще именовался «почтенным господином магистром». Угрожающий тон письма вполне ясно давал понять, что братья Аксельссоны были решительно настроены на военные действия против ордена в Ливонии.

Другим «фронтом» Бернда фон дер Борха являлось урегулирование отношений с Ригой - главным политическим и экономическим центром Ливонии - и архиепископом Рижским Сильвестром Стодевешером. Согласно Кирхгольмскому договору от 30 ноября 1452 года между Сильвестром и магистром Иоганном фон Менгеде ген. Остхофом, устанавливалось двойное господство, архиепископа и ордена, над Ригой, причем город был принужден к утверждению этого соглашения⁶³. С приходом к власти в ордене Бернда фон дер Борха горожане вознамерились избавиться от навязанного им Кирхгольмского договора, воспользовавшись шатким положением нового магистра. Архиепископ Сильвестр выступил в роли посредника, однако он также ратовал за отмену договора 1452 года, чтобы, вероятно, добиться на этот раз единоличной власти над Ригой. В сложившейся ситуации магистр оказался единственным, кто выступил за возобновление кирхгольмских соглашений. В бесплодных переговорах между сторонами прошли весна и лето 1472 года, и новая встреча представителей магистра с архиепископом была назначена на середину сентября в Кокенгаузене.

Таким образом, в начале сентября 1472 года Бернд фон дер Борх оказался в сложном положении, так как, с одной стороны, он должен

⁶² LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 86 (Berlin, GStAPK, OBA 16358). Napiersky C. E. ν. Index. Bd. 2. № 2046. S. 49; Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198–1525. Pars 1: Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum. Regesten zum Ordensbriefarchiv. Bd. 2 (1455–1510) / Hrsg. E. Joachim, W. Hubatsch. Göttingen, 1950. № 16358. S. 205.

Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1930. Bd. 24. S. 147–280. Cm. S. 169–181; Hellmann M. Der Deutsche Orden und die Stadt Riga // Stadt und Orden. Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preußen und im Deutschen Reich / Hrsg. U. Arnold. Marburg, 1993. S. 1–33. Cm. S. 27.

был организовать дипломатическое противодействие намерениям коалиции сторонников свергнутого магистра, с другой же - решить принципиально важный вопрос о правовом статусе Риги на переговорах с архиепископом и представителями городского совета. Помимо этого магистру требовалось уделить внимание и запланированному скорому прибытию в Ливонию Зои (Софьи) Палеолог, невесты Ивана III. Еще в конце июня папа Сикст IV (1471–1484) заблаговременно сообщил властям Любека о визите Зои и потребовал снабдить ее свиту кораблями за умеренную цену для дальнейшего пути64. Вероятно, в то же время папа направил подобное послание и ландсгеррам Ливонии с требованием обеспечить невесте великого князя достойный прием и беспрепятственный проезд. Помимо папы о прибытии Зои должен был сообщить и городской совет Любека. В любом случае, краткий обзор внутриливонской ситуации в начале сентября 1472 года показывает, что в это время Бернд фон дер Борх не мог позволить себе покинуть Ливонию. В связи с организацией визита невесты Ивана III он мог рассчитывать на благоприятное развитие отношений с великим князем московским и, соответственно, с псковичами.

Как сообщает псковский летописец, 8 сентября 1472 года «прислал князь местерь съ отвътом посла своего въ Псковъ, что нынъ князю местеру недосоугъ, на съездъ не быти, ни людеи своихъ так же не слати»⁶⁵. Необходимо отметить, что летописец противоречит сам себе, так как два ливонских посла все же прибыли в Псков к назначенному сроку и можно говорить только об отсутствии самого Бернда фон дер Борха. В свете вышеизложенных фактов вполне ясно, почему лично магистру было «недосуг», однако также очевидно, что от его имени на съезд прибыли два представителя Ливонии, называемые и в псковской летописи «посольством от князя местера». В связи с этим не представляется возможным говорить о каком-либо целенаправленном «срыве съезда» магистром. Вероятно, ливонские послы предложили перенести дату съезда на другой срок или по ходу переговоров возникли какие-то осложения, но в данном случае неизбежны умозрительные рассуждения, в которые мы не хотим вдаваться. Как отмечено в псковской летописи, «а Псковоу в томъ оучинилося много поднима на тои съездъ пословъ великого князя по князь местеровоу сроку»66. Расходы на организацию съезда и пребывание великокняжеской делегации в городе псковичи решили возместить за счет ливонцев: «Тоя же осени [в сентябре 1472 года] приеха посолством въ Псковъ от князя местера Клавши ис

⁶⁴ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 55 (Lübeck, AHL, Urkunden, Bullae papales, n. 89).

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 188-189.

⁶⁶ Там же. С. 189.

пороубъжья да Иоанъ бояринъ земныи; и Псковъ их съ обидными людьми приалъ в серебръ, что князь местерь съезди складаетъ, а на ездъ ни сам едетъ, ни людеи своих посылает, а исправъ не даетъ»⁶⁷. Мы затрудняемся объяснить противоречие в летописи, парадоксально указывающей одновременно на прибытие посольства и его арест за то, что магистр не прислал своих людей.

Арест псковичами двух представителей магистра явно грубо нарушал установления Нарвского мирного договора о «чистом пути» для послов с обеих сторон. Данное действие могло быть также интерпретировано в Ливонии как объявление войны. Однако это не вызвало жесткой ответной реакции Бернда фон дер Борха, занятого в тот же период внутриливонскими делами. Переговоры с архиепископом Сильвестром начались 17 сентября 1472 года в Кокенгаузене⁶⁸, где присутствовали также делегаты из Риги. От ордена прибыли ближайшие доверенные лица магистра комтур Голдингена Герд (Герхард) фон Маллинкродт и личный секретарь Иоганн Мейлоф. Сам Бернд фон дер Борх мог находиться в это время в северной Эстонии или в Ревеле, куда 21 сентября из Любека прибыла со своей свитой Зоя Палеолог. В контексте русско-ливонских отношений интересно отметить, что архиепископ Риги предложил посланникам магистра обмен территориями, при этом вся земля Пурнау вместе со спорными участками на псковско-ливонской границе должна была отойти во владение ордена. Это предложение было отвергнуто, но не из-за пункта о Пурнау, а в силу общей фантастичности плана, согласно которому архиепископ собирался завладеть многочисленными замками ордена 69. Из Кокенгаузена переговоры были перенесены в Икскюль, куда 1 октября 1472 года прибыл также сам магистр вместе с тремя рижскими ратманами⁷⁰. Вскоре архиепископ составил вместе с магистром проект соглашения, согласно которому должно было возобновиться действие Кирхгольмского договора вместе с отменой «Остхофской привилегии», данной Риге Иоганном фон Менгеде ген. Остхофом в

⁶⁷ Там же. С. 192.

⁶⁸ Крёгер полагает, что переговоры проходили в Искюле: *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher. S. 227.*

⁶⁹ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 17 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

Das rothe Buch inter Archiepiscopalia enthaltend die Acta zwischen den Erzbischoffen, Herrmeistern und der Stadt Riga in Livland de anno 1158–1489 // Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Est- und Kurland. Riga, Leipzig, 1848. Bd. 2. S. 729–804. Cm. S. 753. В городских казначейских записях Риги указываются имена делегатов в Икскюль: Иоганн Зольтрумп, Иоганн фон дер Борх и Ламберт Хульшере: Kämmereiregister der Stadt Riga. Leipzig, 1909. Bd. 1. S. 326. Z. 17–18.

1454 году⁷¹. Если Бернд фон дер Борх с самого начала намеревался продлить действие Кирхгольмского договора и в этом плане не мог удивить представителей Риги, то зигзагообразное поведение архиепископа Сильвестра, ведшего двойную игру и договорившегося с магистром за спиной рижских ратманов, вызвало с их стороны ожесточенную реакцию. Сильвестр, как справедливо указывает Крёгер, вероятно, рассчитывал на последующее усиление конфликта между горожанами и орденом, чтобы в конце концов остаться единоличным правителем Риги. Вместе с тем он совершенно не учитывал либо считал маловероятной возможность того, что после составления проекта Икскюльского договора рижане смогут договориться с магистром и без него72. Однако именно это и случилось. Разочарованные поведением архиепископа, рижские ратманы обратились к Борху, который тут же отстранился от Икскюльского проекта и пришел к соглашению с ними. Уже 10 октября 1472 года в Риге состоялась торжественная церемония присяги города на верность магистру ордена в Ливонии⁷³. Кирхгольмский договор объявлялся аннулированным, город получал «привилегию Борха», содержавшую помимо установлений Иоганна фон Менгеде дополнительные уступки. Взамен за это власти Риги присягнули Бернду фон дер Борху как единственному господину города. На следующий день, 11 октября 1472 года, Борх отправил

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 88 (Ol. Stockholm, RA, Livonica, Konvolut 384, fol. 1r; Kopialbuch «Rigische Sachen»).

Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher. S. 230–231.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 90 (Rīga, LVVA, 8. f., 3. apr. (Capsula c), 36. l.); № 91 (Rīga, LVVA, 8. f., 3. apr. (Capsula c), 38. l.) Тексты обоюдных грамот от 10 октября 1472 года Тевтонского ордена в Ливонии и города Риги также сохранились в множестве списков в архивах и библиотеках Риги, Гданьска, Любека и Копенгагена. Соответствующие данные приведены в 13 томе первого отделения «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (1472-1479); LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 19 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7); Arndt J. G. Der Lifländischen Chronik 2. Teil. Halle, 1753. S. 154; Schwartz J. Ch. Fortsetzung der Anmerkungen und Urkunden zu den im 26sten Stück der nordischen Miscellaneen befindlichen Fragmenten zur Geschichte Lieflands // Neue Nordische Miscellaneen. 1793. Bd. 3-4. S. 453-718. См. № 23. S. 612-615 (грамота Тевтонского ордена в Ливонии); № 24. S. 616-620 (грамота города Риги); [Napiersky C. E. v.], Urkunden zur älteren Geschichte Rigas // Monumenta Livoniae antiquae. Bd. 4. Riga, 1844. Nachdruck: Osnabrück, 1968. S. 137-303. Cm. № 107-108. S. 232-233; Urkundenbuch der Familie von Mallinckrodt. Bd. 1: Urkunden 1250-1580 / Hrsg. G. v. Mallinckrodt. Bonn, 1911. № 335. S. 164; Das rothe Buch inter Archiepiscopalia. S. 752-754; Neues Lied auf den Streit zwischen Erzbischof Silvester Stodewäscher und Bernd v. d. Borch // Baltische Texte der Frühzeit / Hrsg. L. Mackensen. Riga, 1936. S. 65-66, 314; Hellmann M. Der Deutsche Orden und die Stadt Riga. S. 27.

в Пруссию письмо верховному магистру Генриху фон Рихтенбергу с извещением о состоявшейся церемонии присяги. Помимо этого он сообщил и о другом важном событии:

Также, милостивый любезный господин магистр, в Ревель из Любека прибыла одна дева с сотней сопровождаюших. с многими епископами и легатами. Она, должно быть, дочь одного короля из Греции и провела многие годы при дворе нашего святейшего отца, папы, с такой целью, чтобы молодой король Москвы взял ее в жены, после того как примет христианство [т. е. католичество]. Мы заботились [о ней], направляли и проводили эту деву с ее свитой через области нашего ордена в Ревеле, Йервене и Оберпалене вплоть до земли Дерптского епископства по желанию нашего святейшего отца, папы, с такими наивысшими почестями и почтением. какие мы могли оказать. Вышеназванный король Москвы, как мы полагаем, в качестве условия для получения этой девы поклялся принять христианство [т. е. католичество], но дева не хочет ехать ни к нему, ни в его землю, пока не убедится, что он - христианин [т. е. католик]74.

В тексте письма обращает на себя внимание отсутствие какой-либо антирусской риторики, хотя к тому времени два ливонских посла уже месяц находились в псковском заключении и Борху было прекрасно об этом известно. Сообщение о нежелании Зои покидать Ливонию до подтверждения принадлежности Ивана III к христианской (католической) религии контрастирует с содержанием псковской летописи, согласно которой невеста великого князя спешила уехать «от

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 92 (Tallinn, Eesti Ajaloomuuseum, f. 116, nim. 1, п. 604). Оригинал письма находится в очень плохом состоянии, поэтому текст был восстановлен редакторами сборника при помощи списка Г. Лаакмана: «Hy ist ouch, gnediger lieber her meister, eyn junckfrauw vonn Lubbeck zcu Revall angekomen woll mit hunderth personen, dar etczlichche bisschoff unnd legaten methe seyn, unnd sall weszen eynes koniges tochter awsz Greken unnd hath sich etczliche yair langk bey unnsirn allirheilligisten vetern, den pewesten, enthalden yn sulcher mening, das sie den jungen konick vonn Moszkouw zeur ee nemen sall, so verne her cristen werden will. Wier haben dy junckfraw mit den iren dorch unnsirs ordens gebiethe Revall, Jerwen unnd Overpaill basz yn das stiffte vonn Darppth noch bogeir unsirs allirheilligisten vaters, des pawestes, mit den hogesten eren unnd wirdikeith wier konden, lossen phlegen, leidtsagen unnd schicken. Der genante konigk vonn Moszkouw, so wier vornemen, magk her dy junckfrouw krigen, cristen zeu werden gelobeth hath; dy junckfraw wil aber nicht zeu ym noch yn seyn lanth, sy werde erst vorsicherth, das her cristen ist».

Немець» 75 . В любом случае к моменту написания письма, 11 октября 1472 года, Зоя уже находилась в Пскове 76 .

О переговорах магистра с псковичами зимой 1473 года нам не известно, но какие-то контакты между сторонами по поводу суммы выкупа за арестованных послов в этот период должны были состояться. Следующее ливонское посольство, прибывшее в Псков на Пасху 1473 года, освободило двух своих предшественников после 33 недель заключения, заплатив очень солидную сумму: «Тоя же весне по велицѣ дни, приехавше от князя местера Немѣра [?]⁷⁷ немѣцкыя послы, и выняша посла своего Микоулу Клавшя да Ивана земскаго, а серебро за нихъ 75 рублевъ поплатив обидным людемъ»⁷⁸. Впоследствии, во время русско-ливонской войны 1480–1481 годов, арест послов и сумма выкупа будут одним из пунктов ливонских претензий к псковичам⁷⁹. На данный же момент обострение ситуации явно не входило в планы магистра, потому на середину июля 1473 года была назначена новая дата съезда⁸⁰.

Между тем дипломатический успех Борха в отношениях с Ригой вызвал жесткую реакцию Сильвестра Стодевешера. С этого момента начинается затяжной конфликт между магистром и архиепископом. Уже в конце 1472 года Сильвестр обратился к архиепископу Уппсалы Якобу Ульфссону (1469–1515) и регенту Швеции Стену Стуре Старшему (1470–1497, 1501–1503) с просьбой о помощи против ордена⁸¹.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 190.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 175.

⁷⁷ Не совсем ясен контекст использования этого слова. Возможно, Насонов полагал, что речь идет об имени магистра, хотя, конечно, под «князем местером» подразумевался Бернд фон дер Борх, а не некий Немер. По мнению С. В. Полехова, мы имеем дело с ошибкой писца, совместившего части находящихся рядом слов «местера немецкыя».

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193.

LECUB. Abt. 1. Bd. 14 (Berlin, GStAPK, OBA 16895, fol 2-2v); Die Feldzüge der Russen in Livland und der Livländer in Russland um das Jahr 1480. Blosse Zusammenstellung von Auszügen aus Chroniken und andern Geschichtwerken, und von Urkunden, die die Sache erläutern // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1849. Bd. 4. S. 88-147. Cm. № 5. S. 137-139; Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2139. S. 68; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 16895, Anlage. S. 241.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193: «А о земли и о водъ, еще и обо иныхъ обидныхъ дълех, срокъ съ Псковом от князя мъстера положилъ, что о всъм томъ съездоу быти на объ половине за 2 недели по Петрове дни розговъвсе».

⁸¹ Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Ausbeute des Jahres 1860. Dorpat, 1861–1868. № 504 (документ ошибочно датирован 1470 г.). S. 142; Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher. S. 234. Anm. 2.

В то же время магистр пытался противодействовать шведскому вмешательству в ливонские дела путем нейтрализации угрозы со стороны братьев Вальдхаус фон Хеерзе. В Пруссию, где на тот момент находились оба брата, был направлен комтур Голдингена Герд фон Маллинкродт, прибывший в Кёнигсберг в начале января 1473 года. Посланник Борха предоставил верховному магистру Генриху фон Рихтенбергу подробный отчет о деятельности Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе и о причинах его свержения⁸². Хоть и не лишенный доли истины, но все же весьма тенденциозный отчет должен был оправдать действия ливонских рыцарей в глазах главы ордена. Помимо этого Маллинкродт привез с собой предложение Борха уладить конфликт с братьями свергнутого магистра мирным путем. Нам не известно точное содержание этого предложения, но речь могла идти о материальной компенсации и восстановлении Фридриха в должности и Эрнста в его владениях и правах в Северной Эстонии⁸³. Между тем весной 1473 года братья Вальдхаус фон Хеерзе начали снаряжать боевые корабли и команды наемников в Данциге⁸⁴. Финансовую поддержку им, по всей видимости, оказывали братья Аксельссоны, проявившие с самого начала большую заинтересованность в этой частной войне. В тот же период Генрих фон Рихтенберг прислал в Ливонию ответ на мирное предложение Борха: Фридрих Вальдхаус фон Хеерзе согласился на урегулирование конфликта, в то время как Эрнст отправился в Данию к своим «друзьям» за советом⁸⁵. Из

⁸² Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd. 2. Lief. 2. № 143. S. 97—107. Весьма вольный перевод документа на современный немецкий язык был осуществлен О. Штафенхагеном. В переводе имеются авторские дополнения, не находящиеся в источнике: Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 48–61. См. также Sterns I. Crime and Punishment among the Teutonic Knights. P. 106–111.

⁸³ Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 72.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 119 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 229, S. 3); Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands im 15. Jahrhundert // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1877. Bd. 8. S. 1–44. Cm. № 1. S. 5; Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 6. № 656. S. 598; LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 131 (Gdańsk, APG, 300 D 29, n. 226); Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 6. № 661. S. 599.

⁸⁵ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 132 (Berlin, GStAPK, OF 18 d, 3v-4r); Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2057. S. 51. Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 73. Штафенхаген полагает, что это письмо было составлено в мае 1473 года. Редакторами 13-го тома сборника ливонских актов текст датируется концом апреля 1473 года; Sarnowsky J. Überreste eines Hochmeister-Registranten aus den mittleren Jahren Heinrichs von Richtenberg (1473/74) // Piśmienność pragmatyczna – edytorstwo źródeł historycznych – archiwistyka. Studia ofiaro-

корреспонденции Ивара Аксельссона годом позже мы узнаем, какие именно «друзья» имелись в виду: Эрнст посетил короля Дании Христиана I, стремясь заручиться его поддержкой в борьбе против ордена в Ливонии. Выслушав дело, король объявил Эрнста находящимся под его защитой⁸⁶. Таким образом, верховный магистр вольно или невольно ввел Борха в заблуждение касательно намерений мятежных братьев⁸⁷. В марте – апреле 1473 года Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе набирал наемников и снаряжал корабли в Данциге, а также искал дополнительных союзников. При этом как ослабленное после битвы при Брункеберге под Стокгольмом в 1471 году88 Датское королевство, так и верховный магистр Тевтонского ордена не могли оказать ему действенной помощи. Лишь братья Аксельссоны обладали необходимыми средствами и возможностями для начала войны против ордена в Ливонии. С финансовой и военной поддержкой Аксельссонов Эрнст явно не собирался всерьез обдумывать мирное предложение Борха.

В середине июля 1473 года должны были начаться намеченные переговоры с представителями Новгорода и Пскова о продлении мира⁸⁹. От Пскова в Новое Село прибыли посадники Алексей Васильевич, Кузьма Сысоевич и Терентий Андреевич, в то время как послы магистра расположились в Нарве⁹⁰. Переговоры длились неделю и закончились безрезультатно: «И по неделю съезгявся и розъехася

wane Profesorowi Tandeckiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin / Red. R. Czaja, K. Kopiński. Toruń, 2015. S. 533-547. Cm. № 4. S. 542-543.

⁸⁶ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 216 (Gdańsk, APG, 300 D 11, n. 114).

⁸⁷ Во всяком случае касательно намерений Эрнста. Вероятно, Фридрих Вальдхаус фон Хеерзе был действительно готов вернуться в Ливонию на условиях магистра, так как в дальнейшем он полностью отстранился от конфликта и оставался в Пруссии.

Ekdahl S. Die Schlacht auf dem Brunkeberg bei Stockholm 1471 zwischen Anhängern und Gegnern der Kalmarer Union. Ihre Auswirkungen auf das politische und kulturelle Leben // Acta Archaeologica Lodziensia. 2001. Bd. 47. S. 19-36.

⁸⁹ Неделей ранее, 7 июля 1473 года, Борху удалось решить территориальные разногласия с Великим княжеством Литовским и заключить соглашение об установлении границы: LM. Kn. 5. 1993. № 125. С. 235–238; LM. Kn. 5. 2012. № 531. С. 346–347; LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 153 (Vilnius, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, F1–22); Wojtkowiak Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. «Limites inter Litvaniam et Livonia» z 1473 г. // Poznań — Wilnu. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego. Poznań, 2010. S. 213–270; Dorna M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. 2014. T. 14. S. 87–103.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193.

розно, а оуправъ не оучинивше никоея же, только сами стерлися⁹¹ и по волостъмъ христианъ»⁹². Камнем преткновения был указанный псковским летописцем вопрос «о земле и воде», то есть о спорных территориях на псковско-ливонской границе: рыболовном бассейне Желачки и земле Пурнау.

Чуть ранее, 13 июля 1473 года, в Трейдене начались переговоры магистра с архиепископом для урегулирования имевшихся между ними разногласий, где также присутствовали представители Риги⁹³. В результате была достигнута договоренность об общем перемирии до конца сентября 1474 г. с обязательством не призывать в Ливонию иностранные силы: «Никакая сторона в течение установленного срока не должна ничего предпринимать ни в курии в Риме, ни при дворах императора, королей, князей, графов, и не посылать писем, приносящих ожесточение» ⁹⁴. Так как встреча проходила одновременно со съездом на Нарове, Борх обратился к Сильвестру с просьбой о поддержке ордена на тот случай, если с псковичами не удастся прийти к соглашению. Архиепископ дал положительный ответ и заверил магистра в своей поддержке. Помимо этого, 20 июля он отправил в Ригу письма для Большой и Малой гильдий, повелевая городу быть готовым к войне с Псковом:

Мы не сомневаемся, что вам уже известно о том, что перемирие между этими землями и отступниками от святой христианской веры — русскими, а именно псковичами, — истекает в скором времени. Таким образом, мы полагаем, что эти самые псковичи, усиливаясь день ото дня, намереваются вторгнуться в эти земли Ливонии, разграбить [их] и погубить. Поэтому мы договорились с многоуважаемым господином магистром Немецкого ордена в Ливонии и некоторыми его гебитигера-

⁹¹ В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» это слово интерпретируется как «потратиться, понести убытки». Вместе с тем редакторы сопроводили свой комментарий знаком вопроса в скобках, что указывает на не вполне ясное значение: СлРЯ XI–XVII вв. М., 2008. Вып. 28, С. 61.

⁹² ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193.

⁹³ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 22 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7); в нашей статье (Баранов А. Магистр Ливонского ордена Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутриполитических отношений. С. 137) в качестве даты начала съезда в Трейдене было ошибочно указано 20 июля. В этот день были отправлены письма архиепископа гильдиям Риги, но сама встреча между Сильвестром Стодевешером и магистром началась неделей ранее.

⁹⁴ LECÜB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 22 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

ми [должностными лицами] в Трейдене, что каждая сторона должна поддерживать другую и оказывать ей помощь в том случае, если, не дай Бог, эти самые псковичи не захотят продлять и держать перемирие. Таким образом, мы написали об этом нашему капитулу, всем нашим людям, служителям, вассалам и подданным, что каждый из них должен быть готов со своими кнехтами, доспехами, лошальми и всем остальным. что требуется для военного похода, чтобы, если мы напишем еще раз, отправиться туда, куда мы установим и сообщим, для следования за нами или за тем, кому мы поручим наш город. В силу того, что вы находитесь на территории нашего княжества и ваши предки со времен начала этих земель и до сих пор всегда следовали в походах за нашими предшественниками, честными, истинными и естественными [вашими] государями, а также [в силу того, что вы являетесь] честными подданными святой Римской и нашей Рижской церквей, и как упомянутый господин магистр написал и сообщил нам, и вы высказали то же самое, что вы сохранили наши и нашей церкви права в том соглашении и письменном обязательстве, которое вы заключили, подписали и скрепили печатями с вышеупомянутым господином магистром и его орденом, мы, князь Священной империи, земель Ливонии и т. д. и ваш естественный истинный государь, призываем и требуем, повелеваем и просим, чтобы вы или некоторые из вас, по мере сил и возможностей, служили [нам] и отправились в поход вместе с кнехтами, лошадьми, доспехами и одеждами, если мы вам сообщим и напишем о том, что вы должны следовать [за нами] в готовности и порядке под нашей, нашего княжества и этой земли хоругвью, так же, как делали и ваши предки от начала этих земель, приведенных к христианской вере, и помочь нам и нашим [людям], как заступникам этих земель, защитить эти земли Ливонии, уберечь и оградить [их] от нападения неверных, отпавших от святой христианской веры русских для сохранения и умножения истинной христианской веры, как вам положено делать от Бога и по праву. Ваш письменный ответ на это [послание] мы ожидаем как можно скорее⁹⁵.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 157 (København: Rigsarkivet, Håndskriftsamlingen, Langebek, Jacob, diplomatarium, 860 XIV): «Wy twyvelen nicht, gy hebben woll vornomen, dat de byfrede tusschen dussen landen und den afgesunderden van dem hilligen cristen geloven, der Russen, alze neemlick der Plesskowere, kortliken werdt uthgaen. So vornemen wy, dat desulvigen Plesskowere doch dege-

Чтобы правильно понять содержание этого письма, отправленного гильдиям, а также, наверняка, в другой копии городскому совету Риги, необходимо обратить внимание на эпитеты, используемые архиепископом по отношению к Риге и ее горожанам. Сильвестр сообщает о достигнутом с магистром договоре о взаимной поддержке и обращается в качестве «естественного истинного государя» к рижанам как своим «вассалам и подданным», которые должны собраться именно под его, «заступника этих земель», знаменами. Город Рига именуется им не иначе как «наш город». Какие-либо другие послания архиепископа его вассалам в связи с договоренностями в Трейдене не сохранились, но можно с большой долей уверенности предположить, что иных и не было. Это письмо целенаправленно предназначалось

licken sick stercken vormenende, dusse lande Liefflandt tho overvallende, tho vorherende und to vordervende. Alze hebben wy dorumme mit dem grodwerdigen heren meyster dudtsches ordens tho Liefflandt und etliken synen gebedigern tho Treyden oversproken, eyn deell dem anderen bystandt und hulpe tho doen, were it, dat Got nicht wille, dat desulvigen Plesskowere den gedachten byfrede nicht wolden etlike tydt lenger upschuven und holden. So hebben wy darumme geschreven unsem capittell, alle unser manschopp, denstplichtigen, getruwen und undersaten, dat eyn yderman sal bereyt syn mit knechten, harnsche, perden und alles, dat tho den hervardh saken denet, wen wy en noch eyns schryven, dat se bereyt syn, dar hen to komen, dar wy se bescheden unnd vorschriven werden, tho volgende uns edder wem wy unsen steadt bevelen werden. Und nadem gy denn in unsem forstendome geseten syn und juwe vorfare van ambeginne dusser lande alleweghe unnsen vorfaren beth tho dusser tydt alse eren rechten, naturlicken erffheren gefolget hebben in reyszen, alze rechte underdanige der hilligen Romesschen und unser Rigeschen kerken, und alze uns denn de ergedachte here meyster uns geschreven und gesecht hefft und gy dergelyken thoentboden hebben, dat gy uns und unser kerken ere recht beholden hebben in sulker vordreginghe und vorschryvinghe, de gy mit dem ergenanten heren meister und synen orden solet gemaket, vorschreven, vorsegelt hebben, so ermanen unnd erveordern, esschen und gebeden wy juw, alze eyn forste des Hilligen Rykes und der lande Liefflandt etc., und juwe naturlike rechte here, dat gy juw edder etlike van den juwen na macht und moghe mit knechten, perden, harnsche und wat tho sulken herevarden denet, schicket, wen wy juw noch eyns schryven, dat gy bereyt und geschicket uns moget volgen, darhen wy juw bescheden und vorschryven werden, under unsen, unses forstendomes und dusses landes bannere, alze juwe vorfaren van ambeginne dusser lande, so see tho dem cristen geloven synt gebracht, gedaen hebben, uns und den unsen alze bystendere dusser lande helpet dusse lande Liefflande beschutten, beschermen unnd vorhoden van dem overvall der ungelovigen, affgesunderden Russen van dem hilligen cristen geloven, tho vorwaringhe der recht cristlovigen und meringhe dersulvigen cristen gloven, alze gy dat van Gode unnd rechte schuldich syn tho doen. Juwe beschreven antwordt hirupp begeren wy mit den ersten». См. также: Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher, S. 236, Anm. 2-3.

только для рижан, присягнувших в октябре 1472 года на верность магистру, при этом оговоренные тогда же обязательства Борха и бюргеров соблюдать права церкви в городе архиепископ интерпретировал как доказательство своей власти над Ригой. Таким образом, возможная война с Псковом использовалась Сильвестром в качестве повода для дальнейшего продвижения своих политических амбиций и попытки разорвать отношения между Ригой и орденом с помощью обращения к прошлому («вы должны следовать [за нами] [...] под нашей, нашего княжества и этой земли хоругвью, так же, как делали и ваши предки от начала этих земель») и явного игнорирования факта принесения горожанами присяги на верность магистру. Можно сказать, что архиепископ тут же нарушил данное им обязательство не рассылать «писем, приносящих ожесточение». В любом случае его попытка вернуть Ригу под свой контроль провалилась.

Примерно в конце июля 1473 года в Новгороде возобновились русско-ливонские переговоры о продлении мирного соглашения, продолжавшиеся на протяжении трех недель. В Строевском списке Псковской летописи о них сообщается следующим образом:

Того же лѣта князь местеръ прислалъ своего посла в Великои Новъгород о том же мироу, и Псковъ, отрядив пословъ своих, послалъ в Великои Новъгород, посадника Ивана Гахоновича и посадника Якова Ивановича, а с ним Богдана, что емоу из Великого Новагорода к великомоу князю ехати, что ни оучинится на том съезде, а емоу с тым гнати гонцом. И бывши посадники наши есть недели 3, о мироу не оучинили с немѣцкым послом ничего, а онъ по семъ и отказалъ, что князь местеръ со Псковом и перемирье не емлет по срочных лѣтех 96.

Содержание этого отрывка по-разному интерпретировалось в исследовательской литературе. Гаральд Козак предположил, что выражение «перемирье по срочных лѣтех» следует понимать как очередное ограниченное по сроку перемирие, в то время как магистр, вероятно, стремился к заключению бессрочного соглашения, то есть «вечного мира». У Казакова, напротив, рассматривает эту фразу из

⁶ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193.

Oosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland 1478-1483 // Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Arbeiten des Baltischen Vorbereitenden Komitees für den XVI. Archäologischen Kongress in Pleskau 1914. Berlin, 1914. S. 203-240. Cm. S. 204. Anm. 3.

летописи как «прямой отказ посла магистра возобновить мир»98. Дополнительную информацию о ходе переговоров можно почерпнуть из письма самого Бернда фон дер Борха, направленного в Данциг 6 января 1474 года, где в контексте описания конфликта с Иваром Аксельссоном и Швецией он сообщает также о том, что со времени заключения 25-летнего мира, явно имея в виду Нарвский договор 1448 года, «неверные русские» захватили у ордена земли и воды, которые они хотят сохранить за собой, и потому желают, чтобы сейчас эти земли и воды «отныне и на вечные времена были скреплены нами [магистром] печатью» (nw vordan zu ewigen zceyten von uns wellen vorsigilt haben), то есть заключения «вечного мира», закрепляющего за псковичами спорные территории. Предположение Козака о том, что магистр хотел прийти к бессрочному соглашению, следует, таким образом, признать несостоятельным, так как сложившаяся на границе ситуация явно не отвечала интересам Борха и вполне устраивала псковичей. Соответственно магистру не имело смысла заключать «вечный мир», и это предложение, согласно его письму, было выдвинуто послами из Пскова. В ответ он представил свой план: «Мы предложили им, дабы благополучие и купечество этих земель не погибли, чтобы они еще одно десятилетие удерживали за собой эту землю и воду, и на протяжении этого срока обе стороны смогли бы выяснить несовершенство [договора] и решить [его]. Они отвергли все это и хотят, чтобы мы эту самую землю и воду, которую наши предшественники с помощью и заступничеством вашим и ваших покойных предшественников тяжким трудом и множественным кровопролитием отвоевали у язычества, ныне отдали и уступили»99.

Таким образом, по версии магистра, ливонские послы предложили десятилетнее перемирие с временным удержанием за псковичами спорных «земель и вод». В ходе дальнейшего обсуждения предполагалось урегулировать территориальные и торговые разногласия. Это детальное описание переговорного процесса не противоречит сообщению псковской летописи, но сообщает дополнительные важные

⁹⁸ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 148.
⁹⁹ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 187 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 13): «Wir haben in, uff das disser gemeynen lande wolfarth und koffenschafft nicht underginge, lossen anbitten, das sie sulch landt und wasser noch eyn jarzceen yn weren behalten und bynnen der zeeit von beyden parten dy gebreglichkeit irkandt und entscheden mochte werden, das sie alls abeslan und wellen, das wir dieselbtigen wasser

und land, die unsir vorfaren vormittelst hulffe unde beystandt euwir und euwir vorfaren seligen mit swerem arbeidt unnd manchfeldigen bluthvorstorzungen auwß der heydenschafft gewunnen haben, nu sullen obergeben und abetreten».

подробности. «Перемирье по срочных летех» следует понимать как перемирие на определенный псковичами срок, то есть на псковских условиях. Как следует из письма Борха, он был готов на утверждение в мирном договоре временного владения псковичами спорными «землями и водами», в то время как псковские послы требовали полного отказа магистра от этих территорий. Разумеется, речь шла не только об ордене, но и об архиепископе Риги и епископе Дерпта, так как на переговорах в Новгороде посланники магистра представляли всех ливонских ландсгерров. Таким образом, интерпретация Казаковой о прямом отказе посла магистра возобновить мир также не может быть принята. Речь шла не об отказе ливонцев возобновить мир, но о жесткой позиции, занятой обеими сторонами. Как Борх не хотел официально отказываться от претензий на спорные земли, так и псковичи не желали утверждать свое временное владение этими территориями. Добровольный отказ магистра от Желачки и Пурнау, добытых, как он выразился, «тяжким трудом и множественным кровопролитием», должен был негативно отразиться на репутации ордена, претендующего на политическую гегемонию в Ливонии и статус защитника всей ливонской земли. С другой стороны, псковичи не соглашались на закрепленное договором временное владение спорными территориями, так как рассматривали их в качестве «псковской вотчины» и потому не могли пойти на это.

Дополнительным фактором, влиявшим на позицию Пскова, являлся расчет на военную поддержку великого князя московского, значительно усилившего свое влияние в Псковской земле в 60-х годах XV века. Еще в июле, когда шли переговоры на Нарове, к Ивану III выехали посадник Степан Афанасьевич и сын посадничий Андрей Иванович. По формулировке Строевского списка Псковской летописи, они отправились «бити челом великомоу князю, чтобы боронил и на конь всель за дом святви Троици, какъ и преже сего стояли его прародители противоу Немец» 100. 18 августа 1473 года посадник Степан Афанасьевич возвратился в Псков, сообщив, по версии Строевского списка, что «князь великои хощеть стояти за дом святыа Троица и за Псковъ за свою вотчину» 101. В рассказе летописца обращает на себя внимание просьба к великому князю о военной помощи во время проведения июльских переговоров о продлении мира и в ситуации, когда псковичам очевидно ничего не угрожало 102. Носящий деклара-

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 193.

¹⁰¹ Там же. С. 194.

¹⁰² Например, Алексеев сообщает о том, что сначала магистр отказался за-

тивный характер ответ Ивана III без поддержки великокняжеских полков не мог удовлетворить Псков. Еще Гаральд Козак обратил внимание на то, что Иван Васильевич совсем не спешил начинать войну с Ливонией по зову псковичей 103. Вопреки утверждению Казаковой о незамедлительной помощи Москвы¹⁰⁴, первое посольство к Ивану III вернулось фактически ни с чем. Гонец Богдан был направлен к великому князю с вторичной просьбой о военной поддержке («чтобы князь великои любо сам на конь оуссель, любо сына послаль за домъ святыа Троица»)105 еще до возвращения делегации посадника Степана Афанасьевича и прибыл в Москву 15 августа 1473 года, пробыв там три дня¹⁰⁶. В Строевском списке сообщается о том, что Богдан выехал из Пскова после приезда туда псковской делегации из Новгорода после неудачного окончания переговоров. Учитывая дату его прибытия в Москву (15 августа), гонец должен был отправиться к великому князю в самом начале месяца, предположительно 4-5 августа. Мы не располагаем точной датой начала мирных переговоров в Новгороде, но, судя по хронологическому порядку, представленному в Строевском списке, в середине июля начался съезд на Нарове, длившийся одну неделю, после которого переговоры были продолжены уже в Новгороде и длились при этом три недели. Если учесть эту хронологию и время, необходимое для поездки Богдана из Пскова в Новгород и обратно, то несложно прийти к выводу, что гонец был отправлен в Москву с просьбой о помощи еще до окончания трехнедельных мирных переговоров и задолго до возвращения первого посольства. Наконец, 29 августа Богдан вернулся в Псков, сообщив: «Князь великои и своим сыном рад есмь стояти и боронити дом святыа Троицы и вас свою вотчину Псковъ и на конь всести съ всеми силами роускыми, аже васъ почноуть Немци»107. Этот ответ Ивана III, объявившего о том, что пошлет войска в Псков только в случае агрессии со стороны

ключить мир и только после этого «встревоженные» псковичи обратились за помощью к великому князю из-за «нависшей над ними угрозы немецкого вторжения»: Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III. С. 109. Псковская летопись вполне ясно показывает, что псковичи обратились за военной поддержкой еще во время проведения мирных переговоров, когда их исход еще не был ясен и ни о какой угрозе немецкого вторжения не шло речи.

¹⁰³ Cosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland. S. 204. Anm. 3.

 $^{^{104}}$ *Казакова Н.* А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 148.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 194.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

немцев, вполне ясно указывает на нежелание великого князя начинать войну против Ливонии. По сути, псковичам было вторично отказано в просьбе о военной помощи, условием для которой должно было стать нападение ливонцев на Псковскую землю. Но входило ли это в планы магистра и располагала ли ситуация, сложившаяся в Ливонии летом – осенью 1473 года, к подобному сценарию?

Для рассмотрения этого вопроса необходимо вернуться к Эрнсту Вальдхаусу фон Хеерзе. Его брат Фридрих на определенном этапе отстранился от участия в войне против ордена в Ливонии, после чего ближайшим помощником Эрнста стал бывший слуга свергнутого магистра Вильгельм Суппенброт. Фридрих остался в Кёнигсберге, в то время как Эрнст прибыл в Кальмар, откуда он 21 августа 1473 года совместно с Вильгельмом Суппенбротом отправил в Ливонию письмо с объявлением войны Бернду фон дер Борху и всему ордену:

Почтенным и уважаемым господам гебитигерам, конвентам, служителям и подданным вашего ордена. Вам и иным добрым людям хорошо известно совершенное против Бога и всего христианства насилие. Брат Бернд фон дер Борх со своими людьми, невзирая на честь и закон, захватил вашего истинного господина магистра Ливонии, моего брата, во время ночного сна в его постели, противозаконно бросил в тюрьму и погубил смертью. И мы полагаем, что из-за противозаконного насилия против нашего права вам должен быть нанесен множественный ущерб. Потому я, Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе, и Вильгельм Суппенброт вместе со всеми нашими друзьями и помощниками объявляем всему вашему ордену и [вашим] подданным, упомянутому брату Бернду и всем его людям, что мы являемся [вашими] врагами по вышеуказанному делу и всему, что с ним связано, до тех пор, пока мы не получим в этом деле возмещения ущерба и восстановления справедливости¹⁰⁸.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 160 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 232-233, S. 2-3):
«Erwerdigen und ersamen hern gebedigers, cavente und amptlude mitsampt juwes ordens undersaten. Juw und mennigem guden manne is wal kundich und apenbar de unrechtverdige grote gewoldt wedder Got und alle cristen rechte, broder Berndt van der Borch mit syner partye juwen rechten herrn meister to Lifflande, mynen broder, by nachtslapender tidt unvorwaret erer ere und rechte an synem bedde gegrepen, sunder jenigerley recht in vengnisse geworpen, baven vorbedinge aller rechte mortlicken van deme levende tom dode gbracht. Und nemen voir, mit sulker unredelicken gewolt unnse recht vortostande, des gie to merem schaden kamen sullt. Hirumb ick, Ernst Wolthuwß van Heerse, und Wil-

В этом письме впервые говорится о смерти бывшего магистра Иоганна Вальдхауса фон Хеерзе, который скончался в тюрьме. Из Кальмара Эрнст направился на Готланд, где происходили заключительные приготовления к войне. На острове сконцентрировались флот, наемники и пираты, готовые к атаке на Ливонию. Из Висбю 26 августа Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе и Вильгельм Суппенброт разослали письма в Висмар и другие ганзейские города с уведомлением о начале войны против ордена в Ливонии, описанием ее причин и просьбой о помощи. Помимо этого они потребовали от Ганзы воздержаться от какой-либо помощи ордену, пригрозив ответными мерами¹⁰⁹.

Таким образом, в конце лета 1473 года Бернд фон дер Борх находился в весьма сложном положении. С запада, со стороны моря, в самое ближайшее время должен был ударить Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе, причем он мог как беспрепятственно высадиться в любом подходящем для этого месте, так и непосредственно угрожать ливонским торговым кораблям. На востоке же мирные переговоры в Новгороде завершились ничем. В сложившейся ситуации магистр оказался перед лицом войны на двух направлениях. В конце августа в Псков прибыл дерптский посол — бюргер Ганс Харпе, попытавшийся все же решить дело миром в последний момент. Псковские власти согласились лишь на продление перемирия на четыре недели, вплоть до 12 сентября. «Затем они [псковичи] не желают более держать никакого мира с нами» (darna willen se neynen frede lenger mit uns begripen), — сообщил дерптский посол¹¹⁰.

Сообщения современных ливонских источников контрастируют с традицией, отраженной в псковских летописных сводах. В раннем Синодальном списке середины 80-х годов XV века говорится только о том, что в год 6982 «бысть псковичемъ многи обиды и брани великыя съ Нъмци, и послаша послы своя к великому князю Ивану Василье-

lem Soppenbrodt mitsampt unsen frunden und hulperen entsegen juwen gantzen orden und undersaten, deme bavengenomeden broder Bernde, aller partye bylligers, und sint der uppgemelten sake vigendt und alle, de daruth entspreten, solange uns vor de benomden sake und wes wie to juw vorbenomden to seggende hebben recht, gelick und wandel gescheen sy»; *Stavenhagen* O. Johann Wolthuss von Herse. S. 73–74.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 161 (Archiv der Hansestadt Wismar, Abt. III, Rep. 1, Aa, n. 1776); Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands. № 3. S. 5; Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 7. S. 155. Anm. 1.

¹¹⁰ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 164 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 24 III, fol. 56); Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижских и Ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. № 295. С. 54.

вичу бити чоломъ и просити помощи противу Немець»¹¹¹. Летописец при этом не уточняет, о каких именно обидах и бранях идет речь. Также удивительным образом в практически современном событиям 1472–1474 годов списке не приводится никаких деталей касательно переговоров и этапов развития конфликта.

В более позднем Строевском списке 1567 года, как мы уже показали выше, подробно сообщается о посольствах к великому князю, отправленных параллельно с проходившими на Нарове и в Новгороде мирными переговорами. В Варшавском списке 1548 года, оставшемся неизвестным А. Н. Насонову, приводится следующая версия событий: «В лето 6982. Бысть псковичам розмирье с немцы и с местером и сь юрьевцы и с пискупом Юрьевским. Тогда псковичи послаша посла своего к великому князю Ивану Васильевичю бити челом: "На отчину вашу наступают, и ты, господин и государь наш, печалуися о своей отчинъ". И вечал Псковскому послу: "Аз рад печаловатися своею отчиною"»¹¹². Редакция статьи 6982 года по Варшавскому списку очевидно отличается от вариантов Синодального и Строевского списков, но по своему содержанию остается в рамках сценария немецкой угрозы и обращения за помощью к великому князю. Обращает на себя внимание перечисление оппонентов при «размирье»: указываются магистр ордена, город Дерпт и епископ Дерпта, в то время как архиепископ Риги вообще не упоминается, хотя большая часть спорной земли Пурнау находилась как раз на соприкосновении псковского порубежья с архиепископскими владениями. Впрочем, то же самое мы можем наблюдать и в Строевском списке, где в статьях касательно «земли и воды» на русско-ливонской границе умалчивается роль архиепископа Риги в происходящем.

В любом случае к концу августа 1473 года русско-ливонские переговоры зашли в тупик. Как отметил позднее, в 1478 году, магистр, псковичи хотели либо воевать, либо заключить мир, но только на своих условиях¹¹³. В своем письме верховному магистру Генриху фон Рихтенбергу от 14 августа 1473 года Бернд фон дер Борх выразил недовольство действиями прусского епископа Самбии Дитриха фон Кубы, который приобрел две папские буллы для продажи индульгенций только для своего диоцеза, но не для всего ордена в Пруссии и Ливонии, чтобы можно было «проповедовать крест против русских и всех других, кто нападает на наш орден» (das crewtcze zcu predighen

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 55.

¹¹² Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. С. 166.

¹¹³ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 25 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

ken dy Rewßen unde alle andere, dy unsirn orden anfertigen)114. В привлечении дополнительных финансовых средств от продажи индульгенций были заинтересованы оба магистра, но в Ливонии на данном этапе эта идея не получила продолжения, и тяжелый конфликт Генриха фон Рихтенберга с епископом Самбии ограничился Пруссией 115. В любом случае санкционированная папой кампания по сбору средств потребовала бы времени, которого у Борха не было в запасе. В Трикатене 1 сентября 1473 года был созван общеливонский съезд – ландтаг – для обсуждения сложившейся ситуации. Представители Дерпта зачитали магистру и всем присутствующим пространный ответ псковичей на предложения посла Ганса Харпе, вернувшегося накануне из Пскова, согласно которому по истечении четырехнедельного перемирия (15 августа - 12 сентября 1473 года) они были готовы начать войну. Бернду фон дер Борху не оставалось ничего иного, кроме как объявить ордену, своим вассалам и городам, а также и другим ливонским ландсгеррам о необходимости приведения Ливонии в боевую готовность. Решение об общем сборе войск всей Ливонии находилось исключительно в компетенции ландтага, поэтому письма магистра, разосланные во все части страны, должны были обладать необходимой для этого легитимацией. Известно, что представители городов Ревеля и Дерпта заверили магистра в своей поддержке. Ревель в любом случае являлся орденским городом, и делегаты лишь сообщили Борху, что им было бы «очень тяжело выступить в конном порядке» (dat et uns ser swar wessen solde to perde uttomaken), и поэтому они предложили свою помощь на Чудском озере (dat et uns duchte felle bequemer wessen uttomaken up den Peybes)¹¹⁶. Магистр ответил, что хочет обсудить этот вопрос позже, однако дерптцы тут же сообщили,

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 159 (Berlin, GStAPK, OBA 16422; Vilnius, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, F 15-73, S. 321). Napiersky C. E.
 ν. Index. Bd. 2. Nº 2055. S. 50; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. Nº 16422. S. 210.

Dralle L. Der Staat des Deutschen Ordens in Preußen nach dem 2. Thorner Frieden. Untersuchungen zur ökonomischen und ständepolitischen Geschichte Altpreußens zwischen 1466 und 1497. Wiesbaden, 1975. S. 97-107.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 163 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 48 IV, fol. 17 (ol. K 18)). Бессуднова интерпретирует это высказывание как желание ревельцев перебросить войска к псковской границе по Чудскому озеру из-за осенней распутицы: Бессуднова М.Б. Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. С. 120. Мы думаем, что речь идет скорее о типе войск, которые предлагают ревельцы: вместо предоставления дорогостоящей кавалерии они желают выставить пехоту для использования на Чудском озере.

что предоставят в пользование войск из Ревеля столько кораблей, сколько им понадобится (wellen jw myt schepen fogen to juwen folke, so felle gy der behoff hebben)¹¹⁷. Сообщение об этом было направлено в Ревель делегатами от города уже 1 сентября 1473 года. Сохранилось также письмо Бернда фон дер Борха с приказом о готовности к войне, отправленное в Ревель из Трикатена на следующий день, 2 сентября¹¹⁸. Канцелярские пометки на нем позволяют нам проследить за маршрутом и скоростью его пути к пункту назначения: 3 сентября письмо прибыло в Феллин (90 км от Трикатена) и было сразу же отправлено дальше; 4 сентября гонец был уже в Вейсенштейне (60 км от Феллина), откуда на следующий день должен был прибыть в Ревель (75 км от Вейсештейна). Таким образом, расстояние ок. 225 км было покрыто гонцом за три дня, что указывает на скорость распространения приказа магистра о созыве войск ордена и орденских вассалов и соответственно дает некоторое представление об общей скорости «мобилизации»¹¹⁹. Судя по содержанию письма, Бернд фон дер Борх не удовлетворил просьбу ревельцев, так как отдал горожанам приказание хорошо вооружить всю доступную кавалерию (mit allem reisigem tuge willen gesatith syn), чтобы быть готовыми по первому указанию выступить для отражения врага.

В начале сентября 1473 года в Валке состоялось еще одно заседание ландтага, на котором обсуждались уже конкретные планы действий в будущей войне¹²⁰. Согласно обвинительным статьям ордена против епископа Дерпта от июля 1475 года, в Валке «были решены и установлены все дела против русских с совета и разрешения всех частей этих земель, что следует единодушно, с силой всей земли, быть готовым [выступить] против русских». Далее говорилось о том, что магистр должен был вместе со своими гебитигерами (должностными лицами) и землями вооружиться всем необходимым для похода,

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 163 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 48 IV, fol. 17 (ol. K 18)).

¹¹⁸ LECUB. Ábt. 1. Bd. 13. № 164 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 24 III, fol. 56); Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях. № 295. С. 54.

¹¹⁹ Требуется подчеркнуть, что речь идет только о непосредственно подчиненных магистру войсках, которые соответственно могли быть приведены в боевую готовность наиболее быстро и эффективно. В случае же других ландсгерров «мобилизация» занимала больше времени, так как после подтвержденного решением ландтага письма магистра приказ о военном сборе отдавался дальше по цепочке вниз от архиепископа Риги и епископов Ливонии к их вассалам, городам, служителям и крестьянам.

Kämmereiregister der Stadt Riga. Bd. 1. S. 331; Kämmereibuch der Stadt Reval 1463-1507 / Hrsg. R. Vogelsang. Köln, Wien, 1983. S. 223.

усилив при этом ополчение по всей стране, чтобы с Божьей помощью отразить нападение русских и защитить Ливонию, и в особенности Дерптскую епархию¹²¹. Помимо ландтага в Валке в тот же период еще одно собрание прошло у магистра в Вендене, куда прибыли также делегаты из Риги¹²².

Главной темой, обсуждавшейся на съездах в Трикатене, Валке и Вендене, несомненно являлась предстоящая война с русскими, однако и о немедленной угрозе со стороны Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе там не могли забыть, так как война на двух направлениях представлялась на тот момент неизбежной. По всей видимости, основные военные силы всей Ливонии должны были быть сконцентрированы на русско-ливонской границе. Как показали последующие события, ответственность за оборону морского побережья Эстонии была возложена на комтура Ревеля Иоганна Фрейтага фон Лорингхофена, будущего наместника и магистра ордена (1483-1494), который должен был возглавить отдельный отряд для противостояния Эрнсту Вальдхаусу фон Хеерзе. Фогт Нарвы Хейденрейх фон Вальгарден, являвшийся одним из убежденных врагов Бернда фон дер Борха, отметил тем не менее в своем письме в Ревель от 15 сентября 1473 года, что магистр заботливо и энергично усилил войсками все русско-ливонское пограничье. Так как лишь в Нарве отсутствовал достаточно сильный гарнизон, фогт совместно с городским советом Нарвы затребовал из Ревеля подкрепление в 50-60 человек. Вальгарден предложил либо прислать их напрямую из города, либо запросить разрешения у магистра направить в Нарву такой отряд из тех войск, что были высланы Ревелем в армию ордена. В противном случае фогт пригрозил, что найдет наемников для обороны Нарвы, услуги которых будут оплачены за счет хранящихся там товаров ревельских купцов¹²³. В тот же день в Ревель было отправлено письмо и городским советом Нарвы, в котором в

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 340 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 53): «Item to gedenken aller handelinghe, de geschegen thom Walck und wo dar solvigest alle sake tegen de Russen myt rade, vulbarth und aller parthe dusser lande besloten und vorgenomen worden, dat men eyndrechtliken myt der macht des gantzen landes tegen de Russen bereyt syn solden. Dar sick de here meister myth synen gebeydigeren und landen gensliken tho verleyt, syck myt allen noettrofftigen dingen tor herfarth satede, syne malwe an allen enden sterkede, op dat he jo myt der hulpe Godes gedrenge unde anffal der Russen keren mochte, disse gemeynen lande und sunderlings dat stichte tho Darpte beschutten und beschermen etc.»

¹²² Kämmereiregister der Stadt Riga. Bd. 1. S. 331.

¹²³ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 169 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 52 I, fol. 55).

более деликатной форме испрашивалось разрешение на привлечение ревельских купцов, чьи товары размещались в городе, к обороне от русского нападения¹²⁴.

Тем временем события стремительно развивались по худшему для магистра сценарию. 7 сентября 1473 года Ивар Аксельссон направил послание Бернду фон дер Борху и всему ордену в Ливонии, в котором объявил, что он и его братья присоединяются к Эрнсту Вальдхаусу фон Хеерзе и Вильгельму Суппенброту с целью оказать им поддержку в войне против магистра для восстановления справедливости. В конце письма Ивар отметил, что ему известно о том, что в скором времени истекает срок мирного соглашения с русскими, после чего Ливонии грозит большой ущерб в результате вражеского нападения. В случае примирения Борха с Эрнстом и его сторонниками, написал он, те получили от него указание прийти ордену на помощь со своими отрядами для защиты христианства 125. В исследовательской литературе это предложение Ивара воспринималось буквально в качестве искреннего желания оказать помощь магистру после урегулирования конфликта¹²⁶. Учитывая время и обстоятельства написания этого формального объявления войны, речь может идти только о попытке Ивара Аксельссона запутать или обмануть Борха. Примерно в середине сентября войска Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе высадились в северной Эстонии в районе Пернау, и они явно не собирались что-либо обсуждать с магистром. Помимо этого, очень краткий временной промежуток между отправкой письма и фактическим началом боевых действий не позволял Борху ни обдумать предложение, ни тем более ответить на письмо Ивара.

Так как основная часть орденских войск была, как указывал фогт Нарвы Вальгарден, к 15 сентября 1473 года размещена на русско-ливонской границе, комтур Ревеля Иоганн Фрейтаг фон Лорингхофен имел в своем распоряжении лишь ограниченный контингент для противостояния нападению со стороны моря. Со своим отрядом он выступил из Ревеля в направлении Пернау, где, по дошедшим до него от пострадавших крестьян сведениям, высадились

¹²⁴ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 168 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BD 8 II, n. 1 (ol. K 18; RBA, n.1246)). Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях. № 296. С. 54; Hansisches Urkundenbuch. Bd. 10. München, Leipzig, 1907. № 240. S. 139.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 166 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 232–233, S. 1–2). Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands. № 4. S. 5; Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 7. S. 155. Anm. 2.

¹²⁶ Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 74; Rebas H. Die Axelsöhne (Tott) und der Narvahandel. S. 187.

войска Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе. Из Кегеля 19 сентября он отправил в Ревель письмо с требованием задержать и предать суду одного шведского священника, который вместе с людьми Эрнста участвовал в грабеже ливонских крестьян и должен был на тот момент находиться в городе для сбора информации¹²⁷. На следующий день, 20 сентября, комтур Ревеля получил первые более точные сведения из Пернау: Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе атаковал город Старый Пернау, находившийся на территории Эзель-Викского епископства, взял его штурмом, разграбил и сжег городскую церковь, после чего решил захватить и Новый Пернау, располагавшийся уже во владениях ордена. Люди Эрнста попытались взять штурмом орденский замок, но были встречены сильным огнем из крепости, понесли потери и, бросив тела убитых, были вынуждены отступить. В своем послании в Ревель от 20 сентября Иоганн Фрейтаг фон Лорингхофен с удовлетворением отметил, что Новому Пернау не был нанесен ущерб. Помимо этого комтур Ревеля распорядился отправить в Нарву подкрепление против русских, ответив таким образом на запрос Хейденрейха фон Вальгардена¹²⁸.

Выбор Нового Пернау в качестве цели для удара не был случайным: в этом городе находился важный порт ордена¹²⁹, к тому же линия эстонского побережья представлялась беззащитной в силу концентрации ливонских войск на востоке¹³⁰. После нападения люди Эрнста вернулись на свои корабли и покинули берег. Рижский городской совет направил 8 октября 1473 года письма в Данциг и Любек с сообщением о происходящем в Ливонии. Согласно этим посланиям, Ивар и Эрик Аксельссоны снарядили в море сильный отряд из 300 человек, хорошо оснащенных доспехами, оружием, пушками и всем необходимым для войны (mit harnsche, blanck, bussen unde allerleye, to orloye unde krige behorende, wol geschicket). Эти люди высадились в Старом Пернау, разграбили и сожгли там церкви и жилые дома, взяв в плен какое-то количество местных жителей. На море им удалось также захватить несколько, по всей видимости, торговых кораблей. Из-за серьезности угрозы рижские ратманы посоветовали властям Любека и Данцига либо на какое-то время вообще не отправлять корабли

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 170 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 52 IX, fol. 23, 22).
 LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 172 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BB 52 IX, fol. 25, 24); о нападении на Пернау см. также: Laakmann H. Geschichte der Stadt Pernau in der Deutsch-Ordenszeit (bis 1558). Marburg, 1956. S. 36–38.

Ahvenainen J. Der Getreidehandel Livlands im Mittelalter. Helsinki, 1963. S. 195-196.

¹³⁰ Rebas H. Infiltration och handel. S. 150.

в Ливонию, либо хорошо вооружить их перед плаванием¹³¹. Таким образом, в сентябре — октябре 1473 года пиратские акции Ивара и Эрика Аксельссонов, а также Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе нанесли ущерб ганзейской торговле и владениям епископа Эзель-Вика, в то время как орден в Ливонии, являвшийся целью войны, практически не пострадал. Отряд, высадившийся в Пернау, не рискнул сразиться с комтуром Ревеля. Тем не менее отсутствие боевого флота не позволяло ордену полностью ликвидировать угрозу дальнейших высадок и ударов по слабо защищенным отрезкам побережья, а также воспрепятствовать нападениям на торговые корабли.

В этот период Бернд фон дер Борх, всецело занятый организацией обороны Ливонии, направил в Роннебург, где архиепископ Риги собрался вместе со своим капитулом и представителями вассалов, ландмаршала ордена Конрада фон Херценроде и фогта Каркуса Эберхарда Лаппе фон дер Рура, чтобы получить от Сильвестра подтверждение верности соглашениям в Трейдене от июля 1473 года о взаимной поддержке и помощи против псковичей 132. Согласно сообщению, составленному магистром и его официалами для римской курии 10 апреля 1478 года (так называемый «Вейсенштейнский рецесс»)133, архиепископ объявил в ответ, что, посоветовавшись со своим капитулом и вассалами, он отказывается от участия в войне со Псковом, поскольку этот конфликт является незначительным «детским делом» (geringe unnd kinderding) и относится к «купеческим вопросам» (koplude werck)¹³⁴. В сообщении было также отмечено, что Сильвестр обязался отправить на войну 2200 человек. Судя по всему, это обешание не было выполнено.

Вероятно, в связи с отказом архиепископа Бернд фон дер Борх направил в Дерпт своего переводчика Генриха Фогелера, который должен был еще раз заручиться поддержкой епископа и горожан в будущей войне. Епископом Дерпта с марта 1473 года являлся Иоганн Бертков. Как излагается в списке обвинительных пунктов ордена против епископа от июля 1475 года, после своего избрания капитулом Иоганн Бертков отбыл в Рим на утверждение папой и

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 177 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 234); Bidrag till Skandinaviens historia ur utländska arkiver. Bd. 4: Sverige i Sten Sture den äldres tid 1470-1503 / Hrsg. C. G. Styffe. Stockholm, 1875. S. 44 Anm. 6; Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands. № 5. S. 5-6; Hanserecesse. Abt. 2. Bd. 7. № 75. S. 155.

¹³² LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 23 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

¹³³ См. прим. 7.

¹³⁴ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 25 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

на обратном пути в Ливонию остановился, в частности, в Пруссии, где был принят верховным магистром Генрихом фон Рихтенбергом. В Кёнигсберге епископ, кроме всего прочего, поклялся всегда поддерживать орден¹³⁵. После возвращения в Ливонию он встретился с Берндом фон дер Борхом в Вендене и затем в Трикатене, где в устной и письменной форме (myt hande unde munde) поклялся в верности ордену. То же самое сделали два члена дерптского кафедрального капитула от имени епископства сразу после прибытия Иоганна Берткова из Рима. Затем уже в Мариенбурге два члена дерптского капитула, городской писец и другие представители Дерпта оформили и утвердили, как можно понять, общий договор с орденом от имени епископа, кафедрального капитула и городского совета Дерпта. После съезда в Валке и в связи со слухами о возможном сепаратном перемирии с русскими переводчик Генрих Фогелер прибыл к Иоганну Берткову с просьбой магистра воздержаться от заключения отдельного мира для блага Ливонии. Весьма любопытно замечание составителей документа, согласно которому магистр намеревался отправить очередное посольство в Псков, чтобы от имени всех ландсгерров Ливонии возобновить там мирные переговоры, поскольку решения о войне или мире против русских должны приниматься всей ливонской землей сообща, без отделения одной части от другой¹³⁶. В ответ епископ Дерпта заверил посланника магистра, что полностью придерживается постановлений ландтага в Валке и не собирается предпринимать что-либо без ведома и согласия Бернда фон дер Борха (he den dingen gensliken also volgen wolde unde nicht begynnen aen metwetten und raet des heren meisters), а также выразил надежду на успех будущего посольства от имени всей Ливонии (dat somelike botschop aen Plesskow vorg[enant] van wegen des gantzen landes eyndrechtliken eynen vortganck gewynnen mochte). Разумеется, речь идет о документе полемического характера, в особенности в том, что касается постоянного подчеркивания единства Ливонии,

В этом акте не было ничего необычного. Так, в 1449 году новоизбранный архиепископ Риги Сильвестр Стодевешер, ставший затем одним из самых ожесточенных врагов ордена, гарантировал в письменной форме свою верность Тевтонскому ордену в Кёнигсберге. См. Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher. S. 161–162.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 340 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 53): «dat men vor dat erste van der gemeynen lande wegen eyndrechtliken eyne bodeschop an Plesskow schikede tho vortastende, wo de tom vrede geneget weren, dar men sick denne na richten unde myt eendrachte des gantzen landes eyn part van dem anderen ungescheden sam eynerlude to vreden eder to veidende tegen de Russen gesateth wesen mochten».

однако мы располагаем также сохранившимся ответом Иоганна Берткова на пункты обвинения, согласно которому описанные выше факты наличия договоренностей о верности ордену не были им оспорены¹³⁷. Вместе с тем епископ Дерпта представил свою краткую версию событий, к которой мы вернемся в дальнейшем, поскольку она касается уже непосредственно мирного договора с Псковом.

В целом ситуация, сложившаяся в Ливонии к октябрю 1473 года, была весьма сложной для Борха: в случае русского вторжения магистр мог рассчитывать только на силы ордена и Дерптского епископства, в то время как архиепископ Риги не пожелал высылать войска на помощь. Сотрудничество прелатов Риги и Дерпта между собой, учитывая враждебную позицию архиепископа по отношению к ордену, и наличие слухов о возможности сепаратного мира дерптцев с Псковом тревожило магистра, и потому он поспешил еще раз подтвердить лояльность Иоганна Берткова. На море в районе северной Эстонии господствовали пираты Аксельссонов и Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе, способные организовать новые нападения на ливонское побережье. Формальная поддержка этих операций Данией и Швецией могла в перспективе приобрести более серьезный и более действенный масштаб. Также и отношения Борха с верховным магистром Генрихом фон Рихтенбергом оставляли желать лучшего, так как тот установил прочную связь с архиепископом Риги, содержал в Кёнигсберге беглого комтура Доблена Фридриха Вальдхауса фон Хеерзе, а также был не против использовать непростое положение Бернда фон дер Борха и под предлогом рассмотрения дела братьев Вальдхаусов фон Хеерзе добиться перехода северной Эстонии и богатого Ревеля под свой непосредственный контроль для решения тяжелейшей финансовой ситуации, в которой оказался орден в Пруссии после Тринадцатилетней войны.

Что касается положения на русско-ливонской границе, то уже к середине сентября туда были переброшены основные силы ордена, занявшие линию обороны на всех важных участках порубежья, исключая владения архиепископа. Имеющаяся в наличии современная ливонская документация показывает, что речь шла о мероприятиях исключительно оборонительного характера, не предполагавших атаки псковской территории. Показательно также, что вслед за истечением перемирия 12 сентября 1473 года не последовало каких-либо нападений с ливонской стороны границы. В то же самое время и

¹³⁷ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 347 (Lübeck, AHL, ASA Externa, Livonica 10, fol. 153r-155v).

псковичи не предпринимали никаких действий, надеясь, вероятно, на то, что ливонцы сами дадут повод для вмешательства Москвы. Однако после 12 сентября ни о каком немецком вторжении не шло и речи. Псковичам не оставалось ничего иного, кроме как отправить к Ивану Васильевичу третье по счету посольство с просьбой о военной помощи. Из Пскова выехал Игнатий Иголка, встретившийся 1 октября с великим князем в подмосковном Острове и вновь попросивший, «чтобы князь великои или самъ на конь вселъ, или сына послалъ или брата». Иван III ответил послу: «Яз своеи отчине слю своего гонца в тыа часы за тобою, толко пакъ отчине моеи велми се надобе боудет». То есть псковичам и на этот раз было отказано в помощи, так как Иван повторил свое условие: «Если только это очень понадобится моей вотчине». Только на следующее утро после возвращения ни с чем Игнатия Иголки в Псков прибыл посланник от великого князя Стефан Острой, сообщивший новый ответ: «В кое время велите, отчина моя, силъ моеи воискоу оу себъ быти». Как отмечает летописец, «и Псковъ положил оупование на князи великом, на своем государи, понеже приходить осенье роспоутье» 138.

Великий князь сначала в очередной раз отказал псковскому посланнику, однако вскоре после этого передумал и решил все же прислать войска в Псков. Как можно объяснить действия Ивана III? Думается, что речь могла идти о двух главных факторах: нежелании обострять отношения с Ливонией при отсутствии видимых поводов для начала войны, а также о методичном и целенаправленном, если можно так выразиться, «воспитании» псковичей, то есть наглядной демонстрации зависимости Пскова от великокняжеской милости и поддержки. Троекратный отказ Ивана на все посольства псковичей с неожиданным благоприятным решением в самый последний момент вносит в повествование псковской летописи некоторый театральный элемент. Однако описание дальнейших действий Ивана Васильевича по отношению к следующим псковским делегациям вполне ясно показывает, что подобные драматические смены гнева на милость стали обычным явлением в псковско-московской дипломатии.

Возвращаясь к событиям с другой стороны псковской границы, необходимо упомянуть о визите младшего кумпана (адъютанта) верховного магистра Эберхарда фон Ментцингена, прибывшего в Ливонию в конце октября 1473 года, то есть в условиях надвигающейся войны против русских. В историческом Кёнигсбергском архиве (совр. Тайный государственный архив прусского культурного

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 194.

наследия в Берлине) сохранился его подробный отчет о переговорах с Берндом фон дер Борхом и руководством ордена в Ливонии, а также о встрече с ратманами и представителями орденских вассалов в Ревеле¹³⁹. Одной из официальных целей миссии Эберхарда фон Ментцингена являлось привлечение ордена в Ливонии на помощь верховному магистру, оказавшемуся в тяжелом положении после мятежа богемских наёмников в Пруссии в 1472 году, который не удалось подавить имевшимися в наличии силами. Именно по этой причине верховный магистр Генрих фон Рихтенберг обратился к Бернду фон дер Борху с пожеланием о том, чтобы тот заключил мир с русскими, Эрнстом Вальдхаусом фон Хеерзе и другими врагами (то есть Аксельссонами), дабы направить высвободившиеся войска против командира мятежных наемников. Неофициально младший кумпан должен был прощупать почву касательно возможности перехода Ревеля вместе с Гаррией и Вирляндией под контроль верховного магистра с целью привлечения финансовых и военных ресурсов северной Эстонии на борьбу с мятежными наемниками и для улучшения тяжелого экономического положения орденской Пруссии. Для темы нашего исследования представляет интерес итинерарий Эберхарда фон Ментцингена. В конце октября 1473 года он прибыл в Ливонию и встретился с Борхом в Кирхгольме, где получил весьма прохладный прием у магистра. Затем младший кумпан проследовал в Ревель, где его встретили одиннадцать представителей рыцарств Гаррии и Вирляндии, комтур Ревеля Иоганн Фрейтаг фон Лорингхофен, фогты Везенберга и Йервена¹⁴⁰. Ментцинген зачитал орденским вассалам послание верховного магистра, в котором тот, кроме всего прочего, попросил их обдумать, как заключить мир с русскими, которые «идут войной» на земли Ливонии. Из Ревеля кумпан отправился в Венден, где встретился с Берндом фон дер Борхом и комтуром Голдингена Гердом фон Маллинкроде. Там он узнал о том, что должен еще на четыре недели задержаться в Ливонии, чтобы получить ответ на запросы верховного магистра на общем собрании всех гебитигеров (должностных лиц) ордена. Вероятно, такой длительный срок до следующей встречи был предложен из-за неясной ситуации на русско-ливонской границе. Кумпан верховного магистра не остался

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 179 (Berlin, GStAPK, OBA 16522); Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2059. S. 51; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2.
 № 16522. S. 217; Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 77-81; Brünjes H. S. Die Deutschordenskomturei in Bremen. Ein Beitrag zur Geschichte des Ordens in Livland. Marburg, 1997. № 141. S. 290-291.

¹⁴⁰ Kämmereibuch der Stadt Reval. № 1500. S. 226.

в одном из конвентов ордена, но проследовал в Роннебург к архиепископу Риги, где и пробыл указанный срок, выехав на собрание в Вендене за три-четыре дня до установленной на 6 января 1474 года даты.

В то время когда Ментцинген все еще находился в Роннебурге, 13 декабря 1473 года верховный магистр направил Бернду фон дер Борху письмо с предупреждением о том, что, по сведениям «добрых друзей», то есть шпионов, в Данциге, «враги ордена в Швеции и на Готланде» (братья Аксельссоны и Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе) планируют вновь атаковать ливонское побережье, только на этот раз замок Виндау в Курляндии. Рихтенберг также сообщил о том, что получил послание от правителя Готланда Ивара Аксельссона, в котором он заверил, что в случае примирения Борха с Эрнстом Вальдхаусом фон Хеерзе тот будет готов в случае необходимости оказать помощь в сопротивлении русскому нападению. Далее верховный магистр посоветовал Борху заключить мир с русскими¹⁴¹. В целом заверения Ивара Аксельссона о военной помощи вкупе со сведениями о планируемой атаке на Виндау, и тем более после разгрома Старого Пернау в сентябре 1473 года, не могли вызвать какого-либо доверия со стороны Бернда фон дер Борха.

Тем временем, согласно Строевскому списку, 25 ноября 1473 года в Псков прибыл гонец от воеводы Даниила Дмитриевича Холмского с сообщением о приближении великокняжеского войска: «И Псков в тыа часы, отрядивъ посадников и соцкых и бояръ ис концовъ противоу их, с хлъбомъ и с вологою и с медом въстръчю с честью послал противоу их, подворье имъ ослобонили, все Завеличье выпрятали, гдъ ни которомоу боудет пригоже; и поиде сила князя великого во Псковъ кои же на свое подворье»¹⁴². Согласно этому же списку, на Завеличье шли один за другим полки из 22 русских городов (отдельно упоминаются Ростов, Дмитров, Юрьев, Муром, Кострома, Коломна, Переяславль) вместе с татарскими контингентами, а 30 ноября, на день Андрея Первозванного (в летописи ошибочно указано 1 декабря), в Псков прибыл сам Даниил Холмский. В связи с этим интересно отметить, что в более ранних списках псковской летописи приводится иная дата входа великокняжеских войск в город. Для сравнения приведем два примера. В Синодальном списке содержатся следующие данные: «И пожалова свою отчину князь великии, посла князя Данилья и инъх бояръ много с силами, и приехаша въ Псковъ на Дмитровъ

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 183 (Berlin, GStAPK, OBA 16450); Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 16450. S. 211-212.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 194-195.

день, и сташа станы по всему Завеличию»143. В Варшавском списке указывается: «И отпустил князь великии своего воеводу князя Данила Дмтреевича Холмского и иных князеи и бояр и со всѣми ратными людьми. И приъхаща во Псков о Дмитрове дни. А даша им подворие Завеличье все и манастыри. А сами завеличане за ръку сошли жить з женами и з детьми»144. Таким образом, по версии Синодального и Варшавского списков войска Даниила Холмского прибыли в Псков на Дмитриев день, то есть уже 26 октября 1473 года. Хронология Строевского списка выглядит более правдоподобной, учитывая время, необходимое на мобилизацию и марш войск к пункту назначения, однако, вместе с тем, трудно объяснить такую ошибку в Синодальном списке середины 80-х годов XV века, когда речь идет об описании совсем недавних событий 1473 года. Если войска Даниила Холмского прибыли в Псков 26 октября, то они явно не спешили отправляться в поход на Ливонию. В Строевском списке сообщается о начавшихся грабежах: «И бъ Псковоу притоузно от них исперва велми: начаша бо они чинити над псковичи силно, а иное собою всячиноу у псковичь грабити, бѣ бо с ними и Тотарь тако же приехало много»¹⁴⁵. Затем по соглашению с городскими посадниками было налажено упорядоченное снабжение войск, разместившихся на Завеличье. Псковский летописец отмечает, что с прибытием Холмского значительно потеплело и начал таять снег, после чего к 9 декабря вскрылся лед и на реке Великой, которая к тому времени уже две недели как была в замерзшем состоянии. Таким образом, войска не могли ни отправиться в Ливонию, ни вернуться в Псков.

В Ливонии должны были очень скоро узнать о прибытии великокняжеских войск, учитывая боевую готовность, в которой все это время находились отряды ордена и епископа Дерпта на границе. В нашем распоряжении имеются некоторые данные касательно внутреннего положения в Ливонии в этот период. Как уже указывалось выше в отчете Эберхарда фон Ментцингена, в ноябре — декабре 1473 года отмечено пребывание магистра в Кирхгольме и затем в Вендене. В рижской казначейской книге также имеется запись, относящаяся к периоду 1473—1474 годов, о выделении 100 марок на вооружение для похода против русских (van der uthredinghe der reyse upp de Russen)¹⁴⁶. Несмотря на формальное состояние войны, в котором находились

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 55.

¹⁴⁴ *Рогов А. И.* Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. С. 166.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 195.

¹⁴⁶ Kämmereiregister der Stadt Riga. Bd. 1. S. 332. Z. 30-31.

русские и ливонцы после 12 сентября 1473 года, и военные приготовления, продолжались попытки прийти к мирному соглашению. Следует отметить, во-первых, указанное выше намерение магистра отправить общеливонское посольство в Псков. Помимо этого, имеется недатированная запись в ревельской казначейской книге о некоем слуге, который был направлен с письмом от имени городских властей в Дерпт, а оттуда должен был отъехать в Новгород 147. Запись располагается рядом с заметкой о пребывании младшего кумпана верховного магистра в Ревеле (примерно конец октября - первая половина ноября 1473 года), соответственно может ориентировочно датироваться концом 1473 года. Помимо этого имеется также недатированное письмо Любека в Ревель и Дерпт, отправленное в ответ на послание этих городов от 13 декабря по поводу мирных переговоров с русскими. С большой долей вероятности речь идет о документе, написанном после 13 декабря 1473 года, в котором власти Любека выразили удовлетворение запланированными мирными переговорами, посоветовали придерживаться «старины» (up olde setten) и заключить мир на этих условиях148. Таким образом, зима 1473-1474 года была отмечена не только ожиданием войны, но и вполне четкими планами и попытками ливонцев предотвратить ее. Примечательна миссия ревельского посланника в Дерпт и далее в Новгород, которая, вероятно, состоялась ранее 13 декабря - даты сообщения Ревеля и Дерпта о планируемых мирных переговорах. Учитывая достаточно хорошие отношения, сложившиеся к тому моменту между Новгородом и Ливонией, ревельский посол мог попытаться воздействовать на Псков через посредничество новгородцев. Однако наличие весомого контраргумента в виде великокняжеских войск в Пскове вряд ли способствовало успеху ревельско-дерптской миссии.

В целом в декабре 1473 года сложилась патовая ситуация: армия Даниила Холмского не могла выступить в поход и сидела в бездействии на псковском Завеличье, в то время как в самой Ливонии войска ордена и епископа Дерпта также оставались на границе. В Московском летописном своде конца XV века сообщается о том, что «слышавше же Нъмци, что пришли воеводы великого князя Пскову на помочь со многими людьми, и начаша посылати послы своя въ Псков о миру» 149. Эта же версия о взаимосвязанности прибытия великокняжеских войск на

¹⁴⁷ Kämmereibuch der Stadt Reval. № 1500. S. 226.

¹⁴⁸ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 184 (Lübeck, AHL, ASA Externa, Livonica 70, п. 67). По сведениям редакции 13-го тома сборника, с 2007 года документ считается утерянным.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 301.

помощь Пскову и начала русско-ливонских мирных переговоров наблюдается и в других, более поздних московских сводах, откуда она распространилась и в историографии¹⁵⁰. Между тем в псковских летописях ничего не говорится о связи между этими событиями¹⁵¹. Кроме того, нам известно, что посольство из Дерпта прибыло в Псков только 24 декабря 1473 года, в то время как армия Даниила Холмского разместилась на Завеличье по разным данным либо 26 октября, либо около 30 ноября. Очевидно, что в силу географической близости к Пскову дерптцам вряд ли понадобился бы целый месяц по минимальному расчету, чтобы узнать о прибытии русских войск и изменить свою позицию. Как можно в таком случае объяснить инициативу Дерпта?

Ответ следует искать во внутриливонских противоречиях. Как было выше установлено, магистр Бернд фон дер Борх не возражал против продления русско-ливонского мирного договора, но не хотел соглашаться на псковские условия. Помимо этого, принципиально важным для него моментом являлось заключение единого, от имени всех ливонских ландсгерров, мирного соглашения. В то же самое время конкурирующий с орденом архиепископ Риги Сильвестр Стодевешер стремился вбить клин между магистром и поклявшимся в верности ордену епископом Дерпта, пытаясь привлечь того на свою сторону. На исходе 1473 года посланник магистра прибыл в Роннебург к архиепископу Сильвестру, чтобы обсудить ряд вопросов, включая перемирие с псковичами. Согласно «Вейсенштейнскому рецессу» 1478 года, архиепископ был спрошен о том, что «если придет к тому и с псковичами будет заключено перемирие, поскольку он [архиепископ] и многие другие не советуют воевать [с русскими], то не желает ли и он быть частью этого перемирия, дабы мирный договор был заключен по старине (na older gewonheit)»152. На что Сильвестр отве-

ПСРЛ. Т. 8. С. 178; Т. 12. С. 154; Т. 21. С. 565; Т. 28. С. 136, 307; Иоасафовская летопись. С. 86; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. С. 132; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 148; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 17; Ідет. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 93–94; Ідет. Морская политика Ивана III. С. 109; Ідет. Походы русских войск при Иване III. С. 182.

¹⁵¹ Ср. ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 56, 196; Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. С. 166.

¹⁵² LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 24 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7): «offte id dartho qweme, dat men mit den Pleßkouweren eynen bifrede upneme, nademe he unnd mehr ander tho keynem krige rede, offte he ock mede ym sulvigen bifrede weßen wolde, unnd dar men de fredebreve na older gewonheit makede».

тил, что «он не имеет никакого отношения к псковичам» (he wuste sunderlicks nicht mit den Pleßkouweren tho donde), однако добавил, что «ему было бы достаточно, если бы его [имя] разместили посередине, внизу или в самом низу письма [мирного договора], лишь бы можно было прийти к миру» (ith were em gelike vele, men sette en midden, benedden eddir allirundirst an den breff, wo men tho frede gweme). Вместе с тем архиепископу удалось в тот же период, вероятно, во второй половине декабря 1473 года, убедить епископа Дерпта заключить сепаратный мир с русскими и тем самым одновременно избавиться как от угрозы вражеского вторжения, так и от покровительства ордена. Официальный союз между прелатами против ордена был оформлен позже, в начале мая 1475 года 153, однако уже на этом этапе в источниках прослеживается сотрудничество между ними. Так, по утверждению представителей ордена, именно архиепископ сообщил Борху о том, что Иоганн Бертков отправил своих послов в Псков для заключения перемирия¹⁵⁴, что может указывать на осведомленность Сильвестра в делах, о которых магистру ничего не было известно. Вместе с тем об изменении позиции Иоганна Берткова орден мог отчетливо судить и по действиям его людей: как указывалось в пунктах обвинения против епископа от июля 1475 года, все пушки и вооружение были сняты ими со своих судов и размещены на башнях и стенах Дерпта, чтобы оказать, в случае надобности, сопротивление магистру¹⁵⁵. Укрепление обороны Дерпта могло быть связано с присутствием орденских войск на территории епископства, вынужденных затем, в силу изменившихся обстоятельств, покинуть ее.

Прибытие дерптского посольства в Псков 24 декабря 1473 года и явно враждебные действия епископских войск являлись самым неприятным развитием событий для магистра и для ордена из всех возможных вариантов. В случае заключения сепаратного мира орден оказывался полностью окружен врагами как внутри, так и вне Ливонии, вынужденный при таком сценарии рассчитывать только на свои силы в столкновении с русскими войсками и иными противниками. Как указывалось в обвинительных пунктах против Иоганна Берткова от июля 1475 года,

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 323 (Berlin, GStAPK, OBA 16549); Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2079. S. 55; Skarbiec diplomatów. T. 2. № 1983. S. 215; Index actorum saeculi XV. № 4261. S. 483; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 16549. S. 219.

¹⁵⁴ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 340 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 53).

¹⁵⁵ Там же. См. также Бессуднова М.Б. Псковско-ливонские переговоры 1472– 1474 гг. С. 121–122.

Когда господин князь и начальники Пскова спросили дерптских послов, [являются ли] друзьями господин Дерпта и господин магистр и действуют [ли] сообща, то ответили послы, что они не имеют между собой ничего общего и что господин магистр [правит] сам по себе, так же как и господин Дерпта. И они хотели заключить с Псковом особый мир. К [нашему] ужасу, русские очень обрадовались и возликовали, когда услышали, что дерптцы полностью отделились от ордена 156.

В качестве послов из Дерпта по русским источникам известны «Иван Бобров» и «Иван земский», которые идентифицируются как ратман Иоганн Бебер и епископский вассал («земской боярин») Иоганн Мексе¹⁵⁷. Стоит отметить, что именно Иоганн Мексе («Иоанъ бояринъ земныи») был одним из тех послов, что были арестованы псковичами в сентябре 1472 года и находились в заключении 33 недели, вплоть до освобождения после уплаты выкупа на Пасху следующего года¹⁵⁸.

В сложившейся ситуации, после отпадения своего главного союзника, игравшего ключевую роль в системе обороны Ливонии, Бернд фон дер Борх принял единственно верное решение и немедленно направил своего переводчика Генриха Фогелера в Псков, куда он и прибыл уже 2 января 1474 года. В то же время в Вендене 6 января состоялась встреча Борха и его гебитигеров (должностных лиц) с младшим кумпаном верховного магистра Эберхардом фон Ментцингеном, на которой тот был вынужден отвечать на прямые и совершенно недипломатичные вопросы ливонского магистра и других присутствующих касательно целей его миссии и истинных намерений его начальника в Кёнигсберге. После того как Ментцинген был вынужден раскрыть планы Генриха фон Рихтенберга по овладению Ревелем, Гаррией и Вирляндией, а также другие замыслы, вызвавшие возмущение Борха и его должностных лиц, перед уходом с провалившегося заседания он попытался хоть как-то исправить ситуацию и

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 340 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 53): «Item de here greve unde de oversten tho Pleskow vrageden de Darptschen boden, off er here van Darpte unde de here mester ock frunde unde eyner lude weren, dar de boden tho antworden, se hedden thosamen nicht tho schaffen, de here meister were eyn here vor sick, also were ock oer here tho Darpte, se wolden myt Pleskaw eynen bysunderen vrede hebben. Id ys tho befruchten, dat sick de Russen des sere erfroweten und sick darynne hebben irhaven, do se hoirden, dat sick de Darptschen van dem orden gantz besunderden».

¹⁵⁷ Ср. ГВНП. № 78. С. 133, 136; ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 196.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 192-193.

выступил с заключительным словом, в котором упомянул русских в следующем контексте: «Я также проехал эту землю вдоль и поперек и таким образом хорошо рассмотрел, что вы, к сожалению, сильно ослаблены повсюду в земле, как и мы, и имеете одних врагов вокруг, как русских, так и датчан [Аксельссонов], и я боюсь, что вам, вероятно, будет тяжело, если вы захотите выставить в поле 400 лошадей [всадников]. Поэтому было бы хорошо, если бы мы не разделялись и [вы] не отказывали нашему верховному магистру, ведь его милость имеет при себе еще много добрых людей, которые помогли нам в этих войнах и еще смогут помочь его милости и вам»¹⁵⁹. По всей видимости, эти слова были встречены молчанием собравшихся, так как кумпан отметил в своем отчете, что ему был дан письменный, но не устный ответ (also wart mir ein antwort schrifftlich unde nicht muntlich). Блеф Ментцингена был вполне очевиден для присутствовавших на собрании: на тот момент военный потенциал ордена в Ливонии намного превосходил то немногое, что осталось от былого могущества верховных магистров в Пруссии. В Ливонии были прекрасно осведомлены о том, что Генрих фон Рихтенберг не был в состоянии подавить даже мятеж небольшой группы богемских наемников, для чего ему и потребовались, в частности, финансовые и военные ресурсы северной Эстонии. Миссия Ментцингена провалилась также и по той причине, что на момент собрания в Вендене переводчик Генрих Фогелер уже несколько дней находился в Пскове с целью заключения мирного соглашения с русскими, и потому пафосное воззвание о единстве с верховным магистром для противостояния внешним врагам уже не имело никакого значения.

В тот же день, 6 января 1474 года, Бернд фон дер Борх отправил письмо в Данциг с просьбой о помощи против Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе, в котором также коснулся вопроса русско-ливонских мирных переговоров¹⁶⁰. Магистр отметил, что враждебные действия Аксельссо-

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 179 (Berlin, GStAPK, OBA 16522): «Ouch bin ich in deme lande uff unde nedir geritten unde hab es in sulcher meynung wol besehen, das sie also wol geswecht sein leider alhir im lande alse wir, unde haben fiende allumme, beide Rewßen unde Denen, unde bsorge, so es uch villeicht harte lege, ob ir muchtet 400 pferdt ins felt brengen. Dorumbe zo were es gut, das wir unns nicht sunderten unde unnsern hoemeister nicht ußsluge, dann sein gnad noch vil gute lewte bey im hot, die unns in dießen kriegen gehulffen haben unde seinen gnaden unde uch noch helffen muchten». Также Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2059. S. 51; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 16522. S. 217; Stavenhagen O. Johann Wolthuss von Herse. S. 81.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. Nº 187 (Gdańsk, APG, 300 D 9, n. 13); Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands. Nº 6. S. 6.

нов и Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе привели к тому, что ордену пришлось отказаться в пользу русских от земель и вод, вырванных «тяжелым трудом и кровопролитием» его предков из язычества. Магистр пошел на это, дабы не оказаться притесненным «плохими христианами» (bosen cristen). Под «плохими христианами», несомненно, имелись в виду братья Аксельссоны и Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе, а также архиепископ Риги и епископ Дерпта, воспрепятствовавшие своими действиями созданию эффективной обороны Ливонии, чтобы отстоять спорные пограничные территории. Этот мотив подчеркивается и в списке обвинений против епископа Дерпта 1475 года, и в «Вейсенштейнском рецессе» против архиепископа Риги 1478 года. Служившие конкретным политическим целям исторические экскурсы магистра и ордена тем не менее не противоречили сути описанной проблемы: конфликты внутри Ливонии оказали непосредственное влияние на оформление мирных договоров 1474 года.

Как сообщается в Строевском списке, послы Дерпта в Псков поначалу рассматривали возможность продления перемирия на пять лет, но затем перешли к обсуждению длительного мирного договора «на воли со Псковом». Прибывший затем в начале января переводчик магистра Генрих Фогелер привез с собой, по изложению летописи, следующее послание:

Яз князь великои и лифлямскои и ризскои воеводъ великого князя челомъ бию, тако же и князю псковскомоу и Псковоу, своим соусъдомъ, повъстоую: чтобы ми есте миръ дали; а язъ князь местерь с воды и с земли сстоупаюся домоу святыа Троица и всего Пскова, моихъ соусъдъ, да и за то имаюся, что ми к вамъ во Псковъ из своие волости корчьмы, пива и медоу не пущати, да и поуть ми псковскымъ посломъ и гостем держати чисто, а колода отложити по всеи моеи сдержаве; а на том пишю грамотоу, и крестъ цълоую за всю свою сдержавоу и за вси городи, а опръче пискоупа юрьевского и всех юрьевцов¹⁶¹.

Судя по письму магистра в Данциг от 6 января 1474 года, на тот момент уже было принято решение об отказе от спорных территорий, что подтверждает сообщение псковского летописца. Уже на следую-

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 196. Масленникова ошибочно полагает, что документ был составлен от имени рижского епископа (sic!): Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 44–45.

щий день, 7 января 1474 года, был утвержден мирный договор сроком на 20 лет между ливонскими ландсгеррами, исключая епископа Дерпта, и Псковом с согласия великого князя Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича. В «Вейсенштейнском рецессе» 1478 года по этому поводу было отмечено, что «с русскими был заключен мир на их собственных условиях и [по их] воле, и они также не хотели подругому, то есть либо мириться, либо воевать» 162.

При сравнении текстов псковских летописных списков касательно мирных договоров 1474 года следует отметить некоторые фактические ошибки, имеющиеся в них. Так, в Синодальном списке середины 80-х годов XV века сообщается следующее: «И князь местерь и вси Немци и юрьевци прислаша своего посла ратмана Пантелея, иже послъди бысть в них мъстеромъ, иже и под Псков приходи ратью, а с нимь добрых людеи Немець много, и добища чолом; и взяща миръ с рижаны на 30 лът, а съ юрьевци на 20 лът, а пива Нъмцом въ Псковъ не возити, и оттолъ преста кръчма немецкая» 163. Под «ратманом Пантелеем», который потом был магистром и приходил под Псков с ратью (в 1480 году), подразумевается сам Бернд фон дер Борх. Очевидно, речь идет об ошибке летописца, совместившего возглавлявшееся лично Борхом посольство в Псков в марте 1471 года с миссией Фогелера в 1474 году. Помимо этого, также ошибочно сообщается о том, что «ратман Пантелей» представлял всю Ливонию, включая дерптцев. В Варшавском списке 1548 года сохранилось несколько иное описание событий: «И приъхаша нъмцы добиша челом воевод великого князя князю Данилъ Холмскому и князю Псковскому и посадником псковским и всему Пскову. И смиришася псковичи с нъмцы по своей воли и местером и пискупом на 30 лът, а смиришася псковичи с нъмци, да и корчму отняше торговати нъмцев всяким товаром, а пивом не торговати, ни возити им во Псков жалованием великого князя» 164. Как видим, в данном варианте речь идет о едином договоре на 30 лет между Псковом и магистром вместе с епископом Дерпта, при этом также не разделяются посольства ордена и епископа.

Что касается Строевского списка, то в нем содержится любопытное известие о ходе переговоров в Пскове в начале января 1474 года:

¹⁶² LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 25 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7): «Also wart do mit den Russen gefredith na eren eigene utsate unnd willen, unnd wolden ock anders nicht, dann also freden eddir krigen».

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 56.

¹⁶⁴ Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. С. 166.

Еже оуслышав и самъ оувидъвъ посолъ юрьевскыи, что князя местера посолъ с великого князя воеводою и съ княземъ псковскым и со всъм Псковомъ миръ прикончал, и ему извъчалъ на том прикончании, что князь местер пискоупа юрьевского и юрьевцовъ рад былъ с собою с воеводою великого князя и съ князем псковскымъ и съ всъм Псковом за едино съдного миръ по старинъ имати и крестъ цъловати: аже вы есте приехавъ къ Псковоу приконциваите миръ опръче местера то въдаете вы¹⁶⁵.

В переводе на современный язык этот отрывок звучит следующим образом: «Услышал и сам увидел посол юрьевский, что посол магистра заключил мир с воеводой великого князя, с псковским князем и псковичами и ему [послу Дерпта] на этом мероприятии сообщил, что магистр был бы рад вместе с юрьевским епископом и всеми юрьевцами заключить единый мир с воеводой великого князя, и с князем псковским и со всем Псковом по старине, но "раз вы приехали в Псков заключать мир без магистра, то и поступайте как знаете"». Процитированные летописцем слова Генриха Фогелера отражают конфликт между обеими посольскими делегациями, а также между самими ландсгеррами, орденом и епископом Дерпта, их направившими. В 1475 году Йоганн Бертков в своем ответе на обвинения ордена написал, что заключил отдельный мир с русскими не по собственной воле, а по указанию самого магистра 166. Сообщение Строевского списка Псковской летописи подтверждает точку зрения, выраженную орденом, и опровергает оправдания епископа.

Генрих Фогелер отбыл в Ригу 9 января вместе с сыном боярским Семеоном Сурминым в качестве представителя Ивана III, а также с посадником Яковом Ивановичем Кротовым и наместником новгородского архиепископа Иваном от Пскова. В Риге затем состоялось обоюдное крестоцелование и приложение печатей к грамотам мирного договора¹⁶⁷. Согласно «Вейсенштейнскому рецессу», после того как с русскими был заключен мир сроком на 20 лет и магистр целовал за архиепископа крест «по русскому обычаю» (de hochwirdige herr meister dat crucze vor em kussede na der Russchen wise), Сильвестр затем потребовал отдельную мирную грамоту для себя, в которой хотел указать свой титул как «государя Ливонии, Латвии и Эстонии», а также самолично поцеловать крест¹⁶⁸. Герт Крёгер несколько скептически подходит к этому сообщению, считая, что оно хоть

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 197.

¹⁶⁶ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 347 (Lübeck, AHL, ASA Externa, Livonica 10, fol. 153r-155v. § 8).

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 196-197.

¹⁶⁸ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 636. § 25 («Вейсенштейнский рецесс». См. прим. 7).

и верно по сути в плане претензий архиепископа на гегемонию в Ливонии, но вместе с тем является преувеличением 169. В уже рассматривавшемся выше письме Сильвестра рижским гильдиям от 20 июля 1473 года тот именовал себя князем не только Священной империи, но и всех земель Ливонии 170, что вполне соответствует изложению «Вейсенштейнского рецесса», поэтому требование архиепископа утвердить мирный договор вместо магистра представляется более чем вероятным.

В то время как уже шли мирные переговоры, 5 января 1474 года в Псков прибыло новгородское войско во главе с посадником Фомой Андреевичем¹⁷¹. Новгородцы также разместились на Завеличье, в Мирожском и других монастырях. Затем 10 января в Псков прибыл посол Анкип Васильевич, сообщивший следующее: «То мене прислаль Великого Новагорода архиепископъ Феофилъ и всь Великои Новъгород, толко с вами Немци имоуть мирится, ино мнъ с вами тако же за всь Великои Новъгород мирити съдного и писатися въ грамоты и цъловати крестъ»¹⁷². Примечательно, что новгородские войска прибыли в Псков спустя почти две недели после дерптских послов и спустя пять недель после размещения войск Даниила Холмского на Завеличье (если отсчитывать от 30 ноября, разумеется). По всей видимости, новгородцы явно не спешили соединиться с великокняжескими войсками для похода на Ливонию.

Наконец, 13 января 1474 года был заключен мирный договор между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и Дерптским епископством, с другой, и также с одобрения великого князя московского и его сына: «тако же им [дерптцам] во Псковъ корчмы не вожити, ни торговати, ни колодъ оу костра не держати» ¹⁷³. Под «костром», по всей видимости, имелся в виду епископский замок Кастер в устье реки Эмбах. Текст этого договора сохранился, многократно переиздавался и был подробно проанализирован Н. А. Казаковой ¹⁷⁴, поэтому мы ограничимся здесь только указанием на особо любопытный пункт соглашения: «А по князи мистре чесному бискупу юръевъскому, и посадникомъ юръевъскимъ, и всимъ юръевцомъ не пособляти противъ псковичъ, и людеи своихъ не поддавати мистру на помочь, и беглецовъ изъ мистровы державы у юръевъскую державу не прыимати, по крестъному целованью» ¹⁷⁵. В средненижненемецком переводе

¹⁶⁹ Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher. S. 237–238.

LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 157 (København, Rigsarkivet, Håndskriftsamlingen, Langebek, Jacob, diplomatarium, 860 XIV).

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 449; Т. 5. Ч. 2. С. 197.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 197.

¹⁷³ Тамже.

¹⁷⁴ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 149–154.

¹⁷⁵ ΓΒΗΠ. № 78. C. 135.

псковско-ливонского мирного договора 1481 года, основанного на тексте соглашения 1474 года, этот же пункт выглядит следующим образом: «А князю магистру и господину архиепископу не помогать юрьевцам на крестном целовании и не посылать своих людей на помощь юрьевцам против псковичей. И беглецов из Юрьевской земли в их державу не принимать» 176. Во-первых, не совсем ясно, какое дело было псковичам или великому князю до перемещений «беглецов» внутри Ливонии и каким образом в Пскове или Москве могли вообще следить за выполнением этой статьи договора, представляющейся в целом невыполнимой. Также и предписание о том, что магистр ордена и архиепископ Риги не должны помогать епископу Дерпта против псковичей и наоборот, не соответствовало принципам внутреннего устройства Ливонии, согласно которым орден, в качестве самого сильного в военном плане ландсгерра, должен был защищать всю территорию Ливонии. В случае внешней опасности епископ Дерпта ожидал, что будет поддержан орденом. Разумеется, эта система нарушалась в случае внутреннего конфликта между ландсгеррами, как, например, зимой 1473 года, когда архиепископ Риги и епископ Дерпта противостояли ордену. Н. А. Казакова полагает, что «названные статьи обоих договоров [1474 и 1481 годов] отвечали стремлению великокняжеской власти к расколу единого фронта ливонских ландесгерров»¹⁷⁷, однако, учитывая изложенные выше факты, очевидно, что в 1474 году, когда впервые появилась статья об обязательстве ливонцев не оказывать помощь друг другу против псковичей, никакого единого фронта не существовало, поэтому не было надобности что-либо раскалывать. Также не представляется возможным установить, по чьей именно инициативе - великокняжеского воеводы или властей Пскова - этот пункт был внесен в текст мирного договора. Касательно пограничных вопросов в договоре лишь скупо было отмечено: «А промежы Пъскова и Юръевцовъ земли и воде по старыи рубежъ»¹⁷⁸.

Как указывается в Строевском списке, на псковском вече в тот же день, 13 января, целовали крест послы Дерпта и Новгорода, а также псковский степенной посадник Зиновий Сидорович. В тексте мирного договора эти данные уточняются: от великого князя к грамоте приложили печати воевода Даниил Дмитриевич Холмский и псков-

¹⁷⁶ LECUB. Abt. 1. Bd. 14 (Rīga, LVVA, 673. f., 4. apr., Kasten 19, 42. l., fol. 3; публикацию см. в приложении): «De vorste meister unde de here ertzebisscoppe en sollen vor de Darptschen nicht stan by der crucekussinge noch ere volck tosenden den Darptschen to hulpe jegenn de Pleßcouwer, unde de lopers uth der Darptschen lande in ere beholdinge en sollen se ere nicht entfangen». Также Cosack H. Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag. S. 7. Anm. 10.

 ¹⁷⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 164.
 178 ГВНП. № 78. С. 134.

ский наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский, от Новгорода целовали крест и приложили печати посадник Фома Андреевич и посол Анкип Васильевич, от Пскова – степенные посадники Алексей Васильевич и Микита Ларионович, и, наконец, от Дерпта – епископский вассал Иоганн Мексе и ратман Иоганн Бебер. Заключительным этапом оформления мирного договора стало его утверждение в Дерпте, где за Псков целовали крест послы Андрей Семенович Рублев и Кура Алексеевич Шемятов, а с другой стороны – епископ Иоганн Бертков вместе с представителями городского совета и вассалов¹⁷⁹. После возвращения послов, 30 января 1474 года, Даниил Холмский с войсками покинул Псков после девяти недель (по версии Строевского списка) пребывания в городе, получив в дар 200 рублей¹⁸⁰.

3. Последствия

Подводя итоги, следует отметить, что «Данильев мир» 1474 года, по имени воеводы Даниила Холмского, являлся особым этапом в русско-ливонских отношениях. К этому моменту Новгород и Псков все еще сохраняли элементы самостоятельности, но в целом находились под господствующим влиянием Ивана III. Соответственно мирные договоры 1474 года были впервые de facto заключены между Ливонией и Великим княжеством Московским. В 1474 году речь все еще шла о двух соглашениях (Ливония – Псков, Дерпт – Псков и Новгород), в то время как в дальнейшем, с 1481 до 1554 года, периодически продлялись три договора (Ливония – Псков, Ливония – Новгород и Дерпт – Псков).

Формула «челобитья» ливонских ландсгерров великому князю, впервые документально зафиксированная в 1474 году, определила дипломатическое неравенство сторон с точки зрения Ивана III¹⁸¹. Сложно сказать, были ли эти договоренности и целования креста воприняты в Москве в качестве некой присяги ливонских ландсгерров на верность¹⁸². Загадочная дань, которая упоминается в договоре

¹⁷⁹ ГВНП. № 78. С. 135-136; ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 197-198.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 198; Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. С. 166. В Синодальном списке говорится о 150 рублях: ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 56; о понятии «дара» в Пскове см. Аракчеев В. А. Средневековый Псков. С. 45–53.

¹⁸¹ Fleischhacker H. Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der moskauischen Außenpolitik. S. 86-93.

¹⁸² Ср. Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя / Ред. А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. М., 2008. С. 182–198.

Дерпта с Псковом и Новгородом, до сих пор остается нерешенным вопросом. Согласно договору, Дерпт должен был вернуть некие «дани благоверныхъ великихъ князеи рускихъ цареи, старыи залоги» за восемь лет, что дает в качестве точки отсчета 1466 год. В Строевском списке дань упоминается применительно к псковско-дерптскому сепаратному договору 1463 года, однако в составленной во время Ливонской войны летописи, когда «дерптская дань» стала поводом для развязывания войны против Ливонии Иваном Грозным, этот вопрос обладал особым значением и был напрямую связан с политикой и дипломатией своего времени. Как показал Анти Селарт в своем исследовании проблемы происхождения дани, за сотни лет контактов между дерптцами и псковичами в разные периоды под этими платежами мог подразумеваться самый широкий спектр понятий¹⁸⁴. Также и концепция Ливонии как «вотчины» московских великих князей оформилась только в ходе Ливонской войны, и русские источники конца XV века не сообщают о каких-либо претензиях Ивана III на этот регион¹⁸⁵. В русско-ливонских договорных грамотах этого периода вотчинами великих князей называются исключительно Новгород и Псков, но не Ливония. Обращает на себя внимание и использование в тексте дерптско-псковского договора 1474 года, а также псковско-ливонского договора 1481 года, основанного на «Данильевом мире», титула «царей русских» применительно к Ивану Васильевичу и его сыну Ивану Ивановичу¹⁸⁶. В целом вопрос восприятия Ливонии в Москве в этот период достоин отдельного рассмотрения, поэтому мы перейдем к следующей теме, а именно, непосредственным последствиям «Данильева мира» для Пскова.

Что касается спорных территорий на русско-ливонской границе, то, несомненно, поддержка великого князя помогла псковичам удер-

¹⁸³ ГВНП. № 78. C. 133.

Selart A. Der «Dorpater Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / Hrsg. B. Jänig, K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–38; см. также Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 141–143.

Selart A. Livland – ein russisches Erbland? // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) / Hrsg. K. Brüggemann, B. D. Woodworth. Köln, 2012. S. 29-65. CM. S. 33-37.

¹⁸⁶ Обзоры употребления великими князьями Московскими царской титулатуры до 1547 г.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. С. 101–105; Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 71–81.

жать их за собой. Вместе с тем они должны были заплатить за это во всех смыслах высокую цену. Длительное содержание многочисленной великокняжеской армии (с 26 октября или 30 ноября 1473 года до 30 января 1474 года) полностью упало на плечи горожан. Кроме этого, так и не состоявшийся поход в Ливонию способствовал, в первую очередь, усилению в Пскове влияния Ивана III, использовавшего свое вмешательство для пересмотра отношений с Псковской землей. Первое же посольство, направленное в «великое говение» в Москву, которое возглавлял Григорий Умыл Бородин, вновь столкнулось с гневной реакцией великого князя, который выразил свое недовольство тем, что псковичи не присылали ему «больших», то есть значительных послов с просьбой о защите. Как указывается в Строевском списке, вернувшийся 8 апреля 1474 года в Псков Григорий «привеже нелюбовъ и гнъв от великого князя» 187. Следующее посольство отправилось в Москву 19 мая, и на этот раз в его составе были сам князь Ярослав Оболенский, посадники Иван Огафонов, Кузьма Сысоев, Зиновий Сидоров, посадничьи сыновья и бояре от всех «концов» города с даром в 100 рублей. Представительная делегация не была допущена к великому князю и, прождав, по разным данным, от трех до пяти дней в шатрах в открытом поле, была вынуждена вновь вернуться ни с чем в Псков 23 июня 188. В конце этого же месяца в город приехал гонец Иван Зиновьев, сообщивший о том, что псковичи должны отправить новое посольство в Москву. Теперь снова были снаряжены три посадника (Алексей Васильевич, Яков Иванович и Терентий Андреевич), посадничьи дети и бояре вместе с даром в 150 рублей. Повторяя «сценарий» периода руссколивонских мирных переговоров 1473 года, великий князь сменил гнев на милость и принял псковское посольство, заявив при этом, что хочет видеть пошлинные грамоты прежних великих князей¹⁸⁹. В ноябре 1474 года в Псков из Москвы вернулся князь Ярослав Оболенский, который начал, как сообщает летописец, править городом «не по старине» 190. Рассмотрение конфликта псковичей с Ярославом выходит за рамки данного исследования, но уже приведенных фактов достаточно, чтобы увидеть тесную связь между походом Даниила Холмского и пересмотром старых привилегий Пскова, начатым Иваном III вскоре после этого. Как справедливо отметил

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 198.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 56, 198; Т. 26. С. 254.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 198–199; о проблематике пошлинных грамот см. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 417–419.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 199.

еще Л. В. Черепнин, за военную поддержку Москвы псковичам пришлось расплачиваться собственной самостоятельностью 191 .

В Ливонии мирные договоры с русскими также повлияли на дальнейшее развитие внутриполитического конфликта. На протяжении 1474 года Бернду фон дер Борху удалось с помощью дипломатических усилий, задействовав Данциг и другие ганзейские города, оказать давление на Ивара Аксельссона, прекратившего активно поддерживать частную войну Эрнста Вальдхауса фон Хеерзе против ордена. Занятый этим и противостоянием с архиепископом Риги, магистр временно оставил епископа Дерпта в покое. Только в конце 1474 года, когда Эрнст уже долгое время пребывал в бездействии на Готланде и с Сильвестром Стодевешером было заключено очередное соглашение, Бернд фон дер Борх смог вернуться к вопросу лояльности Иоганна Берткова. Восьмого января 1475 года в Валке состоялась встреча представителей ордена и Дерптского епископства. Магистр хотел в первую очередь отменить обязательство епископа не поддерживать орден в войне, закрепленное в сепаратном мире годом ранее, поскольку сам, судя по всему, не воспринимал этот пункт договора всерьез. Для этой цели в Валке был составлен на латинском и немецком языках проект союзного соглашения между орденом и епископством, призванный аннулировать обязательства Иоганна Берткова перед псковичами¹⁹². Сохранился немецкий вариант этого проекта, хранящийся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине и опубликованный в свое время еще в «Руссколивонских актах» Напьерского с неверной датировкой 193. Епископ стоял на своем и не пожелал утверждать союзный договор, в связи с чем начиная с января 1475 года магистр начал постепенно ужесточать свои действия по отношению к Иоганну Берткову и Дерпту, что затем переросло в блокаду епископства и открытый вооруженный конфликт. В том же 1475 году в Ливонию удалось вернуться Эрнсту Вальдхаусу фон Хеерзе, который продолжил свою войну против ордена, только на этот раз на стороне епископа Дерпта. Этот конфликт продолжался вплоть до конца 1476 года, когда, наконец, все разно-

¹⁹¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 854-855.

¹⁹² LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 313 (Tallinn, TLA, f. 230, nim. 1, BD 2 I, fol. 133);
№ 347 (Lübeck, AHL, ASA Externa, Livonica 10, fol. 153r–155v).

¹⁹³ LECUB. Abt. 1. Bd. 13. № 293 (Berlin, GStAPK, OBA 16458); Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. № 262. С. 228-231; Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2056. S. 50-51; Index actorum saeculi XV. № 4199. S. 477; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 16458. S. 212.

гласия были урегулированы и Иоганн Бертков вернулся под покровительство ордена. Также и Эрнст Вальдхаус фон Хеерзе примирился с Берндом фон дер Борхом, вернувшись в свои владения в северной Эстонии. В 1482–1483 годах именно он возглавил первое посольство ордена к великому князю в Москву¹⁹⁴.

Сам «Данильев мир» продержался вместо установленных 20 и 30 лет лишь до 1478 года, когда был нарушен русской стороной в ходе кампании Ивана III по окончательному покорению Новгорода. Тем не менее заключенный после русско-ливонской войны 1480-1481 годов псковско-ливонский мирный договор 1481 года повторял установления «Данильева мира», только на этот раз на десятилетний срок. Договор 1474 года послужил основой и для следующих русско-ливонских мирных соглашений, продленных в 1493 году. Не вдаваясь в выходящий далеко за рамки исследования экскурс в содержание руссколивонских договоренностей, можно вполне обоснованно утверждать, что тексты мирных договоров 1474 года составили юридическую основу отношений ливонских ландсгерров с Великим княжеством Московским. В целом предпосылки, обстоятельства и результаты заключения русско-ливонских мирных договоров 1474 г. представляют собой сложную и неоднозначную картину, серьезно отличающуюся от весьма упрощенного образа, сложившегося в московских летописных сводах и дальнейшей историографии.

LECUB. Abt. 1. Bd. 14 (Berlin, GStAPK, OBA 17079); Die Feldzüge der Russen in Livland. № 7. S. 141–142; Napiersky C. E. v. Index. Bd. 2. № 2199. S. 80; Regesta historico-diplomatica. Pars 1. Bd. 2. № 17079. S. 252.

Приложение¹⁹⁵

1481 г. сентября 21. Великий Новгород. – Договор о перемирии на 10 лет между Псковской землей с одной стороны и Тевтонским орденом в Ливонии и Рижским архиепископством с другой, заключенный на основе «Данильева мира» 1474 года «по веленью» великого князя московского Ивана Васильевича и его сына, великого князя Ивана Ивановича, послами псковских наместников с послами магистра Тевтонского ордена в Ливонии Бернда фон дер Борха

Rīga, LVVA, 673. f., 4. арг., Kasten 19, 42. l., fol. 2-3v. – Современный средненижненемецкий перевод со старорусского. Бумага. 2 листа, 21×30 см.

Водяные знаки: на л. 2 – «лилия под короной», подобные: Брике 7226 (1482–1492 гг.), Лихачев 1267 (1497 г.); на л. 3 – «собака», подобные: Брике 3622 (1478–1490 гг.), Лихачев 577 (1479–1481 гг.).

Имеются исправления и приписки над строками и на полях.

Частичная публ.: Cosack H. Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag // Hansische Geschichtsblätter. 1923. Bd. 28. S. 7 Anm. 10, 12 (опубликованы небольшие отрывки).

Текст договора считался утраченным: Казакова Н. А. Руссколивонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. С. 163–164.

Принципы передачи текста. Документ публикуется практически полностью в соответствии с принципами современного издания «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch). Сокращения, как правило, раскрываются без оговорок. В не совсем ясных случаях сокращения раскрываются в квадратных скобках. Сочетания согласных и сдвоенные - n (fforsten, doetslegenn) сохраняются. Написания (u - v, i - j) нормализуются в соответствии с произношением: гласные как u и i, согласные – как v и j. Имена собственные воспроизводятся, как правило, в орфографии оригинала. С прописной бук-

¹⁹⁵ Автор выражает благодарность и признательность проф. д-ру Матиасу Тумзеру (Свободный университет, Берлин) за любезное разрешение опубликовать данный документ до завершения работы над 14-м томом первого отделения «Сборника актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch), где запланировано издание и этого текста, д-ру Дитеру Хекманну за консультации относительно перевода и к. и. н. И. Ю. Анкудинову за сведения о водяных знаках рукописи.

вы передаются слова в начале предложений, имена собственные, топографические названия, месяцы и праздники, упоминания Бога. В отличие от принципов сборника актов, в данной публикации в примечании к необычным чтениям отмечается «так в рукописи».

Принципы перевода. Русский текст дается в умеренной стилизации. Топографические названия Ливонии передаются в соответствии с древнерусскими аналогами: Юрьев (Дерпт), Ругодив (Нарва), Колывань (Ревель) и т. д. Должности и сословия ливонской стороны передаются в соответствии с западной терминологией: фогты, комтуры, бургомистры и т. д. Исключение сделано только для магистра Тевтонского ордена в Ливонии, который в русских источниках традиционно именовался «князем магистром». Некоторые древнерусские термины были заменены на современные аналоги: «горой и водой» – посуху и по воде, «суплетка» – дело, «зацепка» – помеха и т. д. Квадратными скобками отмечены дополнения переводчика.

Документ

[2] Na Godes willen unde na der groten heren gehete, der Russchen keyser, des grotforsten Iwane Wassilliewitcz aller Russen unde synes sones, a) des grotforsten a) Iwane Iwanewitcze aller Russen.

Ith synth gekomen in der grotenforsten vederlicke erve, der Russchen keyser, in Groten Nougarde to der grotfforsten stadtholder, to vorsten Wassilleit Ffeodorowitcz, unde to^{b)} Grigorei Wassileiwitcz, ut der grotforsten vederlicke erve, uth Pleßcouwe, van der grotforsten stadtholder van Pleßcouw, van Wasselei Wassileiwitz,

Перевод

По Божьей воле и по великих государей веленью, царей русских, великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его сына, великого князя Ивана Ивановича всея Руси.

Се приехали в великих государей и царей русских отчину, в Великий Новгород, к великих князей наместникам князю Василию Федоровичу¹ и Григорию Васильевичу² из великих князей отчины, из Пскова, от великих князей наместника псковского Василия Васильевича

a)-a) написано над окончанием первой строки; b) далее зачеркнуто: Gregori

¹ Князь Василий Федорович Шуйский.

Боярин Григорий Васильевич Морозов.

und van den borgermeisteren der Pleßcouwer, de dat wort voren. unde van allen borgermeisteren unde van allen Grotenpleßcouw, dat vederlicke erve der heren der grotforsten, der Russchen keysere, de baden van Pleßcouw, de borgermeister der Pleßcouwer Jacob Iwanewitcze, de borgermeister der Pleßcouwer Lewonte Thimoveiwitze, de bojaren van Pleßcouwe Andree Semonowitze, Juren Iwanewitcze, Philipp Petrowitz, Iwane Wassilleiwitcze, Semon Ocksyntciewitcze, de richter Theophil Iwanewitcze unde des bisscoppes cenceler Pawel Diatke.

Dergelick synt gekomen van dem erwerdigen forsten meister to Lifflande, heren Bernde van der Borch. Pantelee, de baden des fforsten meisters, Evnwolt Meideil, eyn hoveman unde de borgermeister van der Narwe, her Thonnies Pepersack, unde myt enen gude lude unde des meisters tolck Hans Rennsyngk, unde hebben geendiget eynen bifrede myt den baden der Pleßcouwer, des vederlicken erves der heren, der grotfforsten, der Russchen keyser, myt den borgermeistern der Pleßcouwer unde myt den bojaren uppe teyn jaren, darumme, alß id geschen is, dat de forste meister myt synen luden in deme vrede des fforsten Danielen unde des fforsten Jeroslaven breve de slotere dec) Plescouwer gewunnen und de dorpper der Pleßkouwer

и от посадников псковских степенных и от всех [старых] посадников и от всего Великого Пскова, отчины государей великих князей и царей русских, послы псковские посадники Яков Иванович³ и Леонтий Тимофеевич⁴, бояре псковские Андрей Семенович⁵, Юрий Иванович, Филипп Петрович, Иван Васильевич, Семен Аксентьевич, староста Феофил Иванович и владычный писец дьяк Павел.

А также приехали от честного князя магистра в Ливонии, господина Бернда фон дер Борха, Пантелея⁶, послы князя магистра [орденский] вассал Эйнвольт Мейдель⁷ и ругодивский бургомистр господин Тонис [Антоний] Пеперзак и с ними добрые люди и толмач магистра Ганс Ремзинг.

И докончали перемирие с послами от Пскова, отчины государей великих князей царей русских, с посадниками псковскими и с боярами на десять лет, потому как случилось, что князь магистр со своими людьми на миру князя Даниила⁸ и на грамоте князя Ярослава⁹ захватил пригороды Пскова и деревни псковские разорил.

vorheret hevet. Der gelicken hebbet ock de stadtholders der grotfforsten, unser heren fforsten unde bojaren unde vele lude unde de Nawgarder unde de Pleßcouwer vor de clegelicheit der Pleßcouwer wrake gedan unde de sloter des forsten^d) meisters gewunnen unde de dorpper vorheret, offte, wo dat orloge twisschen dem fforsten meister unde den Pleßcouwern gemaket is, an hovet^e) doetslegenn unde an bernende, dat legge wy van beiden parten aff in dussem bifrede.

an bernende, dat legge wy van beiden parten aff in dussem bifrede.

Unde so Gregorei, der Pleßcouwer bade, myt synen luden sith, dat denne de forste meister van desser stundt uthlate er deme dage unde wat van waren der Pleßcouwer coplude unde gelt in des fforsten meisters steden en genomen is in dem vrede to Velin, to Woldemar, to Reval, tor Marienborch unde in

anderen steden, dat sollen de Dut-

Также и наместники великих князей, наши господа князья и бояре и многие люди новгородские и псковские мстили по жалобе псковичей и крепости князя магистра захватили и деревни разорили. И что на войне между князем магистром и псковичами совершено было, головы насмерть побиты или что сожжено, то прекращаем мы с обеих сторон этим перемирием.

А что Григорий, посол псковичей, со своими людьми видит¹⁰, то князю магистру учинить срок на съезд, и что из товаров псковских купцов и денег было взято у него в городах князя магистра на миру в Вельяде, Володимерце, Колывани, Алысте и в других городах, то немцы должны вернуть на съезде в срок купцам псковичей по исправе, по

- 3 Посадник Яков Иванович Кротов: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. П1Л. С. 79.
- 4 ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. П1Л. С. 79.

schen vort weddergeven er

- 5 Боярин Андрей Семенович Рублев: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. П1Л. С. 79.
- Бернд фон дер Борх именуется Пантелеем также в псковских летописях: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. П2Л. С. 56; П3Л. С. 174.
- ⁷ Орденский вассал и посол магистра Эйнвольт Мейдель участвовал также в оформлении перемирия с Новгородом 1 сентября 1481 года: LM. Kn. 5 / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993. № 119.1. Р. 212–214. В этом издании имя посланника магистра ошибочно транскрибировано как «и волтьма, и дел» (с. 212) и «и волтма, и дел» (с. 214). По всей видимости, правильное прочтение: «Иволт Маидел». В новом издании 5-й книги записей Литовской Метрики сохранилась та же ошибка: LM. Kn. 5 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. Vilnius, 2012. № 519. Р. 326–328.
- 8 Князь Даниил Дмитриевич Холмский. Имеется в виду «Данильев мир» 1474 г.
- 9 Князь Ярослав Васильевич Стрига Оболенский.
- Так в тексте. Перевод предложен Д. Хекманном.

c) так в рукописи; d) написано на левом поле вместо зачеркнутого: heren; e) далее зачеркнуто: slegenn;

deme dage van stunt an den copluden der Pleßcouwer by rechte na der crucekussinge na deme olden unde nyen ane behendicheit. Unde wat nicht vol uth en komet den copman der Pleßcouwer er deme dage, dat legge wy tome dage, unde men salt tome dage wedder geven na der crucekussinge.

Unde so tor Narwe Peter, ein Pleßcouwer, syne ware van deme vogede unde borgermeistern genomen is unde so se der teyn stucke van eme genomen hebben, de sake legge wy tome dage, dat^{f)} men denne, Godt gevet, uppe deme dage over Peters sake er den over allen andern saken recht geve na der crucekussinge, unde de bade van Darpte, Hans Hartwige, hevet de handt darvor gestrecket. Unde Mathveen ware unde syner geselscoppe, so se de gescheppet hadden na Reval, dat legge wy ock tome dage, recht darover to gevende.

In dessen bifrede legge wy eynen dach uppe Wynachten to holdende, unde || [2 o. p.] uppe den dach sollen komen uth der heren, derg) grotforsten, vederlicke erve, der Russchen keyserh, uthi) Groten Nouvgarden van der grotforsten stadtholder unde van gantczen Nouwgarden erwerdige lude, der gelicken uth der heren grotforsten vederlicke erve, der Russchen keyser, uth Pleßcouw, van der grotforsten stadtholder unde van den forsten van Pleßcouw unde

крестному целованию, по старине и новой [грамоте] без хитрости. И что не будет полностью возвращено купцам псковичей на этом съезде, то мы решим на [другом] съезде, и тогда должно все вернуть по крестному целованию.

А что товар псковича Петра был отобран в Ругодиве фогтом и бургомистром, и что они взяли у него десять штук [этого товара], делу дадим управу на съезде, на котором, дай Бог, [кроме] дела Петра дадут исправу по всем другим делам по крестному целованию. И посол юрьевский, Ганс Хартвиг, на том руку дал. И что до товаров Матвея и его купцов, что были отправлены в Колывань, то решим мы на съезде, дав исправу.

Этим перемирием устанавливаем мы съезд на Рождество Христово¹¹, и на том съезде быть из государской великих князей отчины, русских царей, из Великого Новгорода, от великих князей наместников и от всего Новгорода честным людям, а также из государской великих князей отчины, русских царей, из Пскова, от великих князей наместников и от князей псковских и от всего Пскова быть честным людям. А от князя магистра на том

van gantzen Pleßcouw sollen dar komen erwerdige lude, unde van deme forsten meister sollen to deme dage komen der gelicken erwerdige lude. Uppe dussem dage sal men allen clegelicken saken der Pleßcouwer unde der Dutschen, groth unde kleyn, recht geven na der crucekussinge ane behendicheit, unde van wat side eth komet, dat uppe dem dage, welcker sake geyn recht geg[even] worde, deme Dutschen edder der Pleßcouver, eth sy grot edder kleyn, deme copmanne in Godes rechte na der crucekussinge, unde men van beiden parten geyn recht darover en geven, van wat side dat geschudt, so sal men na deme dage, recht to esschende, dre baden senden, unde gevet men van welcker parte geyn recht, so sal men vor dat syne nemen.

men vor dat syne nemen.

Unde dusse bifrede is geendiget uppe den olden vrede na des forsten Danielen und des forsten Jeroslaven breve vor den forsten meister to Lifflande unde den heren ertzbisscoppe van Rige unde vor ere hern unde vor ere rittere unde manscoppe unde vor de borgermeistere unde radtlude unde vor alle er stede unde vor er alle des forsten meisters beholdinge unde vor des heren

ertzbisscoppes.

11

съезде быть также честным людям. А на том съезде дать исправу всем обидным делам псковичей и немцев, большим и малым, по крестному целованию без хитрости. А учинится с какой стороны на съезде, что какому делу немцев или псковичей, будь то большому или малому, или купцу не будет дана исправа по Божьему праву и по крестному целованию на обе половины по вине какой-либо из сторон, тогда следует на [другом] съезде просить исправы и послать [каждой стороне] трижды послов. А если какая из сторон не даст исправы, тогда должно взять свое.

А кончали это перемирие на старом миру князя Даниила и на князя Ярослава грамоте от князя магистра в Ливонии и господина архиепископа Рижского, и от их господ, рыцарей и людей, от бургомистров и ратманов, от всех городов и от всей державы князя магистра и господина архиепископа.

¹⁾ далее зачеркнуто: Godt ⁸⁾ написано над строкой; ¹⁾ далее зачеркнута фраза, повторенная после этого: uth Groten Nouvgarden van der grotforsten stadtholder unde van gantczen Nouwgarden erwerdige lude, der gelicken uth der heren grotforsten vederlicke erve, der Russchen keyser; ¹⁾ далее зачеркнуто: Groten Nowgarden van; ¹⁾ далее зачеркнуто: allen parten 25 декабря 1481 г.

De hilligen Gades kerken, de dar synt in des vorsten meisters beholdinge unde des heren ertzbisscopes, dat de de Dutschen nicht envorunrechten, unde dat dar genomen is, der kerken horende, dat men dat der kerken Godes weddergeve, reyn na der crucekussinge.

Unde de Russchen ende en sal de forste meister unde de here ertzbisscoppe holden reyn na de cruce unde der de Dutschen nicht to vorunrechten.

Unde landt, water, olde schedinge na den olden breven to holden twisschen^[] Pleßcouw unde dem forsten meister unde dem heren ertzebisscoppe. Unde uppe eynes andern land unde water sal men nicht gan van^k) beiden parten.

Unde we van welcher siden geit uppe eynes andern lant offte water, deme sal men dat levent nicht geven.

Unde de Groten See sollen vischen de Pleßcouwer an ereme over, unde over de Groten See en sollen de Pleßcouwer nicht varen visschen uppe der Dutschen syde. Unde komet dat dorch sunde unde unmacht, drecht en de wint darover, den¹⁾ Pleßcouwerschen vischer, uppe der Dutschen side, darumbe sal men sick nicht tornen. Der gelicken sollen de Dutschen de Grote See vischen an ereme over, unde over de Groten

А святые Божьи церкви в державе князя магистра и господина архиепископа немцам не обижать, а взятое церковное отдать Божьим церквям чисто по крестному целованию.

А русские концы князю магистру и господину архиепископу держать чисто по крестному целованию и немцам не обижать.

А земле и воде между Псковом и князем магистром и господином архиепископом держать старую границу по старым грамотам, и в чужую землю и воду не вступать с обеих сторон.

А кто с какой стороны пойдет на чужую землю или на воду, тому живота не давать.

А на Великом озере ловить псковичам к своему берегу, а за озеро Великое псковичам не ездить ловить на немецкую сторону. А по грехам станет изнеможение, ветром занесет псковского ловца на немецкую сторону, и на то не гневаться. Также и немцам ловить на Великом озере к своему берегу и за Великое озеро немцам не ездить ловить на псковскую сторону.

See sollen de Dutschen nicht varen vischen uppe der Pleßcouwer side. Unde komet, dat dorch sunde unde dorch unmacht, drecht en de wint darover, den Dutschen visscher, uppe der Pleßcouwer side, darumbe sal men sick nicht tornen.

А по грехам станет изнеможение, занесет ветер немецкого ловца на псковскую сторону, и на то не гневаться.

Unde in deme olden vrede, in forsten Danielenn, unde in dessem bifrede unde in desser crucekussinge sal den baden unde gaste der Pleßcouwer de wech reyn syn to lande unde to water na Rige, Reval, na der Narwe unde na allen steden des forsten meisters unde des heren ertzbisscoppes unde myt allerleye ware, deme Pleßcouweschen copmanne to coppslagende, gudtwillich^{m)} in allen steden des forsten meisters unde des heren ertzbisscoppes unde in allen eren beholdingen.

А по старому миру князя Даниила, по этому перемирию и по этому крестному целованию псковскому послу и гостю путь чист посуху и по воде в Ригу, и к Колывани, и в Ругодив и во все города князя магистра и господина архиепископа, и со всяким товаром псковскому купцу торговать добровольно во всех городах князя магистра и господина архиепископа и во всех их державах.

Unde uppe de Embeke sal de Pleßcouwesche gast then, copslagenn unde by porcelen syne ware to vorkopende gudtwilligen edder to hope. Unde de Pleßcouwer mogen uppe der Embeke holt houwenn in den busse gudtwilligenn, effte ander bederff, tor wervinge uppet olde na der crucekussinge.

А на Матерую реку¹² псковскому гостю ездить, торговать своим товаром добровольно в розницу или вместе. И дрова псковичам на Матерой земле¹³ в лесу и всякий запас, что по надобе, рубить добровольно по старине и по крестному целованию.

¹⁾ далее зачеркнуто: Dutschen vischer uppe der Groten See; ^{m)} написано на левом поле вместо зачеркнутого: na willen

¹² Река Эмбах (совр. Эмайыги, Эстония).

¹³ Имеется в виду прилегающий к реке Эмбах (совр. Эмайыги, Эстония) район.

Unde de forste meyster unde syne heren en sollen den Pleßcouwerschen gaste syner ware den kopp nicht setten unde darvan geyne gave tog) nemende. Der gelicken sollen de Pleßcouwer den Dutschen copman syne ware den kopp nicht setten unde darvan geyne gave tog) nemende.

Unde tor Marienborch unde in anderen steden des forsten meisters unde des heren ertzebisscoppes sollen de Pleßcouweschen coplude, so se dat ere vorkofft hebbenn, gudtwillich || [3] van dar then sunder jenigerleie hinder.

Unde den tol der nachte sol men den Pleßcouwern nicht setten.

Unde van deme klopslagende^{c)} sal men geyn gave nemen van beiden siden na der crucekussinge.

Unde uppe allen wegen sol men den Pleßcouweschen gast, des forsten meisters gast unde des heren ertzebisscoppes van beiden parten nicht toven umbe jenigerleie sake willen.

Unde uppe allen wege salle geyn ronnebome syn van beiden siden, unde men sal dar gene gave van nemen in alle des forsten meisters beholdinge unde des heren ertzbisscoppes. А князю магистру и его господам у псковских гостей товару цены не устанавливать и гостинцев от того не брать. Также и псковичам у немецких купцов товару цены не устанавливать и от того гостинцев не брать.

А в Алысте и в других городах князя магистра и господина архиепископа псковским купцам, что свое продали, добровольно оттуда отъехать без всякой помехи.

А ночную плату псковичам не устанавливать.

А у купца не брать никаких гостинцев на обе стороны по крестному целованию.

А на всех дорогах псковского гостя, гостя князя магистра или господина архиепископа на обе стороны не задерживать по какому-либо делу.

А на всех дорогах никаким колодам (досл. шлагбаумам) не быть на обеих сторонах, и никаких гостинцев за то не брать во всей державе князя магистра и господина архиепископа.

Wug) welcker gast der Pleßcouwer, des forsten meisters offte des heren ertzbisscoppes, ut dem wege sick kereth unde verbistert, dar ene is geyn vorwundernisse ane, darumme sal men eme syner ware nicht nemen noch in den kelder settenn, sunder den wech sal men eme wisen umme guder naberscoppe willenn van beiden siden by der crucekussinge. А который гость псковичей, князя магистра или господина архиепископа с дороги свернет и заблудится, в том диву нет, и потому его товар не грабить и в тюрьму не сажать, но показать ему путь добрососедски на обе стороны по крестному целованию.

Der gelicken sal den Rigeschen copluden na Pleßcouw de wech reyn syn over der Pleßcouwer landt, to lande unde to water, den Revalschen unde den Narweschenn unde des vorsten meisters beholdinge unde des heren ertzebisscoppes, gudtwillen in Pleßcouwe to coppslagende uppet olde, edder tuth he na Naugardenⁿ⁾ over der Pleßcouwer landt, sal men de wech reyn syn uppet olde by der crucekussinge.

Также и рижским купцам, и колыванским, и ругодивским, и князя магистра державы и господина архиепископа в Псков путь чист по Псковской земле, посуху и по воде, и добровольно торговать в Пскове по старине. Или пойдет кто в Новгород по Псковской земле, тому путь чист по старине по крестному целованию.

Unde eyn jewelcke gast unde bade unde des forsten meisters beholdinge unde des heren ertzebisscoppes ene sollen to Pleßcouw myt beer nicht copslagen noch krogenn, unde besunder krogen unde myt bere mogen se alle waere to Pleßcouw yoren. А пивом и корчмой гостю или послу князя магистра державы или господина архиепископа не торговать. А кроме корчмы и пива возить к Пскову всякий товар.

n) написано на левом поле вместо зачеркнутого: Marienborch

Unde van der wichte sal men nemen uppet olde van den Pleßcouweschen copman, unde van den Dutschen bynnen Pleßcouwe ock uppet olde van beiden parten.

Unde dat was to bekloppende nicht by pelen to vorsokende uppet olde

Unde we myt weme van welcker side to donde hefft, umbe coppenscoppe edder im rechte, umme loffte edder andirs worumme, darover sal men recht geven van beiden siden by der crucekussinge in Gades recht na desseme nyen^{o)} bifrede unde na forsten Danielen frede unde fforsten Jeroslaven breve.

Unde de fforste meister unde syn landtmarschalck unde alle syne heren sollen richten eynen Pleßcouwer na erer wise recht na der crucekussinge gelick eren Dutschen ane behendicheit. Der gelicken sollen de Pleßcouwer richten eynen Dutschen na erer wiße recht by der crucekussinge gelick eren Pleßcouwern ane behendicheit.

Unde de Pleßcouweschen bade unde des forsten meisters bade unde des heren ertzbisscoppes en sollen geyn hoff hure betalen. Dat legge wy van beiden parten aff. А весчее у псковских купцов брать по старине, и у немцев в Пскове также по старине на обе стороны.

А воск колупать колышками на пробу немного, по старине.

А кому с кем дело есть о торговле или о суде, или о поруке или о ином каком деле, тому исправу дать на обе стороны, по крестному целованию и Божьему праву по этому новому перемирию и по князя Даниила миру и князя Ярослава грамоте.

А князю магистру и его ландмаршалу и всем его господам судить псковича по их праву по крестному целованию, как и своего немца, без хитрости. Также псковичам судить немца по их праву по крестному целованию, как и своего псковича, без хитрости.

И от посла псковского и посла князя магистра и господина архиепископа за постой денег не брать. Это мы отменяем с обеих сторон.

Unde wat uppe der grenße geschudt duffte, mort, roverie, pandinge offte hovet doetslach, darumbe sal men boden senden drie, recht to esschende van beiden siden. Gifft men dar recht over, dat geve Godt also, unde gevet men dar geyn recht over van welckerleye side, so sal men vor dat syne nemen darsulvest uppe der grenße, unde wat dar geschudt dem gaste van welcker side, dat sy duffte, pandinge, berovinge effte suß ander schelinge, darumme sal men ock senden drie, recht darover to esschende, van beiden parten. Geschudt dar recht over, dat geve Godt, unde schudt dar geyn recht over van welcker siden. So sal men vor dat syne nemen. Vor eynen deff, morder, rover eder doetsleger sal men nicht stan van beiden parten by der crucekussinge.

Den boden unde den gast sal men umme der grenßen sake willen nicht panden jenigerleie wiß.

Unde de vorste meyster unde here ertzebisscoppe unde alle ere beholdinge, der gelicken der Pleßcouwer en sollen geyne veide anheven jenigerleiewiß van beiden parten, de vredebreffe ock nicht van sick to senden by der crucekussinge na dessem breve.

И где на пограничье случится разбой, убийство, грабеж, арест или голову убьют, о том послать послов трижды исправы просить на обе стороны. Дадут чему исправу, дай того Бог, а не дадут исправы с которой стороны, тогда должно взять свое на рубеже14. А случится что гостю с какой стороны, разбой, арест, грабеж или иное преступление, о том также послать [послов] трижды исправы просить на обе стороны. Случится чему исправа, дай того Бог, а не случится исправа с которой стороны, тогда должно взять свое. А за татя, разбойника, грабителя или убийцу не стоять на обе стороны по крестному целованию.

Посла и гостя за дела пограничные не арестовывать никоим образом.

А князю магистру и господину архиепископу и всей их державе, как и псковичам, никакой вражды на обе стороны не начинать. И грамот мирных не отсылать по крестному целованию по этой грамоте.

¹⁴ Немецкий переводчик, скорее всего, не понял смысла омонимичного слова «рубеж» в значении ареста.

De vorste meister unde de here ertzebisscoppe en sollen vor de Darptschen nicht stan by der crucekussinge noch ere volck tosenden den Darptschen to hulpe jegenn de Pleßcouwer, unde de lopers uth der || [3 o. p.] Darptschen lande inp) ere beholdinge en sollen se ere nicht entfangen.

Unde desse bifrede sal de forste meister unde de here ertczebisscoppe mith den Pleßcouwern to teyn jaren uthholden vaste sunder jenigerleie behendicheit van beiden parten by der crucekussinge, na dessem geendigeden breve.

Unde wen desse teyn jar vorbygan, so sollen wy noch leven na forsten Danielen breve unde des forsten Jeroslaven unde na der crucekussinge.

Unde wen de jare vorbygan na des forsten Danielen unde des forsten Jeroslaven breve, so sal men wesen eyn mandt van beiden parten, unde in der mante en sal men van beiden parten neyn veide anstellen by der crucekussinge, unde in der mante sal de wech, den baden to thende, reyn syn van beiden parten na der crucekussinge, unde den baden sal men nicht panden umme groter edder kleyner sake willen neynerleiewiß by der crucekussinge.

А князю магистру и господину архиепископу не помогать юрьевцам на крестном целовании и не посылать своих людей на помощь юрьевцам против псковичей. И беглецов из Юрьевской земли в их державу не принимать.

А это перемирие держать князю магистру и господину архиепископу с псковичами десять лет крепко без всякой хитрости на обе стороны по крестному целованию, по этой докончальной грамоте.

А коли отойдут эти десять лет, жить нам по грамоте князя Даниила и князя Ярослава и по крестному целованию.

А как пройдут эти годы по грамоте князя Даниила и князя Ярослава, то быть месяцу на обе стороны. А в том месяце рати на обе стороны не поднимать по крестному целованию. А в том месяце послам ездящим путь чист на обе стороны по крестному целованию. А посла не арестовывать ни в великом деле, ни в малом никоим образом по крестному целованию.

Unde van wat side de crucekussinge nicht wert geholden, dat sy Godt unde de crucekussinge, de sterffte, hundert doet, swert unde dat vur.

Unde wan desse vorbenomeden jare vorbygan, so sollen wy leven in den alden vrede van beiden parten.

Unde wen Grote Pleßcouwe kricht unbehegelich[ei]t to my, forste meister, unde to mynen heren, offte wan ick, forste meister, unde myne heren unbehegelich[ei]t krigenn to Grote Pleßcouw, so sollen wy den vrede van^q) uns senden unde darna over eyn mante^{r)} sal men orlogen.

Uppe dussen bifrede unde geendigeden breff hebben ere hande gestrecket unde ere segele hir angehangen unser heren, der grotforsten, der Russchenn keyser de stadtholder van Grotnougarde, de forste Wassilleie Feodorowitcz^{o)} unde Gregorei Wasselleiewitcz. Der gelicken de stadtholder der grotforsten der Pleßcouwer, de forste Wasselleie Wasselleiewitcz, hefft de handt gestrecket unde syn segel hir angehangenn. А с которой стороны не будет держаться крестное целование, на то Бог и крестное целование, и мор, сто смертей, меч и огонь.

А пройдут эти вышеназванные годы, жить нам в старом мире на обе стороны.

А будет нелюбовь Великого Пскова до меня, князя магистра, и до моих господ, или если мне, князю магистру, и моим господам будет нелюбовь до Великого Пскова, то нам отослать мир и после месяца воевать.

А на этом перемирии и на этой докончальной грамоте руки дали и печати свои привесили наших государей, великих князей, царей русских наместники Великого Новгорода, князья Василий Федорович и Григорий Васильевич. Также и наместник великих князей, князь Василий Васильевич, руку дал и печать свою привесил.

^{©)} написано на левом поле; ^{®)} написано над зачеркнутым: uth; ^{©)} написано над зачеркнутым: to; ^{©)} далее зачеркнуто: solln; ^{©)} далее зачеркнуто: unde de

Unde de borgermeister van Pleßcouwe, de dat wort vorth, sol dat cruce kussen unde de guden lude vor Pleßcouw unde vor alle der Pleßcouwer stede unde vor alle der Pleßcouwer beholdinge unde dat vederlicke erve unser heren, der grotforsten, der Russchen keiser, unde hebben dat segel der hilligen Drevoldicheit hir angehangen.

Der gelicken sal de forste meister unde syn ingesegel hir anhangenn vor alle syne stede unde vor alle syne beholdinge, unde de here ertczebisscoppe sal de handt strekken unde syn segel hir anhangen vor syne stede unde beholdinge.

Unde dussen bifrede kusseden de baden van Plescouwe, bynnen Naugarden, de borgermeister van Pleßcouw, Jacob Iwanowitcz Krotoff, unde der coplude oldermans), Andrei Semonowitcz Rublov. Der gelicken kusseden dat cruce de baden des meisters bynnen Naugarden, eyn hoveman Eynwolt Maideil unde de borgermeister van der Narwe, here Thonnies Pepersack; de by dem heren meister sollen dat cruce kussen syne heren cumpthure to Marienborgh, de vogedt to Carchuß, de vogedt tor Narwe unde eyn borgermeister unde twe radtmannes van^q) Rige unde de borgermeister van Reval myt twen radtluden, unde bynnen Pleßcouwe sollen dat cruce kussen de borgermeister, de dat wort voreth, unde de guden lude so vele, alß by deme heren meister beceussen.

А крест целовать степенному посаднику Пскова и добрым людям за Псков и за все псковские города, и за всю Псковскую державу, отчину наших государей, великих князей, царей русских, и печать здесь привесили святой Троицы.

Также и князю магистру свою печать здесь привесить за все его города и за всю его державу, и господину архиепископу руку дать и печать свою привесить за его города и державу.

А на этом перемирии крест целовали послы из Пскова в Новгороде, посадник псковский Яков Иванович Кротов и староста купеческий Андрей Семенович Рублев. Также целовали крест послы магистра в Новгороде, [орденский] вассал Эйнвольт Мейдель и бургомистр Ругодивский, господин Тонис Пеперзак. А у князя магистра крест целовать его господам: комтуру Алыста, фогту Керка, фогту Ругодива, бургомистру и двум ратманам из Риги да бургомистру Колывани с двумя ратманами. А в Пскове крест целовать степенному посаднику и стольким же добрым людям, как и у князя магистра целовали.

Unde uppe den holm to Klotsar en sollen de Dutschen nicht treden.

Und wan vorby gan desse teyn jare, so sal men leven na deme vredebreve, alß de geendiget is myt dem stadtholder der heren, der grotforsten, der Russchen keyser, myt dem forsten Danielen Dmytreiwitcze unde myt dem forsten van Pleßcouwe, Jeroslaven Wassilleiewitcz, unde na der crucekussinge.

Unde grense twisschenn Pleßcouwe unde den forsten meister is de strom in der Narwe.

Desse bifrede is geendiget bynnen Grot Nougarden in den jaren dusentveerhundert, darna inn deme eyneundeachtentichsten jare am dage Mathei. А на Клицно остров немцам не вступать.

А как отойдут эти десять лет, жить тогда по перемирной грамоте, что докончали с наместником государей, великих князей, царей русских, с князем Даниилом Дмитриевичем и с князем псковским Ярославом Васильевичем по крестному целованию.

А граница между Псковом и князем магистром по течению реки Наровы.

А кончали это перемирие в Великом Новгороде в 1481 году в день Матфея¹⁵.

²¹ сентября по католическому календарю. Датировка явно видоизменена в средненижненемецком переводе.

Т. А. Матасова

Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе

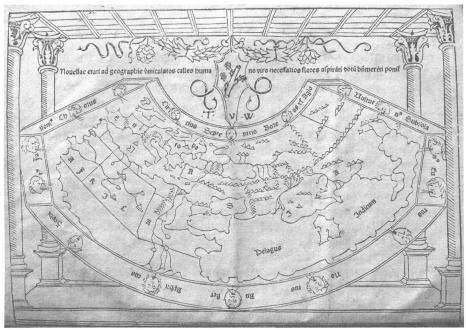
Данная статья представляет собой существенно расширенный и дополненный текст в сравнении с тем, что был опубликован автором в девятом номере журнала «Аристей» за 2014 год¹. Цель настоящей работы — сделать новые шаги на пути к комплексному и всестороннему анализу древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. В этой связи автор предлагает научному сообществу публикацию самого текста источника на основании пяти известных его списков, а также ряд гипотез, связанных с анализом рукописной традиции памятника, с проблемами его происхождения и восприятия сведений Мелы в русском мире. Если проведенная работа станет отправной точкой для конструктивных дискуссий и будет способствовать дальнейшему изучению памятника, автор будет считать свой долг выполненным.

Эпоха Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) ознаменована активными и разносторонними контактами Московской Руси со

странами ренессансной Европы. Одним из проявлений этих контактов стало знакомство русских людей с духовными и интеллектуальными традициями Возрождения. Последние складывались в ходе поисков античных древностей – в том числе текстов, которые осуществляли гуманисты. Для изучения восприятия гуманистических традиций в Русском государстве актуален вопрос о проникновении в нашу страну значимых для ренессансного Запада текстов и об их переводах².

Матасова Т. А. Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе: о рецепции античного наследия в русской культуре XV—XVI вв. // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. М., 2014. Вып. 9. С. 310–343.

² См. подробно: Буланин Д. М. Древняя Русь [Глава 1] // История русской переводной художественной литературы / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. Проза. Древняя Русь. XVIII век. С. 17–75. См. также: Белоброва О. А., Ромодановская В. А. Святые переводчики Западной Европы и средневековой Руси: Иероним Блаженный и Максим Грек // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010.

11. Карта мира из венецианского издания «Географии» Помпония Мелы, осуществленного Эрхардтом Ратдольтом в 1482 г.

К концу XV в. вокруг новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) сформировалась целая артель переводчиков с латыни. Владыка Геннадий осознал необходимость составления в России единого кодекса книг Священного Писания, отделив таким образом канонические тексты от апокрифов³. В эпоху борьбы с новгородско-московской ересью («ересью жидовствующих») эта задача приобрела большую актуальность. В ходе работы выяснилось, что целый ряд важных канонических текстов не был переведен вовсе и потому не мог находиться в обиходе русских священнослужителей. Решено было перевести эти тексты, но не с греческих оригиналов, а с латинской «Вульгаты». Это повлекло за собой достаточно широкое знакомство

С. 519-544; и др.

Задача была выполнена, древнейший список так называемой «Геннадиевской Библии» относится к 1499 г.

с книжной культурой Запада. Латинский язык для русских интеллектуалов того времени был связан скорее с католической церковью и с западным богословием, а также с гуманистической традицией, но не с античным наследием как таковым.

Одновременно наблюдается интерес русских книжников именно к этому наследию⁴. Важно подчеркнуть, что довольно широкое обращение к античным образам, сюжетам и символам в литературе второй половины XV - первой половины XVI в., по наблюдениям Д. М. Буланина, связано с осмыслением в первую очередь «греческого» культурного наследия, главным образом православного богословия, а вовсе не с «ренессансными» исканиями русских книжников. В своей программной работе исследователь заключает, что «факты не подтверждают общности классицистических увлечений итальянских гуманистов и древнерусских книжников... Робкие новации в использовании античного материала, заметные с конца XV в., объясняются причинами, не имеющими ничего общего с западноевропейским возрождением греко-латинских древностей...» 5 Д. М. Буланин подчеркивает, что многие античные сюжеты, к которым обращались русские интеллектуалы той поры, появились в русской книжности задолго до этого времени: в XIV, а то и в XII столетии.

Тщательно проанализировав разнообразный материал, Д. М. Буланин пришел к обоснованному выводу о том, что «древнерусские особенности в рецепции античной мифологии выводятся из византийской традиции» 6. Ученый убежден, что именно византийская культура хранит «ключ к пониманию русского средневековья» 7, в том числе к раскрытию особенностей бытования античных мотивов в ней, поскольку они «имплицитно содержались» в византийских текстах. С другой стороны, античные сюжеты и образы неизбежно подвергались конфессиональной оценке, и греко-римская культура изначально воспринималась как «проклятая и отверженная» 8. Исходя из этих положений была выведена методологическая установка: «Каждый античный элемент может и должен быть объяснен внутри

⁴ Историография вопроса об «античных мотивах» в русской книжности XV–XVI вв. достаточно обширна. Об этом писали А. И. Соболевский, А. Н. Попов, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, А. И. Клибанов, А. А. Зимин, О. В. Творогов, Э. Д. Фролов, Д. М. Буланин и многие другие.

Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 11.

^в Там же. С. 24.

1 1 Domponii Dellae Loimographi Beographia: Morifciani quogs ex vionylio Theffalonicenti ve fitu orbis interpretatio. Bomponii Mellae ve ozbis litu Liber primus. 16200emium.

Kbis fitum vicere aggredioz impe/ ditum opus z facundie minime ca/ par. Lonstat enim fere ex gentiu lo cozumaz nominibus: 2 cozum per/ plero satis ordine: quem persequi longa é magis of benigna materia 23erum aspici tamen cognoscios vi/ gnissimum: 2 quod si non ope inge/ nti ozantis: at ipfa fui cotemplatio/ ne precium opere attendentiù ab/ Solvar. Dicam autem alias plura ct

exactius. Nunc autem vt quegs erunt clariffima e frictim ac pmo quidem: que sit forma totius: que maxime partes, quo singule mo do lint: vto3 babitent expediam. Deinde rurfus oras omnium et littora vt intra extraq3 funt: atq3 vt ea subit ac circumluit pelagus: additis que in natura regionum incolarumo; memoranda funt: Id quo facilius sciri possir atoz accipi: panlo altius summa repe/

tctur. DiJundi in quattuo: partes vivilio.

Dine igitur boc quicquid est: cui mundi celiq no/ men indidinus: vnum id eft: 2 vno ambitu fe cun/ ctaq3 amplectitur. partibus viffert. IInde fol ozitur oxicus nuncupatur: aut oxus. quo bemergitur oci adens vel occasus:qua beaurrit meridies. ab adner

a parte septetrio.buic medio terra sublimia cingitur vndig mari: egiqs in ouo latera: que bemispheria noiant ab oziente vivisa

12. Начало Первой книги «Географии» Помпония Мелы из венецианского издания, осуществленного Эрхардтом Ратдольтом в 1482 г.

конфессионально замкнутой системы Slavia orthodoxa»⁹. Применительно к исследуемым автором источникам эта установка в высшей степени оправданна и позволила сделать ряд важных открытий.

Тем не менее, один малоизвестный памятник русской книжности не совсем вписывается в эту картину. Речь идет о древнерусском переводе Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Текст представляет собой яркую подборку известных в античном мире фактов о Европе, Азии и Африке. В нем приведены сведения о топографии, природе и памятных местах описываемых земель, о нравах и обычаях их населяющих народов. В тексте Мелы упомянуты многие античные боги и герои, пересказаны некоторые мифы.

Долгое время этот памятник почти не интересовал исследователей. Впервые на него обратил внимание А. И. Соболевский, выявивший два списка текста¹⁰. Скорее всего, он вместе с В. А. Погореловым и Н. А. Покровским принимал участие в составлении Описи Рукописного отдела Московского городского архива Министерства иностранных дел (РО МГАМИД) (ныне - 181 фонд Российского государственного архива древних актов (РГАДА)). А. И. Соболевский составил и краткое описание архивного сборника¹¹, в котором читается исследуемый текст. В описании отмечено, что «доселе перевод сей не известен ученым славянофилам»¹². Предположительно почерком А. И. Соболевского сделаны и карандашные маргиналии в самой рукописи, где он отметил деление Первой книги на главы, опущенное в древнерусском переводе. Позже сведения об этом источнике вошли в две работы исследователя¹³. Этот текст также вскользь упомянут в путеводителях по архиву¹⁴ и в Словаре книжников и книжности Древней Руси¹⁵. В рамках работы по составлению сводного каталога

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об. – 40 об.; ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об. – 16.

Пока существует лишь рукописный вариант Описи ф. 181; описание № 514 содержится в части 6 Описи, на лл. 36 – 37 об.

¹² Опись РО МГАМИД. Ч. 6. Л. 37.

¹³ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV– XVI вв. // Вестник археологии и истории. 1899. № 11. С 21; Он же. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 52–53.

Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма / Сост. В. Н. Шумилов. М., 1954. С. 48; Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. В четырех томах. Том 4 / Сост. Ю. М. Эскин. М., 1999. С. 133.

Белоброва О. А. Космография // СККДР. Вторая половина XIV – XVI вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 493.

рукописей XVI в., хранящихся в РГАДА, Л. В. Мошковой было составлено археографическое описание сборника из ф. 181¹⁶. Автором настоящей работы подготовлен к печати текст этого памятника и высказаны некоторые наблюдения над его содержанием¹⁷. Этим скромным перечнем до последнего времени исчерпывались исследования, связанные с рассматриваемым источником.

В начале 2015 г. К. В. Вершинин обнаружил в коллекции Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) еще два списка текста, не известных А. И. Соболевскому и не упомянутых в описях 18. В то же самое время, в которое автором настоящей статьи велась работа по подготовке к изданию источника по четырем спискам, О. Л. Новикова обнаружила и опубликовала еще один – пятый – список древнерусского перевода Первой книги Мелы 19. Эти открытия позволили уточнить некоторые детали, связанные с исследуемым текстом, а главное – подготовить издание не по двум (как предполагалось изначально), а по пяти рукописям.

16 Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. Л. В. Мошкова и др. Вып. 3. В печати. Сердечно благодарю Л. В. Мошкову за возможность ознакомиться с описанием до его публикации.

¹⁷ Матасова Т. А. О некоторых известиях о Египте в древнерусском переводе первой книги «Географии» Помпония Мелы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013 № 3. С. 90–91; Она же. Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы издания и изучения // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3 [Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной научной конференции]. М., 2013. С. 116–123; Вершини К. В., Матасова Т. А. К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4 [Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной научной конференции]. М., 2015. С. 118–123.

¹⁸ НИО̂Р РГБ. Ф. 98 (Егор.). № 843. Лл. 265 – 282 об; Ф. 37 (Больш.). № 16. Лл. 371 – 379 об. Выражаю большую признательность и искреннюю благодарность К. В. Вершинину за предоставление сведений о составе этих сборников.

¹⁹ Новикова О. Л. Фрагмент Первой книги «Географии» Помпония Мелы в Соловецкой рукописи конца XV века // Вестник Альянс-Архео. 2015. № 10. С. 35-75.

Ответ на вопрос о происхождении рассматриваемого перевода невозможен без исследования письменной традиции этого памятника.

Древнейший известный *полный* список первой книги древнерусского перевода «Географии» Помпония Мелы сохранился в составе сборника смешанного содержания из ф. 181 РГАДА²⁰ и датируется началом (первой четвертью?) XVI в.²¹ Фрагмент изучаемого текста, обнаруженный О. Л. Новиковой в Соловецком собрании Российской национальной библиотеки (РНБ), по-видимому, восходит к более раннему времени – к 1490-м гг.²² Этот фрагмент (далее – С), надо думать, представляет собой часть утраченного полного списка.

«География» Помпония Мелы также включена в два сборника из коллекции НИОР РГБ смешанного и сходного содержания. Вероятно, эти сборники восходят к одному архетипу. Помимо «Географии» Помпония Мелы в них содержатся «Шестоднев» Георгия Писиды, сочинение Лактанция, выдержки из Мерила Праведного и ряд других текстов. Сборник из собрания Е. Е. Егорова (далее – Е) датируется по водяным знакам третьей четвертью XVI в. 23 Манускрипт происходит из северо-восточных областей Европейской России: пометы на пустых листах обнаруживают, что в XIX в. им поочередно владели несколько крестьян из Усть-Цилемской и Печорской волостей (применительно к последней упомянуты Нергенская и Усть-Сысольская «округи» — области вокруг современного Сыктывкара) 24. Сборник из собрания Т. Ф. и С. Т. Большаковых (далее – Б) относится к рубежу XVI—XVII вв. 25, его происхождение пока не известно.

²⁰ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Лл. 10 об. – 40 об.

²¹ Каталог... Вып. 3 (в печати).

²² Новикова О. Л. Указ. соч. С. 39. Заметим здесь, что эта датировка, строго говоря, может вызвать сомнения: О. Л. Новикова проанализировала в своем исследовании водяные знаки только тех листов, на которых написан текст исследуемого источника. Вероятно – несмотря на то, что сборник Сол. 922/1032 представляет собой конволют – стоит посмотреть и другие филиграни, чтобы исключить вероятность того, что в начале XVI в. «ранняя» бумага тоже могла использоваться.

²³ Филиграни: рука – аналог. Лихачев. Палеографическое значение. № 1670 (1553 г.), № 1847, 1848, 1849 (1562 г.) [Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. М., 1899]; Briquet № 10996 (1542 г.) [Briquet Ch. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusq'en 1600. Leipzig, 1923]; лилия – аналог. Briquet № 7144 (1519 г.) и аналог., но меньшего размера № 7154 (1541 г.)]; буква М – сходно с [Briquet № 8378 (1574 г.)].

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 82 об.

²⁵ Филиграни: Briquet №15936 (1588-1601 гг.), Лихачев. Бумага. № 529 (1595 г.) [Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Мо-

В коллекции Отдела рукописей Государственного Исторического музея (ОР ГИМ) в составе Чудовского собрания хранится сборник (далее – Ч) переводных географических сочинений, также содержащий изучаемый источник 26 . Сборник относится к последним десятилетиям XVII в. 27

Известна единственная редакция перевода. Сличение списков показало в целом несущественные различия между ними, сводящиеся в первую очередь к орфографическим особенностям, отражающим общие тенденции XVI и XVII вв.²⁸ Иногда несущественно изменен порядок слов²⁹, встречаются описки³⁰, а в отдельных случаях непо-

сковском государстве. СПб., 1891]. См.: http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/5519473. Описание сборника см.: *Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 9–10.

²⁶ ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об. – 16.

Об этой рукописи см.: Петров П. Н. Книгохранилище Чудова монастыря // Памятники древней письменности. СПб., 1879. Вып. 4. С. 194; Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 204. Работа со сборником показала, что оба археографических описания содержат существенные неточности, а порой ошибки. Мной составлено новое описание сборника, которое должно в обозримом будущем увидеть свет. Что касается датировки рукописи, то анализ филиграней указывает на 1686 г. (двуглавый орел с буквой F на груди, типа Каманин, № 654 (1672, 1681) [Каманин І., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. Київ, 1923]; герб Амстердама двух вариантов: 1. типа Laucevičius, № 75 (1682, 1686) [Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967; 2. сходство с Churchill Nº 23 (1686) [Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. Vol. 1], Heawood Nº 432 (1686) [Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950 (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Vol. 1)].

²⁸ Напр., пакы – паки; Адриатикж – Адриатику; пръво – перво; окіана – окияна; Греціа – Грецыя; Італиа – Италия; странъ – стороне; пръскіи – перскиі; розливаетсь – разливаетца; объимаетсь – обымаетца и т. п.

²⁹ Напр., боурами частыми (Л. 37 об. РГАДА) – частыми бурьамі (л. 14 об. Ч); Жонкам коньночю брань створають, мёжи же пъшжю брань стварають (л. 40 РГАДА) – Сотворяют мужи ж пешую брань, сотворяют жены ж конную брань (л. 16 Ч).

³⁰ Напр., скотовъ (л. 27 об. РГАДА) – скотвов (л. 10 Ч); Меютида (л. 13, 39 об. РГАДА) – Меюдита (л. 2 об., 15 об. Ч); Чермному морю (Красному) (л. 28 об. РГАДА) – Черному (л. 10 об. Ч); почитаютса (л. 38 об. РГАДА) – починаются (л. 15 Ч); Дономъ (л. 12 об. РГАДА) – Доломъ (л. 266 об. Е); Лаюдикиа (л. 377 Б) / Лаодикия (л. 11 об. Ч) – Ладиюкіа (л. 30 об. РГАДА); Фитори (л. 39 об. РГАДА) – Фотори (л. 379 об. Б) – Фотири (л. 15 об. Ч); Еуропіа (л. 17 об. РГАДА) – Еропиа (л. 4 С) и мн. др.

нимание текста и, как следствие, его неверная передача с изменением или потерей смысла отдельных фраз³¹. Порой слова заменены однокоренными или синонимами³².

Можно с уверенностью сказать, что существовало больше списков, чем те, которыми мы располагаем сегодня³³. Об этом свидетельствуют следующие разночтения. В списках E, E и Y содержится строка, отсутствующая в списке РГАДА³⁴. В свою очередь в списке РГАДА содержится несколько фраз, отсутствующих в списке Y^{35} . Следовательно, список Y сделан не с этого списка, а с какого-то другого, неизвестного. Списки E и E не могут быть протографами списка Y, поскольку ряд небольших фрагментов текста, присутствующих в списке Y (строк протографа/протографов E и E^{2}), отсутствуют в списках E и E^{36} . Сличение списков Y и E показало, что между ними разночтений меньше всего, а те, что есть, могли возникнуть в процессе копирования³⁷. Это означает, что, возможно, полный список E (или какой-то другой, сходный с ним) был протографом списка E.

³¹ Напр., ипотами (гиппопотамы) (л. 25 об. РГАДА) – лъпотами (л. 9 Ч); есть въ Палестинъ Гадҳа (л. 29 об. РГАДА) – есть въ Палестинъ сад за... (л. 11 Ч) – есть в Палестине град за... (л. 376 об. Б); Серес (л. 14 РГАДА) – ересь (л. 267 E); Къ Пръскомоч (л. 14 об. РГАДА) – Къпръско (л. 267 об. Е); Игелони (л. 40 РГАДА, л. 16 Ч) – и голодни (л. 379 об. Б); сочды всъкие древъни и лоубъны (л. 23 об. РГАДА, сходный текст на л. 7 С, 273 Е, 375 Б и 7 об. Ч), тогда так в латинском оригинале vaza, то есть ошибка во всех четырех списках. Правильно было бы «сосуды/съсуды всякие древяны и лубяны» (см.: Новикова О. Л. Указ. соч. С. 72, прим. 56) и др.

³² Напр., похораниваютъ (л. 27 об. РГАДА) – хоронят (л. 10 Ч); дъла (л. 13 об. РГАДА) – ради (л. 3 Ч); зъло (л. 20 об. РГАДА) – добре (л. 6 Ч).

³³ Обнаружение в последние годы трех не просматривающихся по описям списков источника дает основание предполагать возможность внезапного открытия и других списков.

³⁴ На л. 15 об. списка Ч читается Лимерикъ град по берегу ж. Сходный текст читается на л. 282 в списке Е и на л. 379 об. в списке Е: Химерикъ град по берегж ж. Эта подробность отсутствует в списке РГАДА.

³⁵ Напр., на л. 36 об. списка РГАДА читается Фтоль море пакы ширь чинитса; на лл. 13 об. – 14: изгыбааса потомъ великим лъбомъ; на л. 21: Оутика и Карфагенъ, фба славныа грады.

³⁶ В Е отсутствуют фразы, читающиеся и в РГАДА, и в Ч: роубежь. Въ предних же было црем (л. 271), знаютьа иные и не ҳнають женъ (л. 273), По городъ Корытъскыи зракъ (л. 277 об.). Кроме того, на полях почерком XVI столетия в список с добавлены пропущенные строки: а инде глютсм. Таврикы а инде Москы (л. 282) и мвжи же пъшвю брань сътворают (л. 282 об.). В списке с отсутствует фраза «а инде Москы. А инде. Амазоникы», читающаяся в других списках на лл. 39 (РГАДА), 282 (Е), 15 (Ч).

³⁷ Напр., Гораманти (л. 1 C) – Гораманти с (л. 5 Ч).

Списки E и B – несмотря на то, что читаются в сборниках сходного состава – имеют, по-видимому, разные протографы. Так, в списке E содержатся фразы, отсутствующие в списке E^{38} . В списке E в свою очередь есть фраза, которой нет в списке E^{39} . Нельзя исключать, впрочем, что они могли быть сделаны и с одного списка, если учесть, что каждый переписчик мог делать свои ошибки.

Несмотря на эти расхождения, несложно заметить, что списки C, E, E и Y были сделаны E близких списков: ряд слов и имен собственных переданы в E, E и E, а иногда и E одинаково или очень похоже, тогда как в списке РГАДА они выглядят иначе E0. Особенно примечательны отмеченные E0. E1. Новиковой на основании сличения списков РГАДА и E2 разночтения E3 сиспользованием конструкций E4 суказательным местоимением «оно», которые, по нашим наблюдениям, присутствуют не только в E4, но и в E5, а иногда и в E8 списке РГАДА они заменены синонимами. Это важно, поскольку чтения в списках E7, E8 и E9, таким образом, ближе E9, таким образом, ближе E9, E

³⁸ Слова роубежь. Въ предних же было црем в НИОР РГБ. Ф. 37. № 16 читаются на л. 374, а слова По городъ Корытъскый зракъ – на л. 377. Эти фразы есть и в остальных списках.

⁹⁹ Слова Скуона, инаа еже г[ле] мам ес в НИОР РГБ. Ф. 98. № 843 читаются на л. 269. Эта фраза есть и в остальных списках.

⁴⁰ См., напр.: Туским (л. 16 об. РГАДА) — Тускоум (л. 269 Е), Туском (л. 373 Б. л. 4 Ч); доле (л. 17 об. РГАДА) — донеле (л. 269 Е, л. 4 об. Ч) — донеле с зачеркнутым не в списке Б на л. 373; Катабаемомъ (л. 24 об. РГАДА) — Катабаемонъ (л. 273 об. Е, л. 8 Ч); Канописъ (л. 28 об. РГАДА) — Канопикъ (л. 11 об. С, л. 276 Е, л. 376 об. Б, 10 об. Ч); Сеневитик (28 об. РГАДА) — Севенитик (л. 11 об. С, л. 276 Е, л. 376 об. Б, 10 об. Ч); Мендес (28 об. РГАДА) — Мендис (л. 11 об. С, л. 276 Е, л. 376 об. Б, 10 об. Ч); Мавкъъ (л. 33 об. РГАДА) — Маусол (л. 279 Е, л. 378 Б, л. 13 Ч); Селевкіа (л. 30 об. РГАДА, л. 11 об. Ч) — Селеоукіа (л. 277 Е, л. 377 Б) и мн. др.

⁴¹ В С, Е, Б и Ч вместо слов «преже бело поле» (как в РГАДА) слова «в оно было поле»; в С, Е и Б вместо слов «князем» тогда бывшим»» (как в РГАДА) слова «князем в оно бывшим». См. подробно: Новикова О. Л. Указ. соч. С. 42.

⁴² См., напр.: Иппогери (л. 21 РГАДА) – Иппореги (л. 5 С, л. 271 об. Е, л. 374 об. Б) – Ивпогери (л. 6 об. Ч); Рекаба града (л. 271 об. Е) – река Ботрада (л. 6 об. Ч); Ганиваса идеже (л. 273 Е) – Ганифасанди (л. 8 Ч); Иллирис (л. 17 РГАДА; л. 269 Е, л. 4 Ч) – Имирис (л. 373 Б); Портемом (л. 266 Е) – Портомон (л. 371 об. Б) – Портемонъ (л. 12 об. РГАДА, л. 2 Ч) и др.

В списке РГАДА содержатся маргиналии полууставом середины (второй половины?) XVI в.⁴³ и скорописью XVII в.⁴⁴ (маргиналии XVII в. написаны не тем почерком, что список Ч). В списке *E* также встречаются маргиналии почерками XV и XVII вв.⁴⁵ Это свидетельствует о том, что кто-то знакомился с рукописями в XVI и XVII вв. Как будет показано ниже, это было не случайное чтение: за ним стояла определенная рефлексия.

Восходящий к 1490-м гг. (если принять эту датировку; см. сноску 22 настоящей работы) список C изначально не был древнейшим. Об этом говорит то, что на л. 10 этого списка есть слова «и инаа чюднаа дѣла», написанные и зачеркнутые киноварью. Эти же слова читаются в нужном месте и в самом списке C, и во всех других списках⁴⁶. Иными словами, переписчик случайно взглянул не на тот фрагмент в протографе и ошибочно внес его в свою работу. Позже это было замечено, и лишние слова были зачеркнуты. В списке C есть и другие подобные примеры.

Список РГАДА также не был древнейшим. Об этом свидетельствует отсутствие строки, содержащейся в списках Е. Б и Ч: переписчик начала (первой четверти?) XVI в. пропустил ее. Это означает, что древнерусский перевод мог быть составлен не только в начале XVI, но и в конце XV столетия (что, скорее всего, подтверждает список С). Кроме того, некоторые явные описки, содержащиеся в рукописи РГАДА, могут рассматриваться как характерные для процесса именно переписывания, а не создания перевода⁴⁷. Протографы списков E, Б и Ч не были, скорее всего, древнейшими списками: как уже отмечалось, в этих списках отсутствуют некоторые фразы, которые есть в списке РГАДА. Мелкие, но существующие различия между каждым из списков дают основание говорить о том, что у каждого из них мог быть свой протограф (общий протограф могли иметь только списки Е и Б). Древнейшим списком мог являться несохранившийся протограф С, но точно это установить затруднительно по причине фрагментарного характера С.

Итак, могло существовать до девяти-десяти списков древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы XVI—

⁴³ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 26 об., 28, 31.

⁴⁴ Там же. Л. 28.

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 279, 282, 282 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 26 об.; РНБ. Сол. 922/1032. Л. 10; НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 274; Ф. 37. № 16. Л. 376; ОР ГИМ. Чуд. № 347. Л. 9 об.

⁴⁷ Напр., И бъ въ брани паденіе мнюго **б объих б юбоих** странъ [Выделено мной. – Т. М.] (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 22).

XVII вв., пять из которых сохранились. Возможно, древнейшие списки восходили к последнему десятилетию XV в. или даже к последней четверти XV в. Раньше перевод едва ли мог быть создан, поскольку сочинение Мелы не было известно в средневековой Европе.

* * *

Появление рассматриваемого перевода в Московской Руси на рубеже XV–XVI вв. было закономерным явлением. Знакомство русских интеллектуалов со многими идеями европейского Возрождения не вызывает сомнений. Многие вопросы, волновавшие гуманистов, вставали и перед русскими людьми. Среди них выделяется вопрос о мироустройстве, подразумевающий сбор достоверных сведений об окружающем пространстве. С этим было сопряжено пристальное внимание гуманистов к известным территориям, а также поиск новых земель.

Важным источником сведений о расположении морей, земель и расселении народов были для итальянских гуманистов открытые ими античные географические трактаты. «География» Помпония Мелы была одним из самых авторитетных и популярных текстов: во второй половине XV в. в Италии она была издана восемь (!) раз: в 1471 г. - в Милане и в 1477 (дважды), в 1478 (дважды), 1482, ок. 1495, 1498 гг. – в Венеции. Отметим, что публикация 1471 г. – одно из первых изданий, осуществленных на территории Апеннинского полуострова. К концу XV в. относятся издания, осуществленные в Валенсии (1482) и Саламанке (1498). За первую половину XVI столетия «География» Помпония Мелы была издана пять раз в Италии (в 1500 и 1518 гг. в Венеции, в 1519 г. – во Флоренции, в 1510 г.- в Пезаро, в 1521 г. – в Тосколано), восемь раз в Париже (1508, 1513, 1517, 1530, 1532, 1536, 1539, 1540), один раз в Базеле (1522) 48. Среди издателей – видные гуманисты и новаторы печатного дела: Панфило Кастальди, Эрхард Ратдольт, Симеон Бевилаква, Иероним Вадианус, Жиль де Гурмон и др. Венецианское издание 1482 г., осуществлен-

Cm.: Short-title Catalogue of Books printed in France and of French Books printed in other countries from 1470 to 1600 now in the British Museum. London, 1924; Short-title Catalogue of Books printed in Italy and of Italian Books printed in other countries from 1465 to 1600 now in the British Museum. London, 1958; Hain L. Repertorium bibliographicum, in quo libri omnes ab arte typographica inventa usque anno MD. Paris, 1838. Vol. 2; Indice generale degli inconaboli delle biblioteche d'Italia. Roma, 1965. T. 4; Catalogue of Books printed in XVth century now in the British Museum. London, 1916. Vol. 4; London, 1924. Vol. 5.

ное Э. Ратдольтом, снабжено картой мира по Меле, а венецианское издание 1498 г. имеет посвящение папе Александру VI, составленное гуманистом Ермолаем Барбаро.

В Московской Руси той поры интересовались географией, в т. ч. новейшими открытиями европейцев. Большую роль в ознакомлении с Новым Светом сыграли сочинения Максима Грека. Он впервые в русской книжности упоминает об американских землях (о Кубе) и ряде островов Юго-Восточной Азии - «Островах пряностей» 49. В 20-е гг. XVI в. в Московии появляется и знаменитый перевод письма Максимилиана Трансильвана «О Молукитскых островех», представляющего собой рассказ о плавании Ф. Магеллана. Вероятнее всего, перевод этого письма осуществил Дмитрий Герасимов⁵⁰. Этот текст был источником уникальных фактов, причем не только для России, но и для всей Европы: знаменитый венецианский гуманист Джан-Баттиста Рамузио включил его в свою «Антологию морских и сухопутных путешествий»⁵¹, составленную в 1550-е гг. Дмитрию Герасимову принадлежит и известное предположение о возможности северного пути в Китай⁵². В конце XV в. в русской книжности появляется «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне» - собрание экзотических сведений о некоторых северных народах⁵³.

Важной особенностью географических представлений русских в сравнении с европейцами было то, что многие земли Старого Света были практически неведомы им. Речь идет не о далеком Китае или загадочной Аравии, но и о Ближнем Востоке, Северной Африке, Южной Европе... Это были земли, неоднократно упомянутые в Священном Писании, житиях многих святых, проложных чтениях, ряде литургических текстов и святоотеческом наследии, а также в

⁴⁹ Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Т. 3. С. 42-43.

⁵⁰ *Казакова Н. А., Катушкина Л. Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 239.

⁵¹ CM.: Ramusio G.B. Navigazioni e viaggi / A cura di M. Milanesi. Torino, 1979. Vol. 2. P. 843-866.

⁵² Павла Йовия Новокомского книга о Московитском посольстве к Иоанну Руфу, архиепископу Консентийскому // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Отв. ред., сост., авт. пер. и комм. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 270.

⁵³ См.: Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. 14. С. 227–313; Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 37–50; Он же. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль, 1993; Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008. С. 57–66.

апокрифах. Однако сколько-нибудь развернутого представления о природе тех мест у русских не было. Немногих, кто оказывался там, интересовали в первую очередь святыни. Исключение составляет собственно Святая земля. По наблюдениям Е. К. Пиотровской, «топография святых мест Палестины и Синая была хорошо знакома» русским интеллектуалам⁵⁴.

В Московии осознавали этот «пробел», и русские книжники стремились его восполнить. В середине XV столетия в Московской Руси появляется вторая редакция Летописца Еллинского и Римского - пространного сочинения, посвященного древней истории Средиземноморья. На рубеже XV-XVI вв., по-видимому, уже началась работа над составлением Хронографа редакции 1512 г., в котором также немало сведений о тех краях. Вполне естественно, что русские книжники стремились собрать как можно больше информации о местах, так или иначе связанных с христианской традицией и одновременно с историей Европы, контакты с которой становились все более интенсивными. Интерес русских к географии был не только прагматическим, как у итальянских купцов и авантюристов (новые пути - новые земли - новые доходы), или познавательным, как у итальянских гуманистов. Как будет показано ниже, у русских он был одновременно традиционным, связанным со стремлением к более глубокому прочтению давно знакомых сюжетов, связанных с христианской культурой.

В переведенной Первой книге «Географии» Помпония Мелы речь идет как раз о землях и городах, известных по упомянутым памятни-кам: о Египте⁵⁵, Причерноморье⁵⁶, Карфагене⁵⁷, Трое⁵⁸, Милете⁵⁹ и др.

Разумеется, для русских Помпоний Мела не был единственным источником географических знаний. Гораздо более популярной в Московской Руси была знаменитая «Христианская топография» Косьмы Индикоплова, самый ранний полный список которой датирован 1495 г.60, но появилась она в русской книжности не позднее

⁵⁴ Пиотровская Е. К. «Христианская топография Косьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. СПб., 2004. С. 190.

⁵⁵ ГРАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Лл. 24 об. – 28 об.

⁵⁶ Там же. Лл. 12 об., 14, 15 об., 16.

⁵⁷ Там же. Лл. 21 – 21 об.

⁵⁸ Там же. Лл. 35, 36.

^{59 «}Ис того града бъ Талетис астрологъ, и Тимофеи моусикъ, и Анадімандрь фісикъ, и иными многими преславными гражданы славенъ град тъ» (Там же. Л. 34).

⁶⁰ Космологические произведения в книжности Древней Руси / Подг. В. В. Мильков, С. М. Полянский. СПб., 2009. Ч. 2. С. 22-86.

XII в. Причина большей популярности сочинения Косьмы очевидна: он был автором *христианской* топографии, его концепция базировалась на близких русским интеллектуалам конца XV в. основаниях⁶¹. Впрочем, при всей популярности этого текста это была далеко не единственная известная концепция мироустройства⁶².

Итальянские гуманисты, переиздававшие произведение Мелы снова и снова, напротив, видели в этом произведении источник истинного знания. Большинство просмотренных автором данного исследования инкунабул и изданий начала XVI в. изобилует латинскими маргиналиями почерков XV–XVI столетий, нередко весьма пространными.

Таким образом, в Московской Руси рассматриваемого времени заметен интерес к текстам географической тематики: в кругах просвещенных книжников перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы мог быть актуален.

Все вышесказанное подталкивает к поиску ответа на вопрос об авторе перевода.

Первое предположение, которое могло бы напрашиваться, состоит в том, что этот перевод можно связать с деятельностью новгородского архиепископа Геннадия и его ученого кружка. Возможно, это были «первые опыты» переводческой деятельности Дмитрия Герасимова, русского интеллектуала, получившего ренессансное образование в Ливонии, который имел отношение к «геннадиевскому кружку». Однако стиль известных нам переводов Дмитрия Герасимова совершенно не обнаруживает сходств со стилем исследуемого перевода. Кажется более вероятным, что это мог быть след придворной переводческой работы, пусть и осуществленной людьми, имевшими отношение к владыке Геннадию.

К переводу явно был причастен кто-то из греков, участвовавших в посольствах в Италию в качестве переводчиков. К этому заключению подталкивают справедливо отмеченные еще А. И. Соболевским особенности языка перевода: многие слова переданы «не по латинскому, а по греческому произношению: аравес, вактри, вретанииского, Камвиск царь, Кимон, Кизик, Селевкия, кимери, киринеи, Асия,

⁶¹ На одной из первых страниц своего сочинения Косьма Индиклплов утверждает, что собирается излагать «положениа христианьскаа о образех и оуказ имущ» (см.: Книга, нарицаемая Козьма Индикоплов / Подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997. С. 58).

⁶² Космологические произведения... С. 7.

Виоиния, оивеяне, аоинеискии, Мараоос, Орон ∂ ес, Понъ δ оний, Змирна» (выделено А. И. Соболевским. – T. M.) 63 . Ученый справедливо отметил и то, что окончания многих имен собственных грецизированы: Олимпоc, Омирoc, Трацы yc^{64} .

Эти наблюдения можно дополнить. Заметна тенденция перевести названия: например, при упоминании города Триполиса книжник помечает, что «имя ж тому Троеградное место» 65. Еще рельефнее эта особенность видна при упоминании города Neapolis, переданного просто как «Новой город» 66. Все это знаменательно, поскольку греческих переводов с латинского оригинала, насколько мне известно, не существовало.

Есть и несколько случаев итальянизированных имен собственных, что дает повод утверждать, что переводчик владел одним из итальянских диалектов⁶⁷. Название города Керказора передано как «Чрътасор» (курсив мой. – Т. М.)⁶⁸. Во всех ранних латинских изданиях Помпония Мелы это название выглядит как «Certasor»: поитальянски его следовало бы читать именно так, как это передано в рукописи. Ни один другой европейский язык не дает оснований для такого чтения. Тот же явно итальянизированный вариант произношения встречается и в названии Дамаскены: в рукописи она названа «Дарамшеной» (курсив мой. – Т. М.)⁶⁹, а в латинских изданиях передана как "Damascena".

Интересно, что переводились даже термины, что порой приводило к утрате смысла текста. Так, переводя фрагмент о египетских пирамидах, автор, видимо, не понял, что фут – это римская мера длины, и это слово не требует перевода: «Соуть же на тои Египетьстви Демли пирамиде триста ногъ камениемъ дълани, б них же три величаиши соуть» 70. Можно заметить также несколько случаев изменения смысла текста при переводе. Один из наиболее ярких примеров такой ситуации связан с переводом фрагмента об атлантах: «Атланти же молатса слицоу, егда въсходить и егда Даходить. Именъ оу-

⁶³ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 52–53. Примеры приведены А. И. Соболевским по списку РГАДА.

⁶⁴ Тамже.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 30 об.

⁶⁶ Там же. Л. 21 об.

⁶⁷ Единый итальянский язык в ту пору еще не сформировался, региональные различия в языке на Апеннинском полуострове не преодолены до сих пор.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 25.

⁶⁹ Тамже, Л. 29.

⁷⁰ Там же. Л. 26 об.

собных не имъють, а скотиноу не ьадать и мало спат перед иными людьми» (выделено мной. – T.~M.)⁷¹. С. К. Апт, переведший на русский язык текст «Географии» Помпония Мелы уже в XX веке, предложил такой вариант: атлантам «не дано видеть сны»⁷².

Кто же осуществил перевод? Среди греков на русской службе в данном контексте интересно рассмотреть подробнее деятельность семьи Траханиотов, поскольку их причастность к книжной работе давно и хорошо известна. В эту семью входили братья Дмитрий и Юрий, а также сын Дмитрия – Юрий («Юшка Малой»)⁷³. Дмитрий и Юрий были сыновьями Мануила Траханиота Буллотеса – видного деятеля греческого мира. Он участвовал во Флорентийском соборе, был сторонником унии между православной и католической церквями и горячо поддерживал архиепископа Никейского Виссариона, будущего кардинала. С деятельностью Виссариона - одной из ключевых фигур ренессансной Италии 1460-1470-х гг. - неразрывно связан и итальянский период жизни сыновей Мануила. Дмитрий и Юрий Траханиоты были вхожи и в гуманистический кружок при Арагонском дворе. Их дальний родственник - Микеле Марулло Траханиот - остался жить в Неаполе и был известен как поэт и философ-неоплатоник. Появление в Москве Дмитрия и Юрия Траханиотов связано с организацией брака Ивана III с Софьей Палеолог, начавшейся в 1469 г. После его заключения (1472 г.) Дмитрий и Юрий окончательно обосновались в Москве.

С именем Дмитрия Траханиота связаны послания владыке Геннадию. Среди них выделяется послание «о седмиричности счисления лет», которое также вошло в историографию как «Послание о сугубой и трегубой аллилуйе»⁷⁴. Но самым известным произведением, к кото-

⁷¹ Там же. Л. 23 об.

⁷² Античная география / Ред. М. С. Боднарский. М., 1953. С. 186.

См. об этом очень подробно: Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средневековието. София, 1982. С. 123–143; Лурье Я.С. Траханиот Дмитрий Мануилович // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 435–437; Буланин Д.М. Траханиот Юрий Дмитриевич // Там же. С. 437–438; Он же. Траханиот Юрий Мануилович // Там же. С. 438–439.

См.: Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмеричности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 51—75. Во многих научных изданиях этот памятник ошибочно приписан Дмитрию Герасимову.

рому он мог иметь отношение, является «Повесть о белом клобуке»⁷⁵. Это сочинение сыграло значительную роль в становлении идеологии Московской Руси как единственного в мире независимого православного государства, сохранившего истинную веру.

Все эти факты говорят о том, что Дмитрий Траханиот был знатоком латыни и тонким интеллектуалом. Его деятельность была связана с решением широкого круга актуальных церковных и богословских вопросов. Однако сложно представить, что он взял бы на себя труд переводить текст языческого автора, сообщающего о «мольбищах»⁷⁶ и «позорищах»⁷⁷ бога Аполлона (речь идет, видимо, о храмах, где есть изображения, вероятнее всего, статуи⁷⁸, Аполлона), о «позорище бога Амона»⁷⁹, «славном мольбище» богини Дианы⁸⁰, и «мольбище Зевсовом»⁸¹. Мела повествует о том, что египтяне «плачють моътвых, а ни жг8т, ни хоронать их, но хитро Зелиама объсыпають и кладоуть их въ мольбищах» 82, а также «еств8 на навъ надать, и Za дворомъ срамотнаа мъста домашнымъ небрежно навлають. Чтать мнюгых скотовъ образы и самъх скотъ, но не всъ единъхъ, иные иных, и толь бережно, њихо егда небрежениемъ $\omega \tau$ кого оумре τ скотъ, пена есть головнана. Егда же смотию оумирають скоты, плачють и $\sqrt[4]{c}$ тно их похораниваю $t \gg 83$.

Думается, что если бы Дмитрий Траханиот осуществил перевод такого «агрессивно языческого» текста, то непременно снабдил бы его разгромными обличениями автора в «еллинской прелести». Такие обличения были характерны для византийской богословской полемики⁸⁴. Даже в известной в русских землях с XIII в. «Александрии Хронографической» - рассказах об Александре Македонском, вошедших в состав Русского Хронографа редакции 1512 г., есть ремарка

80

В науке существует дискуссия по поводу датировки этого памятника. Н. Н. Розов относит его к концу XV в. (см.: Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 178-220. Тем не менее ряд исследователей датируют этот текст XVI столетием и не связывают его с Дмитрием Траханиотом.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 26 об.

Там же. Лл. 33, 34, 34 об.

См. подробно: СлРЯ XI-XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 124 (статья «Позорище», значение 3 - зрелище); М., 1979. Вып. 6. С. 62 (статья «Зрак»).

⁷⁹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 22 об.

Там же. Л. 34 об. 81

Там же. Л. 37 об.

⁸² Там же. Л. 27.

⁸³ Там же. Л. 27 об.

Буланин Д. М. Античные традиции... С. 27-28.

о том, что «боги египетские, сиречь бесы» 85. Но текст древнерусского перевода Помпония Мелы таких обличений не содержит, он совершенно нейтрален в смысле религиозной окраски. В нем нет вставок переводчика оценочного характера.

Брат Дмитрия, Юрий Траханиот («Юрий Старый»), также известен как человек, близкий к кругу владыки Геннадия. Он перевел так называемые «Речи посла цесарева» 66— знаменитый рассказ Георга фон Турна («Юрия Делятора» русских летописей), посла императора Священной Римской империи Максимилиана. В источнике речь идет об опыте испанской инквизиции в борьбе с еретиками. Но сохранившиеся данные говорят о том, что Юрий Старый более своего брата проявлял интерес именно к «светским» сюжетам. Он был великокняжеским дипломатом, руководил московскими посольствами в Милан, Священную Римскую империю и Данию.

Юрий Траханиот сыграл немалую роль в ознакомлении итальянских гуманистов с жизнью далекой Московии. Среди даров, состоявших из северных диковин, которые он преподнес миланскому герцогу Джан-Галеаццо Сфорца (1476–1494), были не только «двое сороков» соболиных шкурок, но даже несколько живых (!) соболей, а также ловчие птицы⁸⁷. В Милане в 1486 г. на основании его рассказов о России было составлено одно из первых описаний нашей страны в Европе, не опиравшееся на античные представления о географии⁸⁸. Источники свидетельствуют, что он хорошо говорил поитальянски: в 1490 г. на рейхстаге во Франкфурте представитель великого князя, облаченный в меховые одежды, говорил речь «на ломбардском наречии»⁸⁹.

Интерес к географии Юрия Старого не ограничивался рассказом о Русском государстве в Милане: по последним наблюдениям, он мог быть источником информации о Руси и для немецких гуманистов. На знаменитой карте мира Иеронима Мюнцера, увидевшей свет в 1493 г. в Нюрнберге, есть топоним «Dikiloppi», представляющий собой транслитерацию русского названия угро-финского народа «ди-

⁸⁵ ПСРЛ. М., 2005. Т. 22. С. 185.

⁸⁶ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 49-50.

Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. Р. 90; Гу-ковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652.

⁸⁸ Barbieri G. Op. cit. P. 90-94; Гуковский М.А. Указ. соч. С. 652-655.

⁸⁹ Цит. по: Герберштейн С. Записки о Московии / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 2. С. 23.

кая лопь». Появление этого названия у И. Мюнцера «можно связать с деятельностью Георга (Юрия Мануиловича) Траханиота... трижды возглавлявшего посольства в Империю в 1489, 1491 и 1493 гг.» 90.

Едва ли можно сомневаться в том, что, находясь в среде европейских гуманистов, Юрий Траханиот знал об их интересах и находках. Вполне вероятно, что с произведением Помпония Мелы он мог познакомиться в ходе своей посольской службы.

Еще одним вероятным автором перевода является племянник Юрия Старого – Юрий Дмитриевич Траханиот («Юшка Малой»). Этот грек сделал в России блестящую карьеру – стал высокопоставленным чиновником при великокняжеском дворе⁹¹. Широко известно мнение о нем Сигизмунда Герберштейна: «Грек Георгий, по прозвищу Малый, казнохранитель, канцлер и главный советник государев... Это был муж выдающейся учености и многосторонней опытности...» 92, настоящий придворный интеллектуал.

Нет сомнений в том, что «по наследству» от отца и дяди ему передалась традиция быть в центре актуальных исканий европейского гуманизма и православного богословия. В его многосторонней деятельности в связи с исследуемым вопросом стоит рассмотреть сюжет, имеющий отношение к географическим представлениям и одновременно к формирующейся идеологии и внешней политике Российского государства.

Этот сюжет касается некоторых известий С. Герберштейна о недавно покоренной московскими ратями Югре. Австриец сообщал, что «Георгий [по прозвищу] Малый, родом грек, желая на переговорах во время моего [Герберштейна. – Т. М.] первого посольства обосновать право своего государя на Великое княжество Литовское, королевство Польское и проч., говорил, что югра была подданными великого князя московского и обитала при Меотийских болотах, затем пересели-

⁹⁰ *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 2. С. 462 (см. комм. 878, составленный А. Л. Хорошкевич).

[«]Еще при жизни Ивана III (между 1500 и 1504 гг.) [он] занял важный пост "печатника" – лица, хранившего великокняжескую печать и ведавшего оформлением судебных документов, исходивших из великокняжеской канцелярии. В первые годы правления Василия III он получил еще более важный пост – казначея, и, войдя в состав великокняжеской думы, стал одним из ближайших советников великого князя... Показательно его участие во всех важнейших переговорах с иностранными послами, хотя к кругу обязанностей казначея это непосредственного отношения не имело». Даже временная опала не стоила ему конца карьеры. См.: Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 125–126.

⁹² Герберштейн С. Указ. соч. Т. 1. С. 213, 215.

лась в Паннонию на Дунае, которая от этого и получила имя Венгрия, наконец, заняла Моравию, названную так от реки, и Польшу, (получившую имя) от polle, что значит "поле", а по имени брата Атиллы назвал город Буду. Я только пересказываю то, что было мне сказано. Говорят, что югра и до сих пор имеет общий с венграми язык…»93

Как видно из текста, Юрий Малой, пытаясь обосновать права Московского государя на литовские земли, привел рассуждения об общности югры, гуннов и венгров⁹⁴. Высказывание Юрия Малого «о принадлежности к Венгерскому королевству Моравии и Польши» в историографии трактуется как «указание на то, что Матвей Корвин [венгерский король в 1458–1490 гг. – Т. М.] почти все время своего правления был маркграфом Моравии, а Людовик Великий [венгерский король с 1342 г. – Т. М.] в конце правления стал и королем Польши [с 1370 г. – Т. М.]» 95.

Важной задачей Василия III стало присоединение к России исконно русских земель, захваченных Литвой в XIV в., в первую очередь Смоленска (1514). Дальнейшее наступление на Литву нуждалось в серьезном обосновании, и грек на русской службе нашел его. «Идеи Ю. Д. Траханиота создали идеологическую основу дальнейшей внешнеполитической программы – уже Ивана IV и его Ливонской войны» 96.

В цитированном выше фрагменте важно упоминание Меотийских (Меотидских) болот. Юрий Малой и другие просвещенные деятели при великокняжеском дворе сообщили Герберштейну многие известия о России, что позволило ему в описании Московии отойти от ряда полумифических античных и раннесредневековых известий о тех краях, сохранив, впрочем, большую часть античных названий. Это был значительный прорыв в представлениях западных интеллектуалов о географии северо-восточной Европы. Долгое время, согласно выводам А. В. Подосинова, «наиболее распространенные, традиционные и общие представления о севере Восточной Европы в раннесредневековой [и вообще средневековой. – Т. М.] латинской письменности» брали свое начало от известий римских географов I в. «В свою очередь, большинство представлений о Восточной Европе и ее севере были заимствованы... у древнегреческих географов, начиная с Геродота. Таким образом, авторы IV–VI вв., сами того

⁹³ Там же. Т. 1. С. 385.

⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 95.

⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 440 (см. комм. 686, составленный А. Л. Хорошкевич).

⁹⁶ Герберштейн С. Указ. соч. Т. 2. С. 97.

не осознавая, передавали информацию более чем девятивековой давности» В Европе были широко распространены рудименты этих представлений В Альберту Кампенскому и Павлу Йовию стоило немалых усилий доказать европейским гуманистам, что Рифейских гор не существует 99.

⁹⁷ Подосинов А. В. Средневековая Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 227.

⁹⁸ Об образах северной и северо-восточной Европы в представлениях гуманистов см. подробно: *Кудрявцев О. Ф.* Несостоявшийся маршрут, или русский проект генуэзца Паоло Чентурионе (из предыстории открытия Северного морского пути) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 56–63; *Матасова Т. А.* Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI вв. // СР. Вып. 10. М., 2012. С. 332–367.

Так, посол императора Максимилиана Франческо да Колло, несмотря на известия Матвея Меховского, показавшего отсутствие гор на севере России, в 1519 г. посвятил значительную часть своего «Донесения» (впрочем, долгое время не публиковавшегося) доказательству того, что Рифейские горы все-таки существуют. В подтверждение он привел свидетельства некоего Угрина Базеровича, который поднимался «до самой вершины» самой высокой «Югорской горы», находящейся в Рифейских горах. См.: Итальянец в России XVI в.: Франческо да Колло. Доношение о Московии. М., 1996. С. 63. См.: Симчич О. Дипломатическая миссия посла Максимилиана I // Итальянец в России XVI в. С. 17-18. Конечно, в данном случае речь шла об Урале. Однако да Колло замечает: «Гипербореи рождаются от утесов и скал Норвегии и Швеции и несутся в Северный Ледовитый океан, следуя землею названного князя московского, частично в области Югра, которая простирается вплоть до Ледовитого океана и включает в себя одну и другую стороны гор Рифейских и Гиперборейских на том пространстве, которое они захватывают» (см.: Итальянец в России XVI в. С. 65). Эти идеи заимствованы из античной традиции, для которой характерно размещение этих гор строго на севере, вдоль Океана. Кроме того, согласно мнению античных географов, в Рифейских горах берут начало все «скифские» реки. Эта мысль также присутствует у да Колло (см.: Там же. С. 65). Альберт Кампенский писал в связи с этим: «...не могу надивиться бесстыдству наших географов, без зазрения совести рассказывающих невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах...» См.: О Московии. Альберт Кампенский великому понтифику блаженному отцу Клименту VII // Россия в первой половине XVI в. С. 105. О. Ф. Кудрявцев обратил внимание, что Альберт Кампенский имеет в виду вовсе не Матвея Меховского, а античных авторов (Там же. С. 127. Прим. 71). Павел Йовий в заглавии своего сочинения пишет, что в нем «указуется заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют» (Павля Йовия... // Там же. С. 255).

В свою очередь, «Герберштейн первым... опроверг мысль о существовании знаменитых с античности Меотидских болот»¹⁰⁰. Но именно территория, которую было принято так называть, сыграла существенную роль во внешнеполитической теории Юрия Малого.

В Первой книге «Географии» Помпония Мелы Меотида и Меотийские болота упомянуты многократно, их можно рассматривать как один из постоянных ориентиров Мелы, наряду с Нилом, Доном, «Елеспонтом» (Черным морем) и «Нашим морем» (Средиземным). В древнерусском переводе можно насчитать одиннадцать упоминаний «озера Меотис» и «Меотиды»¹⁰¹, а также два упоминания жителей того края — «Меотици» («Меотиди»)¹⁰². Можно сказать, что этот текст содержал «первичные» данные, важные для обоснования внешнеполитических претензий Русского государства. Перевод такого текста вполне мог выполнить Юрий Малой. Нельзя исключить, однако, что он использовал в своем проекте результаты переводческой деятельности и дипломатической работы своего дяди — Юрия Старого.

Смущает в данной цепочке рассуждений то обстоятельство, что какие-либо тексты, связанные с именем Юрия Малого, нам не известны. Но возможно, Юрий Дмитриевич все же делал переводы. Дмитрий Траханиот в «Послании о сугубой и трегубой аллилуйе» упоминает о каких-то переводах, которые «Юрий» осуществлял для владыки Геннадия¹⁰³. Но в науке существует дискуссия о том, какой именно «Юрий» здесь упомянут: брат Дмитрия или его сын¹⁰⁴.

В недавнее время было сделано открытие, означающее, что список представителей семьи Траханиотов, служивших Ивану III, можно дополнить. В Берлине обнаружено письмо Андрея Палеолога от 1475 г., адресованное московскому греку Мануилу («Эмануилу») Траханиоту¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Герберштейн С. Указ. соч. Т. 2. С. 155.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Лл. 12 об., 13, 14, 16 (дважды), 38 об., 39 об. (трижды), 40 (дважды).

¹⁰² Там же. Лл. 16, 40.

⁴Да писал еси, господине, о слове о том, что Юрий переводит, кое бы его к тебе ранее отослати». См.: Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Указ. соч. С. 72.

¹⁰⁴ См.: *Буланин Д. М.* Юрий Мануилович Траханиот. С. 439.

GStAPK, OBA 16579. См.: Forstreuter K. Preussen und Russland im Mittelalter. Königsberg (Pr.); Berlin, 1938. P. 55; Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198–1525. P. 1. Vol. 2 / Ed. E. Joachim, W. Hubatsch. Göttingen, 1950. P. 221. Автор сердечно благодарит к. и. н. С. В. Полехова за предоставление фотокопии этого письма, работа с которой стала отправной точкой в его изучении. Текст письма подготовлен к публикации Г. М. Воробьевым и Т. А. Матасовой и сопровожден пространным науч-

Упоминание Мануила Траханиота (не отца Дмитрия и Юрия: он не мог дожить до 1475 г. даже по самым оптимистическим прогнозам; кроме того, Андрей Палеолог просит адресата «передать привет» его отцу и дяде, то есть Дмитрию и Юрию) можно встретить лишь в одном русскоязычном источнике. Речь идет о некоторых списках древнерусского перевода «Прения Афанасия с Арием», где есть слова о том, что этот текст перевел некий Мануил Траханиот, живший в Москве: «Прение со Арием еретиком преведено с греческого на римскии язык некиим мудрым философом от Рима, принесен тому в Рускую землю к великому князю Иоанну Васильевичю Владимерскому и Новгородскому всея Росии самодержцу. Он же повеле того превести на рускии язык Мануилу Гречину Дмитриеву сыну Амореянину, иже приидоша с царевною из Рима, и переводил с благовещениским попомъ Феодором»¹⁰⁶. Другие известные русские источники, в том числе различные редакции родословных книг XVII-XVIII вв. 107, сведений о Мануиле Траханиоте не содержат.

Отсутствие иных данных в русских источниках породило гипотезу о том, что автор известия из протографа списков «Прения Афанасия с Арием», где читается подобная информация, ошибся, назвав Мануилом кого-то из трех хорошо известных представителей семьи Траханиотов, живших в России. Тем не менее Д. М. Буланин предположил, что Мануил Траханиот все же существовал¹⁰⁸. Упомянутое письмо подтверждает гипотезу Д. М. Буланина: едва ли «деспот ромеев» Андрей Палеолог мог ошибиться в имени своего доверенного лица в Москве. Итак, Мануил Траханиот — реальный исторический персонаж, он был сыном Дмитрия и братом «Юшки Малого». Это означает, что известен еще один московский грек-переводчик, который также мог быть причастен к работе с Первой книгой «Географии» Помпония Мелы.

ным комментарием. Публикация принята к печати в 100-й выпуск «Византийского временника».

 ¹⁰⁶ Цит. по: НИОР РГБ. Ф. 178 (Муз.) № 8188. Л. 848 об. См. также: ОР ГИМ. Увар., № 51. Л. 427 об. (см. также: *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 258. № 270 (51)); ОР РНБ. Тит., № 2806. Лл. 455 об. – 456. Благодарю за помощь в ознакомлении с необходимыми сведениями из рукописи Титовского собрания к. и. н. Е. В. Боднарчук (Санкт-Петербург).
 107 ОР ГИМ. Увар. № 206. Л. 197; № 209. Л. 88; № 228. Л. 85 – 85 об.; № 570.

Буланин Д. М. Мануил Дмитриевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI вв. Л., 1989. Ч. 2. Л–Я. С. 100.

Дополнительным аргументом в пользу того, что переводчиком Мелы был представитель семьи Траханиотов, являются тесные связи этой семьи с кремлевской обителью Чуда архангела Михаила. Известно, что владыка Геннадий поручил Дмитрию и Юрию Старому «попечение» о начатых им постройках в Чудовом монастыре. По наблюдениям Б. Н. Флори, «это "попечение" привело к установлению постоянной связи Траханиотов с Чудовым монастырем. Так, в 1527 г. после смерти Ю. Д. Траханиота его вдова и дети дали в монастырь "по его приказу и по его духовной грамоте" сельцо Михнево в Московском уезде. В Синодике Чудова монастыря особо записаны роды "Юрия Дмитриевича Малого" и "Валилия Юрьевича Траханиотова"...»¹⁰⁹ Все это примечательно, поскольку младший список древнерусского перевода Мелы попал в коллекцию ОР ГИМ из библиотеки этого монастыря. Впрочем, к сожалению, не ясно, был ли создан этот список в монастыре, равно как не ясно и то, хранился ли там протограф этого списка.

Недавно М. Б. Плюханова убедительно показала, что греки, прибывшие на Русь в свите Софьи Палеолог, в первую очередь братья Юрий и Дмитрий Траханиоты, могли быть причастны к созданию целого ряда текстов, важных для идеологии Московской Руси¹¹⁰. Исследовательница справедливо полагает, что их «книжная» деятельность представляла собой значимое явление: «Перед нами энергично действующая лаборатория, разрабатывающая материалы-заготовки для идейного воздействия на русского властителя...»¹¹¹ Эти выводы лишь подтверждают наши гипотезы.

Итак, есть основания думать, что к переводу на древнерусский язык первой книги «Географии» Помпония Мелы имели отношение представители семьи Траханиотов, с большой долей вероятности — Юрий Мануилович Траханиот. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу может комплексный лингвистический и филологический анализ памятника. Целесообразно в данном случае и проведение исследования, опирающегося на количественные методы¹¹². Первая

¹⁰⁹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 134. Сн. 89.

Плюханова М. Б. Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI в. // «Друг – зеркало для друга...»: Российско-итальянские общественные и культурные связи в X–XX вв. М., 2013. С. 19–39; Она же. «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 452–488.

¹¹¹ Плюханова М. Б. Роль... С. 39.

¹¹² См. об этом очень подробно: Милов Л. В., Бородкин Л. И., Иванова Т. В., Неберекутина Е. В., Полянская И. В., Романкова Н. В., Саркисова Г. И. От

перспектива – удел специалистов в области языка, а вторая является отдельной прикладной задачей.

* * *

В связи с созданием древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы целесообразно рассмотреть вопрос о том, с какого оригинала он был сделан. Заманчиво предположить, что в руках переводчика было одно из ранних изданий текста Мелы (Доподлинно известно, что в Геннадиевском кружке был осуществлен ряд переводов с латыни с европейских изданий. Речь идет в первую очередь о переводе трактата Вильгельма Дуранда «Rationale Divinorum officiorum» — «Совещание божественных дел», осуществленном в 1495 г. по страсбургскому изданию 1486 г. 115, а также о переводе текста «Rationes breves magni rabi Samuelis iudaei nati» — «Учителя Самуила обличение», который был сделан в 1504 г. с кельнского издания 1493 г. 116)

Однако эта гипотеза не находит подтверждения при выборочном сопоставлении текста Мелы с текстами инкунабул и изданий начала XVI века. Такое сравнение показывает, что переводчик, повидимому, работал с латинской рукописью. Об этом свидетельствуют особенности передачи в древнерусском тексте ряда названий народов и населенных пунктов. Например, город Sida передан как «Сикла» 117, то есть в латинской рукописи d напоминала cl. Это одна из самых частых ошибок переписчиков с латинских рукописей. В инкунабулах же все буквы очень четкие и ошибиться невозможно. Сходная ситуация с названием города Ocstros, переданного как «Де-

Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства /Под ред. Л. В. Милова. М., 1994.

¹¹³ Автором настоящей статьи просмотрены экземпляры: МК РГБ. Inc. 8.254 (Милан, Панфило Кастальди, 1471 г.); Inc. 8.142; Inc. 2100 (Венеция, Франц Реннер, 1478 г.); Inc. 8.143; Inc. 2110; Inc. 8.237 (Венеция, Эрхардт Ратдольт, 1482 г.).

¹¹⁴ См.: Ромодановская В. А. Просветительская деятельность Геннадия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 594. К сожалению, никакие доказательства этого тезиса В. А. Ромодановской приведены не были.

[«]Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / Изд. подг. А. А. Романовой и В. А. Ромодановской. Отв. ред. чл. корр. РАН И. П. Медведев. М.; СПб., 2012. С. 10.

³яблицына Н. А. История изучения церковнославянского перевода трактата «Учителя Самуила обличение» // Пространство и время. 2013. № 2 (12). С. 56.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 31 об.

строс» (в другом случае – «Дествос») 118 . Здесь oc было прочитано как de, а во втором варианте – еще и r как v. Это также характерная ошибка. Название народа gamphasantes передано как «ганифасаде» 119 (m трансформировалось в ni), а народ antibarani книжник передал как «антибазани» 120 (r напоминает z, что также встречается довольно часто). Список такого рода примеров можно продолжить. Более того, древнерусский перевод содержит несколько пропусков в сравнении с содержанием текста из латинских инкунабул Мелы (отсутствуют подробности о палестинском побережье, в том числе сведения, согласно которым именно у города «Иоппе» Персей спас Андромеду; нет описания Корикской пещеры и пещеры Тифона в Киликии; нет и некоторых других фрагментов).

Откуда могла появиться латинская рукопись? Размышляя над ответом на этот вопрос, нельзя не вспомнить о библиотеке Ивана Грозного и о предположениях, согласно которым значительную ее часть представляли сочинения античных авторов, привезенные из Италии в 1472 г. в качестве приданого Софьи Палеолог (так называемая «античная библиотека Ивана Грозного»).

В конце XIX в. С. А. Белокуров пришел к выводу о том, что «у царя Ивана IV была библиотека, состоявшая из русских, литовских, польских и одной немецкой книг и рукописей, в коей могло быть... и несколько греческих рукописей, но 600 греческих, латинских, еврейских рукописей в ней не было»¹²¹. Но существует и мнение о том, что греческие и латинские рукописи в ней все же были¹²². О греческих книгах свидетельствуют русские известия об этой библиотеке¹²³. Иностранные источники (так называемый «аноним Дабелова»

¹¹⁸ Там же. Л. 32.

¹¹⁹ Там же. Л. 24.

¹²⁰ Там же. Л. 15.

¹²¹ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, С. 336.

¹²² Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание / Подг. к печати, прим. и доп. А. А. Амосова, под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982; Амосов А. А. «Античная» библиотека Ивана Грозного: К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // Книжное дело в России в XVI–XX вв. Л., 1980. С. 6–31; Дрбоглав Д. А. К вопросу об античной библиотеке Ивана Грозного // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 2. С. 33–41.

⁴Сей правосланый всеа Русския земли государь великий князь Василий отверзе царская сокровища древнихъ великихъ князей прародителей своих и обрете в некоторыхъ полатахъ бесчисленое множество греческих книгъ, словенским же людемъ отнюдъ неразумны...» (Сказание о Макси-

и хроника Ф. Ниенштедта) содержат известия о латинских рукописях, среди которых были кодексы Вергилия, Светония, Тацита и др. 124 М. Н. Тихомиров полагал, что «библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями... – факт, не подлежащий сомнению» 125.

Существование такой библиотеки может быть косвенно подтверждено и историческим контекстом. В Риме в 1460-е годы античные рукописи были в большом почете. Огромная коллекция была у кардинала Виссариона, и он необычайно дорожил ей. Виссарион приложил немало сил для создания копий древних рукописей. В своем доме, и по сей день стоящем в начале исторической Аппиевой дороги, он устроил греческий скрипторий, где писцы копировали тексты из древних рукописей. Привезенные Софьей манускрипты могли составлять копии XV века с античных книг, которые Виссарион дал детям Фомы Палеолога. Известны его заботы и об их воспитании, и о распространении древней мудрости среди греческих эмигрантов вообще¹²⁶. Так, он завещал свою библиотеку Венеции - городу, с которым после падения Константинополя в 1453 г. были связаны судьбы многих греков (эта коллекция положила начало библиотеке Святого Марка). Виссарион был главным устроителем брака Софьи с великим князем московским и возлагал на этот союз огромные надежды. Кардинал верил, что Иван III сможет оказать помощь в борьбе с турками. Виссарион вполне мог желать, чтобы Софья и ее греки взяли с собой какие-то копии (оригиналы, надо думать, кардинал слишком берег, чтобы отправить их на Русь).

Следует особо оговорить, что привезенные Софьей книги не представляли собой библиотеку византийских императоров. Когда семья деспота Фомы бежала от смертоносного войска султана с Пелопонне-

ме философе, иже бысть инокъ святые горы Афонския // Белокуров С. А. Указ. соч. Приложения. С. XXXI.) «Егда же [Максим Грек] узре у великаго князя в царской книгохранительнице греческаго языка книгъ много, удивися и поведа великому князю: ни в Греческой земли толико множество книгъ не сподобихся видети, понеже латинстии людие издавна желаху восточных учителей исписания видети...» (Надпись на таблице у гроба преп. Максима, бывшая в Троице-Сергиевом монастыре 1702 г. // Там же. С. XXXIX). См. также: Зарубин Н. Н. Указ. соч. С. 15–23.

 ¹²⁴ См. подробно: Библиотека... С. 15–23, 59–61; Амосов А. А. Указ. соч. С. 7–8 и др.
 125 Тихомиров М. Н. О библиотеке московских царей // Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 287.

¹²⁶ См., напр.: Шичалин Ю. А. Виссарион. Письма VI-VIII (PG CLXI Migne) // Ренессанс: Образ и место Возрождения в истории культуры. М., 1987. С. 69-79.

са, им было не до книг... Какие-то рукописи, конечно, могли быть вывезены, но никак не огромное собрание. (И каким образом огромное собрание в обстановке постоянной турецкой угрозы могло быть перевезено из столицы, откуда люди бежали в надежде сохранить хотя бы свои жизни?..) О том, что эти античные манускрипты не были частью императорской библиотеки, свидетельствуют и слова из грамоты константинопольского патриарха Паисия 1654 г., адресованной московскому патриарху Никону. В ней сказано, что книги василевсов «находятся еще там [в Константинополе. – T. M.] от времени христиан, многие книги святых и учителей Церкви, в царской библиотеке, которую не уничтожили турки до сего дня, но имеют ее в чести, сберегают книги и хорошо хранят их и прячут по Божьему промыслу...» 127

Возможно, латинский манускрипт Первой книги «Географии» Помпония Мелы происходил из этой – безвозвратно утерянной (пока не найденной?) – коллекции.

Нельзя исключить, что попадание латинской рукописи с оригинальным текстом Мелы могло быть связано с поездками Траханиотов в Европу, в первую очередь в государства Северной Италии. Начатые в российских хранилищах рукописей поиски латинского оригинала, с которого мог быть сделан перевод, пока не дали результатов. Учитывая то, что сохранилась лишь малая часть от значительного корпуса документов, датированных рубежом XV–XVI вв., вероятность найти эту рукопись весьма невелика.

Отсутствием достоверных сведений о латинском тексте, с которого был сделан перевод, обусловлена нецелесообразность параллельного издания древнерусского перевода и текста, воспроизведенного в инкунабулах, как это удачно сделано, например, в издании перевода трактата В. Дуранда¹²⁸. Это затрудняет и сравнительный анализ лексики, грамматического строя и переводческих принципов, использованных при работе книжника с латинским оригиналом.

* * *

При исследовании древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы нельзя обойти вниманием вопрос о том, как воспринимались необычные известия римского язычника в Московской Руси.

¹²⁷ Цит. по: Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 222.

^{128 «}Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. ...

Сведений о «диковинах» в русской письменности было немало и до появления изучаемого перевода. Они попадали туда из широко распространенных переводных византийских текстов. «Средневековье любило диковинное, загадочное, экзотическое» — отмечал О. В. Творогов. Например, «Александрия Хронографическая» содержала массу таких данных. В «Русском Хронографе» редакции 1512 г. есть, в частности, пришедшие из греческих памятников известия о морях и рыбах. Эти рассказы восходят к античным традициям землеописания. Приведем одно из них, в котором говорится о Черном море и загадочных морских животных:

Пятое же море Евксинопонть, в неже отъ Четвертого моря Препондидою входять, по немоу же шествие къ Перскимъ странамъ. По таковым оубо великымъ морям шествующе отъ страны в страноу, корабленици поведаютъ велика чюдеса всесилнаго Бога содевающа малыми животными. Малаю оубо рыбица, глаголахоу ехиний, тако ставит великий корабль и держит, яко не поступити емоу долго никаможе, дондеже норци отрежють ея ото дна кораблю, тако же и морьскии ехин малый той и бедгый живот увесть, егда хощет буря быти, тъи на камень твердъ и великъ вшедъ, яко на анкироу, и темъ велми зыбет, яко волнамъ неоудобъ его облещи. И егда сиа оузрять корабленици, от сего познавають бурю ветренюю хотящоую быти и спешать к пристанищоу. Такоже и алкионъ есть морьскаа птица, гнездо творитъ оу моря на самом песце, яйца ражающи въ море среди зимы; многыа же буря и ветри тогда престаноуть и оутишаться волны морьскыа. Седмь дний, егда алкион седить, въ седьмыи бо день изводить птища, кормить же другыа седмь дний; корабленици же стоять и нарицають сия дни «алкионитьскыя» 130.

Не будет большим преувеличением замечание о том, что древнерусская литература изобилует такого рода известиями. Некоторые из них в чем-то напоминают информацию, приводимую Мелой (речь идет не о конкретных текстологических совпадениях, а о степени необычности приводимых фактов). Именно поэтому, надо полагать, сведения Мелы не вызвали фурора среди просвещенных людей Московской Руси конца XV — первой трети XVI вв. У Мелы упомяну-

¹²⁹ Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 22.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 22. С. 24-25.

ты, скажем, невиданные змеи¹³¹ и «ипотами» (гиппопотамы)¹³², а в «Александрии Хронографической» – дивные рыбы и прочие чудища. Более того, в Первой книге «Географии» Помпония Мелы не раз фигурирует и сам Александр Македонский¹³³, рассказы о котором проникли не только в хронографы, но и в другие литературные памятники¹³⁴, в том числе в княжеские жития¹³⁵. Сведения Мелы, таким образом, накладывались на значительный корпус фактов, так или иначе близких им.

И все же Первая книга «Географии» Помпония Мелы содержала массу совершенно новых и удивительных фактов. Пожалуй, одним из самых колоритных фрагментов текста является описание Египта. Приведем его часть:

[Земля Египта] велми родима и на члчьскы рюд, и на скотъ: Нилъ еа поливаеть. Нилъ же ръка... есть болъ всъх ръкъ, иже в Наше Мюре [Средиземное. – Т. М.] вливаетса... Имъеть ж водоу родимоу не токмо на всякоую рыбоу, но и потами ражаеть, иже тлъкоутъ ръчнии кони, и коркодили ражаеть, иные многые скоты. Еще вода его въ демленвю кромоу дыханіе сътвараеть. И сътвараеть от земли живоущаа, то же њавно есть, егда бо оубываа сливаетса с поль и въ своа берегы вълиетса. Находать по полемъ нъкыа скоты еще не свръшена, но почати юбразитиса, инаъ ж часть образна телесна, а инаа еще демла... 136

По наблюдениям О. В. Беловой, «большинство памятников книжности, отразивших природоведческую тематику, подчеркивают главенство символики над фактическим описанием»¹³⁷. Неудивительно

^{131 ...}великам гора Флимпос, из негоже течеть ръка Ріндакус. ІА ко тоуто живоущей повъдають, по неи великіе и чюдные эміе ражаютсм: егда къ полоудни жароу бъгають, вънырають в тоу ръкоу; птицамъ же лътающимъ черес ръкоу тъ зміе их глотають из ръкы (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 36 об. – 37).

¹³² РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 25 об.

¹³³ Там же. Лл. 30, 31, 36 об.

^{4 «}Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову (курсив мой. – Т. М.)», – молился Даниил Заточник (см.: Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 283.

¹³⁵ См. об этом: Буланин Д. М. Античные традиции... С. 50.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Лл. 24 об. – 25 об.

¹³⁷ Белова О. В. Славянский бестиарий. М., 2001. С. 9.

поэтому, что толкование этих известий шло по традиционному пути поиска библейских аналогий¹³⁸. Так, напротив описания Египта почерком XVI в. (не тем, которым написан текст, а явно более поздним) есть помета «фалом». Думается, что автор маргиналии имел в виду 103 псалом, в котором речь идет о всемогуществе Бога. Псалмопевец возвещает, что Бог «посылаяй источники в дебрехъ, посреде горъ пройдут воды. Напаяють вся звери сельныя, ждут онагри въ жажду свою...» (Пс., 103: 10–11) – и ниже: «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси: исполнися земля твари Твоея. Сие море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими...» (Пс., 103: 24–26). Эти ветхозаветные слова во многом схожи с известиями о Египте Мелы, но не в текстологическом, а в сюжетном и образном отношениях.

Известиям Мелы о щедрой, плодородной земле Египта в этом отношении близки и слова 49 псалма: «Услышите, люди мои, и возглаголю Вам, Израилю, и засвидетельствую тебе: Бог, Бог твой есмь Аз... Яко мои суть вси зверие дубравнии, скоти в горах и волове, Познах вся птицы небесныя, и красота сельна со мною есть...» (курсив мой. – Т. М.) (Пс., 49: 7; 10–11).

Весьма любопытно, что текст Мелы о природе Египта напоминает и слова из Третьей Книги Ездры — одной из самых загадочных частей Священного Писания. Приведем этот ветхозаветный фрагмент: «В пятый день Ты сказал седьмой части, в которой была собрана вода, чтобы она произвела животных, летающих и рыб, что и сделалось. Вода немая и бездушная, по мановению Божию, произвела животных, чтобы все роды возвещали дивные дела Твои. Тогда Ты сохранил двух животных: одно называлось бегемотом, а другое Левивфаном...» (3 Ездр., 6: 47–49).

Третья книга Ездры была переведена на русский язык в геннадиевском кружке¹³⁹ и находилась в центре внимания русских книжников первой половины XVI в. Дипломат и собеседник Максима Грека Федор Карпов просил знаменитого афонского монаха и переводчика разъяснить ему смысл именно этих ветхозаветных слов: «И паки той же Ездра в той же Третией своей книзе пишет: "В пятый день реклъеси седмой части, где бысть вода собрана, да сотворить животная, и летящаа, и рыбы, и тако сотворишася. Вода нема и бездушна, иже Божи-

¹³⁸ См. об этом: Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211.

¹³⁹ Ромодановская В. А. Распределение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. 1. Рукописи XV – первой трети XVI в. // Источники по русской литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск, 2000. С. 6.

имъ мановениемъ повелеваема, животная сотворяще, да от сего дивная твоя рожения провещаютъ. И тогда сохранилъ еси две души: имя единой назваль еси Енохъ, и имя второй назваль еси Елевиафантъ"... О томъ, отче, молю твою честность разрешити сия: о воде, и о земли, и о Еносе, и о Елевиафанте...»¹⁴⁰ Примечательно, что Левиафана нередко отождествляли с крокодилом («кордилием», как это животное названо в древнерусском переводе Мелы), а Енох в некоторых переводах назван «бегемотом» («ипотамом, сиречь речным конем» по Меле)¹⁴¹. Особенно значима поразительная близость известия Мелы о нильской воде и о воде, творящей жизнь, из Третьей книги Ездры. Может быть, Федор Карпов был одним из читателей древнерусского перевода Помпония Мелы, и в сознании московского книжника слова античного автора стали перекликаться с библейским текстом? Впрочем, какие-либо особенности сохранившихся списков древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы не содержат прямых подтверждений этой гипотезы.

Любопытны сведения Мелы и о распространенном в Египте культе быка: когда рождается «волъ чернъ з бълыми пестринами надыкъ же оу него и хвостъ роднымъ подобиемъ, иже оу них ръдко ражаютса, и глють тако: «не от скотьска естьства зачать, но $\mathbf{6}$ бжтвенаго огна...» (выделено мной. – T. M.)¹⁴². В 103 псалме говорится, что Господь «творяй... слуги своя пламень огненный» (Пс., 103: 4), то есть Бог ставит Себе на службу пылающий огонь, через который являет Себя людям.

В Псалтири есть еще один фрагмент, в котором ключевым является образ огня. В 117 псалме, также восхваляющем силу Божью, есть стихи: «Вси языцы обыдоша мя, именем Господним противляхся им. Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им. Обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася яко огнь в тернии, и именем Гоподним противляхся им. Отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя» (курсив мой. — Т. М.) (Пс., 117: 10–14). В этом псалме речь идет о том, что псалмопевца окружили язычники, и толкали его, и он готов был упасть, но он призвал имя Божье, и Господь поддержал его.

Итак, книжник XVI века, читавший рукопись, будто соглашался с мнением египтян о божественной природе огня, от которого мог быть зачат «вол» (бык), но вкладывал в это провиденциальный смысл. Книжник пытался связать эти новые сведения с известными ему библейскими словами.

¹⁴⁰ ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 504.

¹⁴¹ Там же. С. 747. См. также: Библейская энциклопедия. М., 2002. С. 239.

¹⁴² РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 27 об. – 28.

Неожиданно, что священный бык — Апис — ошибочно назван в тексте древнерусского перевода Мелы «пчелой» 143: по-латыни аріз — пчела, и книжник не понял, что в данном случае это имя собственное. Думается, что внезапное появление такой «пчелы» в древнерусском переводе Мелы не так уж противоречило привычным коннотациям книжников. В русских землях с XIII в. был известен византийский сборник «Пчела», представлявший собой подборку отрывков из Евангелия, Апостола, ряда ветхозаветных книг и изречений античных философов. Один из списков начинается так: «Книгы бчела. Речи и моудрости ог Еуаггелья и отъ Апостолла и от святых моужъ и разоумъ внешниихъ философъ» 144. По наблюдениям О. В. Беловой, образ пчелы мог трактоваться как «обозначение "искры Божьей", таящейся в душе человека», «обозначение стремления человека к праведной жизни» и «обозначение справедливости, правды» 145. Подобное понимание как будто примиряло известия Мелы и слова псалмов.

Знакомство интеллектуалов Московской Руси с описанием Египта Помпония Мелы могло породить интерес к природе этой земли. Не поэтому ли позже Максим Грек в «Сказании отчасти недоуменныхъ некиихъ речении въ Слове Григория Богослова» – комментариях неясных фрагментов в сочинениях святого византийца – подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать по предоставать на подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подрабно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах разовать на подрабно рассказы на подрабно рассказа на по

Примечательно, что сходные вопросы интересовали и итальянских гуманистов: в середине XVI в. между Дж.-Б. Рамузио и Дж. Фракасторо шла дискуссия об истоках Нила¹⁴⁷. Однако едва ли упомянутые факты

¹⁴³ Всъ же родове Егупетьскыа чтыт пчелоу акы бжтвеноу... (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 27 об.).

¹⁴⁴ Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. С. 1. [Репринт см. в издании: «Пчела»: Древнерусский перевод / Подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М., 2008. Т. 1. С. 113.]

¹⁴⁵ Белова О. В. Указ. соч. С. 214-214.

[«]Также глаголетъ [Григорий Богослов]: ни елика Нила почитающее ругаются плододателя нарицающе его и доброкласна и меряща гобзование локотми. Разумъ же сихъ [слов] сицевъ есть: египтяне, къ прочимъ премногимъ ихъ безумнымъ прельщениемъ, и Нила реку, обливающую весь Египетъ и плодовитъ творящу и, почитаху ю, и плододателя и доброкласна нарицаху ю, и мерящу лактми хотящее бытии или гобзование или меженину, есть же разум сицевъ: египтяне многолетнымъ искусомъ разумевше, колицем пребыванием воды Ниловы гобзование бываетъ, соделаша по брегу его степени каменныя, иже и лакти нарицаху; понеже лакотно разстояние беяше промежъ степенемъ, и, егда разливашеся вода до верхняго степени, то угадаху, яко гобзование будетъ темъ плодомъ земнымъ» (см.: Сочинения Максима Грека. Т. 3. С. 42).

¹⁴⁷ См.: Ramusio G.-B. Discorsi sul Nilo di Ramusio e Frsacastoro. Bologna, 2009.

были отголосками гуманистических споров. И русский читатель Мелы XVI в., автор маргиналий в рукописи из РГАДА, и Максим Грек стремились в первую очередь к спасению души, а не к постижению тайн природы.

На рубеже XV-XVI вв. в России богословская рефлексия над географическими и страноведческими данными испытала какое-то влияние ренессансных идей. Это нашло отражение в одном из сочинений Максима Грека - человека, близкого русской православной культуре, но навсегда «запрограммированного ренессансным Западом»¹⁴⁸. В Предисловии к Житию Зосимы и Савватия Соловецких редакции 1503 г. он, восхваляя святых угодников Божьих, восклицал: «Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота не осяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема...»149 В этих словах ученого иноземца заметно «ренессансное» ощущение безграничности и необъятности мира, известное его европейским современникам-первопроходцам. Но важнее то, что здесь легко заметна отсылка к одному из текстов Нового Завета. В послании к Ефесянам апостол Павел возгласил: «Да даст вам [Господь], по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (курсив мой. - Т. М.) (Ефес., 3: 16-19). У Максима Грека представления о пространстве неотделимы от богословия.

Мысль о том, что природа, будучи творением Божьим, до конца непостижима, для интеллектуалов Московской Руси была главной. Она емко выражена анонимным автором древнерусского природоведческого трактата о «поновлении стихий»: «...всяко можетъ числом описоватися. Едина же не описуется любовь, ниже числомъ изчитается. Несть бо мера доброте ея, неизмерима бездна, неизпытана глубина, несказанна высота, неведомо величество ея. Понеже любовь есть Богъ...»¹⁵⁰ Знаменательно, что и здесь легко заметно использование слов апостольской проповеди.

¹⁴⁸ Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию С. П. Карпова. М., 2009. С. 482.

¹⁴⁹ Сочинения Максима Грека. Т. 3. С. 218; Минеева С. В. Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 344.

¹⁵⁰ Гаврюшин Н. К. «Поновление стихий» и древнерусская книжность // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Историко-философские очерки. Киев, 1988. С. 210.

Сходные настроения о непостижимости Божьего замысла о мире и человеке можно встретить и в памятниках других жанров. В Русском Хронографе редакции 1512 г. повторены давние известия о том, как Александр Македонский, многое постигнув («испытав»), решил измерить высоту неба и глубину моря. Рассказ об этом завершается ожидаемым нравственным назиданием читателю: «К сим же искусися и небесную высоту испытати и глубину морьскую... Сия вся сотворивъ, ища себе бесмертиа, но всуе трудися: человекъ смертен сотворен, не может быти бесмертен»¹⁵¹.

Известия Помпония Мелы могли осмысливаться русскими людьми XVI в. только исходя из этих традиционных, провиденциальных установок, которые не подразумевали каких бы то ни было трактовок любых сведений о мироустройстве вне связи с библейским контекстом. Примечательна в этом смысле передача имени египетского бога Амона в трех из пяти списков древнерусского перевода Мелы: в списках E, E и Ψ он назван «Аммоном» — то есть так же, как и одна из нечестивых библейских земель или их населяющих народов¹⁵². Значимо и то, что списки XV—XVI вв. читаются в сборниках, содержащих преимущественно богословские тексты.

XVII столетие принесло в Россию новые веяния. Первая книга «Географии» Помпония Мелы читается в сборнике переведенных на русский язык географических текстов, созданных в Европе в Новое время. Сборник датируется последними десятилетиями XVII в. Это говорит о том, что информация Мелы воспринималась в ту пору уже более утилитарно, вне связи с богословской рефлексией.

* * *

Сложной задачей является поиск прямых и косвенных текстовых заимствований из рассматриваемого перевода в памятниках русской книжности. На данном этапе исследования не найдено ни одного памятника, в котором бы содержались явные и пространные заимствования. В частности, их нет в просмотренных мной списках Хронографа редакции 1617 г. 153

И все же удалось найти рукопись, содержание которой с известной осторожностью можно связать с тестом перевода «Географии» Помпония Мелы. Речь идет об одном из списков азбуковни-

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 22. С. 202-203.

¹⁵² РНБ. Сол. № 922/1032. Л. 6 об.; НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 272 об.; Ф. 37. № 16. Л. 374 об.; ОР ГИМ. Чуд. № 347. Л. 7.

¹⁵³ ОР ГИМ. Син., 135; Увар., 197-1; Чуд., 354.

ка второго вида (по классификации Л. С. Ковтун¹⁵⁴). В списке из коллекции НИОР РГБ среди истолкованных слов есть и «потами» (гиппопотамы), которые определены как «речнии кони и коркодили» с пометой «егип.», то есть взятое, по мнению составителя азбуковника, из «египетского» языка¹⁵⁵. У Помпония Мелы есть известие о том, что египетская земля «потами ражаеть, иже тлъкоуть ръчнии кони, и коркодили»¹⁵⁶. Возможно, это прямое заимствование. Но, к сожалению, на полях, где в азбуковниках обыкновенно указывались источники сведений об иностранных словах, Помпоний Мела не значится.

В двух списках азбуковников второго вида есть еще две статьи, в которых можно разглядеть косвенные заимствования. Составитель уже цитированного азбуковника пишет о сатирах: «Люди зовомыя сатыри жив8т в лѣсах і по горам, а хоженіем скоры. Нихто их не оvгонит, а ходят наги и жив8т со звѣрми юбросли шерстью, а рѣчи не имъют толко кричат» (выделено мной. – Т.М.)¹⁵⁷. Помпоний Мела относит сатиров к группе народов, о которых говорится, что «аще достоино есть върити, мало оvже члци, боле же полоузвърины: Аргипанес, и Блеми, и Ганипанитес, и Сатири без кровли и без храмъ, проходаще на розные мѣста, Демлю имѣюще, а не населающе еа»¹⁵⁸. К смежным с «полузвериными» народами относятся, согласно тексту Мелы, троглодиты («трогодите»¹⁵⁹), о которых сказано, что они «не владѣють ничѣмъ, болѣ зычать, нежели говорать» (выделено мной. – Т. М.)¹⁶⁰. Сходное, но более пространное известие о сатирах читается и в другом списке азбуковника этого вида¹⁶¹.

Еще одно известие из нескольких списков второго вида азбуковника, перекликающееся со сведениями Мелы, касается «озера Мое-

¹⁵⁴ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 9–10

¹⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 228 (собрание Д. В. Пискарева). № 197. Л. 124. Описание этого аэбуковника см.: Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева / Сост. А. Е. Викторов. М., 1871. С. 55–56.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 25 об.

¹⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 228. № 197. Л. 82 об. Это известие повторено и на л. 58 об.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 18 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 18.

¹⁶⁰ Там же. Л. 24.

¹⁶¹ «Люди, ѕовомыња и сатыри живоvт в лъсох и по горам. Хождениеъ скоры, никто их не оvгонет. А ходат наги. Живоvт со эвърми обросли шерстью. А ръчи не имъют, точю крічют. И оv иных люди и оvши по плечамъ висњат а оv иных людеи оvши до пњт висњат» (выделено мной. – Т. М.). См.: НИОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 1. Л. 77.

тис» («Мерида» 162 в переводе К. А. Апта). О нем Мела пишет, что это озеро в Египте, которое «преже бело поле [в списках E, E и Y — «воно было поле» 163 . — T. M.], нHв же Θ зеро дBлано двадесEть връстъ въкроугъ, а толь глE60ко, нако кораблемъ великымъ товарE8 на-кладенымъ по немоу итъти льэE3. Азбуковники сообщают, что «МеотE50 — E63 озеро» E65. Здесь русские читатели перевода Мелы явно перепутали два названия: привычное «Меотус» («Меотида») и «Моетис», отличающееся у Мелы от «Меотиды».

Ничего другого похожего на заимствования из Мелы в азбуковниках этого вида, а также во всех остальных 166, не найдено. В них нет и неоднократно упомянутых в древнерусском переводе Мелы имен богов (например, Аполлона), названий ключевых природных точек (Олимп и др.), а также названий многих народов, которые в изобилии приведены у Мелы. Нет даже тех, о которых Мела сообщает необычные подробности, на основании которых составитель азбуковника мог бы легко написать словарную статью. При этом азбуковники содержат многие описания аналогичных понятий: названий других — не упомянутых у Мелы — народов, рек, гор, животных, богов и др., — взятых из других источников.

Некоторые названия и имена, присутствующие у Мелы, имеют толкования в азбуковниках, однако эти толкования никак не обнаруживают связи с текстом римского автора. Например, в древнерусском переводе Мелы упомянута древняя Газа, о которой сообщается, что «Еще есть въ Палестинъ Гадда велика дълана, тако оубо Пръси казн8 имен8ють. Слава есть, егда Камъвискъ Пръскыи црь шолъ на пленение Египетьскои земли, т8 скровище и богатьство свое положилъ ес» 167 . В азбуковнике Газа трактуется как «сокровище» (значение, похожее на определение Газы как казны), но далее говорится, что «в дълніих апслъских Газу наричет стран8 морских 168 . Здесь приведена классическая для христианского средневековья географиче-

¹⁶² Античная география... С. 188.

¹⁶³ НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 274 об.; Ф. 37. № 16. Л. 376; ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 9 об.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 26 об.

¹⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 256. № 1. С. 80 об.; Ф. 228. № 197. Л. 86 об. – 87.

¹⁶⁶ См. в т. ч. опубликованные списки: Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 5; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975. Приложение; Ее же. Азбуковники...

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 29 об.

¹⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 228. № 197. Лл. 21 об. – 22. Сходное известие см. в азбуковнике, опубликованном И. Сахаровым (*Сахаров И.* Указ. соч. С. 151).

ская ориентировка по отношению к Иерусалиму. Сходная ситуация в азбуковнике и с Египтом: «Египет — оскорбляющ, стоит от Иерусалима 13 дней ходу, от Синайския горы 12 дней сухим путем»¹⁶⁹. О Ниле, Британии («Вретании») и еще о ряде географических объектов данные азбуковников и известия Мелы также совершенно не пересекаются. Так, Нил у Мелы — река, творящая жизнь (см. выше), а в азбуковнике о ней приведены данные, взятые из толкования Максимом Греком некоторых неясных мест из произведений Григория Богослова¹⁷⁰. Азбуковники, составлявшиеся преимущественно благочестивыми православными людьми¹⁷¹, в основном толкуют понятия с опорой на христианскую традицию, чего, разумеется, у Помпония Мелы нет.

Порой известия Мелы намного информативнее азбуковников. Так, римский географ перечисляет названия всех «рукавов» устья Нила: «Имена оустьммъ Нильскимъ: Канописъ, Волбитик, Сеневитик, Патаметик, Мендес, Каптатиксъ, Пел8siак – сіа соуть имена имъ»¹⁷², тогда как азбуковник знает только об одном из них: «Мендесий – град есть во Египте тако именуем»¹⁷³. Скорее всего, известия о «Мендесии» попали в азбуковник не из перевода Мелы.

Все это говорит о том, что найденные заимствования носят случайный характер. Скорее всего, они попали в текст отдельных списков азбуковника не прямо из древнерусского перевода текста римского географа, а через посредство других произведений. Возможно, настоящая публикация древнерусского перевода Мелы позволит обнаружить другие заимствования.

¹⁶⁹ Сахаров И. Указ. соч. С. 156.

[«]Нилъ – честьми кудятъ плодовца, яко же хвалят тию доброкласно и меряще гобинство локотми. Толк: степени бяху из камени изсечена по брегу Нила, иже пядьми именуеми. Тех наблюдаху Египтяне. По нему же времени наводняще река и до него же степени взыдется вода, разумеваху сице в гобзину быти плодом. И древле чтущи Нил, праздноваху аки богу мужи и жены». См.: Сахаров И. Указ. соч. С. 173. Цитату из Максима Грека см. в сн. 146 настоящей работы.

Впрочем, известен один список азбуковника XVII в., содержащий настоящий англо-русский купеческий словарь (многие словарные статьи там не имеют конфессиональной окраски). См. об этом очень подробно: Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968.

¹⁷² РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 29 об.

¹⁷³ Сахаров И. Указ. соч. С. 170.

Появление в русской книжности рубежа XV–XVI вв. перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы было закономерным явлением. В нем отразились духовные и интеллектуальные искания эпохи. Это был редкий, в известном смысле уникальный пример попытки не отвергнуть, а понять античную, языческую культуру, ввести ее в свою «положительную» систему координат. Об этом свидетельствует отсутствие обличительных интерполяций в тексте перевода рядом с «языческими» известиями. По справедливому мнению Д. М. Буланина, «ориентация на монашескую [и шире – православную. – Т. М.] культуру не исключает способности оценить какую-либо другую. Неприятие не тождественно непониманию...» 174 Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы обнаруживает широкие интеллектуальные и духовные горизонты московских книжников, свидетельствует о колоссальных творческих возможностях русской православной культуры.

Есть основания полагать, что к созданию перевода были причастны представители семьи Траханиотов, в которую входили наиболее образованные греки на русской службе.

Анализ источника свидетельствует о том, что рецепция античного наследия в русской культуре рубежа XV-XVI вв. шла не только путем актуализации давно известных по памятникам византийской письменности античных сюжетов, символов и образов, но и через знакомство с совершенно новыми текстами. Это стало возможно через приобщение к интеллектуальным традициям Возрождения. Траханиоты, бежавшие от турецкого нашествия в итальянские земли, были носителями как ренессансной, так и византийской культуры. Они, несомненно, были знакомы с кардиналом Виссарионом - выдающимся «греческим гуманистом»¹⁷⁵ и настоящим проповедником греческой культуры на Западе. Поэтому сделанные наблюдения не противоречат, а дополняют концепцию Д. М. Буланина, основанную на том, что любой античный элемент в русской книжности того времени нужно рассматривать в связи с греческим влиянием. Византийский след в деятельности Траханиотов сложно отрицать, однако в ней чувствуется влияние культуры Ренессанса. Последняя особенность является в данном случае определяющей.

Восприятие известий Мелы на протяжении XVI в. шло по традиционному пути поиска библейских аналогий. Данное обстоятельство

¹⁷⁴ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 276.

¹⁷⁵ См. об этом: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997.

- яркое свидетельство того, что русская культура, несмотря на эту ренессансную «античную прививку»¹⁷⁶, была по-прежнему ориентирована на богопознание и спасение души. Это обусловило по меньшей мере скромное использование информации Мелы в азбуковниках и других текстах.

Исследование письменной традиции рассматриваемого памятника подтверждает и давно замеченный факт, что непреходящие ценности начали сдавать в русской культуре свои позиции и уступать место рационализму лишь в канун петровских преобразований.

* * *

Выводы настоящего исследования позволяют наметить широкие перспективы изучения памятника. В первую очередь речь идет о работе филологов и лингвистов. Так, существует необходимость полноценного сравнительного анализа латинского текста Мелы, представленного в инкунабулах, с древнерусским переводом. Вероятно, это в условиях отсутствия точных сведений о рукописном оригинале, с которого, вероятнее всего, был сделан перевод — поможет прояснить переводческие приемы, примененные в ходе этой книжной работы. Углубленное исследование лексики и грамматического строя древнерусского текста также может стать важным шагом на пути ответа на вопрос об атрибуции перевода. Хочется надеяться, что настоящая публикация текста источника по пяти известным спискам будет способствовать решению этих и других задач.

¹⁷⁶ Габричевский А. Г. Искусство К. Ф. Богаевского // Выставка картин Общества художников «Жарцвет». Каталог. М., 1928. Цит. по: Комолова Н. П. А. Г. Габричевский – итальянист (Методы исследования и интерпретация культуры итальянского Возрождения) // Россия и Италия. М., 1996. Вып. 2. С. 237.

Древнерусский перевод первой книги «Географии» Помпония Мелы по списку РГАДА (Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об. – 40 об.).

С РАЗНОЧТЕНИЯМИ ПО СПИСКАМ

С (РНБ. СОЛОВЕЦКОЕ СОБР., № 922/1032. Л. 1-12 ОБ.) Е (НИОР РГБ. Ф. 98 (СОБР. Е. Е. ЕГОРОВА) № 843. Л. 265-282 ОБ.), Б (НИОР РГБ. Ф. 37 (СОБР. Т. Ф. и С. Т. БОЛЬШАКОВЫХ. № 16. Л. 371-379 ОБ.)

и Ч (ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об. – 16).

Принципы публикации

В основу публикации положен список РГАДА как наиболее полный из ранних. В примечаниях даются разночтения по спискам С, Е, Б и Ч. В отдельных случаях в примечаниях оговариваются особенности текста РГАДА. Текст по списку РГАДА передан постранично, курсивом переданы выносные буквы, сокращения не раскрываются, а обозначаются титлом (как в рукописи). Киноварные заголовки списка РГАДА обозначены полужирным шрифтом, в остальных списках – подчеркиванием (в списках С, Е, Б и Ч они совпадают). Интерпункция сохранена. Надстрочные знаки не передаются.

Поскольку орфография рубежа XV-XVI вв. существенно отличалась от орфографии последних десятилетий XVI и особенно XVII в., сличение списков показало различное написание практически всех слов. Наиболее частые и обыкновенные случаи разночтений, такие как пакы – паки, къ – ко, частию – частью, близко – блиско, роукж - руку, Адриатикж - Адриатику, времена - времяна, именоуетса – имянуетца, западоу – западу, ее – ея, пръво – перво, мъсто – место, окіана – окияна, сію – сию, еще – ещо, нашу – нашю, **Z**емлы - sемлы, потом - потом, асіискый - асиіский, предреченныа – предреченныя, среднаа – средняя, Греціа – Грецыя, Італиа – Италия, Индеискаго – Индеиского, рекы – реки, Москы – Моски, перед – пред, берег – брегъ, сътваряетъ – сотворьмет, нес – нестъ, странъ – стороне, пръскіи – перскиі, розливаетса – разливаетца, объимаетса – обымаетца, члуы – члецы и т. п., не оговариваются. Кроме того, не оговариваются те случаи, когда слово в списке РГАДА написано сокращенно, а в других списках - полностью, и наоборот (напр., смоть – смерть). Особенностью списков С и Е является частое использование буквы ж вместо оу, у или 8 (напр., западу - западж, Доноу – Донж). Поскольку это не влияет на произношение и смысл текста, эти разночтения также не оговариваются.

Разночтения по спискам приводятся в тех случаях, когда одни и те же по смыслу слова написаны по-разному, с буквами, существенно меняющими произношение, в первую очередь в именах собственных (напр., Африка — Аврикия), а также когда греческие буквы заменены на соответствующее сочетание славянских букв, напр., Аледандръ — Александр, когда изменен порядок слов, пропущены или добавлены новые слова, когда слова заменены на аналогичные или переданы с потерей или изменением смысла (напр., есть в Палестине Гадда — есть в Палестине град за — есть в Палестине сад за; равна — ровна и т. п.). Приводимые по спискам C, E, E и Ч разночтения передаются с учетом старинных и выносных букв. Нумерация листов по списку РГАДА выделена курсивом и полужирным шрифтом и дана в начале каждого листа (начало обозначено новой строкой); начала листов по другим спискам — в скобках в тексте (напр., «(л. 2 Ч)», «(л. 267 E)»).

Особенностью текста является обилие имен собственных, многие из которых впервые появляются в русской письменности. Часто они идут подряд и без знаков препинания и явных пробелов. Это обусловило большую сложность при их передаче (не всегда ясно, где, по мнению книжника, закончилось одно название и началось новое). В настоящей публикации при возникновении спорных случаев предпочтение отдавалось варианту, аналогичному тому, что приведен в ранних изданиях (инкунабулах) Помпония Мелы.

(л. 10 об.) (л. 1 об. Ψ) (л. 265 E) (л. 371 E) Начало пролога², космюграфіи, Понъпоніа³ Меле Начинаю укадывати. какъ демла стоить дѣла смесна 4 . В то⁵ книдѣ есть имена мѣстом и людемъ которые люди в которых местех живоуть. Сію книгоу чести смѣсно и докоучно и днати и радоумѣти еа надобно. Исперва оуказыю⁶. какъ вса демла⁷ стоитъ и в колико⁸ части раздѣлена. и какъ люди в них живоуть. Потом 11 оу

(л. 11) кадываю роубежа их, и помориа. И какъ море въ Zемлю¹² влилоса¹³ и какъ въкроутъ еа облилоса, и объгчаи людьскіа по Zемлямъ $^{\circ}$

Писмо вселеннъи Понъбоніа Мела, Кніга прывања 14 начинаеть. Все оубо то что ни есть. емоу же вселеноую и нбо има дахомъ едино есть и единою одеждею 15 вса маже соуть объимаеть 16 частьми ж раздълаетса 17 . (л. 265 об. E) Фкоудоу слице въсходить. то въстокъ именоуетса. и гдъ 18 заидеть то запад коуда преходи 19 . то полоуднь, противоу же того – полноч. Сред же того демла (л. 371 об. 20) высока фвсюдоу моремъ облиана. та ж въ двъ страны еже полъкроужиа именоуютса Ф во

(л. 11 об.) стока раздълена к западоу. на пят частеи раздълаетса. средноую 860 ζ нои фпалаеть u^{21} не дасть животнымъ жити. в послъдних же стоудень фбдержить. Въ прочих же въ 22 двоу члци живоут. и фбладають. Едина имъють (л. 2 U) годищьнаа 23 времена. но не единако 24 въ единои антихтонесъ. а дроугоую мы населаемъ тое оустав ζ ноа рад среднаа части незнаемъ есть. Сии 25 же оуставъ глати хотим сиа оубо простерта $\tilde{\phi}$ востока къ ζ ападоу. мало продолга не же широка. ϕ полоунощи. а ϕ полоудне два 28 четвертое же от ζ апада

(л. 12) Та три мора своими мъсты глема боудоуть се же четвертое пръво. 29 оудко имъа ши (л. 266 E) рины деса 30 тысащь 31 саженъ. Демли раздълаеть и въходитъ потомъ длъго родлито. 32 и

 $^{^1}$ E На верхнем поле почерком XVII в. киноварью Начало пролога Космограеи; 2 E Напротив заголовка киноварью, почерком XVI в.: глав ні 1 Ч Прфлогъ слово начало отсутствует; 3 E Помпоніа E Помпониа 4 Понъпомиь; 4 Ч мъснаь; 5 Ч тоу E тои; 6 Ч указываю В списке РГАДА другим почерком, другими чернилами надписано ва; 7 Ч земльь вся; 8 Ч колики; 9 E частии; 10 E кака; 11 Ч потом; 12 Ч Слова в землю вынесены на поля; 13 E въливлоса; 14 Ч 14 15 E флежицею 12 Ч софономот; 16 Ч объимают; 17 Ч разделяются; 18 Ч Добавлена частица ся; 19 E проходи; 20 E на верхнем поле киноварью E зачало пролога; 21 Ч Софоз отсутствует; 22 Ч Предлог отсутствует; 23 Ч годишная; 24 Ч одинако; 25 E, 26 собъемаетса; 27 Ч E; 28 Ч E; 29 Ч первое; 30 Ч E; 31 Ч Слово и его обозначение (E) отсутствуют; 32 E, E разлитE

широко далече берегы бдельеть. Тъм же берегомъ съ объ странъ. 33 съшедшимъсь ближо. толико 8ско сътваряетсь ыко менши тысьщи саженеи. 34 шириноу 35 сътварьеть. и бтолъ себе пакы помалоу разпирьеть. и пакы и еще не же быс оуже выходить въ шириноу. гдъ егда прииметсь 36 велико 37 въ дроугие и великимъ себъ ободомъ распростираеть. и опъть малымъ оустием сходитсь. то море все гдъ приходило и гдъ разпирилось 38 . единемъ словом

(л. 12 об.) Наше море глетса Оузиноу и вход прихода его. мы Латина Оретоумъ³⁹ именоуемъ. Греци⁴⁰ же Портомонъ⁴¹ именоують. А гдѣ радливаетса, (л. 2 об. 4) инаа⁴² по инымъ мѣстомъ имена приимаетъ⁴³. гдѣ пръво оузитса. Елеспонтос. именоуетса и гдѣ пакы разширитса. 44 Пропонтис⁴⁵ имен8етса. и гдѣ во дроугые оудитса Трациоус. 46 Босфороус 47 именоуетса, а гдѣ въ дроугые родолиетса. Понтос. 48 (л. 266 об. 26) Еуксинос 49 . именоуетса. а егда к озѣроу придеть. Химерикоус Босфороус именоуетса. Само же юзеро Меотис именоуетса тѣм мюремъ и двѣма 50 славными рѣками Дономъ 51 и Ниломъ. (л. 372 26) въ три части вселеннаа раздѣлаетса. Дон

(л. 13) $\[\]$ б полоунощи къ полоуднемъ текоущи середи Меютида⁵² озера въливаетса. Съпротивоу же Нилъ $\[\]$ полоудне къ полоунощи въ море въливаетса. Что земли лежитъ $\[\]$ мора⁵³ к темъ рѣкамъ. $\[\]$ единоа⁵⁴ страны Африка именоуемъ, а $\[\]$ дроутые Европиа. Къ Нилоу Африка а к Доноу Европіи⁵⁵. Прочее⁵⁶ же что ни есть Асиа именоуетса: $\[\]$

Перечен оуказаню, 57 Acin, 58 Ciю \oplus трех мъстъ \oplus кіанъ обдръжитъ тако именми. како и мъсты роднитса \oplus въстока E \oplus оус 59 именочетса. \oplus полоудни Индикъ \oplus полоунощи Ситикоус сама же Aсиа великымъ и длъгымъ лбомъ простерта къ востом 60 толико само 61 себъ въ шириноу разпрости

(л. 13 об.) раетъ колико⁶² Европа и Африка. и что межь uми⁶³ море входить. 6 (л. 267 E) толъ егa⁶⁴ немнога⁶⁵ соуха прошла 6 того 6 жкіана егоже Индика именоують. Арабско⁶⁶ море и Перско приимаеть. 6 полоунощи же оT Ситика Каспиоумъ и того aъла⁶⁷

³³ Б, У страны; 34 У сажен; 35 У ширины; 36 У приметца; 37 У велика; 38 Б разширалоса; 39 У Өрөтунъ; 40 У Ѕрецы; 41 Е Портемом Б Портмон, 42 У Над словом почерком XVII в. (не тем, которым написан основной текст) написано и зачеркнуто слово житие; 43 У приімают; 44 У разширьаетца; 45 Б Пропонтос У Пропонтусь; 46 У Трацыус; 47 Е Бюсвороусь; 48 У Понтус; 49 Е, Б Еудинос; 50 У двъмя; 51 Е Доломъ; 52 У Меюдита; 53 Е мора У моры; 54 У единыя; 55 Б Европи У Европина; 56 У проче; 57 Е оуказанію У указанию; 58 В списке РГАДА заголовок на правом поле; 59 Е Бюс Б Еюоус; 60 У востоку; 61 Б тамо; 62 У колика; 63 У Ими межеи; 64 У Союз отсутствует; 65 У немного; 66 У Аравитцкое; 67 У Вместо дъла — ради

- (л. 3 4) оуже чинитса не же быс. и пакы распростеръта створаетса 68 толико 69 широка нако быс. потомъ егда къ своем в рвбежоу и иных земль рвбежоу 70 дошла 71 середка ев 72 Нашим Мюремъ обливаетса. Проча 73 единъмъ рогомъ къ Нилоу бходить. дроутым же къ Доноу. Роу 66 жа ев 6 верховиа Нила. Нилом ръкою сходить въ Моръ 66 толъ потомъ сътвораетса перво великымъ ободомъ изгы
- (л. 14) бааса. потомъ великим лъбомъ⁷⁴ къ Елеспонтскомоу морю бходит б того в дроvтые изгибаетса къ Босфороу. и пакы къ Понтскои ширинъ к Меотиди юбодомъ възыврататса приходить до оустъ⁷⁵ Дона. И вверхъ Дономъ⁷⁶ по правои странъ⁷⁷ до верховиа его бколе потеклъ и б верховиа его бколе потеклъ и б верховиа его бколе⁷⁸ потеклъ и б верховіа⁷⁹ примъчаа прамо къ полочнощи къ Ситскомоу акіаноу. ⁸⁰ Въ неи первии люди сочть Инди⁸¹. і Сересъ⁸². и (л. 267 об. E) Сите. Серес⁸³ середи Ефетскыа страны. под востокомъ вселаютса. Інди же краи. Ефетскыа страны къ полднем оба широко простерты не токмо к томоу морю распростерты,
- (л. 14 об.) Инди но насельють (л. 372 об.) къ полоудне⁸⁵ и роубежа Индескаго⁸⁶ мора. дотолъ где унои палитъ. и уемли насельти не дастъ. Дотоле многыми роды⁸⁷ та⁸⁸ уемла насельетса насельють и Скиеы. полоунощныа. и берега Ситьскаго⁸⁹ мора токмо фколе⁹⁰ ф великих стоудень бъгають и до Каспиа мора насельють Индомъ ближнаа и естъ. Арианда⁹¹. потомъ Аріа. и Кедросис и Персис. Къ Пръскомоу⁹² морю. того Прьстии роди насельють. дроугое же Аравесь. ф сих что къ Афракии⁹³. (л. 3 об. 4) останетса Ееифповъ⁹⁴ ес. тамо же Каспию⁹⁵ море. фбдръжать⁹⁶ и насельють Каспіане. Сынмеи⁹⁷ дале же Амазоне и ф тъх деле⁹⁸ Ипе
- (л. 15) рбориемъ быти глеть 99 . Въночтренаа же демли, многыа и розные роды населають. Гандаре 100 . Партани. Вактри 101 . Соуссиане 102 Саксиане 103 Корофи Гомари 104 . Комани 105 . Ропани Далие 106 близъ Скурь. (л. 268 E) и Скирскыа поустына. 107 и близ Каспіа 108 мюра

 $^{^{68}}$ Ч сотворьмет; 69 Ч толика; 70 Е, Б, Ч рубежи; 71 Ч Глагол отсутствует; 72 Е іе; 73 Ч протчая; 74 Ч Слова изгыбамсм потомъ великим лъбомъ отсутствуют; 75 Ч устья; 76 Ч Дона; 77 Е, Б сторюнъ; 78 Ч Доколе; 79 Б Слова и 56 верховіа вынесены на поля, написаны другим почерком Ч Слова и 56 верховіа отсутствуют; 80 Ч окињну; 81 Ч Индиі; 82 Е ересь; 83 Ч Серет; 84 Ч Ефетцкие; 85 Б къ полоудни; 86 Б Индиискаго; 87 Ч народы; 88 Ч Вставлено их; 89 Ч Ситцкаго; 90 Ч Слово отсутствует; 91 Ч Орианда; 92 Е Кжпръско; 93 Е Африкіи Б Африкы; 94 Ч Добавлен союз и; 95 Ч ко Аспию; 96 Ч обдержит; 97 Е, Б Сыимфи Ч сынфми; 98 Е, Б дале Ч дале; 99 Б, Ч глется; 100 Ч Гандарии; 101 Ч Вастри; 102 Ч Суссиньне; 103 Е Ксіане Ч Саксиньне; 104 Ч Гамари; 105 Е Команы; 106 Б, Ч далее; 107 Ч пустыни: 108 Ч Каспа

насельють Комари Массасите 109 Ка*ду*сии. 110 Иркане Ивери. 111 Близъ Амазон. Ипергореи 112 насельють. Кимери. Касси Атиаци Горгили 113 Моски Корсите Форсите Римфаце. 114 И ег $_{\it Z}$ а къ Нашемоv Морю выидеть, насельють Марри Анти Ба $_{\it Z}$ ани и по тъ $_{\it X}$ Амарди 115 Армени Комагени. Ноvрани Вергети. Кападоци Греци Лика $_{\it C}$ не Фриге 116 Персиде Исаври. Лиди 117 Сирокиликии. 118 Пакы

- (л. 15 об.) $\ \ \,$ тъх иже полоудне драть. и за все роды вноутренаа страны дръжа $\ \,$ и до Перскаго мора бли $\ \,$ того соуть Парои и Ассіри бли $\ \,$ же того иного Валинониі 119 бли $\ \,$ же Еоиопъ Егупти 120 Бърегани Ларъкы и морю ближномоу 121 населають потом Аравиа. 8скымъ лбомъ прс $\ \,$ длъствоующаго 122 берега о $\ \,$ держитъ $\ \,$ ф нее 123 до игибленіа. его $\ \,$ ж напреди 124 скадахомъ. Сіріа е $\ \,$ в самом же изгибленіи. Киликіа есть $\ \,$ фтоле же Лидиа. и Памфилиа. Каріа Іониа. Ефолис 125 Троас. и до $\ \,$ Елеспонта 126 $\ \,$ ф него Вифиниі соуть к Трацскомоу 127 Босфороу. 128 по Поньтьскомоу 129 морю нъцы роди по иным и роднымъ 130 мъстом. Единъмъ
- (л. 16) именемъ вси Понти 131 нари (л. 268 об. E) чютса к одероу 132 же Меютоу Меютици нарицаютса 133 . По Доноу же живоущій савроматы 134 наричютса :~ (л. 4 4) (л. 373 6)
- (л. 2 C) Перечень оуказанью 135 Европіи, Европіи. роубежа 136 имъють 137 от въстока Дона 138 Меютидоv и Понта а $\mathfrak G$ полоудніа 139. прочам Нашего Морм а $\mathfrak G$ дапада Атлантика окиана морм а $\mathfrak G$ полоунощи 140 Вретаніиска r^{141} юкиана 142. Роубежа ее по брегоv Дона $\mathfrak G$ оустиа предреченный ръкы, къ Елеспонтоv, где стварметь и гыбление озера къ Понтоv, где 143 Пропонтис $\mathfrak G$ Елеспонта противъ лежить противнымъ берегомъ [А] сійскымъ 144. не токмо противна [но] и подобна еи. Еc $\mathfrak G$ толъ к оу $\mathfrak G$ ко
- (л. 16 об.) моу мъстоу, оуже добръ отхожаще, и пакы въхожаще 145 три величаищам 146 чины стварметь и толикыми великими льбы, себъ въ море въводить и прошед оузкам къ Западоу, неравно 147 велми

¹⁰⁹ Е Макасите; 110 Е, Ч Кадуси; 111 Ч Ибери; 112 Е, Б Ипергори; 113 Ч Гортоли; 114 Ч Римеацы; 115 Е Армади; 116 Е ериге; 117 Ч Миде; 118 Б, Ч Сирокилики; 119 Е, Б Вавулоніи Ч Вавилона; 120 Е Египтіи Б Египтии; 121 Ч ближнему; 122 Ч следствующа; 123 Ч Добавлен союз и; 124 Ч Слово отсутствует; 125 Е, Б Ефлис; 126 Ч Елиспонта; 127 Б Трацсконоу Ч Торацкому; 128 Ч Босфори; 129 Ч Понтискому, 130 Ч Слова и розным отсутствуют; 131 Б Понтици; 132 Ч sepy; 133 Ч наричютца; 134 Ч Савраматы; 135 С вказанию Е оуказанію Ч указанию; 136 Ч рубежа; 137 С, Е, Чимьет; 138 Б, Ч Добавлен союз и; 139 С полядна; 140 Ч Слова а ф полоуноци отсутствуют; 141 Ч Вретаниского; 142 С фкеана; 143 Ч Слово отсутствует; 144 Е Асунскым Б Асуискым; 145 Ч Слова и пакы въхожаше отсутствуют; 146 Ч величаишия; 147 Ч неоовно

(л. 2 об. C) въ началъ среднаа еже проходит. Къ полоунощи. токмо егда единою. и дважды. великымъ ©стоупомъ. объводитса. едва прамымъ оуставомъ простръта есть. Море еже въ перъвыи чинъ ствараеть Егеоумъ глетса. а что въ дроу (л. 269 E) гые. Ионіоумъ, а далъ 48 Адриатикж. что послъднее мы, Латина, 49 Туским, 50 именочемъ его Грекы Тирреномъ. нарицаютъ G родовъ $[\pi]$ ерваа есть Скуоиа. инаа eже f г f г f еf

(л. 17) мам 152 е \overline{c} ¹⁵³ $\stackrel{\circ}{\varpi}$ Дона до середнаа Понтьскым 154 страны. Фтоле и до Фракіи 155 и Македонии 156 съходится. Та же Греціа простерта. и раздѣльеть Егеа. 157 морм. $\stackrel{\circ}{\varpi}$ Іоніа Адриантскоvю 158 страноу. Иллирис 159 . 159 сбдержать. межь ж самого Адриатика и Тоуска. (л. 4 об. 14) Сталиа 160 прошла, послѣднее же Т8ска Галлиа 161 есть. Дале 162 Испаніа есть (л. 4 163 къ Западоу. и пакы длъго къ 164 полоунощи, многими лъбы лежит потомъ пакы Галліа 165 есть далече $\stackrel{\circ}{\varpi}$ наших береговъ. и дотоле простерта. $\stackrel{\circ}{\varpi}$ нем 166 же Германи къ Саръматомъ 167 лежить. 168 Сарматы же къ Асіи $\stackrel{\circ}{\sim}$

(л. 17 об.) моремъ кратчъиши 171 ж есть не ж Еуропіа 172 понеже не доколь ес Асіа то есть не всъмъ еа 173 берегомъ 174 авлаєтьс. Доле 175 же она. не же ширь 176 , где къ ръце 177 пришла тоу ширъишае. 178 и егда бтоле пошла. тако 179 среде 180 ее горы. въздвидаєть 181 прости (л. 269 об. E) раетса (л. 373 об. 182) прамо къ западоу. и помалоу мало оуже са чинить. и гдъ скончаєть. 183 тамо велми оудка 184 ес. Сколко есть ее. где 185 люди живоуть. всъмъ полна есть, (л. 4 об. C) но множаишаа ее. мъста 186 поуста соуть. или соухыми пъскы обдержима. или

¹⁴⁸ С, Е, Б, Чдали; 149 Ч Латика; 150 Е Тускоум, С, Б, Ч Туском; 151 Ч Заменено на ж; 152 Ч глема; 155 Б Слова Скубиа. инаа еже г лема е с отсутствует; 154 Ч Понтиския; 155 Ч Аврикиі; 156 Ч Макадониі; 157 Ч Агель; 158 Е Андріантьскоую Ч Андриятскую; 159 Б Имирис; 160 С Италиа Е Италіа Б Италиа Ч Италия; 161 Ч Галия; 162 Ч на полях добавлено того; 163 Ч сия; 164 Ч И паких к Слово дльгокъ отсутствует; 165 Б Галиа; 166 Ч на; 167 С, Е Сармато; 168 С, Ч лежатъ; 169 С оукаданию Е, Б оуказанію; 170 Ч Африкиі; 171 С, Б кратчънше Ч кратчанше; 172 С Еропиа; 173 Ч Местоимение отсутствует; 174 Б не всъм берегом ем; 175 Е, Ч донеле Б донеле, не зачеркнуто; 176 С не ж реща, причем реша зачеркнуто киноварью Ч Прилагательное отсутствует; 177 С ръци Ч Слова къ ръце отсутствуют; 178 С шири, причем первоначально ширишша ес, позднее на поле приписаны две буквы — ки (?), а затем лишние буквы зачеркнуты киноварью Е, Б ширъшша есть Ч шириі; 179 Ч то; 180 Ч среди; 181 С въздвидаа Б въздвизаа Ч Глагол отсутствует; 182 Б на верхнем поле киноварью Полинника части зеские; 183 С, Б, Ч добавлена частица ся; 184 Ч указ; 185 Ч Существительное отсутствует; 186 Ч Ея мъсто

(л. 18) поуста есть боле. неже населена. Море¹⁸⁸ им же $\mathfrak F$ полоунощи обливаетса. Либикоумъ именоуетса $\mathfrak F$ полоудне Еві $\mathfrak F$ Еві $\mathfrak F$ полоудне Еві $\mathfrak F$ Тои части котораа к Либикоу морю лежить близъ к томоу $\mathfrak F$ Еви $\mathfrak F$ Сто части котораа к Либикоу морю лежить близъ к томоу $\mathfrak F$ Сто томоу¹⁹¹ понеже все етое $\mathfrak F$ Еви $\mathfrak F$ Пословіцею¹⁹². прозвище пріать. Африка прочаа Ноумиди¹⁹³ и Маври $\mathfrak F$ Столите соут и Кароусии. и до еві $\mathfrak F$ проча $\mathfrak F$ проча $\mathfrak F$ прочає сее¹⁹⁷ и всю шириноу. котораа къ полоудни лежить. и до $\mathfrak F$ Роубежа насельють. Та же еже (л. 1 $\mathfrak F$) Любикомъ м $\mathfrak F$ Роубежа насельють. Та же еже (л. 1 $\mathfrak F$) Любикомъ м $\mathfrak F$

(л. 18 об.) Ливіискыи 201 Египти соуть и Беліи Еөи $_{\odot}$ пи. и род многъчлувень, иже

Гетоули име (л. 270 E) ноvютса. Потом широко демла порфжна ес и далеч поvста лежить. Та же пръвф ф востока. Гарамантис. 202 после Аутила 203 и Трогфдитас 204 , и послъдніх 205 къ востокоу Атлантас. Слышим вноутрь 206 же аще достоино есть върити. мало оуже члци боле же полоуѕвърины, Аргипанес и Блеми и Ганипанитес и Сатири. без кровли и без храмъ 207 проходаще на розные мъста. Демлю имъюще а не населающе еа 2

Начало подлинника, части <u>Zемскіа</u>²⁰⁸, и пръво въхюд Нашего Мора в землю б юкіана, и <u>Афрікіи</u>²⁰⁹, <u>обиход</u>²¹⁰,

(л. 19) Се есть перечнь 211 вселенный сій соуть боліши части. (л. 5 об. ГИМ) се є бра (л. 1 об. C) зи и назыкы по частемь u^{212} нив є толе начинаем глати подлинника. \overline{c} жоле 213 Наше Море въ демлю въходить 214 . и \overline{c} тъх, кои соуть по правоу вышедшаго мюра. потомь оукадати 215 кый u^{216} дъломъ берегы лежать. и перечетии 217 всъх тъх иже 218 къ морю приближаются, еще и сиа прочести наже съкианъ обходить. донде же прочетие 219 въкроугъ. и по ноутремъ всю вселеноую. 220 наченшаго дъла тамо приідет. \overline{c} жоле начато. (л. 270 об. \overline{c}) Сказанъ 221 есть съкианъ. (л. 374 \overline{c})

¹⁸⁷ С, Е, Б Союз опущен; ¹⁸⁸ Б Морем; ¹⁸⁹ Е Еөюпскв; ¹⁹⁰ С, Е, Б Цуренос Ч Цыренос; ¹⁹¹ Ч Слова по томоу отсутствуют; ¹⁹² С пословицою; ¹⁹³ С, Е, Ч Нумѣди; ¹⁹⁴ Ч Макри; ¹⁹⁵ С еөиютсиих; ¹⁹⁶ Ч Союз отсутствует; ¹⁹⁷ Ч Сеем; ¹⁹⁸ Ч Асіи; ¹⁹⁹ Ч Море; ²⁰⁰ Ч Союз отсутствует; ²⁰¹ Ч Ливиіские; ²⁰² С Гораманти Ч Горамантис; ²⁰³ Е Агулас Ч Ангилас; ²⁰⁴ Ч Тросодитас; ²⁰⁵ Ч Последи их; ²⁰⁶ Ч В нутро; ²⁰⁷ Ч грамов; ²⁰⁸ Е земскыа; ²⁰⁹ Б Африка и; ²¹⁰ Б Напротив заголовка киноварью ПЅ С, Ч оеход (обход?); ²¹¹ Б пречень; ²¹² Ч Союз отсутствует; ²¹³ Ч оттоле; ²¹⁴ Ч Глагол отсутствует; ²¹⁵ Ч указывати; ²¹⁶ С кимъ; ²¹⁷ Б перечетших; ²¹⁸ С, Б, Ч ьже; ²¹⁹ Б перечетши; ²²⁰ Ч Вселенную; ²²¹ «С» в списке РГАДА приписана почерком XIX в.

Атлантикъ. иже демлю обливаеть & дапада. Ф того акіана. Атлантікъ Наше Море въходить. По левоу.

- (л. 19 об.) емоу. Испаніа по правоу Мавританіа. Первые части. Испаніа. Европии 222 часть. Мавританіи же Африкіи 223 часть. Мавританіи же конечные роубежа. Моулоука 224 глава (л. 3 C) и превысокъ есть холмъ его же Греци 225 Ампелоуси. именоуют в немъ 226 есть зракъ жрътвенъ Еръкоулиовъ 227 за Zракомъ. город Етинге преветох. Z0 Антеа глють поставленъ. И ннъ прабываеть. Z28 Z2 нама вещи тое. палъма превелиа дъланаZ39 Z30 СлоновагоZ31 хрепта. Z32 и величьства ради нъкыимъZ33 въZ4 та. Ею же тоутоZ34 живоущеи глютьZ35. Антею носащъ и Z36 противъ
- (л. 20) испаніискіа 237 горы. Сію Абиламъ. нарицають. тоу же Калпенъ т8 есть. иже глютса стлъбы Еркоvлиевы 238 . И слава есть тако томоу Ерквли8. многымъ дъломъ бывш8 единоv гороv. раздъли 239 еа на двое и мюрю походащ 240 . Отоле ес земла нехнаема. и нъс что (л. 3 об. C) славно, (л. 271 E) и гради мали. и ръкы текоvще 241 малы. и людие. и дъла их темна, их же и въ 242 докоукоу поминати. О 243 тъх соуть горы высокы. пю радоv и понеже по радоу стоатъ. семь 244 великых 245 горъ. иже нахваща их Седмью 246 Братіи. Тамъ есть ръка Вада. и малые гради. Роусигада. и Сига. И илмень великъ есть, иже величства ради. Великъи Илмен
- (л. 20 об.) именоуетса. Моулоука его же именова x^{247} ръка еc ннъ назыкомъ роубежь. Въ предних же 248 было црем 249 роубежа. 250 Бока цра и Югоурта. 251 того Моулоуко 252 лежить. простерта Ноумидиа 253 земла. до Амфака 254 ръкы. шириною Мавританіи пооуже но боль населена и гради богатые 255 . Кура 256 гра $_{\mathcal{A}}$ мора далече въно столнои гор д д сремь. 257 и Сифацес гра пребываеть. Въ б б б слеже (л. 5 С) ѕъло къ морю близ. И Слеже града града невеликъ. но понеже

²²² Б Епропси; ²²³ Ч Аврикиі; ²²⁴ С М8л8ка, причем слог ка вписан позже над строкой; ²²⁵ С Первоначально написано игрецы, и зачеркнуто киноварью; ²²⁶ Ч Добавлена частица же; ²²⁷ Б, Ч Еркулиевъ; ²²⁸ С, Е, Б, Ч пребывает; ²²⁹ Ч дълания; ²³⁰ Ч Предлог отсутствует; ²³¹ Ч Слоновного; ²³² Б, Ч кребта; ²³³ Ч нъким, ²³⁴ Ч ту; ²³⁵ С, Б глет; ²³⁶ Ч превысокая; ²³⁷ Ч испанския; ²³⁸ Ч Ерколиевы; ²³⁹ Ч разделивъ; ²⁴⁰ С проходащв; ²⁴¹ Ч текущиі; ²⁴² Ч Союз и предлог отсутствуют; ²⁴³ Ч Перед предлогом добавлено и; ²⁴⁴ Ч з; ²⁴⁵ Ч высоких; ²⁴⁶ С Семью Ч з; ²⁴⁷ Ч именох; ²⁴⁸ Ч частица отсутствует; ²⁴⁹ Е Слова роубежь. въ предних же было црем пропущены; ²⁵⁰ Ч Существительное отсутствует; ²⁵¹ Ч Югуртая; ²⁵² С, Е М8лжка Б, Ч Мулука; ²⁵³ Ч Кумидия; ²⁵⁴ Ч Ампсака; ²⁵⁵ Ч богаты; ²⁵⁶ Ч Сира; ²⁵⁷ Б, Ч црем; ²⁵⁸ Ч Глагол бе отсутствует, после богат добавлено добре (вместо зъло); ²⁵⁹ Е Июила; ²⁶⁰ С, Е, Б град;

гра \mathcal{A} бѣ црьскыи. 261 и названъ 262 Кесарим. славен есть. За тѣмъ градомъ. 263 на самомъ 264 березѣ. стоитъ гра \mathcal{A} Картина. и Арсина. (л. 6 об. \mathcal{Y}) и Аиса 265 градокъ. и поучина Латырьска. 266 и рѣка Сар

(л. 21) дабале²⁶⁷ потомъ Ифесиоумъ град и Оутисіа град. Текоуть же по²⁶⁸ них рѣкы. Анъкрис.²⁶⁹ да Набарь. Земла, иже лежить ф холмоу. (л. 271 об. E) Метагоніа. к олтаремъ. Філенеискым²⁷⁰ на неи соуть (л. 374 об. E) Петагоніа. К олтаремъ. Філенеискым²⁷⁰ на неи соуть (л. 374 об. E) гради. Иппогери²⁷². Роусиканде Табрака²⁷³. по том три хлъмы. Бѣлоида, Аполонов. да Меркврифвъ.²⁷⁴ Далече простерты. в мфре двѣ поучины великые стварметь²⁷⁵ единоу Ипоненсоу.²⁷⁶ именочоть. по Ипонъ²⁷⁷ Дѣарикъ²⁷⁸ иже лежить противъ ее. въ дроуго-ую поучиноу соуть мѣста²⁷⁹ воиньска Деліа²⁸⁰ и Корнелиа. и рѣка Баграда.²⁸¹ Соуть²⁸² (л. 5 об. E) гради. Оутика. и Карфагенъ. фба славныа грады.²⁸³ фба ф Финикъ²⁸⁴. поставлены. Оу

(л. 21 об.) тика славна. Катономъ Карфагенъ же ннѣ²⁸⁵ Римьскаа область во оно же врема. преславенъ црьствомъ. и противенъ²⁸⁶ Римланомъ. Велми оубо обиленъ вещьми и ннѣ славнѣе о пръвых плѣненіи. неже²⁸⁷ о ннѣшнаго богатества²⁸⁸. Отолѣ Адроументъ град Лептис. ²⁸⁹ Клоупеа. ²⁹⁰ Амбромаце, Оире. Новои город. ²⁹¹ а стоатъ отоле къ Сиртоу. вне славных великіе град ²⁹² Сиртис. есть поччина. бліже ста връстъ поперекъ ²⁹³ обод же триста²⁹⁴ връстъ. но лиха. нѣс кораблем пристаница. Тамъ ес одеро о него же рѣка (л. 272 Е) Тритонъ. да тѣмъ (л. 7 Ч) есть град. Оза²⁹⁵. и рѣка Кінипсъ²⁹⁶ текоущи по обилнымъ мѣстом.

(л. 22) (л. 6 C) и инаа рѣка Лептис. 297 потом Сиртис поучина и именемь по статием первои подбна. но пошири 298 первои колмъ над нею Вориюнъ. $\mathring{\varpi}$ толе роубѣжа демли 299 ею 300 же глють Лотофаги. дръжаща и до Сикоура. и тот колмъ есть без пристанища.

²⁶¹ Ч цръскои; 262 Ч назваль; 263 Ч градок; 264 Б томъ же; 265 С, Б Анса Ч Лиса; 266 Ч Латырская; 267 Б Сардаба. лепо том (?) Ч Сардаболе; 268 Ч под; 269 Ч Анкрикъ; 270 Ч Өіленемскимъ; 271 Б На верхнем поле киноварью [нач] ало подлинника; 272 С, Е, Б Иппореги Ч Ивпогери; 273 Ч Руси, Кандета, Брата; 274 Ч Меркуринов; 275 С, Ч сотворяютъ; 276 Ч Ипонесун; 277 Ч Ипонес; 278 С, Е Дъа ръкы Ч Дъя реки; 279 Ч мъста соут; 280 Ч Велия; 281 С Батрада Е Рекаба града Ч Ботрада; 282 Ч Перед глаголом добавлен союз и, после глагола – слова на неи; 283 Ч Слова Оутика и Карфагенъ, юба славныа грады отсутствуют; 284 С Финикы; 285 Б Вынесено на поля, тем же почерком; 286 С, Б противлен; 287 С ныне же, ны зачеркнуто Ч Нне ж; 288 С богатсва; 289 Ч Аттис; 290 Ч Куплея; 291 Ч городок; 292 С, Б гради Ч грады; 293 Ч поперег; 294 Ч т, 295 С После Фіда написана и зачеркнута буква н; 296 Ч Китипсъ; 297 С После Лептисъ написаны и зачеркнуты киноварью слова датъм есть град Лептис; 298 С, Ч поширъ; 299 Е, Б землъ; 300 Ч сию

Тъ флтари именоваща их Филенеискы. 301 ф Филении 302 братъ. иже Филени братіа бъахоу. послани против Киринефвъ. ф Карфагенъ. да о*у*тищать брань. юже имъахоу. Карфагени. съ Киринеи. ф роубежех 303 и бъ въ брани 304 паденіе мнфго ф объих 305 ф фоих 306 странъ. и егда людие съидоутса. на съездъ оука 205 анию роубежа. 207 ркоуть тоу. 308 и 208 старины съъздъ бъ. 208 намо,

- (л. 22 об.) и брань велиа створитса. и паденіа 310 много. Тъ оубо Филане братіа съ (л. 6 об. C) твориша дъло памати достоино. рекоша сице. Да не по томъ брань. и паденіе боудеть потребите 311 на 312 мивых. 312 боуде 7 мъсто унаемо и паматно въвъкы 313 гдъ живые погребени, тоу роубежа, и по (л. 272 об. E) гребоша их живых бтоль къ Катабаемомъ 314 Киринеиска есть область. Тв есть подорище бога Амона. 315 и кладавь есть (л. 7 об. 4) его же именоують. Слнечнои кладавь. Тъ 316 клада 317 егда члкъ роукж в него вложить възбранаеть. 318 и пъсокъ мъщае 7 и стоукъ 5 него чюти. Обы (л. 375 5) чаи 319 же имъеть. 5 полоунощи кипи 7
- (л. 23) горющь и абие помалоу къ свътоу стоуденъе 320 чинитса 321 . и слицоу 322 къ полъднемъ 323 градоущоу. стоудене есть 324 Θ полъднех же велми стоуденъ. по полъднех же абие тъпле 325 (л. 7 C) есть. 326 и пакы къ полоунощи горющь 327 кипитъ на бръзъ 328 соутъ хлъми Тефирі Θ 1 да на оусть 330 Аем Θ 2 тоуто илмень Паретони Θ 3 соуть хлъми Киринеи. Катаба. Омос. долъ и до Егупта. Африке 333 и роубежь кончаетса. 334 Тако демла та населена 335 . соуть же нъкыа 336 р Θ 2 и альжы радни 337 . и богомъ домашнімъ молатса. Въ въдоме. тысаща 338 град 337 . и богомъ домашнімъ молатса. Въ въдоме. тысаща 338 град 339 нечисти. Пръ

 $^{^{301}}$ Е, Ч Филинежскиі; 302 С Филинех Ч Филинѣх; 303 С р8бежихъ; 304 С бранѣ; 305 Б, Ч Слова & фбеих отсутствуют; 306 Е Слова & фбоих отсутствуют; 307 Е фвы и; 308 Ч Местоимение отсутствует; 309 С, Ч о; 310 Ч паденіе; 311 Е, Б, Ч погребите; 312 Б Да; 313 С ввѣкы; 314 Ч Катавафом, 315 С Амъмона Е, Б, Ч Аммона; 316 Ч И в тои; 317 Б кладезь; 318 С възбранаеться, но ся зачеркнуто киноварью; 319 Б обычаа; 320 С ствдъние Естоуденѣет Ч студень; 321 С ченитьса; 322 С санцю; 323 Ч полъд ни; 324 С, Б, Ч Вместо студене есть — стядъние /студенъет; 325 С, Б теплъет Ч теплъе; 326 Ч Слово отсутствует; 327 Ч горьщъ; 328 С брези; 329 Е Тефирисон; 330 Ч сутъ; 331 Ч Гради перед существительным добавлен союз и; 322 Ч Птоломаисы; 333 Ч Африкиі; 334 Ч скончаетца; 335 С населенна; 336 С, Ч нѣкиі; 337 Б розни; 338 Ч $_{\cancel{4}}$ а; 339 Ч Союз отсутствует; 340 С Фрагмент & всакого скота. далніе овчинами. одъваютьса написан на нижнем и правом поле; 341 С лежат

и едать соуды всакие древани. 342 и лоубаны. Питие их млеко. ежа их болшее 343 масо 344 . А далніи 345 и 346 нечище хода τ за овцами. где скотоу погоже. и гдѣ шмръкнеть 347 . тоуто ночюеть 348 а животь их бездаконень. Иные 349 (л. 7 об. C) $\overline{\odot}$ них жены знають, а иные u не днають жень. 350 и дѣтеи не знають 351 $\overline{\odot}$ тъх соуть. (л. 8 U) иже живоуть за п8стынею. Атла*н*ти же молатса 352 слицоу 353 ег $_{Z}$ въсходить. и ег $_{Z}$ даходить. Именъ оусобных не имѣють, а скотиноу не надать. 354 и мало спа τ пере $_{Z}$ uными людьми $_{Z}$ сазоть Не владъють ничѣмъ

(л. 24) боль 356 зычать. нежели говорать живоуть в пещерах. а нада 757 ѕмие 358 . Гараманти же. и скота имьють. Ското 359 ж ихъ травоу насть. 360 шею искрива. понеже прамо 361 къ демли имъ асти 362 рога не дадоу $^{7.363}$ Жены же $\ddot{\varpi}$ них никто 364 знает. а дъти 365 их 366 тъх чтать которіе имъ лицемъ подбни Ганифасанде 367 же соуть нагы 368 и 369 не днають ороужиа нікакова ни шибати днають 370 . ни $\ddot{\varpi}$ шибающаго. $\ddot{\varpi}$ бъжати того (л. 8 C) дъла 371 егда кого о уэрать 372 бъжа 373 ни съитиса могоуть 374 дадать. ни поговорити блеміи же главъ не имьють. Лице имеють на гроуди. (л. 273 об. E) Сатири же не имьють,

(л. 24 об.) ничто & члкаго естьства тъкмо образ. Сіа соуть на Афракіи •

Подлинник³⁷⁵, Асиі³⁷⁶, Пръвам часть Асіи $\ \ \,$ Африкіи. Егупеть межъ³⁷⁷ Катабаемомъ. $\ \ \,$ и Аравіи $\ \ \,$ того берега по радоу ниска³⁷⁹. и до Ефи (л. 375 об. $\ \ \,$ об. $\ \ \,$) опіи $\ \ \,$ на польднемъ земла на неи же дождь не бывает (л. 8 об. $\ \ \,$) но велми родима и на члуьскы р $\ \ \,$ од и на скотъ Нилъ еа поливаеть. Нилъ же³⁸² рѣка. рѣка³⁸³ есть болъ всѣх рѣкъ, иже в Наше³⁸⁴ М $\ \ \,$ м $\ \ \,$ фтоле течеть не³⁸⁶ Нилом его зовоуть. ни плавати еа льзѣ на соудъ $\ \ \,$ течеть же един $\ \ \,$ бре-

³⁴² Ч Далее слова у них; ³⁴³ Б болшое; ³⁴⁴ С, Е, Б мяса; ³⁴⁵ С долние; ³⁴⁶ Ч Союз отсутствует; ³⁴⁷ Б обмеръкнет; ³⁴⁸ Ч ночюють; ³⁴⁹ Ч Перед словом добавлен союз а; ³⁵⁰ Е Слова энають. а иные и не ҳнають женъ отсусвуют Ч А иные жен не энают; ³⁵¹ Ч Слова не энают отсутствуют; ³⁵² Ч молься; ³⁵³ С слецю; ³⁵⁴ Ч вдатъ; ³⁵⁵ Ч Перед предлогом добавлен союз а; ³⁵⁶ Ч болши; ³⁵⁷ С едат; ³⁵⁸ С, Е, Б ямеи; ³⁵⁹ Е, Б Скот; ³⁶⁰ Ч встъ; ³⁶¹ Ч мало; ³⁶² С, Ч всти; ³⁶³ С надат, но слог на зачеркнут киноварью; ³⁶⁴ Ч нъкто; ³⁶⁵ Ч детеи; ³⁶⁶ Ч Местоимение отсутствует; ³⁶⁷ Е Ганифаса идеже Ч Ганифасанди; ³⁶⁸ Ч ногы; ³⁶⁹ Ч Союз отсутствует; ³⁷⁰ С ҳнаетъ; ³⁷¹ Ч Вместо дъла — ради; ³⁷² Ч увидят; ³⁷³ Б Слово вынесено на полуть написано другим почерком, другими чернилами; ³⁷⁴ Б Слова са могоутъ отсутствуют Ч Вместо могоуть — не; ³⁷⁵ С Подъленникъ; ³⁷⁶ С Ассии; ³⁷⁷ Е, Б межи; ³⁷⁸ С, Е, Ч Катабаемонъ; ³⁷⁹ Б низка; ³⁸⁰ Б На верхнем поле киноварью [нача] ло подлинника; ³⁸¹ Ч Евиопи; ³⁸² Ч частица отсутствует; ³⁸³ Ч Существительное отсутствует; ³⁸⁴ Ч Нше; ³⁸⁵ С, Е вливаются; ³⁸⁶ Ч частица отсутствует; ³⁸⁷ Ч деях; ³⁸⁶ С единъмь

гы и до Мероніи.³⁸⁹ Т8 же надвое раздълаетса, въкржгъ Мероніи (л. 8 об. *C*) и створаеть остров

- (л. 25) велии въ Ефиопии. На единои³⁹⁰ странѣ зовоуть его Астраборъ³⁹¹. а на³⁹² дроугои. Астапин.³⁹³ И гдѣ пакы сходитса. тоу има Нилъ пріимаєть. и \mathfrak{G} толѣ течеть инде пловомъ, а инде не пловомъ на соудѣх вливаетса³⁹⁴ великое озеро. Ис того же \mathfrak{G} зера выходи τ великою быстротою.³⁹⁵ и пакы на двое раздѣла \mathfrak{E} тса и ствараєть другыи³⁹⁶ \mathfrak{G} стро \mathfrak{B} . Таленсумъ и течеть до Алефантила града. (л. 274 E) Егупетьскаго быстръ. \mathfrak{G} толѣ³⁹⁷ тишае са³⁹⁸ чинить, и оуже добрѣ пловомъ близ же Чрътасора града на трое раздѣлаетса. И пакы раздѣлаетса близ Делта, и Мелис.³⁹⁹ и течеть через весь Егупетъ, на се \mathfrak{E} мъ частіи⁴⁰¹, но⁴⁰² по⁴⁰³
- (л. 25 об.) слъднаа частъ велика въ море вливаетса. Выливаетъ 404 же са 405 и напааетъ 406 (л. 9 $^{\circ}$ С) имъетъ ж водоу родимоу не токмо на всакоую 407 рыбоу. но и потами 408 ражаетъ 409 . иже тлъкоуютъ $^{\epsilon 10}$ (л. 9 об. $^{\circ}$ Ч) ръчнии кони и коркодили 411 ражаетъ 412 . иные 413 многые скоты. Еще вода его въ демлен8ю кромоу дыханіе сътвараетъ. И сътвараетъ 414 от земли живоущаа то же њавно 415 есть. ег $_{\epsilon 10}$ бо оубываа сливаетса с поль. 416 и 417 въ своа берегы вълиетса. 418 Находатъ по полемъ нѣкыа скоты. еще не свръщена 419 но почати фразитиса. инања ж часть образна телесна. а инаа еще демла Прибываетъ 420 же Нилъ и выливаетса.
- (л. 26) или ω тоу пороу на веръховіа его дожди великы бывають. Инии⁴²² же глють пъскомъ оусть свом заносить. ⁴²³ и от того (л. 9 об. C) прибываеть или пакы собою прибываеть ⁴²⁴ оубываеть ⁴²⁵ что аще тако есть. с8 τ (л. 274 об. E) намъ⁴²⁶ Ξ полоуденных странъ.

³⁸⁹ Ч Меросиі; ³⁹⁰ С, Е, Б единеи; ³⁹¹ Б Остраборъ; ³⁹² Е Предлог отсутствует, вместо него - знак вставки, на полях на со знаком вставки; ³⁹³ Ψ Настапии; ³⁹⁴ С, Б После глагола предлог в; ³⁹⁵ Ψ Слово отсутствует; 396 *E*, Ч вторын; 397 Ч Перед местоимением союз и; 398 Ч тишается; 399 Ч Мелие; 400 *C*, *E*, *B*, Ч семь; 401 *B*, Ч часте*и*; 402 *E* После но добавлено и; 403 Ч Перед предлогом союз и; 404 E Выливаетс $_{\rm A}$ же Ч Вливаеть; 405 C с $_{\rm A}$ же; 406 \dot{C} , \dot{E} , \dot{B} напаметь/напааеть ем/еа \dot{Y} наполняетца; 407 \dot{E} , \dot{Y} всяческую С, Б всачьсквю; 408 С, Е, Б и ипотами Ч льпотами; 409 Ч раждает; 410 Ч толкуетс; 411 Ч кордилии; 412 Ч раждает; 413 Ч Перед определением союз и; 414 Ч Испаряет; 415 Ч нав; 416 Ч поли; 417 Ч Союз отсутствует; 418 Б Слова егда бо оубывам сливается с поль. и въ своа берегы вълиется вынесены на поля со знаком вставки, написаны другим почерком. Ψ вовье τ ся; ⁴¹⁹ Ψ совершены; 420 Ч пребывает; 421 Ч вливается; 422 Б Иние; 423 Ч заносять; 424 C Слова или пакы собою прибываеau написаны со знаком вставки на нижнем поле Ч Добавлен союз и; ⁴²⁵ С Перед глаголом союз и; ⁴²⁶ Ч Слово отсутствует, на полях приписана буква н и далее лист обрезан. Скорее всего, было написано пропущеное «нам».

Свпротивныа 427 люди. 428 Антипонес. 429 и та рѣка ѽтолѣ по Подморію на нашоу страноу выходитъ. Тамо же ѽколе идетъ. тогда зима велика, егда эде пребываетъ 430 и дожди великие. и ѽтого и эде (л. 376 E) се прібываетъ, понеже и връховие его 431 неведомо естъ. И то не далече от правды естъ. 432 занеже и эдесь 433 оу нас многые рѣкы внираютъ въ землю и по Подморию. на иные мѣста

(л. 26 об.) выходить 434 . Соуть же на тои демли и инам чюднам дѣла 435 . Есть (л. 9 об. 43) озеро Кемънис 436 а на томъ ω дер 437 островъ. на нем же и полм и лѣсы и Аполоново велико мольбищо 438 създано тои же ω стров 439 в томъ ω зер 440 плаваеть. коуда 441 вѣ (л. 10 6) тръ подметь 442 тоуда 443 подвигаетсм. Соуть 444 же на тои Египетьстъ 445 демли 446 . пирамиде 447 триста ногъ камениемъ дѣлани 6 них же три величаиши 448 соуть, 449 тоу есть и 450 озеро Моетис преже бело 451 поле. Нѣ же 6 зеро дѣлано двадесмть 452 връстъ въкроугъ. а толь гл8боко ько кораблемъ великымъ. товар 8 накладенымъ по немоу итъти 453 льзѣ есть же и лавиринеъ

(л. 27) дѣло Ψ авенциево 454 имѣа 455 в себѣ тысящю 456 домъ. 457 и. ві. црскых домовъ. 458 Единою стѣною по радоу дѣланъ. и покрытъ. 459 в себѣ же 460 единъ 461 въх ω д имѣеть. въноутри же (л. 275 E) бесчисленаго 462 множества поутеи. И толь многыми различными 463 поутеи 464 дѣланъ ыко члк ω м великымъ плоутаниемъ плоутати. из него (л. 10 об. C) же 465 не умѣа. Людие же тоуто 466 живоущии 467 на 468 Егупть 469 . иные иными ω бычаи Кеноси. плачють мрътвых. а ни 470 жг 87 ни 471 хоронать их. но хитро 472 476 же свои пишоуть о пако 477 глиноу роуками дѣлають. а тѣсто ногами то

 $^{^{427}}$ С, Б, Ч спротивные; 428 Ч Добавлены слова и река; 429 С, Е, Б, Ч Антиподесь; 430 Ч прибываеть; 431 Ч Местоимение отсутствует; 432 Ч И то недалече есть от правды; 433 Е дль же Б эдьсе; 434 С, Е, Б выходать; 435 Б После существительного добавлено многа; 436 С, Ч Кенис; 437 Ч езерь; 438 Ч мольбище; 439 Б острав; 440 Ч езере; 441 Ч кудь; 442 Ч пометь; 443 Ч Туде; затем добавлен союз и; 444 Ч есть; 445 Б Егупетеи Ч Египецкои; 446 С Слова и инаа чюднаа дъла написаны и зачеркнуты киноварью; 447 Ч пирамедь, 448 Б величаише Ч велики; 449 Ч Глагол отсутствует; 450 Ч Союз отсутствует; 451 С, Е, Б, Ч Вместо слов преже бело слова в оно было; 452 Ч к; 453 Ч ити; 454 Ч Чавенцы ево; 455 Ч имъла; 456 Ч $_{42}$; 457 Ч домов; 458 Е, Б, Ч дворов; 459 Ч дъланы и покрыты; 460 Ч Частица отсутствует; 461 Б юдинъ; 462 Ч бесчислена; 463 Ч различи; 464 Ч Существительное отсутствует; 465 Ч Частица отсутствует; 466 Ч ту; 467 С, Б живущеи; 468 С Перед предлогом союз и; 469 Е, Б Егупьти; 470 Ч иныя; 471 Ч но; 472 Ч Слова их но хитро отсутствуют; 473 Б эелиами; 474 Б опсыпаютъ; 475 Ч молщах; 476 Е, Б грамоти Ч грамоты; 477 Ч Слова о пако отсутствуют

- (л. 27 об.) пчють жонкы. 478 И торгы 479 иные 480 дѣлають моужикы же 481 домашнана. Жонкы 482 подъемь на плещоу 483 . пюдемлють 484 (л. 10 Ч) моужи же на головах. Еств 485 на навѣ 486 надать и да дворомъ срамотнаа мѣста домашнымь небрежно навлають. Чтать мнюгых скотовъ 487 образы и самѣх скотъ, но не всѣ единѣхъ 488 иные иных и толь бережно, нако егда небрежениемъ. $\varpi \tau^{489}$ кого оумрет скотъ пена есть головнана егда же смртию оумирають скоты плачють. 490 и чстно их (л. 11 C) похораниваю τ^{491} всѣ же родове Егупетьскыа 492 чтат пчелоу акы бжтвеноу. Егда оу них родитса воль че (л. 275 об. E) рнъ з бѣлыми пестринами надыкъ же оу него
- (л. 28) и хвостъ роднымъ 493 подобиемъ иже оу них ръдко 494 ражаютса. 495 и глють тако. не ϖ скотьска 496 естьства зачать но ϖ бжтве (л. 376 об. E^{497}) наго 498 огна и 499 днь в которыи ражаетса 500 празникъ великъ 501 есть народоу. Сами ж Египтане преветхы соуть ϖ т людеи. Пишоуть въ своих лътописцех. триста и тритца 502 цареи оу соба до Амасиа цра. и пишат тринатцат тысащь 503 лът ϖ бколе демла их населена и пишать при Егуптенех. 504 четырьж ϖ звъддамъ поуть свои ϖ бращати и 506 слицв дваж ϖ бколе въсходить. Заходити. 508 при Амасии цри. 509 двадеса ϖ градовъ имъахоу. ннъ же много имъють, (л. 11 об. ϖ нихъ же славныи ϖ
- (л. 28 об.) гради соуть $\[\tilde{\omega} \]$ мора (л. 10 об. $\[\mathcal{Y} \]$) далече Самис Немфис. Сіене⁵¹² Боубастис.⁵¹³ Елефантис.⁵¹⁴ и Тебъ. его $\[\mathcal{H} \]$ Омирос⁵¹⁵. пишеть њако сто⁵¹⁶ вороть имъеть иные же глють.⁵¹⁷ сто⁵¹⁸ дворовь имъеть, толикымъ княѕемъ тог $\[\mathcal{H} \]$ бывшимъ. и ег $\[\mathcal{H} \]$ дъло пріидеть. тог $\[\mathcal{H} \]$ и $\[\mathcal{H} \]$ двора по десати тысащь⁵²² въфроуженаіх⁵²³

мужеи. На береже 524 стоить Алеадандреа 525 пор 526 на оусть 526 Нильскомъ. И (л. 276 E) мена оусть 526 Нильскимъ. Канописъ. 528 Волбити 520 Сеневитик. 529 Патаметик. 530 Менде 531 Каптатис 530 Пел 533 лъжитъ. Къ Чермномоу 534 морю

- (л. 29) но тамо боль веселее. 535 и богатье ладаном. и инымы 536 многими блго (л. 12 C) оуханми. Zеліами 537 сіа Аравіа вса равна 538 , токмо гдь възноситса Касиискою 539 горою. не родима. Имьеть илмень. 540 Азоть гдь же възносить c высоко. толь высока есть. Нако c връхніе 541 высоты въсхо c слнечнои. за четыре 542 часы видьти c0 вголе. Сіріа. широко берегы имьеть. и вноутрь земла ширь. нежели c0 берегов и мнc0 мнc0 и меня именя именя и Кокле c0 убо еа именяють. и Месопотамію c0 и Дарамшене c0. и Адіабене. и Вавулюніа. Иоудеа c0 и Колофоне. c0 толь Палестина есть. c0 тколе c0 на лежить
- (л. 29 об.) къ Аравомъ. съ Финикіею и где 547 къ 548 Киликии подаласа. тамо ес Антифхіа град воно 549 великии. егда же Семирамиса 550 црца. сію Асирию дръжала. велми. Бѣ силна (л. 11 Ч) въисти (л. 12 об. С) ноу 551 оубо и ннѣ. $\varpi \tau$ дѣлъ еа прибываеть. 552 два великана 553 дѣла. Град $\varpi \tau$ неа (л. 276 об. E) созданъ. чюдно превеликыи Вавулонъ да двѣ рѣкы Ефрата и Тигра 554 . по соухымъ мѣстомъ привела, еще 555 естъ въ Палестинѣ. Гадда 556 велика дѣ (л. 377 E) лана. тако оубо Пръси казн 8 имен 8 ють слава есть егда Камъвискъ 557 Пръскыи цръ шолъ на пленение Египетьскои земли 8 скровище 558 и богатьство свое 559 положилъ. е 6 не менши Аскало
- (л. 30) нъ і И ω пе. до потопа създано ω ттол 560 есть Финикіа славнам. Финикеистии 561 оубо люди 562 соуть ω т члческаго род 8 промышлени, и на брань и въ миръ, и въ грамотах и на инам д 8 ла. И на

⁵²⁴ С, Е береZѣ ж/березе ж Ч А брезѣ же; ⁵²⁵ С, Е, Б, Ч Але́дандриа; ⁵²⁶ С Африкиа Е Африкі Б Афракіа Ч Африкия; ⁵²⁷ Е, Б оустии; ⁵²⁸ С, Е, Б, Ч Канопикъ; ⁵²⁹ С, Е, Б, Ч Севенитик; ⁵³⁰ Ч Потамек; ⁵³¹ С, Е, Б, Ч Мендис; ⁵³² Ч Пераузия; ⁵³³ Ч А оттоле Аравия; ⁵³⁴ Ч Черному; ⁵³⁵ Ч Перед наречием союз и; ⁵³⁶ Б После местоимения добавлено и зачеркнуто многы; ⁵³⁷ Ч Перед существительным союз и; ⁵³⁸ С, Б, Ч ровна; ⁵³⁹ Ч Касиіскю; ⁵⁴⁰ Ч имяны; ⁵⁴¹ С връхнѣе; ⁵⁴² Ч $\bar{\alpha}$; ⁵⁴³ Б Колке; ⁵⁴⁴ Ч Месопотаниос; ⁵⁴⁵ Ч Дарошмене; ⁵⁴⁶ Е и Іоудеа Ч Июдея; ⁵⁴⁷ Ч гдъ; ⁵⁴⁸ Ч х; ⁵⁴⁹ Ч Вынесено на поля во, далее лист обрезан; ⁵⁵⁰ Ч Самирамиса; ⁵⁵¹ Е, Ч воистинну; ⁵⁵² С, Е, Ч прибывають/пребывают; ⁵⁵³ Е великіе; ⁵⁵⁴ Е Тирга $\bar{\alpha}$; ⁵⁵⁵ Ч Перед наречием союз и; ⁵⁵⁶ Б Гра $\bar{\alpha}$ за Ч Са $\bar{\alpha}$ за; ⁵⁵⁷ Е Камъвисис; ⁵⁵⁸ Ч сокровище; ⁵⁵⁹ Ч свое богатство; ⁵⁶⁰ Ч Перед наречием союз а; ⁵⁶¹ С Финикьстіи; ⁵⁶² Ч После существительного добавлено наречие убо

мори в кораблих 563 полчитись 564 . и битись и црьствовати и въ бран $\pm x$ (конец списка C) кр \pm пко ω полъчатись 565 . ω τ тол \pm же есть ω ω старины 566 был \pm остро ω нн \pm сшедшим \pm сь земльм \pm не ω стро ω есть. Глють, ег ω Александр \pm 567 Макидоньскыи. 568 хоть в \pm зьти гра ω сеи. насыпал \pm море и ω семлю 569 с \pm творил \pm далнаа тое ω семли обилние ω соуть, Сидон \pm есть гра ω величаишии. ω ω старины до Перьскаго в ω в ω того града

(л. 30 об.) Сидона есть гора Емьпосопонъ⁵⁷³, на неи же соуть два града. Боубос и Бактрос. Дале соуть (л. 11 об. 4) три гради. (л. 277 E) по единомоу стадіоу межи⁵⁷⁴ себе. Триполис. именочетса. Има ж томоу Троеградное мѣсто. Оттолѣ близко есть Дмирна град. и Мараеос град славныи юттолѣ пвчина велика⁵⁷⁵ и сѣдать по неи народи богати. Отолѣ оугодне горо оугодне сть понеже земла горо останочна велика и торгъ корабленои. Об. иных демель тоуто есть останочна веть град Селевкіа веть патос веть понеже земли а прозвище еа Антиохіа тоуто сть град Селевкіа веть патос веть понеже земли а прозвище еа Антиохіа тоуто веть град Селевкіа веть патос веть падос. Вироутос веть падось веть падос

(л. 31) гора Аманос. Фтолъ сочть Еостат и Мариандос. 590 и Киликіа 591 . Фтоле вноутренніи 592 фход мъсто велико есть 593 на нем же побъжденъ бысть Даріи цсрь 594 прьскый, $\omega \tau$ Аледандра Гречина на томъ мъсте бъ тогды Искос град славный ф того именоуетсм. Исика поучина Фтолъ же далече ес хлъмъ Аминодес. 595 межоу двоу ръкъ 596 Пирама, 597 и Кикіа 598 Пирамъ течетъ ф Молоса 599 . Кікиа 600 ж ф Тарса. Близ же тоуто 601 есть град их старины. Населен ф Роди и $\omega \tau$ Аргивы 602 . Потом же ф 603 Помпеа 604 (л. 277 об. E) Магня. 605 того рад 606 ннъ Помпеи. о полис. 607 словеть. Тогды 608 оубо слыла Солое 609 . Близко 610 того есть град Коритос. 611 Над тъмъ зракъ есть. По

⁵⁶³ С, Е кораблех Б караблихъ Ч кораблях; 564 Е полчится; 565 Б сполъчитиса; 566 Ч изстари; 567 Е, Б, Ч Аледандръ; 568 Б Макыдньскый Ч Македоскиі; 569 Ч затем следует местоимение ту; 570 Ч обилни; 571 Ч величаищиі; 572 Ч Перед предлогом союз и; 573 Б есмь Посопонъ (Есмьпопопонъ?); 574 Ч меж; 575 Ч великая; 576 Ч богатиі; 577 Ч угодна; 578 Ч бо; 579 Ч Перед существительным союз и; 580 Ч корабелнои, 581 Ч остаточнань; 582 Е Суреискыа Б Суреискыа Ч Сирские; 583 Ч ту; 584 Е, Б Селеоукіа; 585 Е упатосъ Б Оупатос; 586 Е Виротос; 587 Б, Ч Лаодикия; 588 Ч Аросъ; 589 Е, Б И Ипатос; 590 Ч Марданос; 591 Е Ликіа; 592 Ч внутрениі; 593 Ч Есть велико; 594 Е цъ 5; 595 Ч Амидонес; 596 Ч двема рекама; 597 Ч Пирома; 598 Б Кыкиа; 599 Е Сомфлоса; 600 Е Никіа; 601 Ч ему; 602 Б Агрывы; 603 Ч Предлог отсутствует; 604 Б Памъпеа; 605 Ч Магна; 606 Б то город; 607 Ч Помпеи от полис; 608 Ч тогда; 609 Ч Слова оубо слыла Солое отсутствуют; 610 Ч близ; 611 Ч Которос

- (л. 31 об.) город \mathfrak{t}^{612} Корыт \mathfrak{t} скы \mathfrak{u}^{613} зрак \mathfrak{t}^{614} именоvетса. Тоу есть р \mathfrak{t} ка велиа. иже из земли велиа \mathfrak{t}^{615} выходить. и токмо імвившиса абіе пакы (л. 12 \mathfrak{t}') въ землю внираеть. \mathfrak{O} ттол \mathfrak{t}^{616} соуть два (л. 377 об. \mathcal{B}^{617}) хлъма Сарпедон \mathfrak{t} в оно \mathfrak{t}^{618} роубежа Сарпедона цра иже Киликію разд \mathfrak{t} лаеть \mathfrak{t}^{619} \mathfrak{t} Панфиліа. Анем \mathfrak{t} риюн \mathfrak{t} . Межоу \mathfrak{t}^{620} ими соуть. населеніа \mathfrak{t}^{621} Сами \mathfrak{t} рих. \mathfrak{t}^{622} Китандра. и Натида \mathfrak{t}^{623} гради. \mathfrak{t}^{624} но Китанда близ Сарпедона хлъмоу. В \mathfrak{t} Панфиліи есть р \mathfrak{t} ка Мелас корабли пловома. и град Сикла \mathfrak{t}^{625} и инаім р \mathfrak{t} ка. Е \mathfrak{t} римедо \mathfrak{t}^{626} . \mathfrak{t} тое же р \mathfrak{t} кы Еоурмидона \mathfrak{t}^{627} ново б \mathfrak{t} брань велиа. и поб \mathfrak{t} да Кумон \mathfrak{t} Афинеиском \mathfrak{t}^{628} воевод \mathfrak{t} на Пр \mathfrak{t} сы \mathfrak{t}^{629} и на \mathfrak{t} 0 инекы. \mathfrak{t}^{630} Близ же того на высо
- (л. 32) комъ мъсте Аспенкоvлос град е \bar{c} его же Греци създаша потомъ 631 соvть двъ ръкы Дествосъ 632 и Карафос. 633 Дестрос 634 пловом $\bar{\omega}\tau$ кораблеи а Карафос 635 . понеже валитса по порогомъ. тако доветса межоу ими есть град Пръга. За тъмъ е \bar{c} гора Сардимисос 636 и град Фаселис $\bar{\omega}\tau$ Амопса 637 създанъ. Роубежа Памфилиискыа 638 Ликіа именоvетса (л. 278 E) $\bar{\omega}\tau$ Лика цра. Панди $\bar{\omega}$ нова сна продвище дано 639 и њако глють. къ Хымере в оно $\bar{\omega}$ гнемъ горима. Сидаискым илменемъ и Таоуровымъ 640 хлъмом. великоую п8чиноу сътвораеть Таоурос 641 же гора. въZноситса $\bar{\omega}\tau$ Е $\bar{\omega}$ нскаго берега. то есть $\bar{\omega}\tau$ самого въсто
- (л. 32 об.) ка и фтоль раддълаетса надвое 642 единьмъ 643 рогомъ направо къ полоунощи а дроутымъ налево къ полоуднемъ 644 и потомъ прамо къ западоу вездъ высокъ (л. 12 об. 4) и многымъ надыкомъ по немоу населающимъ. егда землю переидет приідет 645 къ морю та оубо гора фколе 645 въстока въ мъстъ възноситса Таоуроусь 646 имен 847 и Кавкас. 647 и Папанис 648 то есть врата Каспиискыа. 649 и егда къ

 $^{^{612}}$ Ч гореде; 613 Б, Ч Коритъискиі; 614 Е Слова По городъ Корытъскым зракъ отсутствуют Ч град; 615 Ч Слово отсутствует; 616 Ч Перед наречием союз и; 617 Б На верхнем поле [н] ачало подлинника; 618 Ч Сарпедо в ону; 619 Е, Ч раздъляютъ; 620 Ч меж; 621 Ч населена; 622 Ч Симиорих; 623 Ч Китанъ ради и Натида; 624 Ч града; 625 Ч Сисиа; 626 Е Еоуримедона Ч Еумиридонъ; 627 Ч Еурмидона; 628 Б Афинииском8; 629 Ч Перса; 630 Е, Б Финикы Ч Финики; 631 Е пото; 632 Е, Б, Ч Дестрос; 633 Б Кафос Ч Кафарос; 634 Ч Слово отсутствует; 635 Б Слова Дестрос спловом 67 кораблеи а Каравос вынесены на верхнее поле со знаком вставки, написаны другими чернилами; 636 Ч Сардимос; 637 В РГАДА Амопка, но палочка у «к» приписана карандашом (видимо, тем; 639 Ч дана; 640 Ч Тоуровымъ; 641 Б Таоус; 642 Ч Надвше; 643 Е, Б единымъ; 644 Ч полудни; 645 Ч Перед глаголом союз и; 646 Е, Б Таоурос; 647 Ч Каокас; 648 Ч Папаниос; 649 Ч Каспиімския

Арменіи 650 приідеть Нимфатес. именоvется. и гдѣ к Нашемоу 651 мюрю пріиде. 652 тоуто юпать Таврос. именоvетса. За предреченнымъ 653 же его хлъмомъ ръка есть Лимира на неи же град тѣм

- (л. 33) же именемъ и многие городкы не именісты оприч Патаранъ. съ 654 оубо 655 град Патарань славенъ позорищомъ 656 Аполоновымъ за 657 тъмь естъ Канеос 658 ръка (л. 278 об. E) и град Занфос 659 же и гора Гратифс. 660 и 661 гдъ конець Ликіи 662 тоу естъ град Телмесфс 663 . Θ ттолъ демла Кариа починаетса населена иные глють Θ Пеладгъ. иные Θ Крита р Θ д же тои бъ воно бранливъ 664 и брани любаще. њако не токмо оу себъ но и во иных демлах наимоуютса 665 бранити т Θ сжтъ градовъ не много. Потомъ два 666 хлъма. Педалі Θ нъ. и Атр Φ а и ръка Гальбіа понеже град ГавнуC067 не славенъ маломожьства. 668 рад тоуто (л. 378 E0) живоущих. E07толе къ
- (л. 33 об.) Аликарнасоч 669 лежат. населеніа Родійскы. 670 два тоуто, илмена соуть. единъ Елос. а дроутый 671 Тисамис. Π о 672 Тисамисъ градъ. 673 на немь століць. межоу ими град Лароумна. и клъмъ Пандиюнъ на море вывислъ. Θ ттолъ три поучины по радоу сътвораютьс. Тимніас. Скенос. Боубесиоус оу Тимніа. хлъмъ (л. 13 Ч) Афродисивмъ есть в Скена. Абитиламъ. Оу Бьоубесіа. 674 Курриототонъ 675 Книдос. 676 На самомъ рогоу юстрова. межв 677 же ее и 678 Тетратика поучины на Θ тходъ поставлена есть. Евтіаніа. 679 и 680 Аликарнасос. 681 Греческаа населеніа. (л. 279 E) Създатель же Мавклъ 682 цръ. его оубо създаніе едино. Θ сед
- (л. 34) мих 683 чюдес атремисіиское дѣло за Аликарнасонъ. 684 на березѣ соvть град. 685 Леуока 686 Миридос Аръванда Неюполис. поvчина Иасос 687 и Василикос на Иасовѣ поvчинѣ е 689 Дерцилос. 688 По Василике. 689 ж Июніа 690 Земла 691 нѣкыими 692 Згыбаніи починаетса, и пръво & Посидѣа хлъма згибаетса 693 . И тоv есть по-

 $^{^{650}}$ Ч Армени; 651 Ч Нпему; 652 Б, Ч приідет; 653 Ч Прежереченным; 654 Ч опри Паторанъ (возможно, книжник имел в виду «Опр и Паторан»); 655 Б сеи оубо Ч сѣ убо; 656 Ч позорищем; 657 Ч Перед предлогом союз и; 658 Б Ксанфос; 659 Б Ксанфос Ч Канфос; 660 Б гора Тисос Ч Грамиос; 661 Ч Союз отсутствует; 662 Ч Ливиі; 663 Ч Телмиос; 664 Ч Бранлив бѣ, воно отсутствует; 665 Б наимоутса; 666 Ч в; 667 Ч Слово отсутствует; 668 Ч маломужства; 669 Б Аликарна суть Ч Аликарнуссу; 670 Б Родиискый Ч Ради исикиі; 671 Ч дргиі; 672 Ч То; 673 Ч Затем добавлено слово град; 674 Е Боубсіа Б Бобисиа Ч Бобисия; 675 Ч Киръритоонъ; 676 Е, Б, Ч Киндос; 677 Ч меж; 678 Ч Союз отсутствует; 679 Ч Еутания; 680 Ч Союз отсутствует; 681 Ч Иликарнасо; 682 Е, Б, Ч Маусол; 683 Ч Седми; 684 Ч Бардылос; 689 Ч Василиске; 690 Е Ифаніа; 691 Б земли; 692 Ч нѣким; 693 Б сгибаетсь

ворище 694 Аполоново 695 , воно Браматіа надваща ніть же Дидіми. 696 И град ес Милептос. 697 воно все 698 Июнискои демли и брани и мироу началникъ. Ис того града бъ Талетис астрологъ. и Тимофеи 699 моусикъ и Ана 699 моусикъ и Ана 699 моусикъ и Савенъ град тъ. 700 ьако всю Іюнію

(л. 34 об.) именоviotь⁷⁰¹. На оvсть Меандра ръкы град Ипис. гора Ендимиюнъ по томъ пакы згибааса ⁷⁰² есть град Піенепъ, ⁷⁰³ на оvсть ръкы Егесіа ⁷⁰⁴ и где боль юбходить, тжто боль юбъимаетса ⁷⁰⁵, тж есть земла Паниюньска ⁷⁰⁶. Тамъ есть Ефесос и славное ⁷⁰⁷ мольбище Діане ⁷⁰⁸. его же Амазо (л. 279 об. E) не ⁷⁰⁹ поставища, ркоут ⁷¹⁰ егда Асію побъдища. Тамо есть ръка (л. 13 об. U) Каистрос. ⁷¹¹ тамъ есть ⁷¹² Либедос славное позорище Аполоново, его же Мандос. ⁷¹³ Тыресиева ⁷¹⁴ дочи бъгања $\tilde{\omega}$ побъдивших еа Фивеанъ ⁷¹⁵, Ефигона, и Колофана ⁷¹⁶ сынъ тои Мандосі. ⁷¹⁷ поставилъ именемъ Мо ψ ос ⁷¹⁸ къ ⁷¹⁹ хлъмоу иже есть замокъ поучины тое. В ⁷²⁰ тоу пжчинж

(л. 35) вътекла ръка Термодонъ⁷²¹ гра \mathcal{A}^{722} св τ Левка и⁷²³ Фока. и где къ Елеспонтв⁷²⁴ пришло Троианомъ⁷²⁵ владъющимъ Троиас⁷²⁶ бъ пръвои⁷²⁷ $\overline{\phi}$ градов. Мирина. по Миринѣ създатель⁷²⁸ $\overline{\phi}$ толъ⁷²⁹ град Зимонъ. егоже Пелоф побъдивъ Еномаа. ⁷³⁰ възвращающаго⁷³¹ $\overline{\omega}\tau$ грековъ⁷³² и потребивъ⁷³³ кнаѕа Амазоньска. $\overline{\zeta}$ има именемъ град $\overline{\zeta}$ димонъ постави. ⁷³⁴ $\overline{\omega}\tau$ толъ Каикъ⁷³⁵ ръка течетъ межь Елеам и Питаменъ⁷³⁶ $\overline{\phi}$ толъ (л. 378 об.) на хлъмѣ град Кина. $\overline{\omega}$ толе⁷³⁷ поччина починаетса не по радоу $\overline{\zeta}$ гибааса $\overline{\zeta}$ ⁷³⁸ но и⁷³⁹ далече помалоу $\overline{\zeta}$ гибааса дошед до Ида горы именемъ Изм $\overline{\omega}$ не великыми грады населена, $\overline{\omega}$ них же болшен $\overline{\zeta}$ ⁷⁴⁰ град есть Кистена $\overline{\zeta}$ ⁷⁴¹ $\overline{\zeta}$ ⁷⁴² въноу (л. 280 $\overline{\zeta}$) тренеи

(л. 35 об.) пазоушинъ поле Февииско, 743 и гра 744 Адоуметионъ Аоустра 745 Креса а на другои сторонъ гра 745 Креса его же глють

⁶⁹⁴ Б позорищо; ⁶⁹⁵ Е В тексте поставлен крестик, на полях почерком XVII в. древле; ⁶⁹⁶ Ч Дидима; ⁶⁹⁷ Б Мелептос Ч Милетос; ⁶⁹⁸ Е всеи; ⁶⁹⁹ Ч Тимофе; ⁷⁰⁰ Ч Тои; ⁷⁰¹ Ч именует; ⁷⁰² Ч ягибается; ⁷⁰³ Ч Пиененъ; ⁷⁰⁴ Е, Б, Ч Егесия реки; ⁷⁰⁵ Е, Б, Ч обимает; ⁷⁰⁶ Ч Панионьскана; ⁷⁰⁷ Ч Славно; ⁷⁰⁸ Ч Едияне; ⁷⁰⁹ Ч Амовоне; ⁷¹⁰ Ч реку τ ; ⁷¹¹ Ч Наистро σ ; ⁷¹² Ч Глагол отсутствует; ⁷¹³ Е Мандосіи Ч Мандосии; ⁷¹⁴ Ч Тырисиева; ⁷¹⁵ Б өинеанъ; ⁷¹⁶ Ч Колофона; ⁷¹⁷ Б, Ч Мандосиі; ⁷¹⁸ Б Мофоос; ⁷¹⁹ Ч и; ⁷²⁰ Ч Перед предлогом союз и; ⁷²¹ Ч Термадонъ; ⁷²² Е, Ч Гради Ч перед существительным союз и; ⁷²³ Ч Союз отсутствует; ⁷²⁴ Ч Елепонту; ⁷²⁵ Ч трояномъ; ⁷²⁶ Ч Тромас; ⁷²⁷ Ч первыи; ⁷²⁸ Е, Ч создатели; ⁷²⁹ Ч Перед наречием союз и; ⁷³⁰ Ч Еномоанъ; ⁷³¹ Ч возвращающися; ⁷³² Ч грекъ; ⁷³³ Б побъдивъ; ⁷³⁴ Ч поставил; ⁷³⁵ Е Каакъ Б Каакъ Ч Каликъ; ⁷³⁶ Ч Питамев; ⁷³⁷ Ч Перед наречием союз и; ⁷³⁸ Ч Не по розгиблыся, радоу отсутствует; ⁷³⁹ Ч Союз отсутствует; ⁷⁴⁰ Ч болши; ⁷⁴¹ Ч Кистена; ⁷⁴² Ч После союза предлог во; ⁷⁴³ Ч Фивеиско; ⁷⁴⁴ Е, Б гради; ⁷⁴⁵ Ч Астра

- (л. 36) град Сигеи, тоvто⁷⁵⁵ бѣ пристаніще Грекомъ. Трои⁷⁵⁶ оубо⁷⁵⁷ воюющимъ тоуто⁷⁵⁸ соуть две⁷⁵⁹ рѣкы. Скамандръ⁷⁶⁰ и Симонс⁷⁶¹. иже текоvть $\mathfrak B$ горы Иды преславны не величествомъ. но боевъ ради великых иже тоvто⁷⁶² быша. межоу Грековъ и Траианъ да поучиною соvть берегы Ритіискы⁷⁶³ по Ритъ. Идарданіа славнана градми. и Еасовѣмъ гробомъ.⁷⁶⁴ $\mathfrak B$ то (л. 280 об. E) лѣ море оуже са чинить затем соуть Вифиніи. и Мариандавы,⁷⁶⁵ $\mathfrak B$ толе⁷⁶⁶ гради грецскые.⁷⁶⁷ Абидос и Лам Ψ аконъ,⁷⁶⁸ и Пирі $\mathfrak B$ нь. и Приапос. Абидос славныи град. величества рад торговъ. Лам Ψ аконъ⁷⁶⁹ же названъ авленіа ради $\mathfrak B$ ненаго просащимъ оубо Грекомъ. кото
- (л. 36 об.) роую демлю населити бвъть бъ имъ. Где бргнь навитса, тоуто населити. 770 бртолъ море пакы ширъ чинитса. 771 и в самои граници Пропонтис. широк са чинить. Тоуто бъ пръвања брань Александроу 772 Гречиноу съ Пръсаны 773 да тъм Кизикъ за тъмь Плагака. и Садака. Невеликыа. населеніа Грекомъ. 774 съ хрепта 775 над ними велика гора брлимпос. из негоже 776 течеть ръка Ріндакус 777 њяю тоуто 778 живоущей 789 повъдають по ней 780 великіе 781 и чюдные 782 зміе 783 ражаютса 784 егда къ полоудни жароу бъгають вънырають 785 (л. 14 об. 4) в тоу ръкоу птицамъ же лътающимъ. черес ръкоу тъ sміе 786 их глотають.
- (л. 37) из ръкы, да Риндакомъ есть град Даскулос. и Мизръла. его же Колофане 787 поставища, (л. 281 E) \mathfrak{G} толе соуть две 788 п 89 п 89

(л. 37 об.) тель же градоу том8 бъ 802 Архіас кназ Мегареньскый 803 і мольбище тоу 804 есть. \mathbf{z} евьсовь $\mathbf{\ddot{o}}$ Иасона 805 поставлено, $\mathbf{\ddot{o}}$ тольвелик $\mathbf{\ddot{o}}$ море и широко сътвораетьс токмо где $\mathbf{\ddot{o}}$ объих 806 странъ, горами 807 из 89 вилоса, далече прамо простерто мало поучиновато 808 но понеже против $\mathbf{\ddot{o}}$ на лъвои сторонъ боль гибаетса неже пръваа 809 сторона. двъма великыми съгбанми 810 лячными 811 образомъ сотвараетса 812 море то все не встроино. боурами частыми. 813 и понеже неглоубоко есть, (л. 281 об. $\mathbf{\dot{E}}$) влънами не встроино. Воно бъ има емя М $\mathbf{\ddot{o}}$ ре А $\mathbf{\ddot{g}}$ енъ 814 глобы рад твто 815 (л. 15 $\mathbf{\dot{Y}}$) живящих А $\mathbf{\ddot{g}}$ енъ 816 860 тлъкветса. Белостное

(л. 38) место. или не пріємьство страннымъ. Потомъ же Еваіномъ⁸¹⁷ надваща. Тж⁸¹⁸ естъ стран*н*опріємьств⁸¹⁹ наѣздомъ 860⁸²⁰ иных людеи, кроткы⁸²¹ твто живвщеи⁸²² створились и страннопріємщи на томъ море пръвои⁸²³ град. Мина. его же назваща по Іраклиє⁸²⁴ Гречинъ. Ираклію бтоль град есть. Тифс бтоле рвбежа. и люди Пафлагоньскый⁸²⁵ посреди⁸²⁶ же их береговъ хлъмъ естъ Каравис. за тъмъ ръка. Парфеніс⁸²⁷ а⁸²⁸ град⁸²⁹ Сесамъ⁸³⁰ да Кромнос. и Куторос. град, поставленъ б Кутороса Фрифова⁸³¹ сна. Фтоле⁸³² Кинобос и Корилис. Калиби⁸³³ ближнее имъють славныа⁸³⁴ градовъ. Амисон. и Синопъ. оъкы Алис и Тръмо

(л. 38 об.) донта. 835 На Ілиси 836 град есть Ликастол 837 на Тръмодонть 838 Темиск 839 град. Бъахоу твто и Амадоньскые 840

 $^{^{790}}$ Б юбымаетъ $^{\circ}$ И объимает; 791 И После наречия частица же; 792 И Перед предлогом союз а; 793 Б подорищо; 794 Е Истракон; 795 И Мегаренъвъ; 796 И Ивксину; 797 Е Частица отсутствует; 798 И пылмы; 799 И Трацыгус; 800 Е Бюсворос; 801 Б Халкыдонъ; 802 И Слово отсутствует; 803 Е Мегарьскый Ч Магаренский; 804 И туто; 805 И Асона; 806 И обоих; 807 Б горама; 808 И починовато; 809 И правая; 810 И согбенъбенми; 811 И лучным; 812 Ч содворыется; 813 Ч частыми бурьмы; 810 И $^{\circ}$ И ту; 816 Ч Аксенъ; 817 Ч Евксиномъ; 818 Б, Ч то; 819 Ч страннопріймство; 820 Ч бо; 821 Ч кротко; 822 Ч живущи; 823 Ч первая; 824 Ч Ираклии; 825 Ч Парлаонский; 826 Ч посредей; 827 Й Парфанием; 828 Ч и; 829 Б, Ч гради; 830 Ч Сеам; 831 Ч Фриксова; 832 Ч Слово отсутствует; 833 Ч Колиба; 834 Ч славные; 835 Ч Трмодонъ то; 836 Е, Ч Алиси Ч После Алиси союз а Б Алисъ; 837 Е, Б Ликастоа Ч Ликостоя; 838 Ч Слово отсутствует; 839 Ч Темискуром; 840 Ч Амазонские

(л. 39) кы а инде Москы 860 . а инде. Амазонікы 861 . а инде Каспіи. 862 инде Корадинкы. 863 инде Кавкаси. 864 по мъстом и по людемъ. и 865 имена пріимають на самомъ же съгбании град есть. его же гости грецкые поставиша. и понеже ночи 866 прибъгоша. элою б8рею. и не въдъща блидко ли берегъ далече ли (л. 379 об. E^{867}) лебед же въдвопі 868 против8 их ст8к8 юні же познаща берегъ по лебежію 869 голос8. Того рад гор 870 поставища. и назваща и. 871 Кикънос 872 . Кикнос. оубо грецкы лебедь гле тса. 873 Прочам том земли насельють родове нечистые акы ѕвъри. Имена имъ. Менанъкла Терестреа. 874 Седоликы. 875 Коради. 876 Елетирофіги. 877 Емюкы. 878 Акакы

(л. 39 об.) Те (л. 282 об. E) рдетикы⁸⁷⁹ и блиѕь Мефтида Синдонес насельють на Емокскы роубежа. Касторв⁸⁸⁰ и Полоуду⁸⁸¹ вшеgшимь съ Иасономъ въ Понтъ. Сидон же⁸⁸² поставленъ $\mathfrak S$ твтошних демль же твто пришла межь⁸⁸³ Понта. и ферера⁸⁸⁴ Мефтида⁸⁸⁵ и чинитсь акы островъ. двѣма рѣками.⁸⁸⁶ Понтомъ. и Мефтидою. Твто соуть четыре⁸⁸⁷ гради Ермонос. Сакифа⁸⁸⁸. Спанадорка. а на самомъ оустъѣ⁸⁸⁹ на Босфоръ.⁸⁹⁰ $\mathfrak S$ Босфора. к Донв соуть.⁸⁹¹ Татври Ета-

⁸⁴¹ Ч беѕзакон*н*иі; ⁸⁴² Б злобнѣ Ч любни; ⁸⁴³ Ч редки; ⁸⁴⁴ Ч \mathbf{g} ⁸⁴⁵ Б, Ч великия; ⁸⁴⁶ Ч ко; ⁸⁴⁷ Ч Предлог отсутствует; ⁸⁴⁸ Ч есть; ⁸⁴⁹ Б Колькы Ч толики; ⁸⁵⁰ Ч живущи; ⁸⁵¹ Ч оттоле; ⁸⁵² Б великые; ⁸⁵³ Е, Б, Ч починаются; ⁸⁵⁴ Е Рифеискыми Ч Рифиіскими; ⁸⁵⁵ Б единым Ч однѣмъ; ⁸⁵⁶ Ч Меотицѣ; ⁸⁵⁷ Ч После союза предлог э; ⁸⁵⁸ Ч х; ⁸⁵⁹ Е, Ч Керавни; ⁸⁶⁰ Е Слова а инде глютса. Таврикы а инде Москы вынесены на верхнее поле со знаком вставки, написаны почерком XVI в.; ⁸⁶¹ Б Слова а инде Москы. а инде. Амазонікы отсутствуют; ⁸⁶² Ч Капсиі; ⁸⁶³ Ч Кораксики; ⁸⁶⁴ Ч Каукасиі; ⁸⁶⁵ Ч Союз отсутствуют; ⁸⁶⁶ Б нощию Ч нощи; ⁸⁶⁷ Б На верхнем поле киноварью начало подлинника; ⁸⁶⁸ Ч воѕопивъ; ⁸⁶⁹ Ч лебь жю; ⁸⁷⁰ Ч град; ⁸⁷¹ Ч его; ⁸⁷² Е Икипос Б Кыкнос; ⁸⁷³ Ч Убо глют Грецы лебед; ⁸⁷⁴ Б Терастреа Ч Терестрия; ⁸⁷⁵ Е, Б, Ч Сексолики; ⁸⁷⁶ Е, Б, Ч Коракси; ⁸⁷⁷ Е, Ч Елетирофигы и; ⁸⁷⁸ Ч Емони; ⁸⁷⁹ Ч Тертедики; ⁸⁸⁰ Ч Касторо; ⁸⁸¹ Ч Полуксу; ⁸⁸² Ч Частица отсутствует; ⁸⁸³ Е, Б межи; ⁸⁸⁴ Ч оѕерю; ⁸⁸⁵ Ч Меодита; ⁸⁸⁶ Ч рекама; ⁸⁸⁷ Ч \mathbf{z} , ⁸⁸⁸ Е Сакира; ⁸⁸⁹ Ч усты; ⁸⁹⁰ Е, Б, Ч Затем добавлено Химерикъ (Ч Лимерикъ) град по берегъ ж; ⁸⁹¹ Ч есть

кы. Фитори. 892 а на 8 Сть 893 Дона 894 соуть 895 Рамете 896 . 8 Тъх Раматъ, повъдають (л. 16 Ч) жонкамъ. моужскаа дъла дълати. 897 м8жикомъ женьская дъла дълати. Жонкам 898

(л. 40) коньноvю брань створають. В мвжи же пышкю брань стварають 900 и егда женатса. Котораа два 901 недроvта вбила. 18 честно поимають. И которыа жонкы соупостата вбили. Т дъвы пребывають. Донъ же 903 исшед 6 Тифеа горы 904 течеть 905 прамо к Мефтис 906 фзероv а Метис 907 к Босфорв 908 къ Понтв. По берегомъ же ръкы тоа Дона. Савромати 909 соуть надыкъ (конец списка E) единь 910 . Но нъкоимъ имена иные, 6 Мефтиса 911 фзера, Мефтиди именоvютса дале Гъметре 912 дале Катвмене 913 цръство их инде вгодно с травою ско $[\tau]$ оч 914 инде пола нетравни соу $[\tau]$ ь же Игелони 915 , иже населають

(л. 40 об.) гради древаны. Соуть 916 же и Тисагити и Т8рии же по лѣсомъ живать и ловлею корматса фтолѣ есть демла далече широка. и ненаселена, и где есть хота мало населена, но бедымен μ 0 917 и до Аримфефх, 918 8 тѣх Аримфефвъ 919 с8ть 920 пошліны праведны. домы их лѣсы скоть их коровы. а жонкы и м8жикы главъ не покрывають и толь сто имѣють их иные назыки 921 звѣрофбразн 922 нако не токмо не налѣгають на них. но и 923 егда кто к нимъ прибъжить спсаетса 924 да тѣми 925 пфдимаютса горы. Нигрипи. А за тѣми горами берегы. Мора. Фкиана: ~

 $^{^{892}}$ Б Фотори Ч Өотири; 893 Ч устье; 894 Ч Дону; 895 Ч есть; 896 Б Рамате; 897 Ч Слова дѣлати а отсутствуют; 898 Б Жонкы; 899 Е Добавлено брань, но зачеркнуто киноварью; 900 Е Фрагмент м8жи же пѣш8ю брань сътворают вынесен на нижнее поле со знаком вставки, написан почерком XVI в. (тем же, что на л. 282) Ч Сотворяют мужи ж пешую брань, сотворяют жены ж конную брань; 901 Ч дева; 902 Ч тое; 903 Б Донде же; 904 Ч гора; 905 Ч Перед словом союз и, затем еще раз и течет; 906 Е Өметису; 907 Е, Б, Ч Меотис; 908 Ч Бавору; 909 Е, Б Савромате; 910 Б одинь; 911 Ч Метиоса; 912 Б, Ч Гометра; 913 Ч Котумене; 914 Ч Союз отсутствует; 915 Б и голодни; 916 Ч есть; 921 Ч языщы; 922 Ч звѣрообразные; 923 Ч Союз отсутствует; 924 Ч спасется; 925 Ч тем

Словарь*

(представлены только значения, используемые в данном тексте)

Внирати (л. 26, 31 об.) - нырять, погружаться

Зракъ (л. 31, 31 об.) - вид, облик, образ

Зычить (л. 24) - кричать

Илмень, илмен (л. 20) - залив

Кладязь (л. 22 об.) - колодец

Лъбъ (л. 13, 14, 15 об., 16 об.) – мыс, крутой берег

Мольбищо (л. 26 об., 34, 37 об.) - языческий храм

Обиход (л. 18 об.) – описание многих точек местности, пространства

Пазоушина (л. 35 об., 37) - бухта

Пеня (л. 27 об.) - наказание

Перечень (л. 13, 16, 17) - сводка основных данных

Писмо (л. 11) - описание

Подлинник (л. 18 об., 24 об.) - подробное, точное описание

Позорище (л. 22 об., 33, 34, 34 об., 37) – зрелище, образ, вид, возм., статуя; место проведения зрелищ

Пролог (л. 10 об.) - вступление, предисловие

Промышленыи (л. 30) - искусный, предприимчивый

Пучина, поучина, поучина, пучинка (л. 20 об., 21 об., 22, 30 об., 31 об., 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об., 36, 37) – море, залив

Рогъ (л. 13 об., 32 об., 33 об., 38 об.) – изогнутый или заостренный конец, мыс

Смесный (л. 1 об.) – сложный, общий, состоящий из нескольких частей

^{*}Использованы материалы Словаря русского языка XI–XVII вв. (М., 1979. Вып. 6; М., 1981. Вып. 8; М., 1982. Вып. 9; М., 1988. Вып. 14; М., 1989. Вып. 15; М., 1990. Вып. 16; М., 1995. Вып. 20; М., 1997. Вып. 22).

А. Б. Мазуров

Рец. на кн.: Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Таус, 2013. – 408 с.

Монография д. и. н. Т. Д. Пановой посвящена актуальной проблеме формирования исторического центра Москвы (Кремля) в XII - первой трети XVI в. Необходимость и значимость подобной работы становятся особенно очевидны в связи с явной диспропорцией между интенсивными археологическими работами и давно устаревшими концепциями развития древней Москвы, сформулированными еще в 60-70-е гг. XX в. Тем более это важно для оценки появляющихся в последнее время спекуляций относительно ранней даты Москвы. Следует подчеркнуть довольно масштабный и широкий подход автора к теме, который позволил синтезировать данные археологии, летописных, актовых и картографических источников, генеалогии, и, что особенно важно, естественных наук. Фактически Т. Д. Панова представила панораму развития исторического центра Москвы за период до 1533 г., затронув все наиболее важные ее сюжеты. Широта источниковедческой базы, комплексный, междисциплинарный подход позволили поднять на новый уровень научные знания о ранней Москве.

Исследование Т. Д. Пановой является новаторским в историографии Москвы. Новизна ее подхода заключается: 1) в обобщении и анализе всех данных о культурном слое и характере материка, о геоморфологии Боровицкого холма и его округи; 2) в разработке научных реконструкций палеорельефа и динамики расселения с раннего железного века и до первой трети XVI в. (особенно отметим принципиально новые реконструкции плана крепостных сооружений); в обоснованной локализации на подоснову почти ста упоминаемых в источниках объектов XIV–XV вв.; 3) во введении в научный оборот как новых результатов археологического исследования Кремля Москвы, так и ранее не использованных материалов; в реинтерпретации данных середины XX в.

В монографии на основе новейших данных ярко продемонстрирована эволюция Москвы от малого города домонгольской Руси к столице среднего по размерам княжества XIV в., и в дальнейшем с конца XIV в. – в центр национального объединения и общерусскую столицу, что свершилось на рубеже XV—XVI вв.

Структура работы представляется хорошо продуманной. Во «Введении» обосновывается тема исследования, формулируются авторские подходы к ней, особенно выделяется антропологический подход к проблеме.

В главе 1 рассмотрены источники, историография, методика и общие задачи работы.

Глава 2 посвящена анализу естественнонаучных данных о Боровицком холме и культурному слою с материком центрального района Москвы, т. е. тому объективно предзаданному пространству, на котором развивалась ранняя Москва. В ней содержится много нового, например, детально восстановлен исходный ландшафт. Все выглядит очень живо и убедительно: изрезанный многочисленными извилистыми оврагами и лощинами кремлевский холм, петляет р. Неглинная, под холмом на берегу Москва-реки – старичные озерки. Хочется отметить хорошую обоснованность этих реконструкций, которые базируются на более чем 1100 контрольных точках (данные геологических изысканий, наблюдений и раскопок). В этой же главе автор касается предыстории центра Москвы. Особенно важно обнаружение в районе Архангельского собора городища «дьякова типа» с двумя рядами валов и рвов.

Глава 3 посвящена вопросу происхождения Москвы и реконструкции ее укреплений сер. XII — первой трети XVI в. по данным письменных и археологических источников. Проблема древнейшей даты решена весьма убедительно, слоев с датировкой XI и даже начала XII в. в Москве нет. Отсутствуют находки-индикаторы, которые датируются второй половиной XI — первой половиной XII вв.: замки и ключи с желудями; золото- и серебростеклянные бусы, крестопрорезные бубенчики. Добавим, что для XI века в Подмосковье города вообще неизвестны (известие о существовании Волоколамска при Ярославе Мудром легендарно). Зато в последние десятилетия тут выявлен и хорошо документирован пласт древностей построменской культуры с лепной (до третьей четверти XI в.) и раннегончарной керамикой.

Т. Д. Панова для «града» XII—XIII вв. убедительно продемонстрировала южнорусские связи и небольшой местный вятичский субстрат. Характер ранней Москвы определен как княжеская крепость, довольно быстро растущая. Впервые Т. Д. Панова предметно и конкретно рассмотрела данные о дерево-земляных укреплениях Москвы (обнаружены 18 участков валов XII — нач. XIV в.). Можно констатировать, что ранее существовавшие схемы-реконструкции роста древнего центра Москвы М. Г. Рабиновича, Н. С. Владимирской, А. Г. Векслера и др. после этого сразу устарели. Более того, оказалась сокру-

шена схема последовательного мысового роста. На ее месте появились оригинальные и убедительные реконструкции, базирующиеся на репрезентативном материале.

Древнейший детинец 1156 г. с клетями жилого или хозяйственного назначения размещался в районе современной Троицкой башни и Большого кремлевского дворца, его площадь определена в 1,2 га. Остается, правда, неясным, где же тогда встречались князья в 1147 г. По контексту можно предполагать, что на территории княжеской усадьбы, располагавшейся на стрелке мыса Боровицкого холма. После 1177 г. укрепления реконструируются с применением хаковых (крюковых) конструкций (ранее их относили к 1156 г.), а огороженная площадь достигает 14 га. Для этого периода имеется фрагмент глухой деревянной башни и заплоты (надолбы). Третий этап отнесен к периоду после 1238 г., а четвертый – после нашествия Дюденя в 1293 г. Не прокомментированными в монографии, однако, остались выявленные Н. С. Борисовым сведения о поновлении московского Кремля в 1291 или 1300 г., находящие подтверждение в археологическом материале.

Кремль Калиты 1339 г. ставился зимой по старым насыпям (он реконструируется по 21 участку), площадь его составила уже 19 га. Фактически Т. Д. Пановой открыт белокаменный кремль Дмитрия Ивановича 1366–1367 гг., ранее совершенно натурно неизвестный. Для воссоздания линий стен скрупулезно анализируются письменные источники (кон. XV в.), валы (белокаменные стены стояли на валах предшествующей крепости) и белокаменные кладки (18 пунктов). Наиболее важной частью замысла строителей стала новая трасса стен на Подоле, в заливаемой части москворецкой поймы. В итоге площадь «града кремника» достигла 23 га. В работе раскрыта причина быстрого износа (невыдержанность камня, быстрота строительства в сложной внешнеполитической обстановке, частые пожары) белокаменных укреплений.

Несколько неожиданной особенностью как дерево-земляных укреплений Кремля XII—XIII вв. и 1339 г., так и белокаменных 1366—1367 гг. было оформление въездов в виде захабов. Эта традиция в большей мере характерна для оборонного зодчества северо-запада, чем для северо-восточной и центральной Руси. Поэтому в будущем хотелось бы получить дополнительные подтверждения этих реконструкций. Правда, в последнее время появились данные о том, что захабы имелись и в Можайском кремле XII—XIV вв.¹

¹ Кондратьев И. И. История Можайского кремля. М., 2010.

В отдельном разделе рассмотрен как фортификационный памятник Кремль конца XV в. Особенно интересно выглядит его сравнение с белокаменным Кремлем Дмитрия Донского. При Иване III Кремль был увеличен по площади до 27,5 га. Т. Д. Панова обратила внимание на такие ранее малоизвестные детали, как несущие подстенные аркады для внутреннего дренажа вод и грандиозный Алевизов ров. Подчеркнуто, что итальянские мастера в значительной степени использовали концепцию крепости 1366–1367 гг., задуманную русскими горододельцами.

Глава 4 посвящена общей характеристике деревянной застройки и элементов городского благоустройства, а также топографическим объектам Кремля в сер. XII - первой трети XVI в. Наиболее важные трансформации коснулись (велико-)княжеского двора. Т. Д. Панова аргументировала смену его расположения в XII-XIII вв. В раннее время он находился на стрелке мыса Боровицкого холма, а потом оказался в восточной части крепости. Лишь при Даниловичах «княж двор» занимает место западнее Благовещенского собора. В конце XV в. возникает его административная составляющая - Казенный двор. Второй по значимости в Кремле стала резиденция митрополита. Среди владельцев дворов были великие княгини, удельные князья, бояре, епископы и монастыри (11 подворий), купцы, великокняжеские слуги, а до конца XV в. и рядовое ремесленное население. В диссертации умело рассмотрены сведения о дворовладельцах в Кремле кон. XIV - первой трети XVI вв. Большая часть дворовладений поддается локализации. Дробный и сложный материал впервые систематизирован и представлен в обработанном виде. Удачен и примененный автором антропологический подход. Т. Д. Панова живо и в деталяк описала, как делили, меняли, покупали и отстраивали свои дворы владельцы.

В главе 5 затрагиваются проблемы формирования системы городского землевладения в Кремле и трансформации Кремля из жилого района города в резиденцию светской и церковной власти средневековой России. Это малоизученная и дискуссионная проблема для русских средневековых городов вообще. В ряде работ утверждается, что коллективным собственником территории в домонгольский период была городская община. Думается, что подходить к разным городам надо дифференцированно. В старых, «вольных» городах так оно и было. Иначе складывалась ситуация в княжеских городах XII—XIII вв. Существование поста тысяцкого в XIV в. и единственное отмеченное вече 1382 г. (собранное, правда, по экстраординарному случаю) свидетельствуют о том, что ранняя Москва XII—XIII вв. раз-

вивалась по типичному для Древней Руси сценарию. Однако сильная княжеская власть на Северо-Востоке и глобальные изменения XIII в. деформировали его. По-видимому, для древнерусских княжеств, при наличии общины «градских людей», все же была изначально характерна, в отличие от новгородской традиции, верховная государственная собственность на городские земли. Конкретно для Москвы это определяется и самим ее характером в XII–XIII в. как порубежной княжеской крепости. В конце же XV в. эти права резко усилившейся великокняжеской власти приобрели наиболее выраженный и рельефный характер.

Несмотря на высокую оценку работы, отметим и некоторые недостатки, спорные утверждения и лакуны. Автор упоминает находящиеся в археологической коллекции музеев Кремля единичные фрагменты раннекруговой керамики. Их следовало бы тщательно проанализировать и дать рисунки. Гипотеза о княжеском дворе на стрелке мыса в 1156-1177 гг. не кажется пока (до новых исследований) обоснованной. Требует прояснения вопрос о том, была ли укреплена Москва в промежуток между 1147 и 1156 гг. Не упомянуто вовсе о попытке строительства окольного города от Кучкова поля к Москве-реке в 1394 г.² Желательно было бы оттенить факты постепенной перестройки и ремонта белокаменных стен кирпичными в середине XV в. (по поводу чего есть работа В. А. Кучкина³). Реконструируя дворовладение купцов-гостей Петровых второй половины XV в., не следует выводить их от нижегородского купца Петрова. Почти наверняка это разные люди, так как фамилии тогда не закрепились еще вполне даже за боярскими родами. Кое-что для состава кремлевских дворовладельцев дают и другие источники. Так, известны по именам благовещенские протопопы Фома и Феодор 1477 г. («Записка Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского»); видные деятели ереси жидовствующих, новгородцы по происхождению, протопоп Успенского собора Алексий и священник Благовещенского собора Дионисий. Не затронута в качестве отдельной и важной тема перемещения из Кремля в конце XV в. ряда монастырей, церквей и кладбищ, вызвавшая большой общественный резонанс.

В настоящее время уточнены датировки ряда духовных и договорных грамот великих московских князей. В ряде случаев возмож-

² ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 221 (под 6902 годом, осенью).

Кучкин В. А. О начале перестройки каменных укреплений Московского Кремля при Иване III // Кремли России / Материалы и исследования ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. 15. М., 2003. С. 94–99.

ны уточнения и в генеалогических реконструкциях. Не исчерпаны вопросы более скрупулезного анализа письменных источников. Приведем два примера. Рассказывая о дворе Ивана Сукова (с. 166), автор цитирует духовную грамоту князя И. Ю. Патрикеева: «да под теми дворы место под зарубом, что за Иваном Суковым было». Вопрос заключается в том, что такое заруб. Словари древнерусского языка дают три варианта его толкования: 1) засека, укрепление из поваленных деревьев; 2) сруб для рыбного садка или сам рыбный садок; 3) заметки, зарубки⁴, и ни одно из них неприемлемо. Очевидно, надо искать иное толкование этого топографического объекта, возможно, имеющего отношение к укреплениям, либо крепежу обрывистого берега (для предотвращения обвалов и оползней). Автор также цитирует сообщение Московского летописного свода 1479 г. о пожаре 1458 г. на дворе Владимира Ховри: «Тое же осени, месяца октября в 20 в 9 час нощи загореся на Москве внутри града близ Владимировы церкви Ховрина и много погоре, до третьего града жребия». Исключительный интерес вызывает последняя ремарка о распространении пожара. «Жребий» в данном случае надо понимать как часть, обособленный район⁵. Выясняется, что в середине XV в. в обывательском понимании в цитадели Москвы выделялось не меньше трех «градов». Как это можно понимать? Очевидно, что достаточно высокие насыпи валов предшествующих крепостей были еще видны (несмотря на нивелировку, они трудноуничтожимы, хотя интенсивный рост культурного слоя делал их все ниже и ниже), и в исторической памяти кремлевских жителей сохранялись представления о «первом», «втором» и «третьем» градах. Возможно, первым градом считалась древнейшая крепость в районе Троицких ворот, вторым - обширная крепость конца XII – начала XIII в., а третьим – расширения крепости времен Калиты в районе Арсенальной башни и Константино-Еленинских ворот. Как бы мы ни толковали процитированный фрагмент, важность его для уяснения кремлевской топографии несомненна, тем более что ранее на него не обращали внимания.

Несмотря на высказанные замечания, работа Т. Д. Пановой заслуживает высокой положительной оценки. Репрезентативность эмпирического материала, собранного и проанализированного в монографии, весьма высока. Будущие исследования позволят дополнить,

⁴ СлРЯ XI-XVII вв. М., 1978. Вып. 5 (Е - зинутие). С. 289.

⁵ Там же. С. 91 (среди значений указаны: 1) жребий; 2) доля, пай; 3) кусок, часть чего-либо).

а в чем-то – скорректировать нарисованную картину⁶. Анонсированные планы по воссозданию ансамблей кремлевских Чудова и Вознесенского монастырей должны сопровождаться новыми крупномасштабными раскопками. Несомненно, они принесут для московской археологии новые открытия.

⁶ Так, полная публикация проведенных на высоком уровне раскопок в Тайницком саду 2007 г., увенчавшихся обнаружением двух берестяных московских грамот, № 2 и 3, даст новый материал для истории кремлевского подола. См.: Коваль В. Ю., Кренке Н. А., Макаров Н. А., Панова Т. Д., Энговатова А. В. Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 464–467.

Список иллюстраций

К статье С. В. Полехова

- 1. Завещание Василия І. РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15. (Фрагмент.)
- Печать Витовта, привешенная к завещанию Василия І. РГАДА.
 Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15.
- 3. Печати завещания Василия І. РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 13.
- 4. Печать Витовта, которая была привешена к завещанию Василия І. РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 13. Фотография К. В. Сафронова.
- Печать Витовта, употреблявшаяся в 1407–1419 гг. Экземпляр 1413 г. GStAPK. Schiebl. 53. № 17. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Эдмундаса Римши.
- 6. Печать Витовта, употреблявшаяся в 1414–1418 гг. Экземпляр 1415 г. Latvijas valsts vēstures arhīvs. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 145. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Эдмундаса Римши.
- 7. Печать Витовта, употреблявшаяся в 1420—1430 гг. Экземпляр 1425 г. Archiwum Główne Akt Dawnych. Dok. perg. № 815. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Эдмундаса Римши.

К статье Т. А. Матасовой

- Начало списка древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Первая четверть XVI в. РГАДА.
 Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об.
- 2. Помета почерком середины второй половины XVI в. на л. 28 списка РГАЛА.
- 3. Начало списка древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Последние десятилетия XVII в. ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об.
- Карта мира из венецианского издания «Географии» Помпония Мелы, осуществленного Эрхардтом Ратдольтом в 1482 г.
- 5. Начало Первой книги «Географии» Помпония Мелы из венецианского издания, осуществленного Эрхардтом Ратдольтом в 1482 г.

Список сокращений

АЗР Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и

изданные Археографическою комиссиею.

AC3 Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века.

ДДГ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей

XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

ДРВМ Древняя Русь. Вопросы медиевистики.

ОР БАН Отдел рукописей Библиотеки Академии наук.

ОР РНБ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПВЛ Повесть временных лет. ПЛ Псковские летописи.

ПСРЛ Полное собрание русских летописей.

РГАДА Российский государственный архив древних актов.

СИРИО Сборник Императорского русского исторического общества.

СККДР Словарь книжников и книжности Древней Руси.

СлРЯ XI-XVII вв. Словарь русского языка XI-XVII вв.

СР Средневековая Русь.

ТОДРЛ Труды отдела древнерусской литературы Института русской

литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР (Рос-

сийской академии наук).

ЧОИДР Чтения в Императорском обществе истории и древностей рос-

сийских при Московском университете.

APG Archiwum Państwowe w Gdańsku.

AUPL Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791. Kraków, 1932.

CESXV Codex epistolaris saeculi decimi quinti.

CEV Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 /

Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Cracoviae, 1882. T. 6.

GStAPK Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabtei-

lung (Königsberger Archiv).

KH Kwartalnik Historyczny.

LECUB Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.

LVVA Latvijas valsts vēstures arhīvs.

LM Lietuvos metrika.
OBA Ordensbriefarchiv.
PH Przegląd Historyczny.
RH Roczniki Historyczne.

SD. T. 1 Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz

i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy,

Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno, 1860. T. 1.

SRP. Bd. 3 Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischer Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Leipzig, 1866.

Bd. 3.

SRP. Bd. 5 Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischer

Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Leipzig, 1874.

Bd. 5.

Содержание

Предисловие 5
Статьи
Б.Н.Флоря Норвегия и Древняя Русь в эпоху Раннего Средневековья 7
А. Юсупович «Перемышль, Червень и иные грады» и их территориальная принадлежность в конце X – начале XIв
Ю. А. Михайлова О некоторых направлениях в современной медиевистике и их значимости для изучения Древней Руси
А. А. Горский «Смерд и холоп»? Об одной загадке Русской Правды
<i>Д. Домбровский</i> Галицко-Волынская летопись о смерти короля Германии Филиппа Швабского и судьбах св. Елизаветы Венгерской
А.В.Дедук К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV—XV вв
Р. А. Беспалов Литовско-московские отношения 1392—1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I
С. В. Полехов Последние завещания Василия I и печати Витовта

А. В. Баранов Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия	201
Публикации	
Т. А. Матасова Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе	283
Рецензии	
А. Б. Мазуров Рец. на кн.: Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Таус, 2013. 408 с	349
Список иллюстраций	356 357

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Выпуск 12

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая* Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

www.indrik.ru

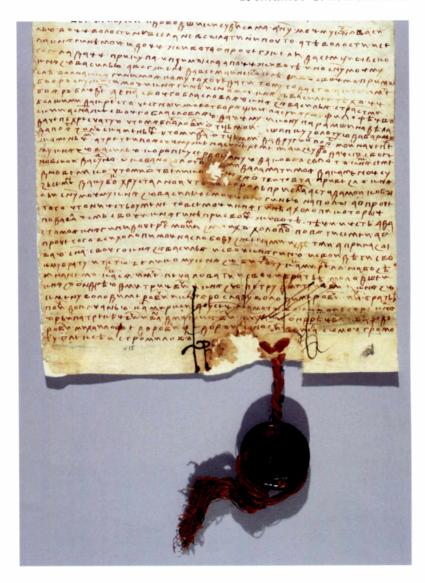
or by tel./fax: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×84 1/16. 23,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ 3255. Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1 Сайт: www.chpd.ru, sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

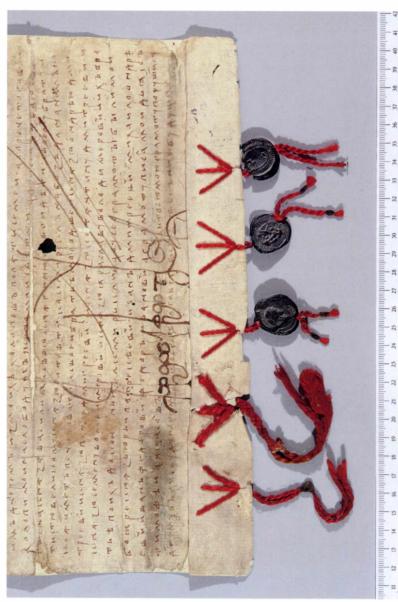
К статье С. В. Полехова

1. Завещание Василия I. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 15. (Фрагмент.)

BUNNOKS

2. Печать Витовта, привешенная к завещанию Василия І. РГАДА. Ф. 135. Отд. І. Рубр. І. № 15.

завещания Василия І. РГАДА. Ф. 135. Отд. І.

3. Печати

Py6p. I. № 13.

4. Печать Витовта, которая была привешена к завещанию Василия I. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 13. Фотография К. В. Сафронова.

5. Печать Витовта, употреблявшаяся в 1407—1419 гг. Экземпляр 1413 г. GStAPK. Schiebl. 53. № 17. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Э. Римши.

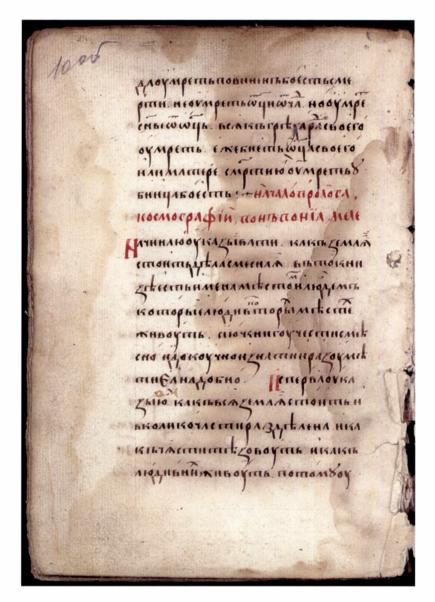

6. Печать Витовта, употреблявшаяся в 1414–1418 гг. Экземпляр 1415 г. Latvijas valsts vēstures arhīvs. F. 673. Арг. 4. К. 18. L. 145. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Э. Римши.

7. Печать Витовта, употреблявшаяся в 1420-1430 гг. Экземпляр 1425 г. Archiwum Główne Akt Dawnych. Dok. регg. № 815. Фотография 30-х гг. XX в. из собрания Э. Римши.

8. Начало списка древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Первая четверть XVI в. РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп.1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об.

^{9.} Помета почерком середины – второй половины XVI в. на л. 28 списка РГАДА.

AUTOTA HOSAWIPAUM HORRO ANDESTA Harmad Vuaguatan nano zeme foron I GAA MOHAR BITTON HINGE ETTE MUCHA MIBITIO WOODEN WOTTO BEE LOOK BUSTIONS Motion And we Pruf reminimens ugono the hearthpa onon MITTE THE SHAGELED WE GENER BLY MON HOLONY зати разслена ина гатим водо пи водивни Дино поти 15 yuaspinas Arypan nousping mia note anniora mia bupo Sunsola noof ran Duna TOGEMEAND Huemo actashuro nontunua mend; senula d mesun deruh. 14 X80 TO 2THO HIN CHITTE ENERDE EL GREHENSO UNISO WAS Sea dwar came noxogu mo Bormous invaryers in TTO Garia 1869 8 MAROUN TROTTO AGEIL Broud out works Egas impart sperior of might of thouse Daggered Regard Harra tole passera wind 104400 400 SHO OKALOTUE with Itrotophings winds ode

10. Начало списка древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Последние десятилетия XVII в. ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об.